

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 4 (51) 2019

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2019

Вестник Волгоградской академии МВД России.
Выпуск 4 (51) 2019 :
науч.-метод. журнал. —
Волгоград : ВА МВД
России, 2019. — 228 с.

**Учредитель
и издатель —
Волгоградская
академия МВД России**

Журнал основан
в 2006 г.
Выходит 4 раза в год
тиражом
500 экземпляров

Журнал включен
в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей
и пристатейные
библиографические
списки помещаются
на сайте Научной
электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий
и массовых
коммуникаций
23 мая 2019 г.
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-75804

Подписной индекс
в каталоге
«Роспечать» — **22761**

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Анисимов, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

И. С. Дикарев, директор Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, начальник кафедры уголовного права и криминологии Образовательного комплекса полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Д. М. Мирзоев, начальник кафедры предварительного следствия и криминалистики Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400089, Волгоград,
ул. Историческая, 130.

Подписано в печать:
23.12.2019.

Дата выхода в свет:
27.12.2019.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 28,5.
Усл. печ. л. 26,5.
Тираж 500. Заказ 58.

Цена по подписке
по каталогу
«Роспечать»
513 руб. 44 коп.
(2 номера).

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400131, Волгоград,
ул. Коммунистическая, 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2019

К. К. Сейтенов, директор научно-исследовательского института судебной экспертизы Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционной коллегии

С. М. Голятина, редактор редакторской группы редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

С. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

С. В. Катков, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Полов, доцент кафедры теории и истории права и государства, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Редько, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Г. М. Семененко, заместитель начальника кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

А. А. Тихонов, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Issue 4 (51) 2019 : scientific and methodical journal. — Volgograd : VA MVD Russia, 2019. — 228 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published

The journal is included into the system Russian index scientific citation. Full-text versions of articles and bibliographic lists are placed on the Scientific electronic library (www.elibrary.ru)

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate number **PI № FS77-75804** as of May 23, 2019

Subscription index at the catalogue "Rospechat": **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

A. P. Alekseeva, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Criminal Proceeding and Criminalistics Department of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Faculty of Law of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the OVD of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400089, Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
23.12.2019.

Date of publication:
27.12.2019.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 28,5.
Conventional print sheets 26,5.
500 copies. Order 58.

Subscription price
by catalogue
"Rospechat"
513 ruble 44 kopeek
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia.
400131, Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia,
2019

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

K. K. Seytenov, Director of the Center for Forensic Experts' Advanced Training, Kazakh Humanitarian Law University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

S. M. Golyatina, Editor of the Editorial Team of the Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, Senior Lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

S. V. Katkov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Popov, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

A. A. Redko, Head of the Research Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

G. M. Semenenko, Deputy Head of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Tikhonov, Head of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Philosophical Sciences.

E. N. Trofimov, Associate Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. G. Fastov, Scientific Secretary of the Scientific Council of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Лобанова Л. В.
Некоторые проблемы уголовно-правового обеспечения гарантий независимости правозащитной деятельности

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Мерзликун Р. А., Бойко Д. В., Яловенко Т. В.
Элементы механизма правоприменительного усмотрения
Рязанов К. К., Бевз Л. В.
Понятие и сущность правовых позиций
Тарасов А. М.
Президентский контроль как риск-ориентированный вид государственного контроля

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Батурин В. Ю., Пахомов М. Е.
Уголовная ответственность за умышленное уничтожение и повреждение чужого имущества: исторический аспект
Зарубина К. А.
Признаки профессиональной преступности
Канубриков В. А., Яковлева М. А.
Проблемы квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма
Кузнецова И. А., Тимко С. А.
Вопросы квалификации преступлений, связанных с посягательствами на несовершеннолетних (в контексте определения минимального возраста потерпевшего)
Кулешов М. А., Швыркин А. А.
Реализация принципа «Non bis in idem» в современном уголовном законодательстве
Лукашов А. И., Шевелева С. В., Яковлева Е. О.
Правовая регламентация в России и Республике Беларусь конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера
Скрипова И. И.
Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних с несколькими потерпевшими
Токарчук Р. Е., Милуков С. Ф.
Уголовно-правовые проблемы осуществления сотрудниками полиции полномочий по применению огнестрельного оружия в целях обеспечения безопасности дорожного движения
Третьяков В. И., Намнясева В. В.
Проблемы законодательного конструирования уголовно-правовых норм с административной преюдицией
Шепель В. А.
Несанкционированные «врезки» в нефтепродуктопроводы: понятие, виды, квалификация, способы обнаружения

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бирюков С. Ю., Алексеева А. П.
Криминалистические методы преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступным сообществом

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

8 *Lobanova L. V.*
Some problems to guarantee independence related to human rights activities in a criminal legal way

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

15 *Merzlikin R. A., Boiko D. V., Yalovenko T. V.*
Elements of the mechanism of law enforcement discretion
19 *Ryazanov K. K., Bevz L. V.*
Concept and essence of legal positions
24 *Tarasov A. M.*
Presidential control as a risk-oriented type of state control

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

32 *Baturin V. Yu., Pakhomov M. E.*
Criminal liability for intentional destruction or damage to property belonging to another: historical perspective
39 *Zarubina K. A.*
The hallmarks of a professional crime
44 *Kanubrikov V. A., Yakovleva M. A.*
Problems to qualify a known false report on terrorism-related act
51 *Kuznetsova I. A., Timko S. A.*
Questions of qualification of crimes, related to assaults on minors (in the context of determining the minimum age of the victim)
60 *Kuleshov M. A., Shvyrkin A. A.*
Realization of the principle of "Non bis in idem" in the modern criminal legislation
70 *Lukashev A. I., Sheveleva S. V., Yakovleva E. O.*
Legal regulation of confiscation of property as another criminal law measure in Russia and Republic of Belarus
84 *Skripova I. I.*
Some problems of qualification of crimes against sex freedom and sexual impairment of minors
89 *Tokarchuk R. E., Milyukov S. F.*
Criminal legal problems of performance by the police employees of authorities for the application of fire-arrow weapons in order to ensure road safety
97 *Tretyakov V. I., Namnyaseva V. V.*
Issues of legislative structuring of criminal law rules involving administrative prejudice
105 *Shepel V. A.*
Unauthorized "taps" into oil pipelines: concept, types, qualifications, methods of detection

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

115 *Biryukov S. Yu., Alekseeva A. P.*
Criminalistic methods of overcoming counteraction to disclosure and investigation of crimes by criminal community

- Горкина Е. В., Федюкина А. Ю., Токарева Е. В.*
Дознание: новейшая история, современное состояние и перспективы модернизации
- Золотухина Н. В., Насонова В. А., Тихонов В. В.*
Проблемы допустимости доказательств, сформированных на основе результатов оперативно-разыскной деятельности
- Катков С. В., Корнаухова Н. Г.*
Режим секретности в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: отдельные проблемы теории и практики
- Климова Я. А., Шматов М. А.*
Оптимизация правового статуса прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства
- Коновалов П. Н.*
Специфические аспекты получения сведений, составляющих врачебную тайну, на досудебном этапе уголовного судопроизводства
- Мелихов А. И., Андрющенко Т. И., Истратенков А. Ю.*
О необходимости развития частного сыска и других правоохранительных институтов гражданского общества в целях укрепления национальной безопасности России
- Митькова Ю. С., Вехов В. Б.*
Проблемы определения правового положения отдельных участников стадии возбуждения уголовного дела
- Резван А. П., Батурина Н. И., Базулина А. А.*
Некоторые вопросы деятельности органов внутренних дел по профилактике преступлений, связанных с фальшивомонетничеством
- Смагоринский Б. П., Деревягин Е. В.*
Особенности осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере нарушения правил дорожного движения и эксплуатации автомобильного транспорта
- Шавкарова Е. Е.*
Соблюдение прав свидетеля в процессе побуждения к участию в расследовании преступлений
- 121 *Gorkina E. V., Fedukina A. Yu., Tokareva E. V.*
The inquiry: modern history, current state and prospects of modernization
- 128 *Zolotukhina N. V., Nasonova V. A., Tikhonov V. V.*
The problems of admissibility of evidence formed on the basis of the results of the operative detective activity
- 137 *Katkov S. V., Kornaukhova N. G.*
Secrecy mode in operative and detective activity of the internal affairs bodies: some problems of theory and practice
- 146 *Klimova Ya. A., Shmatov M. A.*
Optimisation of prosecutor's legal status in criminal procedure
- 154 *Konovalev P. N.*
Specific aspects of obtaining information constituting medical secrecy at the pre-trial stage of criminal proceedings
- 160 *Melikhov A. I., Andryushchenko T. I., Istratenkov A. Yu.*
On the need for development of private investigation and other law enforcement institutions of civil society in order to strengthen the national security of Russia
- 168 *Mitkova Iu. S., Vekhov V. B.*
Problems of determining a legal status of certain participants of the stage of initiating a criminal case
- 175 *Rezvan A. P., Baturina N. I., Bazulina A. A.*
Some issues of the internal affairs bodies' activities on prevention of crimes related to counterfeiting of money
- 182 *Smagorinsky B. P., Derevyagin E. V.*
Aspects of road traffic accidents site examination during criminal investigation of traffic offence and vehicle abuse
- 189 *Shavkarova E. E.*
Observing witness' rights in the process of inducing participation in the investigation of a crime

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Зубенко В. В., Солдатов Н. Ф., Выборнов Н. А.*
Возрождение подразделений по борьбе с организованной преступностью как объективная необходимость обеспечения национальной безопасности Российской Федерации
- Шишкарёва Т. Н.*
Волостной суд в системе крестьянского правосудия в 1889—1912 гг.

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

- Костюченко Н. И.*
Отсутствие классификации социальных систем и их подсистем управления как проблема теории и практики государственного управления
- Шувалов Н. В., Горелов М. Г.*
Борьба с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в Российской Федерации: состояние и перспективы

PAGES OF HISTORY

- 195 *Zubenko V. V., Soldatov N. F., Vybornov N. A.*
Revival of units to combat organized crime as an objective need to ensure the national security of the Russian Federation
- 203 *Shishkareva T. N.*
Volost court in the system of peasant justice in 1889—1912

SCIENTIFIC DISCUSSION

- 210 *Kostyuchenko N. I.*
Lack of classification of social systems and their administration subsystems as a problem of the theory and practice of public administration
- 218 *Shuvalov N. V., Gorelov M. G.*
Combating illegal trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices in the Russian Federation: state and prospects

*Л. В. Лобанова***НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГАРАНТИЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ***

В работе затрагиваются некоторые аспекты закрепления в уголовном законе и реализации в процессе правоприменения юридических иммунитетов, носителем которых выступают лица, призванные оказывать правовую помощь участникам судопроизводства, а также иных гарантий независимости правозащитной деятельности. Уточняются понятия адвокатской тайны и свидетельского иммунитета, определяется их влияние на реализацию положений ст. 308, 310 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Критически оценивается предложение о необходимости регламентации в Общей части УК РФ положений о свидетельском иммунитете. Проблему ограничения круга лиц, подлежащих уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, предлагается решить путем корректировки диспозиции ст. 308 УК РФ, а именно посредством указания здесь на признак неправомерности отказа, а также уточнения субъектного состава отказа от дачи показаний в целях обеспечения тайны правозащитной деятельности. Вносится предложение о дополнении ст. 310 УК РФ примечанием и редакции последнего.

Ключевые слова: адвокатская тайна, уголовная ответственность, свидетельский иммунитет, правозащитная деятельность, отказ от дачи показаний.

*L. V. Lobanova***SOME PROBLEMS TO GUARANTEE INDEPENDENCE
RELATED TO HUMAN RIGHTS ACTIVITIES
IN A CRIMINAL LEGAL WAY**

This article deals with some aspects to fix legal immunities in the criminal law and to implement them in the process of law enforcement as well as any other guarantees of independence in the human rights activities. Persons having these immunities are ones who give legal assistance to participants of legal proceedings. Concepts of advocate's secret and witness' immunity are clarified, their influence on the provisions of Articles 308, 310 of the Criminal Code of the Russian Federation is explained. Proposal on the necessity to regulate the provisions related to witness' immunity in the General Part of the Criminal Code of Russia is critically assessed. The author proposes to solve the problem to limit the amount of persons subject to criminal liability for refusing to testify by improving disposition of Article 308 of the Criminal Code of Russia, namely by considering a refusal to be illegal, as well as clarifying the subject' refusal to testify in order to guarantee the secret of human rights activities. A proposal to amend Article 310 of the Criminal Code of Russia with some notes and their revision is made.

Key words: advocate's secret, criminal liability, witness' immunity, human rights activities, refusal to testify.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00798-ОГН.

Независимость правозащитной деятельности является неотъемлемым атрибутом уголовного судопроизводства, строящегося на началах состязательности. Слабость и неопытность защиты в современном уголовном процессе неприемлемы по отношению не только к охраняемым законом интересам обвиняемого (подозреваемого), но и к правам и свободам других граждан, вовлеченных в сферу судопроизводства. Таковые, какой бы ни был их официальный процессуальный статус, вправе рассчитывать, исходя из конституционных положений (ст. 48 Конституции Российской Федерации), на получение высококвалифицированной юридической помощи. Сообразно с этим и преодоление проблемы соблюдения гарантий независимости правозащитной деятельности, осуществляемой в рамках уголовного процесса, не исчерпывается решением задачи ограждения защитника от незаконного вмешательства в его деятельность по защите прав обвиняемого (подозреваемого), а предполагает также создание условий для беспрепятственного осуществления целого ряда других полномочий, входящих в правовой статус адвоката. Сказанное непосредственно касается и такой правовой ценности, без которой невозможна независимость правозащитной деятельности в уголовном судопроизводстве, как конфиденциальность сведений, полученных правозащитником в ходе подобной деятельности. Совершенно справедливо отмечено в науке уголовного права, что «название тайны как адвокатской достаточно условно <...>. В уголовном праве <...> речь также должна идти, во-первых, о защитнике в широком смысле слова, а не только об адвокате; во-вторых, об адвокате, когда имеет место оказание им юридической помощи, не связанной с исполнением обязанностей защитника» [1, с. 130].

В приведенной цитате нет оговорки. Сегодня неразумно было бы отрицать необходимость укрепления именно уголовно-правовых гарантий для доверительного общения граждан с лицом, призванным оказывать квалифицированную юридическую помощь. Попытки завладеть тайной правозащитника, предпринимаемые следственными органами, практически единодушно признаются и адвокатами, и учеными одним из наиболее распространенных способов вмешательства в адвокатскую деятельность [см., напр.: 2, с. 25; 3; и др.]. Наряду с этим отмечается и неединичность фактов давления на правозащитников, ответственно относящихся к своим профессиональным обязанностям, в связи с чем подчеркивается настоятельная необходимость безотлагательной подготовки

«предложений об установлении ответственности, включая уголовную, за вмешательство в профессиональную деятельность адвоката и воспрепятствование ей» [4]. Сегодня авторитетные представители адвокатской профессии склонны рассматривать введение ответственности за подобные посягательства как первоочередную и давно перзревшую задачу [5].

Не станем отрицать конструктивность подобных предложений. Обоснованию целесообразности их реализации были посвящены и некоторые наши работы [6; 7; 8]. Однако мы не склонны считать, что укрепление уголовно-правовых гарантий независимости правозащитной деятельности может заключаться только во введении уголовной ответственности за общественно опасные проявления воспрепятствования профессиональной деятельности адвоката или даже нарушения права обвиняемого (подозреваемого) на защиту либо права на получение высококвалифицированной юридической помощи. Не менее важным является исключение самой потенциальной возможности использования содержательных и технико-юридических недостатков уголовного и иного законодательства для уголовного преследования правозащитников, ответственно относящихся к своему профессиональному либо гражданскому долгу.

Подобного рода несовершенством, по нашему мнению, обладает ст. 310 УК РФ, так как прямое указание уголовно-процессуального закона либо его систематическое использование (ч. 3 ст. 53, п. 3 ч. 5 ст. 42, ч. 3 ст. 45, п. 3 ч. 6 ст. 56, ч. 5 ст. 189 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК РФ) и др.) дают основание для утверждения, что и защитник-адвокат, и иное лицо, выполняющее функцию защитника, и адвокат, оказывающий юридическую помощь различным участникам уголовного процесса, принадлежат к субъектам, которых следователь либо дознаватель могут предупредить о недопустимости разглашения данных предварительного расследования.

Категоричность запрета, адресованного защитнику, придавать огласке данные предварительного расследования подвергалась критике еще в советский период развития юридической науки. Так, Ю. И. Стецовский считал, что защитник не обязан сохранять в тайне от обвиняемого сведения, имеющие значение для защиты, и признавал ошибочным распространение правил ст. 139 ранее действовавшего УПК РСФСР (прообраз ст. 161 УПК РФ) на случаи свиданий обвиняемого с его защитником [9, с. 37].

Некоторые современные исследователи находят абсурдной саму возможность предупреждения защитника о недопустимости разглашения данных предварительного расследования и применения в отношении этого субъекта ст. 310 УК РФ. Ю. И. Кулешов, например, высказывается за «исключение из ст. 53 УПК РФ указания на то, что защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты» [10, с. 194]. Кроме того, автор предлагает сопроводить ст. 310 УК РФ примечанием следующего содержания: «Не могут быть привлечены к уголовной ответственности по настоящей статье подозреваемый, обвиняемый, законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого и защитник» [10, с. 194—290]. Представляется, что в подобных предложениях имеется рациональное зерно. Доверительность в отношениях защитника с обвиняемым либо подозреваемым не может быть односторонней. Полноценное общение указанных участников процесса предполагает взаимный обмен информацией, необходимой для защиты. Так, смыслу института защиты не может противоречить передача защитником защищаемому им обвиняемому сведений, полученных от другого подзащитного, интересы которого не находятся в противоречии с интересами первого обвиняемого. Тем не менее целесообразность реализации анализируемых предложений не представляется безоговорочной.

Во-первых, не следует упускать из виду то обстоятельство, что полученные в связи с осуществлением защиты сведения могут быть переданы защитником лицу, не имеющему право на их получение, отнюдь не только в интересах защиты конкретного лица, в связи с защитой которого данные сведения стали достоянием защитника. Последний, будь он недобросовестным, может передать информацию другому обвиняемому (подозреваемому), интересы которого не совпадают с интересами подзащитного, потерпевшему, соучастникам обвиняемого, пока не вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства, и т. д. По этой причине вообще исключать защитника из числа субъектов, которые могут предупреждаться о недопустимости разглашения данных предварительного расследования под угрозой уголовной ответственности за нарушение соответствующего запрета, было бы вряд ли правильно. Гораздо вернее, возлагая на защитника обязанность воздерживаться от разглашения сведений, ставших ему известными в связи с осуществлением защиты, сделать исклю-

чение для случаев предания информации огласке, продиктованного необходимостью защиты.

Предложим один из возможных вариантов новой редакции части 3 статьи 53 УПК РФ, учитывающих данный нюанс: «Защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением процессуальных полномочий, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 настоящего Кодекса, и при этом разглашение таких данных не было продиктовано необходимостью защиты лица, при оказании юридической помощи которому были получены соответствующие сведения. За неправомерное разглашение данных предварительного расследования защитник несет ответственность в соответствии со ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».

По приведенным соображениям ошибочно также было бы при конструировании примечания к названной статье УК РФ для закрепления в нем изъятий из круга субъектов преступного разглашения данных предварительного расследования ограничиться только перечнем лиц, которые не могут привлекаться к уголовной ответственности за подобные деяния.

Во-вторых, при современном состоянии правовой регламентации процессуального порядка предупреждения участников процесса о недопустимости разглашения данных предварительного расследования вряд ли имеется смысл в упоминании в конструируемом примечании об обвиняемом и подозреваемом. Ведь действующий УПК РФ, в отличие от своего предшественника, не дает никаких оснований для предположения о возможности предупреждения названных субъектов об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 310 УК РФ.

Отсутствие в ст. 161 УПК РФ перечня конкретных участников процесса, которые могут предупреждаться о недопустимости разглашения данных предварительного расследования компенсируется законодателем посредством включения в описание процессуального статуса ряда из них обязанности воздержаться от совершения подобных действий (ч. 7 ст. 42, ч. 6 ст. 44, ч. 3 ст. 45, ч. 3 ст. 53, п. 2 ч. 3 ст. 54, ч. 2 ст. 55, ч. 9 ст. 56, п. 5 ч. 4 ст. 57, ч. 4 ст. 58, п. 2 ч. 4 ст. 59, ч. 4 ст. 60 УПК РФ). Между тем в УПК РСФСР 1960 г. такие положения не были включены, что создавало условия для решения вопроса об адресатах предупреждения об ответственности по ст. 310 УК РФ по усмотрению лица, осуществляющего предварительное расследование. Сегодня же круг адресатов

указанного превентивного действия ограничен следующими процессуальными фигурами: потерпевший, гражданский истец, представитель и законный представитель потерпевшего, представитель и законный представитель гражданского истца, защитник, гражданский ответчик, представитель гражданского ответчика, свидетель, эксперт, специалист, переводчик и понятой. Для включения в данный перечень еще и обвиняемого (подозреваемого) в настоящий момент нет никаких правовых предпосылок.

Вряд ли можно с уверенностью сказать, что абсолютное исключение обвиняемого (подозреваемого) из круга лиц, которые могут быть обременены обязанностью соблюдения конфиденциальности данных предварительного расследования, не было поспешным. Вполне резонно было бы возложение такого рода обязанности на подозреваемого или обвиняемого, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Однако о возможности предупреждения названных субъектов о недопустимости разглашения данных предварительного расследования должно быть прямо сказано в законе. Мы полагаем, что соответствующие изменения должны выглядеть следующим образом.

1. Часть 2¹ ст. 317³ УПК РФ необходимо дополнить абзацем 2 такого содержания: «В необходимых случаях обвиняемый (подозреваемый) предупреждается о недопустимости разглашения данных предварительного расследования за исключением случаев, когда разглашение подобных данных обусловлено необходимостью реализации права на защиту, а также об ответственности согласно ст. 310 УК РФ за неправомерное разглашение данных предварительного расследования, о чем у него отбирается подпись».

2. Пункт 6 ч. 2 названной статьи УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить или от совершения которых он должен воздержаться при выполнении им обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве».

3. Часть 2 ст. 161 УПК РФ следует дополнить абзацем 2 такого содержания: «В отношении подозреваемого или обвиняемого, ходатайствующего о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, предупреждение о недопустимости разглашения данных предварительного расследования и об ответственности за неправомерное совершение таких действий осуществляется

прокурором, подписывающим досудебное соглашение о сотрудничестве».

В-третьих, проектируемое примечание к ст. 310 УК РФ, на наш взгляд, должно послужить гарантией от необоснованного привлечения к уголовной ответственности по данной статье не только лиц, реализующих право на защиту или способствующих реализации этого права, но и лиц, которые вынуждены нарушить требование о конфиденциальности данных предварительного расследования в связи с оказанием либо получением ими высококвалифицированной юридической помощи.

С учетом высказанных соображений предлагаем такого рода формулировку примечания к ст. 310 УК РФ, которым [примечанием. — Л. Л.] необходимо дополнить указанную статью УК РФ в целях укрепления уголовно-правовых гарантий независимости правозащитной деятельности: «Примечание. Действие настоящей статьи не распространяется на случаи разглашения данных предварительного расследования, связанные с необходимостью реализации права подозреваемого или обвиняемого на защиту либо обеспечения этого права, а равно с необходимостью реализации права на получение иной квалифицированной юридической помощи либо оказания такой помощи».

Цель укрепления правовых гарантий независимости правозащитной деятельности обуславливает и необходимость реформирования положений ст. 308 УК РФ. Современная редакция примечания к названной статье, прямо исключаящего из числа субъектов преступного отказа от дачи показаний лишь лиц, отказавшихся от дачи показаний в отношении себя самого, своего супруга или своих близких родственников, плохо помогает достижению подобной цели. У недобросовестных следователей и дознавателей она [редакция. — Л. Л.] создает иллюзию, будто названная статья может быть использована в качестве средства давления на защитников либо иных адвокатов, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства с тем, чтобы заставить их дать показания об обстоятельствах, ставших им известными в связи с осуществлением защиты обвиняемого (подозреваемого) или оказанием юридической помощи, либо исключить возможность выполнять функцию защитника в дальнейшем. Ведь в этом примечании ни адвокат, ни защитник не указаны. При определенных условиях подобная регламентация изъятий из действия ст. 308 УК РФ может негативно сказаться – и, судя по беспокойству членов адвокатского сообщества, уже сказывается — на реализации процессуального статуса защитника, а также адвоката, оказывающего

иную квалифицированную помощь участникам судопроизводства. Она [регламентация. — Л. Л.] способна также стать препятствием для соблюдения требования об устранении от свидетельства ряда лиц, поскольку примечание к ст. 308 УК РФ лишь отчасти корреспондирует положениям ст. 51 УПК РФ, оставляя без внимания ч. 2 ст. 51 Основного закона, и следовательно, не учитывая, что «федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания».

В уголовно-правовой литературе вносились различные предложения о корректировке примечания к названной статье. Так, Ю. И. Кулешов рекомендует законодателю упомянуть здесь «всех лиц, кому предоставлено право в связи с теми или иными обстоятельствами отказаться от дачи показаний» [10, с. 148]. А. В. Федоров считает необходимым указать в примечании также лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетеля [11, с. 167]. И. В. Дворянсков, напротив, считает нецелесообразным закрепление в примечании к ст. 308 УК РФ исчерпывающего перечня лиц, которые не подлежат ответственности в силу свидетельского иммунитета, полагая, что сфера свидетельского иммунитета способна со временем расширяться. По его мнению, в примечании должна содержаться норма бланкетного характера [12, с. 263]. Принципиально иначе предлагает решать проблему реализации различных иммунитетов в уголовном праве Е. И. Герфанова. Она считает необходимым сконструировать в Общей части УК РФ отдельную статью (ст. 11¹ «Иммунитеты»), в которой аккумулировались бы положения обо всех уголовно-правовых иммунитетах, включая свидетельский, и в том числе содержался бы обширный, хотя и примерный, перечень всех лиц, на которые соответствующие иммунитеты распространяются [1, с. 8].

Наши же суждения по данной проблеме сводятся к следующему.

Первое. В статьях Общей части УК РФ с учетом назначения данного структурного элемента уголовного закона следует размещать лишь такие положения об изъятиях из действия УК РФ, которые распространяются на все либо на ряд составов преступления. По этой причине вряд ли целесообразно помещать в проектируемой статье об уголовно-правовых иммунитетах изъятия лишь из действия статьи 308 УК РФ. Необходимые изменения должны вноситься в последнюю статью.

Второе. Исчерпывающий перечень лиц, отказывающихся от дачи показаний, но при этом не под-

лежащих за такое деяние уголовной ответственности, дать весьма затруднительно как ввиду необходимости учета для составления подобного перечня особенностей различных форм судопроизводства, так и ввиду постоянного развития уголовно-процессуального и иного федерального законодательства и, соответственно, регулярного пополнения круга субъектов, не подлежащих допросу в качестве свидетелей или освобождаемых при определенных обстоятельствах от обязанности давать показания. В связи с этим наиболее приемлемым способом создания искомого перечня следует признать способ бланкетной подачи нормативного материала.

Третье. В силу того, что изъятия из действия ст. 308 УК РФ касаются не только особенностей правового статуса лиц, отказавшихся от дачи показаний, но и обстоятельств, относительно которых предполагалось получение показаний, такие изъятия существенно влияют на содержание не одного, а нескольких признаков состава преступления — признаков, характеризующих и субъекта, и объективную сторону отказа от дачи показаний. По данной причине ограничения применения рассматриваемой нормы должны вытекать непосредственно из содержания диспозиции ст. 308 УК РФ, а не оговариваться в примечании к данной статье.

По итогам наших рассуждений мы предлагаем внести в ст. 308 УК РФ следующие изменения:

1. В диспозиции статьи, а равно в ее наименовании слова «отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний» заменить фразой «неправомерный отказ свидетеля, подлежащего в соответствии с законом допросу, или потерпевшего от дачи показаний».

2. Примечание к данной статье признать утратившим силу.

Подобные изменения позволят, на наш взгляд, среди прочего создать дополнительные гарантии независимости правозащитной деятельности. Впрочем, сказанное не отменяет необходимости оптимизации иного федерального законодательства в части регламентации правового статуса субъектов, занимающихся такой деятельностью применительно к уголовному (либо иному) судопроизводству, а равно содействующих ей.

В заключение сформулируем некоторые выводы.

Во-первых, укрепление уголовно-правовых гарантий независимости правозащитной деятельности должно заключаться не только во введении уголовной ответственности за общественно опасные проявления воспрепятствования профессиональной деятельности адвоката или даже

нарушения права обвиняемого (подозреваемого) на защиту либо права на получение квалифицированной юридической помощи. Не менее важным является исключение возможности использования содержательных и технико-юридических недостатков уголовного и иного законодательства для уголовного преследования правозащитников, ответственно относящихся к своему профессиональному либо гражданскому долгу. Соответствующие гарантии при этом должны распространяться как на профессиональных адвокатов, осуществляющих защиту подозреваемого либо обвиняемого, так и на защитников, не обладающих статусом адвоката. Эти гарантии следует предоставить также адвокатам, оказывающим в соответствии с законом юридическую помощь участникам уголовного или иного судопроизводства.

Во-вторых, ст. 310 УК РФ не должна служить препятствием для реализации права на защиту или права на получение квалифицированной юридической помощи. В связи с этим данную статью целесообразно сопроводить примечанием следующего содержания:

«Примечание. Действие настоящей статьи не распространяется на случаи разглашения данных предварительного расследования, связанные с необходимостью реализации права подозреваемого или обвиняемого на защиту либо обеспечения этого права, а равно необходимостью реализации права на получение иной квалифицированной юридической помощи либо оказания такой помощи».

В-третьих, примечание к ст. 308 УК РФ не в полной мере корреспондирует положениям ст. 51 Конституции Российской Федерации, устанавливая

изъятия из своего действия только в отношении лиц, наделенных правом не свидетельствовать против себя самого, супруга либо близких родственников. Следовательно, это примечание не способно служить гарантией для лиц, освобождаемых от дачи показаний на основании других федеральных законов, в том числе и для лиц, выполняющих в уголовном и ином судопроизводстве правозащитную функцию. Напротив, содержание соответствующей нормы-исключения создает ложное впечатление о том, что все лица, не оговоренные в примечании (в том числе и защитник-адвокат, и защитник, не обладающий статусом адвоката, и адвокат, оказывающий иную юридическую помощь участникам процесса), могут выступать субъектами отказа от дачи показаний, и тем самым превращает ст. 308 УК РФ в средство незаконного давления на лиц, выполняющих правозащитную функцию, с целью заставить их дать показания об обстоятельствах, составляющих адвокатскую тайну, либо организовать препятствия для выполнения данным лицом функций защитника в дальнейшем. В целях преодоления названного недостатка ст. 308 УК РФ в ней предлагается произвести следующие изменения:

1. В диспозиции статьи, а равно в ее наименовании слова «отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний» заменить фразой «неправомерный отказ свидетеля, подлежащего в соответствии с законом допросу, или потерпевшего от дачи показаний».

2. Примечание к данной статье признать утратившим силу.

1. Герфанова Е. И. Реализация юридических иммунитетов в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 233 с.

2. Рагулин А. В. Нарушения профессиональных прав адвокатов: основные понятия, виды, способы противодействия // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 4 (43). С. 24—31.

3. Фурлет С. П. О законодательных мерах сохранения адвокатской тайны в российском уголовном процессе // Адвокат. 2016. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

4. Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему: «О роли адво-

1. Gerfanova Ye. I. Implementation of Legal Immunities in the Criminal Law of Russia. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Kazan; 2019: 223 p.

2. Ragulin A. V. Violations of the Professional Rights of Advocates: Basic Concepts, Types, Methods of Counteraction. Research Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2016; 4 (43): 24—31.

3. Furllet S. P. On Legislative Measures to Keep an Advocate's Secret in the Russian Criminal Procedure. Lawyer. 2016; 3. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Recommendations of Council of the Russian Federation President to Develop Civil Society and Human Rights Following a Special Meeting on the Topic: "On the Role of the Bar in Human Rights

катуры в правозащитной деятельности» // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: офиц. сайт. URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/384/> (дата обращения: 26.06.2019).

5. Ключвгант Вадим: «Введение ответственности за незаконное вмешательство в адвокатскую деятельность является первоочередной и давно перезревшей задачей» // Гарант.Ру: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 26.06.2019).

6. Лобанова Л. В. К вопросу об уголовно-правовых гарантиях реализации права на защиту // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 177—183.

7. Лобанова Л. В., Висков Н. В. О некоторых общественно опасных проявлениях нарушения права обвиняемого (подозреваемого) на защиту // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 105—110.

8. Лобанова Л. В., Висков Н. В. Нужны ли дополнительные уголовно-правовые гарантии реализации адвокатом процессуального статуса защитника обвиняемого // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. С. 142—146.

9. Стецовский Ю. И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника: моногр. М.: Юрид. лит., 1982. 176 с.

10. Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: моногр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 296 с.

11. Федоров А. В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия, классификации) / отв. ред. А. И. Чучаев. Калуга: Политоп, 2004. 284 с.

12. Дворянсков И. В. Уголовно-правовая охрана интересов судебной власти: моногр. М.: Изд. центр РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2013. 377 с.

© Лобанова Л. В., 2019

Лобанова Любовь Валентиновна,
заведующий кафедрой
уголовного права Волгоградского
государственного университета,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: up@volsu.ru

Activities". Council of the Russian Federation President to Develop Civil Society and Human Rights: Official Website. Available from: <http://president-sovet.ru/documents/read/384/>. Accessed: 06/26/2019.

5. Klyuvgant Vadim: "Establishment of Responsibility to Interfere in Advocate's Activities in an Illegal Way is a Priority and Emergent Task". Available from: <https://www.garant.ru>. Accessed: 06/26/2019.

6. Lobanova L. V. On the Issue of Criminal Law Guarantees to Implement the Right for Defense. Vestnik of Economics, Law and Sociology. 2017; 4: 177—183.

7. Lobanova L. V., Viskov N. V. On Some Socially Dangerous Manifestations to Violate the Right for Defense of the Accused (Suspect). Society: Politics, Economics, Law. 2017; 12: 105—110.

8. Lobanova L. V., Viskov N. V. Are Additional Criminal Law Guarantees to Implement the Procedural Status of a Defender of the Accused by an Advocate Necessary? Vestnik of Economics, Law and Sociology. 2018; 4: 142—146.

9. Stetsovsky Yu. I. Defender's Criminal Procedural Activity. Monograph. Moscow: Yurid. Lit.; 1982: 176 p.

10. Kuleshov Yu. I. Crimes against Justice: Problems of Theory, Lawmaking and Law Enforcement. Monograph. Vladivostok: Far East University Publishing House; 2007: 296 p.

11. Fedorov A. V. Crimes against Justice (questions of history, concepts, classifications). Ed. by A. I. Chuchaev. Kaluga: Politop; 2004: 284 p.

12. Dvoryanskov I. V. Criminal Legal Protection of the Interests of the Judiciary. Monograph. Moscow: Publishing Centre of the RGU of Oil and Gas Named after I. M. Gubkin; 2013: 337 p.

© Lobanova L. V., 2019

Lobanova Lyubov Valentinovna,
head of the criminal law department
of the law institute
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, full professor;
e-mail: up@volsu.ru

* * *

Р. А. Мерзликин, Д. В. Бойко, Т. В. Яловенко

ЭЛЕМЕНТЫ МЕХАНИЗМА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО УСМОТРЕНИЯ

В статье исследуются теоретические вопросы правовой конструкции механизма реализации правоприменительного усмотрения в рамках функционирования режима законности. Значительное внимание отводится структуре и этапам указанного механизма. Приводится характеристика его стадий, среди которых авторы выделяют такие, как:

1. Установление ситуации отсутствия нормативного решения возникшей правовой проблемы.
2. Уяснение субъектом объема своего полномочия в рамках компетенции.
3. Поиск целесообразного варианта решения в рамках законности.
4. Принятие решения о реализации своей компетенции.

Аргументируется важность разработки общих вопросов правоприменительного усмотрения в условиях развития правового государства. Затронуты некоторые проблемы и негативные стороны функционирования правоприменительного усмотрения в режиме законности.

Ключевые слова: право, усмотрение, правоприменительная деятельность, правоприменительная политика, механизм правоприменительного усмотрения, элементы правоприменительного усмотрения, толкование права.

R. A. Merzlikin, D. V. Boiko, T. V. Yalovenko

ELEMENTS OF THE MECHANISM OF LAW ENFORCEMENT DISCRETION

The article focuses on theoretical issues of a legal framework of the mechanism of law enforcement discretion in full accordance with the legal regime. Significant attention is paid to the structure and stages of the mechanism of law enforcement discretion. The authors characterize the stages of law enforcement discretion. They distinguish the following stages of the mechanism of law enforcement discretion:

1. Establishing the situation when there is no regulatory solution of the existing legal problem;
2. Comprehending the amount of authority within the competence by an individual;
3. Searching for a reasonable solution option within the law;
4. Making a decision about implementing the corresponding competence.

The authors emphasize the importance of working out general issues of law enforcement discretion in conditions of development of a legal state. They also analyze some problems and negative aspects of law enforcement discretion under the legal regime.

Key words: law, enforcement, law enforcement activities, law enforcement policy, mechanism of law enforcement discretion, elements of law enforcement discretion, interpretation of law.

Деятельность правоприменителя складывается из определенных видов и форм. Помимо практической (например, осмотр места происшествия), формально-юридической (подготовка протокола), организационной составляющих существует еще интеллектуальная волевая работа, которая является ядром правоприменения. Ее цель — анализ

различных правовых ситуаций и избрание правовых норм. Слово «волевая» в данном контексте означает принятие окончательного решения. Отличие правоприменительного усмотрения кроется именно здесь: в случае со стандартным правоприменением обнаружение необходимой правовой нормы — конечная стадия аналитической работы,

в ситуации правоприменительного усмотрения на этом этапе удостоверяется, что требуемая правовая норма отсутствует и предстоит большая работа по разрешению юридического дела. Он начинается, когда из существующих способов решения выбирается конкретный, что порождает у правоприменяющего субъекта дополнительную ответственность, которая может спровоцировать блокировку принятия решения и привести к бездействию должностного лица.

В. В. Лазарев отмечает: «Правоприменение — это особого рода умственная и физическая работа, состоящая в совершении ряда следующих друг за другом внутренних умственных и фиксирующих их внешних операций, направленных на установление правовой и фактической основы юридического дела и его решение» [1, с. 18]. Правоприменение по усмотрению отличается от обычного применения нормы права наличием дополнительного объема умственных, интеллектуально-волевых усилий. По мнению А. А. Алексеева, правоприменение складывается из таких операций, как:

— определение юридического характера фактических обстоятельств (предполагает необходимость найти в юридических нормах свидетельства того, что соответствующие обстоятельства входят в сферу правового регулирования);

— отыскание сходной нормы или принципа права (часто связано с глубоким анализом начал, на которых строится правовое регулирование в смежных отраслях права);

— принятие решения о конкретном регулировании данных отношений (сопряжено с конструированием индивидуального веления, основанного на действующем праве) [2, с. 349].

Необходимо учитывать, что решение юридического дела в случае пробела в праве есть особый вид правоприменительного усмотрения, однако и здесь имеется ряд частных ситуаций: «Если какие-либо обстоятельства не урегулированы в нормативном порядке и в каждом отдельном случае их разрешение отдается на усмотрение компетентных органов, о пробеле не может быть и речи» [3, с. 183]. Данная точка зрения представляется вполне справедливой, поскольку в случае если законодатель закрепляет за правоприменителем разрешение различных юридических дел на основе его усмотрения, то как такового пробела нет, но проблема усмотрения остается неразрешенной.

Интеллектуальные особенности реализации усмотрения в правоприменении сейчас не разработаны, как и в целом вопросы аналитики в юридической сфере. Основой здесь часто выступают

теоретические труды, посвященные деятельности по толкованию права, что не вызывает удивления: усмотрение в правоприменении и толкование права в общем схожи. А. Г. Фастов пишет: «Толкование права — это интеллектуально-волевая деятельность по установлению и разъяснению подлинного содержания правовых актов в целях их правильной реализации и совершенствования» [4, с. 6]. Эта точка зрения, безусловно, верна, но ее недостаточно. Сегодня в отечественной юридической науке детально описаны логические и филологические методы толкования, однако в правоприменении должны приниматься в расчет требования справедливости и целесообразности, что влечет за собой потребность в разработке социологического и историко-политического методов интерпретации.

Отдельное внимание нужно уделить элементам механизма правоприменительного усмотрения. Так, Ю. А. Тихомиров выделяет следующие из них:

— правильно понятый публичный интерес и сообразование с ним возможных действий и решений в рамках собственных полномочий;

— выработку установки и формирование соответствующей мотивации;

— осуществление юридических действий (бездействие), принятие решения;

— намерение и воля следовать принятому решению, соответствующие поведенческие акты [5].

На основе сказанного можно заключить, что автор перечисляет элементы, относящиеся к интеллектуальным волевым аспектам управленческой деятельности. Ю. А. Тихомиров отмечает: «Как видно административное усмотрение есть активное проявление субъективного фактора в процессе правотворчества и правоприменения. Понятно, почему столь важен высокий профессиональный уровень; познавательность и верный анализ ситуации требуют знания права его носителями. Оценка целесообразности для применения общей нормы означает, прежде всего, понимание государственных и общественных интересов, коим служит чиновник» [5].

В обществоведческой литературе категория «усмотрение» в широком понимании часто имеет значение аналога или составной части социальной свободы, что можно сказать и в отношении правоприменения по усмотрению, однако последнее характеризуется некоторыми особенностями, что подмечает Ю. А. Тихомиров: «Именно усмотрение выражает правовой феномен самостоятельности и свободы поведения госорганов,

хозяйствующих субъектов и др. Оно служит активным проявлением человеческого фактора в правотворчестве и правоприменении, поскольку призвано отражать публичные интересы» [6, с. 25]. В другой работе автор отмечает: «Традиционно в книгах по административному праву понятие и явление административного усмотрения „теряются“ среди характеристик форм и методов управления, актов административного принуждения и ответственности и др. Его не обнаружить и в трудах по теории государства и права, конституционному праву. А ведь речь идет об „одушевляющем импульсе“ многих юридических действий и решений» [5].

Все указанные особенности усмотрения в правоприменении позволяют сделать вывод о том, что необходимо формирование специфической теоретической конструкции — «механизм реализации правоприменительного усмотрения». Категория «механизм», обладая некоторой метафоричностью, играет важную роль в общей теории права. Эту конструкцию или, точнее, методологический прием теории права рассматривают как инструментальный комплексный феномен. Отличаясь от системного подхода, теоретические механизмы во главу угла ставят динамическое, «работающее» состояние совокупности различных правовых инструментов, объединяющихся в данной конструкции. В таком подходе заключено теоретическое преимущество механистической призмы.

А. В. Малько и К. В. Шундилов указывали, что «правовой механизм можно определить как необходимый и достаточный для достижения конкретной юридической цели (или системы целей) комплекс юридических средств, последовательно организованных и действующих поэтапно по определенной нормативно заданной схеме (процедуре)» [7, с. 85]. Можно резюмировать, что главными признаками любого юридического механизма являются цель, комплекс юридических инструментов или средств, последовательный характер (этапность) действий, адекватность нормативно определенной технологии (процедуре). Все они присутствуют и при реализации усмотрения в правоприменении. Так, его цели можно исследовать в контексте задач, которые решаются в более глобальном механизме — механизме правового регулирования.

Усмотрение в правоприменении, являясь само по себе инструментом в механизме правового регулирования, предстает комплексной конструкцией, состоящей из определенных юридических явлений. Их обобщает связь с интеллектуально волевой деятельностью субъекта правоприменения, т. е. они служат интеллектуальными процедурами

анализа юридической ситуации и поиска формального решения и вариаций вынесения решения. Однако деятельность субъекта правоприменения имеет разноплановый, во многих случаях управленческий характер. Так, в ситуации реализации усмотрения в правоприменении ему нужно четко знать цель правового регулирования, принципы права, сопутствующие правовые феномены (фикции и презумпции), рассмотреть все аспекты правового регулирования (метод, компетенцию, средства права и т. п.); формально установить ситуацию правоприменительного усмотрения; вынести решение и принять меры к его реализации.

В механизме правоприменительного усмотрения можно выделить несколько стадий:

- установление наличия ситуации, характеризующейся отсутствием решения правовой проблемы на основе правовой нормы;
- уяснение правоприменителем объема данного ему полномочия;
- поиск целесообразного законного решения;
- принятие окончательного решения;
- принятие мер к его реализации.

Данные стадии свойственны обычной практике юристов, в которой Ф. Мастронарди дифференцирует три этапа: 1) общее герменевтическое понимание фактов и текстов; 2) специфическое юридическое обоснование по методическим правилам; 3) принятие решения, опирающегося на правовые нормы [8, с. 249].

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время подобные алгоритмы опираются преимущественно на научные рекомендации, однако отрасли права, имеющие большое значение для общества, требуют введения специальных процессуальных или процедурных норм, позволяющих рационализировать путь, ведущий к решению правовых проблем. Вместе с тем отметим, что, хотя правоприменительное усмотрение возникает во всех отраслях права, создать универсальную технологию его реализации не представляется возможным, в связи с чем открывается широкий простор для научных исследований.

Таким образом, можно заключить, что механизм правоприменительного усмотрения — это необходимый и достаточный для индивидуального правового регулирования поведения субъектов права комплекс юридических средств, последовательно организованных и действующих поэтапно и используемых правоприменителем в ситуации отсутствия четкого нормативного варианта решения правовых задач.

1. Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2.
3. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974.
4. Фастов А. Г. Толкование норм права: лекция. Волгоград, 2006.
5. Тихомиров Ю. А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 70—79.
6. Тихомиров Ю. А. Компетенция, усмотрение, процедуры // Административно-правовое регулирование в сфере экономических отношений: сб. статей. М., 2001. С. 18—28.
7. Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003.
8. Жалинский А. Э. Введение в специальность «Юриспруденция». Профессиональная деятельность юриста. М., 2007. С. 249.

© Мерзликин Р. А., Бойко Д. В.,
Яловенко Т. В., 2019

Мерзликин Роман Александрович,
начальник кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России;
8-937-532-91-09

Бойко Дмитрий Валентинович,
заместитель начальника кафедры
огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Яловенко Татьяна Васильевна,
доцент кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

1. Lazarev V. V. Social and psychological aspects of law enforcement. Kazan; 1982.
2. Alekseev S. S. General theory of law. Moscow; 1982; 2.
3. Lazarev V. V. Gaps in law and ways to fill them. Moscow; 1974.
4. Fastov A. G. Interpretation of rules of law. Lecture. Volgograd; 2006.
5. Tikhomirov I. A. Administrative discretion and law. Zhurnal Rossiiskogo Prava. 2000; 4: 70—79.
6. Tikhomirov I. A. Competence, discretion, and procedures. In: Administrative and legal regulation of economic relations: sourcebook. Moscow; 2001: 18—28.
7. Malko A. V., Shundikov K. V. Goals and means in law and legal policy. Saratov; 2003.
8. Zhalinskii A. E. Introduction to specialization in Jurisprudence. Professional activities of a lawyer. Moscow; 2007.

© Merzlikin R. A., Boiko D. V.,
Yalovenko T. V., 2019

Merzlikin Roman Alexandrovich,
head at the department fire training
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
8-937-532-91-09

Boiko Dmitrii Valentinovich,
deputy head at the department fire training
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Yalovenko Tatiana Vasilevna,
associate professor at the department of history
and theory law and state
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

К. К. Рязанов, Л. В. Бевз

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ

Предметом исследования, основанного на анализе отраслей российского права, выступают понятие правовой позиции, ее сущность и основные черты. Правовая позиция рассматривается как одно из нетипичных средств правового регулирования, элемент юридической техники, возможный источник права. Определяется роль правовой позиции в правотворческом и правоприменительном процессе. Анализируются источники формирования правовых позиций, их субъекты и значение для применения права. Научному изучению подверглись правовые позиции Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации, различные методологические подходы к пониманию исследуемого явления. Рассматривается деятельность судов по формированию правовых позиций.

В статье выделена необходимость общетеоретического анализа данного явления с использованием более широкого методологического и гносеологического инструментария, который делает возможным под иным углом зрения рассмотреть базовые категории юриспруденции с учетом нетрадиционных подходов в науке и социальной практике.

Приведена основная методологическая задача исследования правовых позиций, которая состоит в определении ее места в понятийном аппарате науки. Названы наиболее существенные признаки правовой позиции.

Ключевые слова: понятие и сущность правовой позиции, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, юридическая техника, право, правотворчество, правоприменительный процесс, юридические средства, процессуальное право.

К. К. Ryazanov, L. V. Bevz

CONCEPT AND ESSENCE OF LEGAL POSITIONS

The subject of research in the article is the concept of legal position, its essence and main features. The study is based on the analysis of branches of Russian law. The legal position is considered as one of the atypical means of legal regulation, an element of legal technique, a possible source of law. The role of the legal position in the law-making and law-enforcement process is also determined. Sources of formation of legal positions, their subjects and value for application of the right are investigated. When working on the article, the legal positions of the constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation were subjected to scientific study. Various methodological approaches to the understanding of the studied phenomenon are investigated. Activity of courts on formation of legal positions is considered.

The article highlights the need for a General theoretical analysis of this phenomenon using a broader methodological and epistemological tools, which makes it possible to consider the basic categories of jurisprudence from a different angle, taking into account non-traditional approaches in science and social practice.

The main methodological task of the study of legal positions, which consists in determining its place in the conceptual apparatus of science, is given. The most significant features of the legal position are named.

Key words: concept and essence of legal position, legal position of the constitutional Court of the Russian Federation, legal technique, law, lawmaking, law enforcement process, legal means, procedural law.

Современная юридическая наука, являясь преемницей богатейшего исторического наследия, находится на пороге осмысления многих политико-

правовых феноменов, вошедших в научный оборот сравнительно недавно. Процесс расширения научного знания в сфере права является естественным

и закономерным, что связано с поступательным развитием государства и общества. Немаловажным в отечественной правовой науке является и интеграция нашей страны в мировое сообщество, неизбежный процесс глобализации, в том числе и в сфере правовых знаний, где происходит взаимопроникновение культурно разнородных явлений, требующих научного осмысления. Политические изменения последних десятилетий в нашей стране требуют пересмотра подходов к правопониманию, построению правовой системы и подходов к методологическим основаниям всех отраслей отечественного права. Современный этап развития российского государства характерен интеграцией нашей страны в мировой правопорядок с обеспечением единого правового пространства, созданием универсальных международных механизмов борьбы с преступностью, законности и правопорядка.

Обновленная политико-правовая система пребывает в стадии формирования, в которой сложно определить окончательный вектор развития и оптимальные средства решения тех или иных проблем [1].

В известной мере сказанное относится и к возникновению качественно нового явления, получившего название «правовая позиция», существование которого связано с правоприменительной деятельностью различных субъектов и, прежде всего, судебных органов. В правовой науке исследованию этого феномена посвящены труды таких авторов, как Н. И. Витрук, О. Н. Кряжкова, Г. А. Гаджиев, Л. В. Лазарев, Н. Ф. Гуцан, М. Н. Марченко, И. А. Чернышев, С. П. Маврин и др.

Как справедливо отмечают в литературе, в начале научному изучению подверглись правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) [2]. Помимо сугубо доктринального в научно-практическом ракурсе был проведен глубокий анализ правовых позиций этой судебной инстанции самими судьями КС РФ. Вследствие первоначальных попыток изучения правовых позиций стала очевидной большая гносеологическая ценность этого явления, в теоретической плоскости приобретающего характер категории. Другой аспект проблемы основан на широкой компетенции КС РФ, принимающего решения различной отраслевой принадлежности. Таким образом, возникли многочисленные межотраслевые задачи, требующие всестороннего изучения, прежде всего с помощью теоретико-правовых средств. Н. В. Витрук отмечает, что деятельность КС РФ обнаружила необходимость научного осмысления

понятия правовой позиции, выявления ее существенных признаков, правовой природы, придания юридической силы, места в механизме действия права и значения в охране конституционных ценностей, в развитии конституционализма [3, с. 111].

Понятие «правовая позиция» в российской правовой науке имеет множество значений. В специальной литературе это явление упоминается как общетеоретический феномен, как правовая позиция правоприменителя (судьи, адвоката, юриста). Данный термин встречается в актах КС РФ, решениях Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) и т. д.

Постановление Пленума ВС РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10 октября 2003 г. № 5 называет правовую позицию Европейского Суда по правам человека [4, с. 78]. В учебной и научной литературе и законодательных актах встречаются такие словосочетания, как «позиция правовой идеологии», «научная позиция», «позиция закона», «компромиссная позиция», «позиция отрасли права», «логически обоснованная позиция», «позиция юристов-цивилистов», в международном правоприменении — указание на «позицию России» либо ее отдельных административно-управленческих структур.

Понятие «правовая позиция» вошло в научный оборот с начала 90-х гг. XX в. В статье 73 Федерального конституционного закона Российской Федерации «О Конституционном Суде Российской Федерации» исследуемое явление получило нормативное закрепление через предписание передачи на рассмотрение пленарного заседания вопроса, по которому большинство участников заседания палаты судей склоняется к принятию решения, не соответствующего правовой позиции, которая ранее была выражена в решениях КС РФ [5].

Н. В. Витруком разработано определение понятия правовой позиции, под которой он предлагает понимать «правовые представления (выводы) общего характера КС РФ как результат толкования Конституционным Судом Конституции РФ и выявления им конституционного смысла положений законов и других нормативных актов в пределах компетенции Конституционного Суда, которые снимают конституционную неопределенность и служат правовым основанием итоговых решений Конституционного Суда РФ» [3]. Небезынтересной выглядит и точка зрения А. В. Курбатова, который рассматривает правовую позицию как обязательную для исполнения часть решения КС РФ, выражающую

коллективную позицию его судей по поводу применения тех или иных норм Конституции РФ [6, с. 15].

С точки зрения русского языка термин «позиция» применительно к социальной действительности понимается как отношение лица к какому-то процессу или явлению, как точка зрения, имеющие определяющий характер последующих действий или поведения.

В научной литературе названы специфические признаки правовых позиций:

— выступают средствами толкования нормативных актов и Конституции РФ;

— выступают средствами обеспечения прямого действия Конституции РФ;

— занимают место критериев определения конституционности либо неконституционности различных объектов конституционного контроля [7].

Неоднозначны и мнения ученых относительно значения правовых позиций в современной правовой системе. Дискуссия главным образом представлена двумя подходами к определению сути правовой позиции. Одни ученые, отталкиваясь от преобладающих постулатов правопонимания, отрицают наличие и значение прецедентов в российской правовой системе. Другие не считают правовые позиции прецедентами, исходя из особого места КС РФ в судебной системе России, и определяют их место среди средств нормоконтроля.

П. А. Гук предлагает рассматривать формирование правовых позиций КС РФ в рамках конституционного контроля и считает возможным в процессе этой деятельности формирование судебных прецедентов на основе обобщения судебной практики, а не при казуальном разрешении дел. На основе анализа решений КС РФ сделан вывод, что при разрешении дел наряду с Конституцией могут быть использованы и прецеденты КС РФ, имеющие значение дополнительных регуляторов в правоприменении. Таким образом, Конституция страны и содержание правовых позиций выступают средствами преодоления законодательных пробелов. При этом, исходя из статуса актов КС РФ, они имеют нормативный характер, являются регуляторами определенного круга общественных отношений и источниками права [8, с. 96]. Наряду с этим в науке существует иной подход к определению правовой сущности конституционного правосудия на основе традиций отечественной системы права. Акты КС РФ имеют обязательное значение не исходя из понимания прецедентов в том смысле, какой они имеют в странах общего права, а в силу предписывающих норм Конституции РФ и Федерального конституционного закона

«О Конституционном Суде Российской Федерации», наделяющих их такой силой [5].

Кроме конституционно-правовых исследований правовых позиций для выявления их сущности немалый интерес имеют результаты изучения данного явления в уголовном судопроизводстве. В науке часто необоснованно расширяют круг субъектов создания правовых позиций. «Судебная правовая позиция в уголовном судопроизводстве — это юридически аргументированный вывод суда по конкретному уголовному делу, выступающий основанием принятия решения, применимо к конкретной ситуации, вызвавшей необходимость обращения в суд, представляющий собой мнение судьи (судей) данного суда, которое может быть изложено как в мотивировочной, так и в резолютивной части решения, и являющийся обязательным для государственных органов и должностных лиц» [1, с. 3]. Имеется в виду, что в данном случае речь идет о прецеденте, в основу которого положено судебное разрешение конкретной правовой ситуации. Суд с учетом обстоятельств дела и на основе имеющихся в нем юридических фактов применил конкретную правовую норму к данному случаю, и аналогичное дело с учетом его конкретных обстоятельств подлежит разрешению не с применением прошлого прецедента, а на основе правовой нормы, примененной в первом случае.

Обязательный характер в недавнем прошлом имели значение лишь решения ВС РФ, что было закреплено в ст. 56 Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР» от 8 июля 1981 г., где было сказано, что названный субъект на основе изучения и обобщения судебной практики и анализа судебной статистики дает руководящие разъяснения судам, которые обязательны для судов и других субъектов правоприменения [9]. В настоящее время такое полномочие закреплено за Пленумом ВС РФ в ст. 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ [10], впрочем, без указания на их обязательную силу. В теории права традиционно решения судов по конкретным делам относят к казуальному толкованию, а акты высшей судебной инстанции, принятые на основе изучения и обобщения судебной практики, имеющие обязательное значение, — к нормативному толкованию. На наш взгляд, что только последние являются источником правовых позиций. С преобладанием социологического подхода в праве судебные решения, содержащие правовые положения, заняли свое место в регулировании общественных отношений. В юридической литературе

часто указывают на несовершенства средств «внешнего» правового регулирования общественных отношений посредством права и возможностями «внутреннего саморегулирования» с учетом складывающейся правореализационной практики и реальных процессов на основе принципов и норм права, содержащихся в системах национального и международного права [11; 12, с. 304].

Правовые позиции являются результатом деятельности КС РФ и ВС РФ, занимающих особое место в судебной системе России. Правовые позиции указанных субъектов, сформулированные в их актах, представляют собой юридически аргументированные выводы, сделанные на основе толкования норм закона применительно к конкретной ситуации, которая вызвала необходимость обращения в высшую судебную инстанцию. По своему содержанию правовая позиция представляет собой основанное на законе, знаниях, опыте и личном убеждении мнение большинства судей данного суда. По своей юридической силе акты КС РФ и постановления Пленума ВС РФ в силу их нормативного характера обязательны для всех нижестоящих судов и должностных лиц при разрешении ими в последующем аналогичных ситуаций.

Деятельность судов по формированию правовых позиций является вынужденной, и ее необходимость заложена в одном из принципов правосудия: никому не должно быть отказано в рассмотрении дела по мотивам отсутствия закона, его недостаточности, отсутствия нормы, регулирующей конкретный конфликт, либо в случае необходимости регулирования нестандартных общественных отношений. «На этом фоне судебные правовые позиции, содержащие текст нового правила, регулирующего уголовно-процессуальные правоотношения либо расширяющего сферу действия правовой нормы, для правоприменителя представляют реальный выход из сложного положения и обеспечивают возможность осуществления правосудия» [1, с. 18].

В связи с большим познавательным значением исследуемого явления очевидна необходимость дальнейшего изучения правовых позиций в аспекте общей теории права и отдельных отраслей. Основ-

ная методологическая задача данного исследования состоит в определении места правовой позиции в понятийном аппарате науки, что позволит существенно развить и дополнить знания в сфере нормотворчества, правоприменения, толкования, теории юридической техники и др. [1].

Анализ сущностных черт правовых позиций в конституционном и уголовном правоприменении позволяет сделать вывод о том, что правовая позиция выступает средством регулирования общественных отношений и имеет в своем арсенале уникальные функциональные возможности. Конкретная правовая позиция обладает спецификой субъекта, механизма формирования, реализации и эффективности и выступает неотъемлемым компонентом правовой системы современной России.

Приведем наиболее существенные признаки правовой позиции:

— правовая позиция представляет собой обобщенные выводы, полученные как результат толкования правовых актов разного уровня любыми субъектами правоприменения;

— содержание правовой позиции составляет уясненный смысл нормативных установлений в пределах компетенции субъекта;

— правовая позиция выступает средством преодоления неопределенности правовых норм применительно к разрешаемой ситуации, носит казуальный характер и служит правовым основанием итоговых решений правоприменителя;

— правовая позиция — это оценка актов и действий в одной коллизионной ситуации, устойчиво повторяемая применительно к анализу аналогичных ситуаций, деяний и норм, чем приобретает прецедентный характер;

— правовая позиция служит основанием для принятия решения относительно конкретной ситуации;

— правовая позиция должна быть изложена в определяемой ситуацией правоприменения форме и является обязательной для государственных органов и должностных лиц;

— степень обязательности правовой позиции зависит от статуса органа, ее принявшего.

1. Даровских С. М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

1. Darovskikh S. M. Judicial legal positions in criminal proceedings: theoretical bases and procedural forms. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow, 2011.

2. Ломакина Л. А. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на развитие законодательства об административной ответственности // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 61—68.

3. Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991—2001 гг.): Очерки теории и практики. М., 2001.

4. Кряжкова О. Н. Правовые позиции конституционного суда Российской Федерации: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

5. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон // Сборник законов Российской Федерации. М., 2005.

6. Цит. по: Бастен И. Правовые позиции Конституционного Суда РФ. Понятие, виды, юридическая сила // Вестник Челябинского университета. Серия 9. Право. 2003. № 2.

7. Болдырев С. Н. «Правовая позиция» в конституционно-процессуальной деятельности как средство юридической техники // Общество и право. 2011. № 1. С. 257—261.

8. Гук П. А. Судебный прецедент как источник права. Пенза, 2003.

9. О судостроительстве РСФСР: закон РСФСР от 08.07.1981 (ред. от 25.07.2002) // Ведомости Верховного Суда РСФСР. 1981. № 28. Ст. 976.

10. О Верховном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Волков К. А. Уголовная политика и судебная практика // Российский судья. 2019. № 2. С. 34—38.

12. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018.

© Рязанов К. К., Бевз Л. В., 2019

Рязанов Константин Константинович,
преподаватель кафедры мобилизационной
и тактико-специальной подготовки
Академии ФСИН России;
e-mail: ryzanovk@inbox.ru

Бевз Леонид Владимирович,
преподаватель кафедры мобилизационной
и тактико-специальной подготовки
Академии ФСИН России;
e-mail: BevzLeonid@gmail.com

2. Lomakina L. A. Influence of legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation on the development of legislation on administrative responsibility. Journal of Russian law. 2012; 2: 61—68.

3. Vitruk N. V. Constitutional justice in Russia (1991—2001): Essays on theory and practice. Moscow, 2001.

4. Kryazhkova O. N. Legal positions of the constitutional court of the Russian Federation: theory and practice. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow, 2004.

5. Federal constitutional law of the Russian Federation "on the constitutional Court of the Russian Federation". Collection of laws of the Russian Federation. Moscow, 2005.

6. Cit. by: Basten I. Legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation. Concept, types, legal force. Bulletin of Chelyabinsk University. Series 9. Right. 2003; 2.

7. Boldyrev S. N. "Legal position" in constitutional procedural activity as a means of legal technique. Society and law. 2011; 1: 257—261.

8. Guk P. A. Judicial precedent as a source of law. Penza, 2003.

9. Law of the RSFSR of 08.07.1981 (ed. by 25.07.2002) "On the judicial system of the RSFSR" // Vedomosti RSFSR Supreme Soviet. 1981; 28: 976.

10. About the Supreme Court of the Russian Federation: federal. constitution Act of February 5, 2014 No. 3-FKZ. Access from sprav.-legal system "Consultant Plus".

11. Volkov K. A. Criminal policy and judicial practice. Russian judge. 2019; 2: 34—38.

12. Ershov V. V. Legal and individual regulation of social relations. Moscow, 2018.

© Ryazanov K. K., Bevz L. V., 2019

Ryazanov Konstantin Konstantinovich,
lecturer at the department of tactical
and special training
of the Academy of the FPS of Russia;
e-mail: ryzanovk@inbox.ru

Bevz Leonid Vladimirovich,
lecturer at the department of tactical
and special training
of the Academy of the FPS of Russia;
e-mail: BevzLeonid@gmail.com

* * *

А. М. Тарасов**ПРЕЗИДЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ КАК РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ВИД ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с организационно-правовым обеспечением президентского контроля как риск-ориентированного вида системы государственного контроля, а также особенности его осуществления субъектами президентского контроля. Состояние системы государственного контроля сегодня характеризуется излишним количеством субъектов, уполномоченных осуществлять контрольно-надзорную деятельность.

Риск-ориентированный подход — это востребованный и эффективный метод, при котором интенсивность контрольных мероприятий связана с оценкой уровня опасности, риска возможного причинения вреда, который может быть нанесен деятельности подконтрольных структур как в ходе осуществления президентского контроля, так и по результатам его проведения — в случае принятия Президентом Российской Федерации мер по устранению и профилактике нарушений в деятельности подконтрольных органов в будущем. С учетом конституционных полномочий Президента Российской Федерации как главы государства широкое применение риск-ориентированного подхода, наряду с дистанционными методами контроля, является залогом обеспечения эффективности президентского контроля, сокращения ресурсных затрат на контрольную деятельность.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации, глава государства, президентский контроль, риск-ориентированный подход, указы, распоряжения, правоохранительные органы, Министерство внутренних дел Российской Федерации.

А. М. Tarasov**PRESIDENTIAL CONTROL AS A RISK-ORIENTED TYPE OF STATE CONTROL**

The article deals with the issues related to the organizational and legal support of presidential control as a risk-oriented type of state control system, as well as the peculiarities of its implementation by the subjects of presidential control. The state of the state control system today is characterized by an excessive number of subjects authorized to carry out control and Supervisory activities.

A risk-based approach is a popular and effective method in which the intensity of control measures associated with the evaluation of the level of danger, risk of harm, which can be applied to activities controlled by structures in the implementation of presidential control, and the results of its carrying out - in the case of adoption by the President of the Russian Federation of measures on elimination and prevention of violations in activity of under control bodies in the future. Taking into account the constitutional powers of the President of the Russian Federation as the head of state, the widespread use of risk-based approach, along with remote control methods, is the key to ensuring the effectiveness of presidential control, reducing resource costs for control activities.

Key words: President of the Russian Federation, head of state, presidential control, risk-oriented approach, decrees, orders, law enforcement agencies, Ministry of the Interior of Russia.

Состояние системы государственного контроля сегодня характеризуется излишним количеством субъектов, уполномоченных осуществлять контрольно-надзорную деятельность. Так, только в структуре Правительства Российской Федерации

создано 28 федеральных служб, уполномоченных реализовывать контрольно-надзорные функции. Важно отметить, что по вопросам административного, экологического, земельного, технического, авторского и других видов госконтроля (надзора)

на федеральном уровне действует более 30 федеральных законов, имеющих специальные разделы и нормы, в которых применяется словосочетание «государственный контроль». По вопросам контроля также издано порядка 50 указов Президента Российской Федерации.

Говоря о технологиях (процедурах) контрольной деятельности, отметим, что сегодня еще не нашли широкого применения дистанционные методы контроля, а также методика контроля на основе анализа и оценки конечных результатов работы подконтрольных структур (контроль за результатами). Контрольные мероприятия в ряде случаев включаются в планы контрольной работы нередко без учета своевременности их проведения. В организации госконтроля проявляются недостаточная обоснованность и избирательность в выборе объектов и предметов контроля (предмет — часть объекта), его избыточность. В результате госконтроль осуществляется не всегда эффективно, а для госбюджета — необоснованно затратно.

Вопросы, связанные с организацией и правовым обеспечением президентского контроля, субъектов, его осуществляющих, установлением места и роли данного вида деятельности в системе госконтроля, а также применением современных технологий, в том числе риск-ориентированного подхода, дистанционных методов контроля, как показывает практика, являются актуальными и требуют дополнительного исследования.

Осуществление госконтроля за соблюдением федеральных законов в стране относится к ведению Российской Федерации (ст. 71 Конституции Российской Федерации, далее по тексту — Конституция). Согласно ст. 11 Конституции государственную власть осуществляют Президент, палаты Федерального Собрания (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство, суды Российской Федерации. Исходя из содержания ст. 11, можно сделать обоснованный вывод, что *основными видами госконтроля по субъектам*, его осуществляющим, являются: президентский, парламентский, правительственный и судебный. Конституционный статус Президента Российской Федерации как *главы* государства (ст. 80 Конституции) свидетельствует, что президентский контроль является не только одним из основных видов в общей системе государственного контроля, но и главенствующим видом.

Обоснованность такого вывода подтверждается и п. 1 ст. 32 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ, которым именно на Прези-

дента Российской Федерации возложено руководство деятельностью федеральных органов исполнительной власти, ведающих (ведать — значит руководить, контролировать) вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, то есть «силовым» или «правоохранительным» блоком, органами, обеспечивающими такие *стратегические* направления государственного строительства, как национальная безопасность, правопорядок.

Анализ положений о федеральных органах исполнительной власти показывает, что к «силовым» органам, подведомственным Президенту, относятся: Министерство внутренних дел Российской Федерации, МВД России (Положение утверждено Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699), Министерство обороны Российской Федерации, Минобороны России (Положение утверждено Указом Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1082), Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, МЧС России (Положение утверждено Указом Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 868), Федеральная служба безопасности России, ФСБ России (Положение утверждено Указом Президента РФ от 11 августа 2003 г. № 960), Федеральная служба охраны Российской Федерации, ФСО России (Положение утверждено Указом Президента РФ от 7 августа 2004 г. № 1013), Федеральная служба исполнения наказаний, ФСИН России (Положение утверждено Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314), Федеральная служба судебных приставов, ФССП России (Положение утверждено Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1316), Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, Росгвардия (Положение утверждено Указом Президента РФ от 30 сентября 2016 г. № 510), Служба внешней разведки Российской Федерации, СВР России (Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»), Федеральная таможенная служба, ФТС России (уполномочена осуществлять оперативно-разыскную деятельность) (Положение утверждено постановлением Правительства РФ от 16 сентября 2013 г. № 809). Обратим внимание, что в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ Комитет не относится к правоохранительным органам исполнительной власти. Вместе с тем руководство его деятельностью согласно п. 3 ст. 1 названного закона, а следовательно, и контроль, уполномочен осуществлять Президент Российской Федерации.

Как известно, контроль является одной из функций, элементом, частью, механизмом, средством обратной связи системы управления, в том числе государственного. Под государственным контролем следует понимать обязательный вид деятельности, осуществляемой органами государственной власти, наделенными нормативными правовыми актами полномочиями по осуществлению контрольной функции.

Госконтроль подразделяется на виды не только по субъектам, его осуществляющим, но и по способам, методам, подходам, формам. Формами проведения госконтроля являются проверки, ревизии, инспектирование, аудит, надзор [1, с. 101—111]. Поясним нашу позицию в отношении понятий «контроль» и «надзор». Считаем, что понятие «контроль» шире понятия «надзор» и надзор — один из видов (подвидов), одна из форм госконтроля, его часть. Перечисленные формы госконтроля имеют свою специфику, различия при проведении контрольных мероприятий, а понятие «контрольные мероприятия» включает в себя указанные формы контрольной деятельности.

По мере развития института государственного управления и контроля, применения новационных подходов (методик) в контрольно-надзорной работе расширяется потребность в исследовании правового обеспечения различных видов госконтроля, и особенно президентского, с учетом конституционного статуса Президента. Такой вывод обусловлен тем, что стратегические полномочия Президента Российской Федерации как главы государства определяют место и роль президентского контроля не только как главенствующего, но и *стратегического* вида государственного контроля.

Поясним, что одной из особенностей стратегического госконтроля является то обстоятельство, что он осуществляется только за самыми значимыми, основными, наиболее важными направлениями деятельности подконтрольных органов. Такой вид контроля не распадается на проверку несущественных, малозначительных, узких направлений работы подконтрольных структур. Таким образом, президентский контроль как стратегический и риск-ориентированный вид по своим целям, задачам, содержанию контрольной деятельности нацелен на избирательную, дифференцированную организацию контроля, и именно тех подконтрольных субъектов управления и тех их направлений деятельности, где уже на предконтрольном (подготовительном) этапе были установлены узкие места, критические точки, предполагаемые (возможные) отклонения в их деятельности при

исполнении ими требований нормативных правовых актов. Концентрация президентского контроля на проверках деятельности наиболее значимых подконтрольных объектов и предметов (предмет — часть объекта) способствует сокращению контрольных задач и объемов контрольной работы, а в конечном счете — ресурсных затрат на осуществление контроля. Под ресурсными затратами в целях риск-ориентированного контроля следует понимать оптимальное использование правовых, организационных, кадровых (трудовых), финансовых, информационно-технических, временных ресурсов, задействованных субъектами при осуществлении президентского контроля.

Особенность президентского контроля, учитывая его риск-ориентированную направленность, выраженная в осуществлении контроля за наиболее значимыми направлениями деятельности и тех подконтрольных органов, где на подготовительном этапе предварительно установлены возможные риски, критические точки, касающиеся результатов их работы, определяет данный вид как риск-ориентированный вид (подвид) госконтроля. Подчеркнем, что речь здесь идет не о применении риск-ориентированного подхода как способа или метода осуществления президентского контроля, а именно о президентском контроле как о главенствующем, стратегическом, риск-ориентированном по своему содержанию, нацеленности и процедурам виде госконтроля.

В обоснование данного вывода рассмотрим и ряд других обстоятельств. Как показывает анализ соответствующих указов Президента Российской Федерации, субъектами президентского контроля являются Администрация Президента Российской Федерации (Положение утверждено Указом Президента РФ от 6 апреля 2004 г. № 490) и ее структурные подразделения. В федеральных округах президентский контроль осуществляет полномочный представитель Президента Российской Федерации в федеральном округе и его аппарат (Положение утверждено Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849). Специальным субъектом, созданным для ведения президентского контроля на федеральном и региональном уровнях, является Контрольное управление Президента Российской Федерации (Положение утверждено Указом Президента РФ от 8 июня 2004 г. № 729), которое организывает контрольную работу по специальному плану. Отметим, что контрольные мероприятия согласно плану проводятся с определенной периодичностью (системно), с учетом оценки своевременности и обоснованности их осуществления на соответствующем объекте контроля.

План разрабатывается на основе предварительного изучения и анализа конечных результатов деятельности государственных органов исполнительной власти (федеральных и субъектов Российской Федерации), чья деятельность является объектом президентского контроля. В объекты и предметы контроля включаются те подконтрольные органы и их направления работы, где конечные результаты (показатели в отчетах их деятельности за определенные периоды) ниже средних, и их анализ позволяет сделать предварительный вывод о наличии рисков в отношении своевременности и качестве исполнения подконтрольными органами требований соответствующего федерального закона, указа, распоряжения, поручения или указания Президента.

Еще раз отметим, что организация президентского контроля как риск-ориентированного вида госконтроля предполагает применение в его ходе новационных методик, дистанционных и риск-ориентированных подходов.

На применении риск-ориентированного подхода при осуществлении госконтроля остановимся подробнее. В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 3 декабря 2015 г. Президент отмечал необходимость снижения контрольно-надзорного давления на подконтрольные структуры, указав на то, что контролировать нужно там, где действительно есть риски или признаки нарушений, то есть контроль должен быть риск-ориентированным. В последующем, говоря о госконтроле, глава государства указывал на необходимость придания ему сервисности (как услуге), ухода от его карающей направленности, но при этом, по его мнению, нарушители не должны чувствовать себя комфортно. В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. Президент подчеркнул, что появление контролеров на предприятиях должно стать исключением, что это допустимо только на объектах с повышенным риском, а в остальных случаях должны использоваться дистанционные методы контроля, и поставил задачу: в течение двух лет перевести всю систему контроля и надзора на риск-ориентированный подход (два года истекают 1 марта 2020 г.).

Следует также сказать, что по вопросу формирования и развития практики применения риск-ориентированного подхода главой государства Правительству Российской Федерации были даны поручения от 26 июня 2013 г. № ПР-1391 («О разработке Концепции повышения результативности и оптимизации контрольно-надзорной деятельности на

федеральном, региональном и муниципальном уровнях») и от 4 января 2015 г. № ПР-13 («Рассмотреть вопрос о целесообразности включения в проект федерального закона о федеральном, региональном и муниципальном контроле в Российской Федерации положений, регламентирующих переход на риск-ориентированную модель, реализации функций и полномочий в части осуществления контрольно-надзорной деятельности»).

Говоря о важности перехода на риск-ориентированный подход, на наш взгляд, Президент Российской Федерации имел в виду, прежде всего, проблемы, связанные с избыточностью контроля за бизнесом, наличие проявлений «кошмаривания» юридических лиц и индивидуальных предпринимателей со стороны некоторых правоохранительных, налоговых, контрольных органов. Учитывая это обстоятельство, Правительством Российской Федерации были приняты решения, направленные на реформирование наиболее важных направлений в контрольно-надзорной сфере: издано распоряжение от 1 апреля 2016 г. № 559-р, которым утвержден «План мероприятий („дорожная карта“) по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности на 2016—2017 гг.».

Определяющее значение в этой части имело принятие (появление) в Федеральном законе от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» ст. 8.1 (введена Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 246-ФЗ), которая обязала субъекты внешнего госконтроля с 1 января 2018 г. применять риск-ориентированный подход.

В целях исполнения требований ст. 8.1 Правительством Российской Федерации издано постановление «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты правительства Российской Федерации» от 17 августа 2016 г. № 806, которым утверждены перечни видов федерального и регионального государственного контроля (надзора), при осуществлении которых риск-ориентированный подход должен применяться в обязательном порядке. К таким видам на федеральном уровне, в частности, были отнесены транспортный, экологический, пожарный надзор, надзор за соблюдением трудового законодательства, в области защиты прав потребителей, в сфере государственного оборонного заказа и другие виды. В системе МВД России применение риск-ориентированного под-

хода (по согласованию с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти) предусмотрено при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции и в области безопасности дорожного движения. Всего на федеральном уровне установлено осуществление 25 видов контроля (надзора).

Отметим, что, например, в п. 2 Положения об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции (утверждено постановлением Правительства РФ от 13 ноября 2012 г. № 1162 (в ред. от 27 декабря 2017 г. № 1668)) определено, что субъектом госконтроля с применением риск-ориентированного подхода в данной сфере является МВД России и его территориальные органы. При этом в Положении установлено, что периодичность проверок зависит от присвоенной юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям определенной категории риска. В пункте 12 Положения перечислено пять таких категорий риска: к первой категории отнесена категория чрезвычайно высокого риска — для нее периодичность установлена один раз в год; для второй — категории высокого риска — периодичность установлена один раз в два года; для третьей — категории значительного риска — периодичность установлена один раз в три года; для четвертой — категории умеренного риска — периодичность составляет не чаще одного раза в пять лет; для пятой — категории низкого риска — не более одного раза в 10 лет. Категория риска, или класс опасности, присваивается каждому юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю с целью определения периодичности, продолжительности и интенсивности проведения контрольно-надзорных мероприятий, а также в целях профилактики возможных отклонений от обязательных требований.

Как свидетельствует проведенное исследование, установить изданные Президентом Российской Федерации подзаконные акты (указы и распоряжения) по вопросам организации риск-ориентированного подхода в системе президентского контроля не представилось возможным. Вместе с тем, если проанализировать применяемые процедуры в ходе осуществления данного вида контроля, можно сделать обоснованный вывод о том, что, например, Контрольным управлением Президента Российской Федерации риск-ориентированный подход на практике применяется, и достаточно широко.

О применении риск-ориентированного подхода при осуществлении президентского контроля сви-

детельствует, в частности, тот факт, что контрольные мероприятия Контрольным управлением осуществляются с определенной периодичностью, дифференцированно (избирательно), с использованием уже на предварительном этапе методов оценки риска и профилактики рисков в отношении организационной деятельности подконтрольных федеральных и региональных органов исполнительной власти, то есть контроль проводится по принципу не разбалансировать работу подконтрольных субъектов управления, «не навредить» своей избыточностью, не усилить риски неисполнения ими требований нормативных правовых актов. Таким образом, данный вид контроля нацелен на своевременное установление, нейтрализацию, предупреждение рисков и угроз, то есть негативных последствий для деятельности подконтрольных органов, а также на оптимизацию осуществляемых ими управленческих процессов в части своевременного и в полном объеме исполнения ими требований федеральных законов, указов, распоряжений, поручений, указаний Президента Российской Федерации.

Применение в контрольной практике риск-ориентированных подходов на предварительном этапе президентского контроля, причем на основе анализа и оценки конечных и промежуточных результатов работы подконтрольных структур, принятие субъектами контроля обоснованных решений о своевременности и необходимости осуществления контроля с учетом оценки степени возможного причинения негативных последствий для подконтрольных органов от проведения контрольного мероприятия дополнительно характеризуют президентский контроль как риск-ориентированный вид госконтроля, а не только как вид госконтроля, в ходе которого применяется риск-ориентированный подход контроля.

В то же время выделение и применение риск-ориентированного вида госконтроля, каковым является президентский контроль, и риск-ориентированного подхода как метода его осуществления в целом способствуют и нацелены на концентрацию субъектов контроля на решении наиболее важных задач, стоящих перед ними в плане повышения эффективности контроля и снижения ресурсных затрат на контрольную деятельность путем сосредоточения контрольных ресурсов за основными направлениями работы подконтрольных органов. Следует сказать, что решение этих задач позволит не допустить дисбаланса имеющихся контрольных ресурсов у субъектов президентского контроля в соотношении с количеством подкон-

трольных органов и направлений их деятельности, то есть контрольные ресурсы должны соответствовать объемам осуществляемой контрольной работы. Важно учитывать и то обстоятельство, что в штатных расписаниях субъектов контроля до 40 % должностей относятся к обеспечительным, и занимающие такие должности работники не участвуют в контрольных мероприятиях. Кстати, такое соотношение тоже является важным для обоснованности необходимости широкого применения риск-ориентированного подхода при осуществлении госконтроля в целях обеспечения его результативности и эффективности.

Таким образом, риск-ориентированный президентский контроль как вид госконтроля и применение при его осуществлении риск-ориентированного подхода как метода напрямую способствуют невмешательству субъектов контроля в нормальную организационную деятельность подконтрольных органов, не приводят к ее разбалансированности, минимизируют и предупреждают возможные риски и причинение вреда деятельности государственных органов исполнительной власти. Цель риск-ориентированного президентского контроля в качестве вида госконтроля — это применение в его ходе современных методик контроля, в том числе риск-ориентированного подхода. Достижение цели направлено на своевременное установление на основных, наиболее значимых направлениях деятельности подконтрольных субъектов узких мест, отклонений в реализации ими требований нормативных правовых актов и принятых главой государства решений. Подчеркнем при этом такую особенность риск-ориентированного контроля и подхода, как его направленность на реализацию профилактической, или превентивной, функции, и особенно в части, касающейся устранения выявленных в ходе контроля нарушений и причин (рисков) их появления, а также предупреждения их в будущем.

Одной из форм применения профилактической направленности риск-ориентированного подхода является установленная в Положении об Администрации Президента Российской Федерации задача по подготовке докладов главе государства, в том числе по результатам проведенного контрольного мероприятия, с внесением предложений о принятии в необходимых случаях мер (решений), касающихся устранения выявленных отклонений, улучшения деятельности подконтрольных структур, укрепления исполнительской дисциплины, предупреждения нарушений. Анализ работы Контрольного управления Президента Российской Федерации показы-

вает, что результаты проверок доводятся главе государства через Руководителя и заместителей Руководителя Администрации Президента Российской Федерации (в соответствии с п. 1 Положения «Об Администрации Президента Российской Федерации», утвержденного Указом Президента РФ от 25 марта 2004 г. № 400, Администрация создана для обеспечения деятельности главы государства и осуществления контроля за исполнением принятых им решений). Исходя из содержания доклада о результатах проведенного контроля, глава государства принимает соответствующие решения, в том числе касающиеся руководящих кадров.

Таким образом, одной из существенных особенностей риск-ориентированного контроля и применения риск-ориентированного подхода является такая организация контрольно-надзорной деятельности, которая позволяет грамотно установить интенсивность проведения контрольных мероприятий (их периодичность, продолжительность), формы контроля и необходимый контрольный ресурс, а также меры по устранению и профилактике нарушений, совершенных подконтрольными структурами в ходе реализации обязательных требований, установленных в нормативных правовых актах. В основе внутреннего содержания (понятия) риск-ориентированного контроля и подхода находятся правильное, своевременное и дифференцированное установление категорий риска (класса опасности) для различных подконтрольных структур.

Итак, риск-ориентированный президентский контроль — это востребованный и эффективный вид и метод госконтроля, при котором планирование, интенсивность проведения контрольных мероприятий связаны с предварительной оценкой уровня опасности, риска возможного причинения вреда, который может быть нанесен деятельности подконтрольных структур (кстати, вред может быть причинен как в ходе, так и по результатам проведения контроля: например, в случае принятия Президентом РФ необоснованных, ошибочных решений по итогам контроля, решений, которые не обеспечивают профилактическую, превентивную направленность риск-ориентированного контроля).

Как показывает изучение места, роли и содержания президентского контроля, применение риск-ориентированного подхода (метода, способа) при его проведении вполне актуально, востребовано и должно получить дальнейшее развитие при осуществлении контроля за деятельностью федеральных, в том числе правоохранительных органов исполнительной власти, а также органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В заключение еще раз обратим внимание на то, что кроме риск-ориентированного подхода в государственной контрольно-надзорной деятельности должны широко применяться такие дистанционные методы или виды, как контроль за результатами деятельности подконтрольных структур, контроль с использованием электронных технологий (электронно-технологический контроль), которые по своим целям и содержанию близки к риск-ориентированному подходу и нацелены на достижение контрольных результатов минимизированными ресурсными затратами. Повсеместное применение малозатратных и не причиняющих вреда деятельности подконтрольных структур современных методов контроля, к сожалению, еще не нашло широкого распространения, что подтверждается отсутствием соответствующих нормативных правовых актов, нацеливающих на обязательное их применение, а также методик по использованию дистанционных способов госконтроля. Не учитывать наличие такой проблемы в дальнейшем — ошибочно, поскольку именно дистанционные методики контроля (надзора) нацелены на снижение неоправданного административного давления контролирующих органов на деятельность подконтрольных структур, преодоление признаков репрессивности контрольной деятельности, улучшение делового климата в стране; причем эффект (сокращение ресурсных затрат от применения таких методов), считаем, получают как контролирующая, так и подконтрольная стороны.

Однако самая большая проблема для осуществления результативной и эффективной контрольно-надзорной работы находится не в этой плоскости, а в наличии противоречия между требованиями по обеспечению эффективного и оптимизированно-затратного госконтроля (надзора) с широким использованием современных методов и количеством контрольных (надзорных) органов, их сотрудников. Как указывалось ранее, сегодня только в структуре Правительства Российской Федерации создано и осуществляют различные виды контрольно-надзорной, лицензионно-разрешительной и регистрационной деятельности 28 самостоятельных органов исполнительной власти со статусом федеральной службы. В соответствии с п. 4 Указа Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. № 314 федеральная служба является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности, а также другие функции.

В соответствии с подп. б) п. 2 данного Указа под функциями по контролю и надзору понимаются:

1) осуществление действий по контролю и надзору за исполнением органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами установленных Конституцией, федеральными, в том числе конституционными законами и другими нормативными правовыми актами общеобязательных правил поведения;

2) выдача органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами разрешений (лицензий) на осуществление определенного вида деятельности и (или) конкретных действий юридическим лицам и гражданам;

3) регистрация актов, документов, прав, объектов, а также издание индивидуальных правовых актов.

Для осуществления перечисленных функций-задач и созданы 28 федеральных служб. Кроме того, контрольные функции уполномочены осуществлять и федеральные министерства. Как уже указывалось, в частности, МВД России является субъектом контроля (надзора) за сферами миграции и дорожного движения. Заметим, что такого количества контрольных органов не было даже в структуре Правительства СССР, хотя считается, что в советский период госконтроль был всеобъемлющим, тотальным.

Повсеместный переход различных субъектов госконтроля, в том числе президентского, на дистанционные методы контроля (надзора) с опорой на анализ конечных результатов работы подконтрольных субъектов, в том числе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, применение электронных ресурсов, включая архивные базы данных о своевременности и качестве исполнения подконтрольными субъектами требований нормативных правовых актов, использование при этом актов (справок) о результатах предыдущих проверок, ревизий, аудита, инспектирования, надзорных мероприятий, широкое применение риск-ориентированного подхода по факту должны привести к принятию Президентом и Правительством Российской Федерации решений о придании некоторым федеральным службам статуса главных управлений или департаментов с включением их в функциональные структуры федеральных министерств либо об укрупнении (слиянии) федеральных служб, что в свою очередь приведет к сокращению штатной численности как руководителей, так и исполнителей-контролеров и может увеличить уровень безработных.

Таким образом, в случае исполнения поставленной Президентом Российской Федерации в его Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. задачи по широкому применению дистанционных методов, в том числе риск-ориентированного подхода, в результате чего появление контролеров на предприятиях станет исключением, перед государством возникнет серьезный вызов, связанный с *превышением количества сотрудников*, осуществляющих в федеральных, в том числе правоохранительных, службах контрольно-надзорные функции *над сокращенными объемами контрольной деятельности*. По некоторым экспертным оценкам, только повсеместное применение риск-ориентированного

подхода приведет к снижению количества проверок на 40 % и на 30 % количества ревизоров, что позволит сэкономить 20 % средств бюджета [2; 3].

Чтобы проблема реформирования контрольно-надзорной сферы в части оптимизации количества федеральных служб и сотрудников, в них трудоустроенных, не привела к социальной напряженности, представляется крайне важным уже сегодня Правительству Российской Федерации приступить к разработке и принять программу «Дорожная карта» по организации поэтапного переобучения и трудоустройства этой категории лиц. Иначе указанное поручение Президента останется Правительством Российской Федерации невыполненным.

1. Тарасов А. М. Государственный контроль в России: монография. М.: Континент, 2008.

2. Егорова Н. Три года без проверок... Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Мартынов А. В. Применение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора как необходимое условие снижения давления на бизнес. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Тарасов А. М., 2019

Тарасов Анатолий Михайлович,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный сотрудник
органов внутренних дел
Российской Федерации;
e-mail: Tarasov.tam@yandex.ru

1. Tarasov M. A. State control in Russia: monograph. Moscow: Continent; 2008.

2. Egorova N. Three years without checks... Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Martynov A. V. Application of risk-oriented approach in the implementation of state control and supervision as a necessary condition for reducing pressure on business. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Tarasov A. M., 2019

Tarasov Anatoly Mikhailovich,
chief researcher of the research center
of the Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored lawyer of the Russian Federation,
Honored worker of the internal affairs bodies
of the Russian Federation;
e-mail: Tarasov.tam@yandex.ru

* * *

В. Ю. Батури́н, М. Е. Пахо́мов

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УМЫШЛЕННОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ И ПОВРЕЖДЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С момента зарождения наше государство охраняло имущественные правоотношения. В данной статье рассматриваются положения основных нормативных правовых документов российского законодательства, устанавливавших ответственность за уничтожение и повреждение чужого имущества. Проводится исторический анализ особенностей систематизации уголовно-правовых норм, касающихся уничтожения и повреждения чужого имущества, в различных законодательных актах России. Рассматриваются особенности разделения норм в зависимости от их отраслевой принадлежности, специфика санкций. Проводится исследование дифференциации юридической ответственности в уголовном законодательстве XVII—XVIII вв., выделяются нормы, касающиеся умышленного уничтожения и повреждения чужого имущества. Раскрываются особенности разделения деяний в зависимости от объекта, предмета преступного посягательства в уголовном законодательстве XIX — начала XX в. Анализируется уголовное законодательство советского периода, изучается развитие системы норм, устанавливающих ответственность за рассматриваемые деяния. Дается характеристика положений ст. 167 современного Уголовного кодекса Российской Федерации.

Целью статьи является исследование проблем установления уголовной ответственности за уничтожение и повреждение чужого имущества на различных этапах формирования уголовного законодательства России, а также определение их роли в формировании современной уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уничтожение или повреждение имущества, чужое имущество, поджог, квалифицирующие признаки, объект преступления, предмет преступления, способ совершения преступления, мотив преступления, значительный ущерб, тяжкие последствия.

V. Yu. Baturin, M. E. Pakhomov

CRIMINAL LIABILITY FOR INTENTIONAL DESTRUCTION OR DAMAGE TO PROPERTY BELONGING TO ANOTHER: HISTORICAL PERSPECTIVE

Since its emergence, our state has been protecting legal property relations. This article considers the provisions of the main regulatory documents of Russian legislation establishing liability for destruction or damage to property belonging to another. A historical analysis of the systematization of criminal law norms relating to destruction or damage to property belonging to another is carried out in various legislative acts of Russia. The aspects of norms separation based on their industry affiliation and sanctions specifics are considered. A study of the differentiation of legal liability in the criminal legislation of the XVII—XVIII centuries is conducted, the norms concerning intentional destruction and damage to property belonging to another are highlighted. The aspects of acts separation based on the object and target of a criminal offense in the criminal law of the XIX — early XX centuries are explored. The criminal legislation of the Soviet period is analyzed, the development of the system of norms considering responsibility for the acts under examination is studied. The article describes the provisions of Article 167 of the modern Criminal Code of the Russian Federation.

The purpose of the article is to study the problems of criminalizing the destruction and damage to property belonging to another at various stages of the Russian criminal legislation establishment, as well as determining their role in the modern criminal law establishment.

Key words: criminal liability, destruction or damage to property, property belonging to another, act of arson, qualifying features, object of crime, target of crime, method of crime commitment, motive of crime, significant damage, grave consequences.

Собственность во все времена находилась под защитой государства. Об этом наглядно свидетельствует исторический анализ наиболее важных источников уголовного права России, а также научных работ [1, с. 18; 2, с. 15]. В процессе своего развития российская государственность находилась в зависимости от различных условий существования общества, но внимание защите собственности уделялось всегда. Сохранность различных видов имущества, как государственного, так и личного, обеспечивалось различными мерами государственного воздействия, одной из которых являлось установление ответственности за подобные деяния, к которым в основном относились хищения, а также уничтожение и повреждение чужого имущества.

Русская Правда, написанная в XI в., является первым документом, в котором можно обнаружить положения, касающиеся ответственности за уничтожение и повреждение имущества. В частности, ст. 18 Краткой редакции указанного документа предусматривает назначение штрафа за порчу чужого имущества, ст. 32 также предусматривает штраф за сожжение княжеской борти [3, с. 78—79; 4, с. 77—78].

За сожжение гумна в ст. 83 Пространной редакции Русской Правды предусмотрена ответственность в виде выдачи на поток, конфискации имущества, выплаты убытков потерпевшему и выдачи князю, а в ст. 84 содержится положение, которое говорит о наложении штрафа и возмещении хозяину ущерба при умышленном уничтожении скотины [3, с. 117]. Эти деяния можно отнести к преступлениям, поскольку предусмотрено конкретное наказание за их совершение. Однако Краткая редакция содержит по большей части гражданско-правовые деликты, поскольку в основном предусматривается возмещение причиненного ущерба.

Другой документ, который появился позже и содержит положения уголовного права, — это Судебник 1497 г. При ознакомлении с ним видно, что серьезным деянием являлось совершение поджога. Статья 9 Судебника устанавливала наказание в виде смертной казни за совершение поджога [5, с. 76]. Схожие положения можно найти в Судебнике 1550 г., ст. 61 которого аналогична рассмотренной ранее [6, с. 117]. Текст Судебника 1550 г. также была предусмотрена как уголовная, так и гражданско-правовая ответственность.

Постепенное накопление знаний в области уголовного права способствовало появлению

Соборного уложения 1649 г., в котором наблюдается попытка произвести систематизацию норм на основе выделения объекта преступления.

В главе 2, которая посвящена защите государственной чести и здоровья, можно встретить положения, предусматривающие наказание за совершение поджога. Однако здесь поджог рассматривается не как покушение на имущество государя, а как гораздо более серьезное преступление. В статье 4 содержатся положения, устанавливающие наказание за умышленный поджог города или дворов в виде смертной казни через сожжение [7, с. 53]. Наказание, безусловно, очень жестокое, поскольку по смыслу нормы можно понять, что в этом случае поджог — это одна из форм государственной измены.

Следующая статья, которую хотелось бы отметить, — это ст. 223, текст которой предусматривает три различных случая причинения ущерба при пожаре: 1) умышленное причинение вреда («нарошным делом»); 2) неосторожное деяние («пастуховым небрежением»); 3) невиновное причинение ущерба («учинится без хитрости») [7, с. 87]. Проведя анализ санкций за рассматриваемые деяния, содержащихся в данной статье, можно сделать вывод, что первые два случая относятся к преступлениям, поскольку предусматривают подобие штрафа в виде взыскания денежных средств в пользу государя. А штраф, как известно, является уголовным наказанием.

Жестче наказание предусматривала ст. 228, поскольку в ней речь шла о более опасном виде порчи имущества [7, с. 88]. В тексте говорилось о назначении наказания в виде казни через сожжение за совершение поджога из-за вражды. При этом указывалось, что преступление должно быть совершено умышленно, иметь мотив, и, как следствие, наказание за него суровее, чем в ст. 223, поскольку в ст. 223 оговаривается неосторожное совершение деяния, а в ст. 228 — умышленное.

Интересны положения ст. 202, в которой говорится об угрозе поджога или причинения другого ущерба [7, с. 84]. За данное деяние человек, который высказывал угрозы, должен быть взят на поруки для предотвращения такого поступка. Поскольку угроза совершения поджога была выделена Уложением в качестве отдельной статьи, можно сделать вывод о том, что совершение умышленного поджога считалось очень опасным преступлением.

Анализируя текст Соборного уложения, можно прийти к выводу, что во время его действия законодатель произвел дифференциацию ответственности, которая предусматривалась за совершение

различных деяний, исходя из различных объектов, предметов, формы вины, а также включил в перечень преступлений угрозу совершения поджога. Кроме того, законодателем обозначены ситуации, при которых лицо освобождалось от уголовной ответственности, — это невинное причинение вреда. Кроме того, производилось отграничение гражданско-правовых деликтов от деяний, имеющих статус преступлений.

Последующее появление и укрепление абсолютной монархии, появление права частной собственности способствовало возникновению в 1715 г. нового свода норм уголовного права — Артикула воинского Петра I, который был создан для регулирования правоотношений при несении воинской службы, т. е. в армии. Вопросы охраны военного имущества оговаривались в гл. 6 «О воинских припасах, ружье, мундире, о потрате, и небрежении онаго» [8, с. 763]. Примечательно, что данный документ состоял не из статей, а из артикулов.

Артикул 87 охранял противопожарную безопасность и предусматривал последствия за ее нарушение [8, с. 767—768]. Текст статьи обязывал обращаться со свечами и огнем очень бережно, чтобы предотвратить неблагоприятные последствия в виде уничтожения и повреждения имущества при пожаре. Толкование к данному артикулу содержит две пометки: об умышленном совершении деяния, при котором назначалось наказание поджигателю, и о невинном причинении вреда, при котором лицо освобождалось от наказания. Последнее положение является прообразом ч. 1 ст. 28 ныне действующего Уголовного кодекса РФ.

Глава 21 «О зажигании, грабительстве и воровстве» [8, с. 786—787] содержала интересующие нас артикулы со 178 по 181. Текст артикулов говорит о дифференциации ответственности за уничтожение и повреждение имущества в зависимости от предмета, способа совершения преступления, мотивов, целей, формы вины.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. явилось прогрессивным для своего времени сводом норм уголовного права. Данный документ состоял из Общей и Особенной частей; последняя подразделялась на одиннадцать разделов в зависимости от объекта, на который осуществлялось посягательство.

Анализируемы нами нормы, связанные с уничтожением и повреждением имущества, отмечаются разнообразием. Они находились, в зависимости от объекта посягательства, в различных разделах. Однако не все имевшиеся преступления были отнесены законодателем к посягательствам

на имущественные правоотношения. До рассмотрения деяний, о которых мы рассуждаем, необходимо отметить, что в Уложении уничтожение или повреждение имущества выступало в виде различного рода признаков: 1) в качестве деяний; 2) последствий; 3) способа совершения определенных преступлений.

Следующая изучаемая нами группа норм сохранилась в разделе 5. Статьей 382 устанавливалось наказание за умышленное повреждение вверенного казенного имущества [9, с. 271].

Раздел 10, охранявший жизнь, здоровье и честь людей, содержал гл. 9 «Об угрозах». В частности, ст. 2035 предполагала наложение наказания за угрозу совершения поджога жилища либо иных предметов собственности. В случае, если не находилось доказательств умысла, виновный подлежал заточению в тюрьму на срок 3—6 месяцев за письменные угрозы и на срок 3—12 недель, если угроза была высказана на словах. В случае если такая угроза была высказана для совершения вымогательства, то наказание было более жестоким. Часть 2 ст. 2036 за угрозу имущественным ущербом (кроме поджога) предусматривала относительно мягкое наказание, которое ужесточалось (ч. 3 ст. 2036) в случае использования угрозы для вымогательства.

Таким образом, угроза уничтожения и повреждения чужого имущества рассматривалась в качестве как самостоятельного деяния, так и способа совершения другого преступления.

Раздел 12 был посвящен защите собственности частных лиц. Первое отделение, которое состояло из 11 статей, было посвящено совершению поджога, который являлся очень опасным способом совершения преступления. Статьей 2106 было предусмотрено наказание за умышленное уничтожение жилого здания. Статья 2107 содержала различные обстоятельства или, если использовать современную терминологию, квалифицирующие признаки.

Наказание ужесточалось в зависимости от объекта преступления, в случае если был причинен вред жизни и здоровью людей, от наличия рецидива, соучастия, от времени совершения преступления. Под особой охраной находились церкви, принадлежавшие государю. Наказание ужесточалось в случае доказательства совершения поджога в нескольких местах с целью сжечь весь город. Если было известно, что ранее виновным совершалось подобное преступление, то был налицо рецидив. Более серьезное наказание назначалось за поджог здания суда, учебного заведения,

библиотеки, а также за поджог, совершенный группой лиц.

Наказание предусматривалось ст. 2113—2115 за умышленное уничтожение и повреждение чужого имущества способом поджога: лесных насаждений, полей с пшеницей, складов, сена, сада, дров и т. д. Причинение ущерба пожаром по неосторожности описывалось в ст. 2116.

Из текста Уложения следует, что в особую группу выделялись некоторые из способов повреждения или уничтожения чужого имущества. Современный законодатель такие способы называет общеопасными. В качестве предмета преступления выступала недвижимость, а также иное движимое имущество.

Несмотря на сложность текста и излишнюю казуистичность, Уложение 1845 г. рассматривало большую группу преступлений, связанных с уничтожением и повреждением чужого имущества. Несмотря ни на что, указанный документ являлся важным шагом на пути развития отечественного уголовного права.

Позднее нормы, которые касались ответственности за уничтожение и повреждение чужого имущества, Уголовным уложением 1903 г. были объединены в гл. 30 «О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков и иных предметов» [10, с. 182—183]. Такое упрощение было удобно для законодателя, однако оно имело и свои недостатки: в данную главу были помещены нормы, которые связаны с уничтожением и повреждением имущества, однако в которых имущественные правоотношения не имели важного значения.

В начале XX в. в 1922 г. впервые был принят Уголовный кодекс РСФСР [11]. Преступления, связанные с уничтожением и повреждением чужого имущества, были размещены в гл. 6 и 7 Особой части Кодекса. Глава 6 «Имущественные преступления» включала ст. 196, устанавливающую уголовную ответственность за уничтожение и повреждение имущества умышленно, которое принадлежало предприятию, учреждению либо конкретному лицу. Статья 197 предусматривала более суровое наказание за такие же умышленные действия путем поджога, затопления либо иным общеопасным способом.

Следовательно, дифференциация ответственности исследуемых деяний происходила в зависимости от объекта, способа и обстановки совершения преступления.

Отдельной статьей выделялась угроза уничтожения имущества как способ совершения пре-

ступления (ст. 194 — вымогательство), данная норма располагалась в главе, посвященной имущественным преступлениям.

В дальнейшем Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 24 августа 1925 г. [12, с. 196—197] внес в Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. ст. 92-а, которая дифференцировала ответственность по имущественным преступлениям в зависимости от принадлежности их частным лицам либо государственным учреждениям. Это было связано со стремлением властей укрепить свои позиции и навести жесткий порядок. Таким образом, указанная статья предусматривала уголовную ответственность за истребление государственного и общественного имущества. Обстоятельства, как приостановление производства, неоднократность совершения деяния, нанесение существенного вреда государственным учреждениям выступали в качестве квалифицирующих признаков. Названным Декретом был уточнен предмет преступления (ст. 196).

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [13] изначально содержал 4 статьи, которые предполагали наказание за уничтожение и повреждение имущества. Особенная часть включала гл. 2, которая состояла из преступлений против порядка управления. Статья 79 предусматривала уголовную ответственность за умышленное истребление или повреждение имущества, которое принадлежало государственным предприятиям и учреждениям и кооперативным, профессиональным и другим, т. е. общественным, организациям. Квалифицирующими признаками выступали: неоднократность преступления, прерывание производства или иной существенный вред государству. Основным объектом таких деяний с точки зрения законодателя выступал порядок управления, а не имущественные правоотношения. Можно подвергнуть критике данную позицию законодателя, однако такая логика диктовалась особенностями времени, в котором был принят данный кодекс.

Ответственность за умышленное истребление или повреждение имущества, которое находилось в собственности частных лиц, предусматривалась ст. 175, которая находилась в гл. 7 «Имущественные преступления». «Меры социальной защиты» или, говоря современным языком, наказание было менее строгим, чем в ст. 79, суровая мера наказания назначалась за совершение данного преступления путем затопления либо при помощи поджога. Часть 3 ст. 79 содержала также квалифицирующий признак, который влек наказание за совершение преступления общеопасным способом, если при этом пострадали люди.

По большей части в тексте Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. акцент был сделан на охрану не имущественных правоотношений, а других ценностей. Об этом говорят внесенные в него многочисленные поправки и дополнения, которые в основном затрагивали контрреволюционные посягательства, а также посягательства, направленные против порядка управления.

В тексте Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. [14] можно обнаружить расширенную структуру статей, посвященных различного рода посягательствам, связанным с уничтожением и (или) повреждением имущества. Дифференциация, проведенная на основании выделения объекта преступления, прослеживается в ст. 98, 99, 149 и 150. В статье 98 и 99 объектом являются отношения социалистической собственности; в ст. 149 и 150 — отношения личной собственности. Происходило также разделение формы вины: в ст. 98 и 149 ответственность установлена за умышленное деяние, в ст. 99 и 150 — за неосторожное.

В тексте ст. 98 назначалось наказание за умышленное уничтожение или повреждение имущества. Квалифицирующими признаками являлись: совершение деяния путем поджога либо другим общественно опасным способом; человеческие жертвы; крупный ущерб; другие тяжкие последствия. Умышленное уничтожение или повреждение леса при помощи поджога было предусмотрено ч. 2 ст. 98 и каралось более жестко. Наказание усиливалось, поскольку специфичен был предмет, а также способ совершения деяния. В случае если были уничтожены леса либо они были серьезно повреждены при неосторожном обращении с огнем, а также при небрежном уничтожении или повреждении имущества, принадлежавшего государству либо обществу, если это влекло гибель людей, данные деяния предполагали наступление уголовной ответственности.

Наступление ответственности за причинение ущерба личному имуществу происходило только при наличии значительного ущерба. Квалифицирующими признаками в ч. 2 ст. 149 выступали: совершение поджога, общественно опасный способ, гибель людей и др. В случае если результатом неосторожного деяния явилась гибель людей либо другие тяжкие последствия, также наступала уголовная ответственность.

Защите государственного имущества придавалось первостепенное значение в отличие от собственности граждан, что очевидно вытекает из анализа назначаемых наказаний.

Современная редакция Уголовного кодекса Российской Федерации принята Государственной

Думой 24 мая 1996 г. В настоящий момент уголовная ответственность за умышленное уничтожение и повреждение чужого имущества установлена ст. 167. В 2003 г. редактированию подверглась ч. 2 ст. 167.

В 2011 г. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» изменена санкция, предусматривающая уголовную ответственность по ст. 167 данного кодекса.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что формирование уголовно-правового запрета умышленного уничтожения и повреждения чужого имущества в России имеет многовековую историю. Изучение отечественного уголовного законодательства показывает, что случаи совершения данного вида общественно опасного деяния были известны еще с древних времен. В ранних документах законодатель не производил разделения норм в зависимости от их отраслевой принадлежности, четко не разделялись и санкции, однако проведенный анализ позволяет утверждать, что части деяний присваивался статус преступлений.

Законодательство, содержащее нормы уголовного права конца XIX — начале XX в., приняло системный вид, более четко были детализированы предписания, которые касались уничтожения и повреждения чужого имущества. Деяния дифференцировались в зависимости от объекта, предмета и др. Уложение 1845 г. содержало излишне детализированные нормы, которые были размещены в различных разделах и главах документа, что усложняло правоприменительную деятельность. Данные недостатки были исправлены Уложением 1903 г., в котором преступления рассматриваемого вида содержались в одной главе.

В период существования советского государства, несмотря на то что исторический опыт законодателем был учтен не в полной мере, произошло развитие системы норм, предусматривающих ответственность за уничтожение или повреждение имущества. В конечном итоге Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. включил в себя довольно логичную структуру норм, устанавливающих наказание за рассматриваемые преступления.

Историческая преемственность деятельности законодателя прослеживается в схожести действующих уголовно-правовых норм Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих уголовную ответственность за уничтожение и повреждение чужого имущества, с основными положениями Кодекса 1960 г.

1. Семененко Г. М. Криминологическая характеристика и предупреждение умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратов. гос. юрид. академия, 2014. 28 с.

2. Джангуразов М. А. Преступления, связанные с уничтожением или повреждением имущества: законотворческий, теоретический и правоприменительный аспекты: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2014. 26 с.

3. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X—XII вв. / под ред. С. В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. 288 с.

4. Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источник, ее значение / под ред. О. И. Чистякова. М.: Зерцало-М, 2002. 400 с.

5. Штамм С. И. Судебник 1497 года: учеб. пособие по истории государства и права СССР. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955. 112 с.

6. Хрестоматия по истории России: учеб. пособие / авт.-сост. А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева [и др.]. М.: Проспект, 2013. 592 с.

7. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. М.: ТК Велби: Проспект, 2004. 472 с.

8. Законодательство Петра I. М.: Юрид. лит., 1997. 880 с.

9. Российское законодательство X—XX веков. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1988. 432 с.

10. Васильев А. В. Законодательство и правовая система дореволюционной России: учеб. пособие / под ред. С. А. Комарова. СПб.: Питер, 2004. 224 с.

11. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // СУ. 1922. № 79. Ст. 674.

12. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917—1952 года) / под ред. И. Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. С. 196—197.

13. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // СУ. 1926. № 80. Ст. 600.

14. Уголовный кодекс РСФСР (РФ) 1960 года // Бытко Ю. И., Бытко С. Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X—XX веков: в 3 т. Саратов: Изд-во СГАП, 2005.

1. Semenenko G. M. Criminological characteristics and prevention of intentional destruction or damage to property belonging to another. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Saratov: Saratov State Law Academy; 2014: 28 p.

2. Dzhangurazov M. A. Crimes related to the destruction or damage to property: legislative, theoretical and law enforcement aspects. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2014: 26 p.

3. Monuments of Russian law. First issue. Monuments of the Kiev state law. X—XII centuries. Ed. by S. V. Yushkov. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1952: 288 p.

4. Yushkov S. V. Russkaya Pravda. Its origin, source and meaning. Ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: ICD "Zerkalo-M"; 2002: 400 p.

5. Shtamm S. I. Code of Justice of 1497: study guide on the USSR state history and law. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1955: 112 p.

6. Chrestomathy on the history of Russia. Study guide. Ed. by A. S. Orlov, V. A. Georgiev, N. G. Georgieva (et al). Moscow: Prospect; 2013: 592 p.

7. Chrestomathy on the history of state and law of Russia. Study guide. Comp. by Yu. P. Titov. Moscow: TK Velby, Publishing House Prospect; 2004: 472 p.

8. Legislation of Peter I. Moscow: Legal literature; 1997: 880 p.

9. Russian legislation of the 10th—20th centuries. Vol. 6. Legislation of the first half of the XIX century. General ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Legal literature; 1988: 432 p.

10. Vasiliev A. V. Legislation and the legal system of pre-revolutionary Russia: study guide. Ed. by S. A. Komarov. St. Petersburg: Peter; 2004: 224 p.

11. Criminal Code of the RSFSR of 1922. SU. 1922; No. 79; Art. 674.

12. Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR (1917—1952). Ed. by I. T. Golyakov. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1953: 196—197.

13. The Criminal Code of the RSFSR of 1926. SU. 1926; No. 80; Art. 600.

14. The Criminal Code of the RSFSR (RF) of 1960. Bytko Yu. I., Bytko S. Yu. Collection of normative acts on criminal law of Russia of the 10th-20th centuries. Saratov: SGAP; 2005.

Батурин Вячеслав Юрьевич,
начальник кафедры
тактико-специальной подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
8-904-775-02-01

Пахомов Михаил Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: pakhomoff.mikhail@yandex.ru

Baturin Vyacheslav Yurevich,
head of the tactical and special training
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, doцент;
8-904-775-02-01

Pakhomov Mikhail Eugenievich,
senior lecturer at the tactical
and special training
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
e-mail: pakhomoff.mikhail@yandex.ru

* * *

К. А. Зарубина**ПРИЗНАКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Понятие профессиональной преступности определяют через признаки указанного явления. К основным характеристикам криминального профессионализма относят специализацию, квалификацию, восприятие и использование преступной деятельности как средства для добывания доходов, связь лица с криминальным миром, антисоциальной средой. Некоторые ученые к признакам профессиональной преступности относят и иные категории: постоянство, стабильность преступной деятельности, восприятие лицом криминальной субкультуры, наличие особых познаний, умений и навыков у преступника, мастерства и др. Особо важно определить, какие признаки криминального профессионализма являются главными, а какие дублируют основные характеристики. К основным признакам криминального профессионализма дополнительно можно отнести особые психологические качества личности профессионального преступника (трансформацию мировоззрения), неуязвимость профессиональных преступников от уголовного преследования. Это позволит сформулировать новые теоретические обобщения, выработать конкретные прикладные рекомендации для дальнейшего совершенствования уголовного права, так как эти признаки связаны со многими практическими вопросами борьбы с преступностью.

Ключевые слова: профессиональная преступность, криминальный профессионализм, признаки профессиональной преступности, специализация, квалификация, преступный доход, криминальная карьера.

К. А. Zarubina**THE HALLMARKS OF A PROFESSIONAL CRIME**

The concept of professional crime is defined through the signs of this phenomenon. The main characteristics of criminal professionalism include specialization, qualification, perception and use of criminal activity as a means to generate income, the connection of a person with the criminal world, anti-social environment. Some scientists attribute other categories to signs of professional crime: constancy, stability of criminal activity, perception by the person of criminal subculture, existence of special knowledge, abilities and skills at the criminal, skill, etc. It is particularly important to determine which features of criminal professionalism are the main, and which duplicate the main characteristics. According to the author, the main features of criminal professionalism can additionally include special psychological qualities of the personality of a professional criminal (transformation of worldview), invulnerability of professional criminals from criminal prosecution. This will allow to formulate new theoretical generalizations, to develop specific applied recommendations for further improvement of criminal law, as these features are associated with many practical issues of combating crime.

Key words: professional crime, criminal professionalism, signs of professional crime, specialization, qualification, criminal income, criminal career.

Понятие профессиональной преступности определяется через совокупность признаков данного явления. Исследуя указанные характеристики, раскрывая их сущностное содержание, можно не только сформулировать новые теоретические тезисы, но и выработать конкретные прикладные рекомендации для дальнейшего совершенствования уголовного права.

К характеристикам профессиональной преступности ученые относят четыре основных признака:

- специализация профессиональных преступников;
- преступная квалификация;
- использование криминальной деятельности как средства для добывания доходов;
- наличие у лица связей с преступным миром, криминальной средой [1].

Некоторые криминологи к признакам криминального профессионализма относят и другие категории.

Первым важнейшим признаком считается *преступная специализация* — это устойчивый вид преступного занятия, систематическое совершение однородных (тождественных) преступлений; «разделение» профессиональных преступников по виду систематически совершаемых ими преступлений (разбои, кражи, вымогательства, грабежи, мошенничества и др.) [2, с. 428]; распространенная среди профессиональных преступников криминальная специализация, избранная деятельность [3, с. 217]. Она вырабатывает определенную привычку у преступника, переходящую в норму поведения. Именно специализация является важнейшим фактором, формирующим институциональную основу криминальной деятельности. Для безопасности осуществления субъектами противоправной деятельности требуется выработка специфических навыков и умений, наличие специальных знаний. Без этого достижение намеченной преступной цели становится крайне рискованным или невозможным [4, с. 22].

Подобное «разделение труда» происходит зачастую не только по родам и видам объекта посягательства, но даже по конкретным способам, методам, месту совершения общественно опасного деяния. Так, многие исследователи только у воров насчитывают более 25 основных специализаций (а в прошлом веке в воровской среде насчитывали до 30 преступных «профессий») [5, с. 105].

Рассматривая такой признак профессиональной преступности, как специализация, ученые обращают внимание не только на однородность, тождественность совершаемых преступлений, но и на повторность, устойчивость преступной деятельности. Этот показатель иногда называют криминальным стажем, так как большинство профессиональных преступников не привлекаются к уголовной ответственности, но преступления продолжительное время совершают.

Важнейшим признаком профессиональной преступности является *квалификация* — приобретение необходимых практических умений и навыков, специальных знаний. Если криминальная специализация «разделяет» профессиональных преступников по объектам преступного посягательства, выделяя своеобразные профессии, то квалификация фактически характеризует сущностное, внутреннее наполнение этих «профессий». Преступную квалификацию иногда называют узкой специализацией, которая связана с определенным видом специализированной преступной деятельности,

криминальной подготовкой. Многие виды преступлений вообще не могут быть совершены без использования специальных криминальных умений и навыков, знаний.

С процессом «обретения» преступной квалификации связано понятие «криминальная карьера». Она имеет несколько этапов развития: предварительный этап, становление, активный и завершающий этапы [6]. Приобретение необходимых умений и навыков, накопление практического опыта, доведение до автоматизма механизма общественно опасной деятельности характерно для активного этапа развития криминальной карьеры. На завершающем этапе профессиональный преступник либо отказывается от дальнейшего продолжения преступной деятельности и ищет «преемника», либо деградирует как личность, умирает или попадает в тюрьму. Так, активный этап криминальной карьеры нацелен на приобретение профессиональной преступной квалификации, узкой специализации, однако указанной цели преступники достигают разными методами. Для того чтобы сформировать необходимые умения и навыки, усвоить определенные нормы и правила, преступники обращаются за помощью к иным представителям криминального мира, совершенствуют свои способности самостоятельно.

Восприятие *преступной деятельности как источника средств существования* — еще один основной признак профессиональной преступности. Подобный источник средств может быть как основным, так и дополнительным (постоянным или временным). Доход может извлекаться как в денежной, так и в иной материальной форме. Иногда такую общественно опасную деятельность называют преступным промыслом, акцентируя внимание на качественной характеристике указанного явления [7, с. 213]. Многие ученые отмечают: доход от совершения преступлений должен быть обязательно значительным, способным обеспечить лицо всем необходимым для его нормальной жизнедеятельности [8]. Отдельные исследователи уточняют: доход от преступной деятельности необходимо получать систематически, поэтому дополнительные финансовые поступления обязательно должны быть регулярными [9, с. 91]. Если материально преступник не зависит от данного незаконного дохода, то и профессиональными подобные преступления назвать нельзя — в таком случае теряется смысл указанного вида преступной деятельности. Отдельные исследователи в связи с этим уточняют: доход должен быть основным или одним из основных, придавая особую значимость

соотношению преступных и «мирных» источников средств существования [10].

Связь лица с преступным миром, антисоциальной, криминальной средой — важнейший признак профессиональной преступности. Она необходима преступникам не только для того, чтобы организовывать совместные действия, совершать преступления, но и для получения определенных услуг. Данный атрибут как бы обобщает все иные, ранее перечисленные признаки, так как специализацию и квалификацию преступники приобретают чаще всего, взаимодействуя с криминальной средой, другими «профессионалами», именно в преступном мире формируются антисоциальные ориентации и установки, моральные стимулы, приобретаются необходимые умения и навыки, знания. За счет принадлежности к криминальной среде многие «профессионалы» получают и своеобразную материальную поддержку. Так, вне связи лица с криминальным миром вся профессиональная преступная деятельность была бы неосуществима, именно в этой антисоциальной среде формируются основные ориентации «профессионалов», специализация, квалификация преступников, иные важные атрибуты профессиональной преступной деятельности.

В узком смысле криминальную антиобщественную связь определяют через восприятие, усвоение индивидом особой субкультуры. Криминальная субкультура — это искаженная система обычаев, традиций, ценностей, норм и правил поведения, сформированная преступным сообществом; образ жизни, принятый в криминальной среде. Особо важно определить, что входит в структуру криминальной субкультуры. К ее элементам относятся: иерархию преступников; нормы, законы, обычаи и традиции преступного мира; особый уголовный жаргон; татуировки и клички преступников; методы шифровки и распространения информации; специальные клятвы и ритуалы; уголовный фольклор, стиль одежды, манеры поведения и многое другое [11].

Многие исследователи выделяют криминальную субкультуру как пятый, основной признак профессиональной преступности [12]. Некоторые ученые прямо отождествляют связь индивида и криминальной среды с субкультурой преступного мира [13]. По нашему мнению, субкультуру, действительно, можно считать важнейшим атрибутом профессиональной преступной деятельности, однако относить ее к основным признакам не стоит.

С другой стороны, связь индивида с преступным миром не ограничивается существованием

в криминальной среде особой субкультуры. Взаимодействие «профессионалов» с другими преступниками необходимо не только для «культурного обмена», общения, но и для организации совместного «ремесла», причем не обязательно лица должны быть членами преступной организации (преступного сообщества). Совершение многих видов преступлений требует обязательного взаимодействия, даже «профессионалы» не способны в одиночку довести общественно опасное деяние до завершения (с извлечением прибыли от преступления). Но не все профессиональные преступники активно взаимодействуют с антисоциальной средой, ученые даже выделили специальный тип профессионального нарушителя уголовного закона — преступника-одиночку. Он не поддерживает никаких связей с остальным преступным миром, но это не исключает возможности контактирования с криминальной средой иным образом: например, поддерживая определенные традиции и правила, усваивая криминальную субкультуру. В зависимости от характера связей лица с преступной средой также выделяют «профессионалов», которые совершают преступления в одиночку, но активно взаимодействуют с криминальным миром; профессиональных преступников, совершающих групповые преступления со сложным распределением ролей (исполнители, пособники, организаторы и т. п.); криминальных авторитетов [14, с. 153].

В заключение необходимо отметить: такой признак профессиональной преступности, как связь индивида с преступным миром фактически доминирует над остальными, так как преступная специализация и квалификация приобретаются только в процессе взаимодействия лица с криминальной средой. Получать прибыль от общественно опасной деятельности вне этого взаимодействия также затруднительно. Поэтому «профессионалы» не могут существовать изолированно.

Такие признаки профессиональной преступности, как постоянство, стабильность, привычность (бессознательная страсть), устойчивость преступной деятельности, наличие неформальных форм поведения, четкого планирования преступлений и другие можно отнести к уточняющим характеристикам криминального профессионализма, раскрывающим внутреннюю сущность атрибутов профессиональной преступной деятельности, так как они фактически дублируют основные признаки.

Отдельно необходимо сказать о психологических характеристиках личности профессионального преступника. Трансформацию мировоззрения,

потребность в совершенствовании «профессиональных» умений и навыков, особое отношение к преступной деятельности и т. п. не относят к основным признаками криминального профессионализма, но выделять в особую категорию такие психологические характеристики необходимо. Это связано с тем, что у профессионального преступника меняется не только образ жизни, но и внутренние установки, образ мышления, причем не так, как у обычного, «рядового» преступника [15, с. 9]. Перечисленное выделяет его из круга профессионалов, в связи с чем на данные психологические характеристики можно указать как на признак профессиональной преступности, так как упомянутая категория, по нашему мнению, имеет самостоятельное значение.

Некоторые криминологи также относят неуязвимость профессиональных преступников перед уголовным преследованием к признакам профессиональной преступной деятельности [16, с. 387]. Это «качество» определенным образом связано с мастерством, однако неуязвимость напрямую не зависит от профессии преступника, так как специализация и квалификация указывают на порядок совершения конкретного преступления, методы и приемы, выбор преступного «ремесла».

Способность «профессионала» оставаться «недосягаемым» для правоохранительных органов можно рассматривать как особую характеристику криминального профессионализма, в связи с тем что данное «качество» в совокупности с иными основными признаками особо выделяет «профессионалов» в ряду других нарушителей уголовного закона.

Таким образом, в настоящее время исследователи выделяют четыре основных признака профессиональной преступности: специализацию; преступную квалификацию; использование преступной деятельности как источника добывания доходов; связь преступника с криминальной средой. Иные характеристики можно отнести к уточняющим, раскрывающим внутреннюю сущность атрибутов профессиональной деятельности. По нашему мнению, к основным признакам криминального профессионализма дополнительно можно отнести особые психологические качества личности профессионального преступника (трансформацию мировоззрения), неуязвимость профессиональных преступников перед уголовным преследованием, так как эти свойства не дублируют иные атрибуты криминального профессионализма, хотя и тесно с ними связаны.

1. Фарышев Е. В. Современное понятие и содержание профессиональной преступности // Вестник КРУ МВД России. 2016. № 3 (33). С. 90—95.

2. Антоян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания: монография. М.: Проспект, 2017. 434 с.

3. Белкин Р. Ф. Криминалистическая энциклопедия. М.: БЕК, 1997. 339 с.

4. Годунов И. В. Организованная преступность от расцвета до заката. М.: Акад. проект, 2008. 341 с.

5. Калпинская О. Е. Особенности возникновения и развития организованной преступности в дореволюционной России // Юриспруденция. 2010. Т. 20. № 4. С. 103—108.

6. Жмуров Д. В. Некоторые теоретические вопросы криминальной карьеры // Известия БГУ. 2014. № 6. С. 146—148.

7. Козлов А. П., Севастьянов А. П. Единичные и множественные преступления. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2011. 915 с.

8. Прохорова М. Л., Горенко М. Г. Промысел как вид множественности преступлений: компаративистские и теоретические аспекты // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 34—37.

1. Farishev E. V. Modern concept and content of professional crime. Journal of Crewe of the Ministry of interior of Russia. 2016; 3 (33): 90—95.

2. Antonyan Yu. M., Enikeev M. I., Eminov V. E. Psychology of crime and punishment. Monograph. Moscow: Prospect; 2017: 434 p.

3. Belkin R. F. Forensic encyclopedia. Moscow: BEK; 1997: 339 p.

4. Godunov I. V. Organized crime from the heyday to the decline. Moscow: Acad. Project; 2008: 341 p.

5. Kulpinska O. E. Features of the emergence and development of crime in pre-revolutionary Russia. Jurisprudence. 2010; 20 (4): 103—108.

6. Zhmurov D. V. Some theoretical questions of criminal career. Izvestiya BSU. 2014; 6: 146—148.

7. Kozlov A. P., Sevastyanov A. P. Single and multiple crimes. Saint-Petersburg: Law center Press; 2011: 915 p.

8. Prokhorova M. L., Gorenko M. G. Fishing as a kind of multiplicity of crimes: comparative and theoretical aspects. Society: politics, Economics, law. 2017; 5: 34—37.

9. Lysov M. D. On the concept of commercial mediation in Criminal law. Pravovedenie. 1966; 1: 84—93.

9. Лысов М. Д. О понятии коммерческого посредничества по Уголовному праву // Правоведение. 1966. № 1. С. 84—93.

10. Шаргородский М. Д. Цели наказания в социалистическом уголовном праве и его эффективность (анализ и прогноз) // Преступность и ее предупреждение. Л., 1971. С. 104—126.

11. Шалагин А. Е. Криминальная среда и ее общественная опасность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (2). С. 36—41.

12. Артемьев Н. С., Забелич А. А. Характеристика профессиональной преступности и личности профессионального преступника // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 1. С. 32—37.

13. Криминология: учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. 640 с.

14. Филиппова Е. О. Криминология. Оренбург: ОГУ, 2013. 264 с.

15. Забелич А. А. Личность профессионального преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, как объект криминологического исследования: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 25 с.

16. Малков В. Д. Криминология. 27-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2006. 528 с.

10. Shargorodsky M. D. Goals of punishment in socialist criminal law and its effectiveness (analysis and forecast). In Crime and its prevention. Leningrad; 1971: 104—126.

11. Shalagin A. E. Criminal environment and its public danger. Scientific notes of the Kazan law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2016; 2 (2): 36—41.

12. Artemyev N. S., Zabelich A. A. The Characteristics of professional crime and the identity of the professional criminal. AVBsP. 2017; 1: 32—37.

13. Criminology. Textbook. Ed. of N. F. Kuznetsova, V. V. Luneev. 2nd ed., rev. and extra. Moscow: Wolters Kluwer; 2004: 640 p.

14. Filippova E. O. Criminology. Orenburg: OGU; 2013: 264 p.

15. Zabelich A. A. The Identity of the professional criminal, who is serving a sentence in places of deprivation of liberty, as an object of criminological research. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences; 2013: 25 p.

16. Malkov V. D. Criminology. 27th ed., rev. and extra. M.: Yustitsinform; 2006: 528 p.

© Zarubina K. A., 2019

© Зарубина К. А., 2019

Зарубина Кристина Александровна,
аспирант Юго-Западного
государственного университета, г. Курск,
e-mail: Kris1996z@mail.ru

Zarubina Kristina Alexandrovna,
Post-graduate student,
South-West State University, Kursk,
e-mail: Kris1996z@mail.ru

* * *

В. А. Канубриков, М. А. Яковлева

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА

В статье на основе изучения научных источников и судебно-следственной практики проведен уголовно-правовой анализ составообразующих признаков заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Отмечается, что сегодня акты терроризма вызывают сильное беспокойство в мировом сообществе, в одном ряду с ними по общности объекта посягательства находится и заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

При рассмотрении проблем квалификации авторами представлена научная полемика по наиболее спорным моментам рассматриваемой темы: отмечаются проблемы нелогичного подхода законодателя к установлению в ч. 1 ст. 207 обязательного признака — из хулиганских побуждений, а также цели дестабилизации органов власти в составе ч. 3 ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) как квалифицирующего признака.

В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что для устранения противоречий необходимо либо в ч. 1 и 3 ст. 207 УК РФ исключить обязательный признак «мотив совершения преступления», предоставив тем самым вариативность мотиваций, либо, в случае отсутствия у виновного хулиганских побуждений, а также цели дестабилизации органов власти, действия виновного нужно квалифицировать по ст. 306 УК РФ в связи с тем, что данная норма является общей по отношению к заведомо ложному сообщению об акте терроризма.

Ключевые слова: заведомо ложное сообщение об акте терроризма, уголовно-правовая характеристика заведомо ложного сообщения об акте терроризма, акт терроризма, общественная безопасность.

V. A. Kanubrikov, M. A. Yakovleva

PROBLEMS TO QUALIFY A KNOWN FALSE REPORT ON TERRORISM-RELATED ACT

The authors of the given article make criminal-legal analysis of the elements of known false reports on terrorism-related act taking into account the review of the scientific sources and forensic-investigative practice. The authors note that at present terrorism-related acts cause great anxiety in the world community as well as a known false report on terrorism-related act is involved in this problem on the basis of the common features of the object of attack.

While considering the problems of qualification the authors offer some scientific debate related to the most controversial issues of the topic, namely, the problems of the illogical approach of the legislator — to identify an obligatory feature (in Part 1 of Article 207) that is "from hooligan motives" as well as to establish the purposes of destabilizing the authorities as a qualifying feature (in Part 3 of Art. 207 of the Criminal Code of the Russian Federation).

As a result of the analysis made the authors conclude that it is necessary to exclude an obligatory feature, that is the motive for committing a crime, from Part 1 and 3 of Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation. It eliminates contradictions and provides variability of motivations; to qualify actions of the offender according to Art. 306 of the Criminal Code of the Russian Federation if the offender hasn't had hooligan motives as well as the goal to destabilize the authorities. This fact means that the mentioned rule of law is general for a known false report on terrorism-related act.

Key words: known false report on terrorism-related act, criminal-legal feature of a known false report on terrorism-related act, terrorism-related act, public safety.

Сегодня акты терроризма вызывают сильное беспокойство в мировом сообществе. Последствиями этого массового негативного явления значатся тысячи искалеченных жизней, разрушенная инфраструктура и подрыв авторитета, а соответственно, и доверия граждан к органам государственной власти и местного самоуправления. Под сомнение общественности в профессиональной пригодности и компетентности также попадают и силовые структуры, в том числе правоохранительные органы. Угрожающее распространение террористические акты получили и на территории Российской Федерации, что ставит проблему борьбы с терроризмом на одно из центральных мест.

В одном ряду с преступлениями против общественной безопасности, такими как террористический акт, организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем, захват заложника, стоит и заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Несмотря на то что слово «ложный» означает «содержащий ложь, неправду; неправильный, ошибочный», касательно заведомо ложного сообщения об акте терроризма мы говорим именно об умышленном преступлении, поскольку такое поведение свидетельствует об акте психологического терроризма, призванного устрашать мирное население. Кроме того, лицо, делая ложное сообщение об акте терроризма, осознанно создает обстановку, при которой ввиду использования актуальных сил и средств по предупреждению, пресечению и устранению последствий якобы террористического акта могут возникнуть чрезвычайные ситуации, не говоря уже о материальных затратах при задействовании правоохранительных органов. Как раз в этом и заключается существенная опасность, поскольку в связи с проведением указанного мероприятия, как правило, происходит существенное ограничение личных прав граждан: в результате приостановления производственного и учебного процесса, нарушения расписания отправления поездов и вылетов самолетов и, как итог, причинения значительного материального ущерба. Вместе с тем неоднократные ложные вызовы, особенно за короткий промежуток времени, могут привести к снижению бдительности правоохранительных органов, что ввиду отсутствия должного внимания и своевременного реагирования может привести к очень тяжелым последствиям [1, с. 36].

Несмотря на принимаемые меры по предупреждению и противодействию заведомо ложного сообщения об акте терроризма, статистические

данные говорят о тенденции к росту регистрируемых сообщений. Так, за 2016 г. было зарегистрировано 1 433 случая заведомо ложных сообщений об акте терроризма [2], за 2017 г. — 3 027 [3], за 2018 г. — 1 530 [4], а за 3 месяца 2019 г. — уже 679 таких сообщений [5]. При этом необходимо констатировать, что в 2018 г. произошел значительный спад регистрации указанного вида состава преступления. На наш взгляд, это связано с изменением составообразующих признаков в диспозиции ст. 207 УК РФ. Кроме того, отмечается не только рост количества зарегистрированных преступлений, но и качество способов их совершения (использование мобильного Интернета с «одноразовых» сим-карт, выход в Интернет из пунктов общественного доступа к интернет-ресурсам, применение интернет-сервисов, адреса которых зарегистрированы за пределами Российской Федерации, и т. д.).

Согласно действующей редакции УК РФ под заведомо ложным сообщением об акте терроризма понимается адресация сведений, не соответствующих реальной действительности, о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенное из хулиганских побуждений (ст. 207).

Объектом заведомо ложного сообщения об акте терроризма выступает общественная безопасность. В качестве дополнительного объекта могут предстать права и интересы граждан, интересы органов власти при цели дестабилизации их деятельности, а также интересы объектов инфраструктуры в виде понесенного материального ущерба, причиненного правоохранительными органами в ходе проверочных мероприятий, выраженного в упущенной выгоде в момент простоя [6, с. 78].

Объективная сторона основного состава рассматриваемого преступного деяния проявляется в форме активных действий, ложного высказывания о готовящемся акте терроризма, — взрыве, поджоге или иных действиях, которые создают опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или иных последствий, содержащих признаки терроризма [7]. Кроме того, объективную сторону будет образовывать и опосредованное сообщение об акте терроризма, например, сообщение из хулиганских побуждений об акте терроризма своему знакомому о том, что его подъезд заминирован и необходимо принять меры по эвакуации соседей.

В части 2 предусматривается ответственность за то же деяние в отношении объектов социальной инфраструктуры либо за деяние, повлекшее причинение крупного ущерба. Данный квалифицированный состав в качестве альтернативно-обязательных признаков предусматривает либо указанный в примечании к статье объект посягательства — объекты социальной инфраструктуры, либо общественно опасные последствия в виде крупного ущерба, сумма которого превышает один миллион рублей.

Субъективная сторона основного состава, согласно действующей редакции, выражается в наличии такого обязательного признака, как хулиганские побуждения. Стоит принять во внимание, что под хулиганским побуждением понимается желание виновного совершить преступление, показав свое противостояние обществу, т. е. с использованием незначительного повода или вообще без такового [8].

Таким образом, предыдущая редакция ст. 207 УК РФ не предусматривала в качестве составообразующего признака такой мотив совершения преступления, как «из хулиганских побуждений» либо «в целях дестабилизации деятельности органов власти» (ч. 2 ст. 207 УК РФ), что в свою очередь давало правоприменителям возможность одинаково квалифицировать заведомо ложные сообщения об акте терроризма без акцентирования мотивов и целей. Возникает вполне уместный вопрос о квалификации данного преступления, совершенного, к примеру, из корыстных побуждений или личной неприязни, что ставит под вопрос применение ч. 1 и 3 ст. 207 УК РФ, а также вопрос об освобождении лиц, ранее привлеченных к уголовной ответственности, от отбывания наказания.

Например, согласно апелляционному постановлению Липецкого областного суда от 16 августа 2018 г., в декабре 2017 г. подсудимый В. О. С. был признан виновным по трем эпизодам ч. 1 ст. 207 УК РФ. Учитывая тот факт, что В. О. С. совершил указанное преступление без такого обязательного признака, как «из хулиганских побуждений», а также исходя из требований ч. 1 ст. 10 УК РФ, все действия В. О. С. по приговору Советского районного суда г. Липецка от 19 декабря 2017 г. подлежат декриминализации, поскольку с принятием нового уголовного закона — Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ — они не содержат обязательного признака субъективной стороны преступного деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 207 УК РФ в ее новой редакции [9].

После изменения закона суды к хулиганским побуждениям в некоторых случаях относят мотивы, которые, как нам кажется, к хулиганским побуждениям отношения не имеют: например, гражданин И. 24 января 2019 г. из ревности сообщил о заминировании киоска, в котором работает его жена. Суд, обосновывая хулиганский мотив, указал, что действия И. обусловлены малозначительным поводом — опорочить другое лицо из-за возникшей обиды — и выражены в заведомо ложном сообщении об акте терроризма, свидетельствуют о желании виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное, циничное отношение к другим личностям, т. е. в его действиях усматривается грубое нарушение общественного порядка [10].

Те же проблемы возникают у правоприменителей и при квалификации деяний в целях дестабилизации деятельности органов власти (ч. 2 ст. 207 УК РФ). Например, А. С. Тыкин 4 ноября 2018 г. в период с 22 до 23 часов, желая парализовать нормальную деятельность Федерального казенного учреждения «Исправительная колония...» Главного управления Федеральной службы исполнения наказания России по..., являющегося органом исполнительной власти Российской Федерации, отвлекая силы и средства правоохранительных органов, призванных оказывать помощь в экстремальных ситуациях, воспользовавшись принадлежащим ему мобильным телефоном, позвонил на телефон ФКУ ИК-... ГУ ФСИН России по..., заведомо ложно сообщил о готовящемся взрыве. Суд квалифицировал действия подсудимого по ч. 1 ст. 207 УК РФ, исключив из обвинения наличие цели дестабилизации деятельности органов власти [11].

При этом в г. Красноярске А. В. Петропавловский ДД.ММ.ГГГГ примерно в 16 часов 19 минут, находясь в специальном помещении содержания задержанных лиц, расположенном в дежурной части отдела полиции №... МУ МВД России «Красноярское», позвонил на пульт управления оператора экстренной службы #112, заведомо ложно сообщил оператору не соответствующие действительности сведения о готовящемся взрыве: «В Ленинском РОВД бомба».

Органами предварительного следствия действия А. В. Петропавловского квалифицированы по ч. 3 ст. 207 УК РФ как совершенные из хулиганских побуждений в целях дестабилизации деятельности органов власти. Суд между тем исключил из обвинения совершение преступления из хулиганских побуждений, поскольку это не предусмотрено диспозицией статьи, и посчитал правильным квали-

фицировать действия А. В. Петропавловского по ч. 3 ст. 207 УК РФ [12]. Хотя, на наш взгляд, в приведенном примере представлены именно хулиганские побуждения.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма представляет собой разновидность заведомо ложного доноса о преступлении. В таких случаях наступает конкуренция уголовно-правовых норм: ст. 306 УК РФ является общей нормой, а ст. 207 УК РФ — специальной. В соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ уголовная ответственность наступает по специальной норме. В связи с чем, как отмечает А. В. Бриллиантов, в случае отсутствия у виновного хулиганских побуждений, а также цели дестабилизации органов власти, действия виновного следует квалифицировать по ст. 306 УК РФ [13, с. 13].

Рассматривая субъект преступления, а также криминологическую характеристику лиц, его совершивших, можно выделить две группы «ложных террористов». К первой необходимо отнести лиц, преследующих цель пошутить, потешиться над работой силовых структур, а ко второй — профессиональных преступников. Итак, в первую группу входят следующие виды:

1) взрослые люди, в том числе несовершеннолетние правонарушители, преследующие цель привлечь к себе повышенное внимание или лично утвердиться за счет проведенной дезорганизации работы органов государственной власти и местного самоуправления;

2) лица с нестабильной психикой, в том числе имеющие психические расстройства, не исключаяющие вменяемости (подчиненные неконтролируемому поведению, с измененным сознанием из-за галлюцинаций);

3) лица, находящиеся под воздействием алкогольного, наркотического или токсического опьянения [14].

Ко второй группе относятся лица, предпочитающие не контактировать с правоохранительными органами, ввиду чего их сложно склонить к переговорам. Как правило, их намерения хорошо продуманы, налицо высокий уровень подготовки, который включает готовность сообщить о теракте, отвлечь внимания спецслужб на ложное сообщение и совершить реальный теракт, получить выкуп [15, с. 67].

Как сказано ранее, виновниками ложных сообщений могут быть как несовершеннолетние, так и взрослые люди. Причем первые, в лице учащихся общеобразовательных учреждений, совершают преступление с целью уклонения от проверочных мероприятий в момент обучения.

Таким образом, субъект рассматриваемого преступления — общий, т. е. вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

При рассмотрении составообразующих признаков установлено, что к ключевым признакам, характеризующим заведомо ложное сообщение об акте терроризма, необходимо относить следующее:

1) в сообщении содержится угроза, планируемая к исполнению в будущем;

2) адресованные сведения являются вымышленными, а равно не соответствуют действительности, являясь ложными;

3) лицо, осуществляющее передачу таких сведений, достоверно осведомлено о том, что они ложные;

4) сведения, которые сообщают адресату, конкретизированы, абстрактный характер исключен.

Субъективная сторона рассматриваемого состава преступления характеризуется умышленной формой вины, деяние определяется как совершенное из хулиганских побуждений либо имеет квалифицирующий признак «в целях дестабилизации деятельности органов власти».

В части 2 ст. 207 УК РФ с использованием того же мотива, «из хулиганских побуждений», делается акцент на предмет совершения преступления, а именно в отношении объектов социальной инфраструктуры либо наступления общественно опасных последствий в виде причинения крупного ущерба.

В диспозиции ч. 3 ст. 207 УК РФ говорится о дестабилизации деятельности органов власти как об обязательном и основном признаке субъективной стороны, что по конструкции имеет сходство с целью, предусмотренной в ст. 205 УК РФ.

Необходимо сделать вывод о том, что внесенные изменения в конструкцию ст. 207 УК РФ не позволяют правоприменителям правильно квалифицировать деяния, что наглядно показано в приведенных примерах, в связи с чем видится два варианта устранения противоречий. Первый: в ч. 1 и 3 ст. 207 УК РФ исключить обязательный признак «мотив совершения преступления», предоставив тем самым вариативность мотиваций. Данное предложение поддерживается многими авторами [напр., 16, с. 92; 17, с. 17], так как изменение позволит правоохранительным органам привлекать к ответственности за указанные действия в тех случаях, когда отсутствуют хулиганские побуждения. С одной стороны, обязательность в заведомо ложном сообщении об акте терроризма хулиганских побуждений не отражает террористического

характера и общественной опасности данного деяния, с другой — хулиганские побуждения (ч. 1 ст. 207 УК РФ) и дестабилизация деятельности органов власти (ч. 3 ст. 207 УК РФ) не охватывают всю вариативность мотивов и целей совершения рассматриваемого деяния. Можно утверждать, что общественная опасность и ее фактическое выражение в причиняемом человеку, обществу и государству вреде присутствует при соверше-

нии его как из личных побуждений, так и с какими-либо другими целями [18, с. 56]. Второй: в случае отсутствия у виновного хулиганских побуждений, а также цели дестабилизации органов власти действия виновного необходимо квалифицировать по ст. 306 УК РФ, в связи с тем что указанная норма является общей по отношению к заведомо ложному сообщению об акте терроризма.

1. Куликова Г. Л. Криминологические аспекты заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 1 (21). С. 36—39.

2. Состояние преступности январь — декабрь 2016 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/9338947> (дата обращения: 25.05.2019).

3. Состояние преступности январь — декабрь 2017 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987> (дата обращения: 25.05.2019).

4. Состояние преступности январь — декабрь 2018 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/14696015> (дата обращения: 25.05.2019).

5. Состояние преступности январь — март 2019 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16523390> (дата обращения: 25.05.2019).

6. Романовская О. В. Ограничения права на жизнь при пресечении террористических актов в воздушной среде // Экономика, педагогика и право. 2017. № 3. URL: <http://ecoedulaw.ru/ru/2017/3/2> (дата обращения: 26.05.2019).

7. Мальцев В. В., Канубриков В. А. О понятии уголовно-правовой нормы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. Вып. 4 (35). С. 72—77.

8. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45. Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс».

9. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 16 августа 2018 г. по Делу

1. Kulikova G. L. Criminological Aspects of a Known False Report on Terrorism Related Act. Vestnik of Academy of General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2011; № 1 (21): 36—39.

2. Crime Situation of January — March 2016. Ministry of the Interior of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://мвд.рф/reports/item/9338947>. Date of Reference: 25/05/2019.

3. Crime Situation of January — March 2017 Period. Ministry of the Interior of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://мвд.рф/reports/item/12167987>. Accessed: 25/05/2019.

4. Crime Situation of January — March 2018 Period. Ministry of the Interior of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://мвд.рф/reports/item/14696015>. Accessed: 25/05/2019.

5. Crime Situation of January — March 2019 Period. Ministry of the Interior of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://мвд.рф/reports/item/16523390>. Accessed: 25/05/2019.

6. Romanovskaya O. V. Restrictions on Right to Life While Suppressing Terrorist Related Acts in Air. Economics, Pedagogy and Law. 2017; № 3. Available from: <http://ecoedulaw.ru/ru/2017/3/2>. Accessed: 26/05/2019.

7. Maltsev V. V., Kanubrikov V. A. On Concept of Criminal-Legal Norm. Vestnik of the Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia. 2015; 4 (35): 72—77.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15 November 2007 № 45 "On Judicial Practice on Criminal Cases Related to Hooliganism and Other Crimes of Hooliganism Nature". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. Appeal Statement of the Lipetsk Regional Court dated 16 August 2018 on Case № 22-800/2018 of Lipetsk. Judicial and Regulatory Acts

№ 22-800/2018, г. Липецк // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YfZr1z1n2GV1/> (дата обращения: 25.05.2019).

10. Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области по Делу № 1-240/2019 от 13 мая 2019 года // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.10.2019).

11. Приговор Чусовского городского суда Пермского края по Делу № 1-19/2019 г. от 22 января 2019 года // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.10.2019).

12. Приговор Ленинского городского суда г. Красноярска по Делу № 1-610/2018 от 7 ноября 2018 года // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.10.2019).

13. Бриллиантов А. В. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации // Уголовное право. 2014. № 3. С. 13—18.

14. Кто такой телефонный террорист // Медиaplatforma «Безопасность»: сайт. URL: <https://bezopasnost-tv.ru> (дата обращения: 27.05.2019).

15. Лосяков А. В. Проблема «телефонного терроризма» в современной России и меры по его предупреждению // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 4. С. 67—70.

16. Расщупкина О. Н. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Некоторые вопросы квалификации // Закон и право. 2019. № 1. С. 91—93.

17. Цепелев К. В. Уголовно-правовая характеристика заведомо ложного доноса как преступления, посягающего на формирование доказательств в уголовном процессе // Российский следователь. 2009. № 2. С. 17—19.

18. Игнатов А. Н. О террористическом характере заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 157—165.

of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 25/05/2019.

10. Sentence of the Leninsky District Court of Magnitogorsk of the Chelyabinsk Region, on Cases № 1-240/2019 dated 13 May 2019. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://bsr.sudrf.ru>. Accessed: 25/10/2019.

11. Verdict of the Chusovsky City Court of the Permsky Region in Case № 1-19/2019, dated 22 January 2019. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://bsr.sudrf.ru>. Accessed: 25/10/2019.

12. Verdict of the Lenin City Court of Krasnoyarsk on Case № 1-610 / 2018 of November 7, 2018. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation: Official Site. Available from: <https://bsr.sudrf.ru>. Accessed: 25/10/2019.

13. Brilliantov A. V. Known False Denunciation: Qualification Issues. Criminal Law. 2014; 3: 13—18.

14. Who is a Telephone Terrorist? Media Platform Security. Available from: <https://bezopasnost-tv.ru>. Accessed: 27/05/2019.

15. Losyakov A. V. Problem of "Telephone Terrorism" in Modern Russia and Measures to Prevent it. Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2017; 4: 67—70.

16. Rsshchupkina O. N. Known False Report on Terrorism Act. Some Issues of Qualification. Law and Right. 2019; 1: 91—93.

17. Tsepelev K. V. Criminal-Legal Characteristics of Known False Denunciation as a Crime to Encroach Formation of Evidence in Criminal Proceedings. Russian Investigator. 2009; 2: 17—19.

18. Ignatov A. N. On Terrorism Nature of Known False Report on Terrorism-Related Act. Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2018; 5: 157—165.

© Kanubrikov V. A., Yakovleva M. A., 2019

© Канубриков В. А., Яковлева М. А., 2019

Канубриков Виталий Алексеевич,
заместитель начальника кафедры
уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: v.kanubrikov@mail.ru

Яковлева Марина Александровна,
преподаватель кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: yamartisha@eandex.ru

Kanubrikov Vitaliy Alexeyevich,
deputy head of the department
of criminal law of the educational
and scientific complex on the preliminary
investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia,
candidate of juridical sciences,
associate professor;
e-mail: v.kanubrikov@mail.ru

Yakovleva Marina Alexandrovna,
lecturer at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia;
e-mail: yamartisha@eandex.ru

* * *

И. А. Кузнецова, С. А. Тимко

**ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
(В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МИНИМАЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПОТЕРПЕВШЕГО)**

В статье рассматриваются отдельные вопросы, возникающие при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 106, 131—135, 150, 151, 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Отмечается, что законодателем не закреплены нижние возрастные границы потерпевших в указанных статьях, что создает определенные сложности в правоприменительной практике. Проанализированы различные точки зрения относительно момента начала жизни; сделан вывод о том, что под началом жизни следует понимать начало движения плода. Исследованы приемы, которыми законодатель апеллирует при установлении минимального возраста специального потерпевшего в рамках статей, закрепленных в гл. 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Авторы аргументировали позицию о необходимости наличия такого фактора, как возможность потерпевшего осознавать (оценивать) характер совершаемых с ним действий в рамках ст. 133, 135 УК РФ. Обосновано предложение квалифицировать в рамках ст. 135 УК РФ развратные действия, совершенные бесконтактно в отношении лица, способного осознавать характер совершаемых в отношении него действий и не достигшего 12-летнего возраста. Приведены доводы о том, что в рамках ст. 150, 151 УК РФ вовлечение в совершение преступления (или антиобщественных действий) возможно только в отношении несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности, в ином случае речь идет об использовании лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, что не предполагает осознания им противоправного характера действий, в совершение которых он вовлекается.

Ключевые слова: квалификация, потерпевший, несовершеннолетний, возраст, малолетний, ребенок, новорожденный, вовлечение, использование, развратные действия, половая неприкосновенность.

I. A. Kuznetsova, S. A. Timko

**QUESTIONS OF QUALIFICATION OF CRIMES,
RELATED TO ASSAULTS ON MINORS
(IN THE CONTEXT OF DETERMINING THE MINIMUM AGE OF THE VICTIM)**

The article discusses certain issues arising from the qualification of crimes under Art. 106, 131—135, 150, 151, 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (next — the Criminal Code of the Russian Federation). It is noted that the legislator does not fix the lower age limits of victims in these articles, which creates certain difficulties in law enforcement practice. Various points of view regarding the moment of the beginning of life are analyzed; it is concluded that the beginning of life should be understood as the beginning of the fetal movement. The methods by which the legislator appeals when establishing the minimum age of a special victim in the framework of the articles enshrined in Sec. 18 of the Criminal Code "Crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual". The authors argued the position about the need for such a factor as the ability of the victim to realize (evaluate) the nature of the actions committed with him under Art. 133, 135 of the Criminal Code. The proposal to qualify under Art. 135 of the Criminal Code of the Russian Federation depraved acts committed contactlessly with respect to a person who is able to realize the nature of the acts committed against him and has not reached the age of 12 years. Arguments are given that under Art. 150, 151 of the Criminal Code of the Russian Federation involvement in the commission of a crime (or antisocial actions) is possible only for minors who have reached the age of criminal responsibility, otherwise we are talking about the use of a person who has not reached the age of criminal responsibility, which does not imply an awareness of the unlawful nature of the actions the commission of which he is involved.

Key words: qualification, victim, minor, age, minor, child, newborn, involvement, use, indecent assault, sexual integrity.

Интересы несовершеннолетних находятся в числе приоритетных во всех сферах жизнедеятельности российского общества. Особенное внимание правоприменителя и населения в целом привлекают вопросы обеспечения их криминальной защищенности. В то же время современное законодательство, в том числе и уголовное, не позволяет в полной мере защитить права несовершеннолетних. Это связано как с неудачной конструкцией норм, так и деятельностью по их реализации. К числу наиболее проблемных вопросов относится квалификация содеянного.

Квалификация является основополагающим элементом правоприменительной деятельности. Значимость правильной квалификации сложно переоценить: установление четкого соответствия преступного деяния признакам определенного состава преступления является «основанием для назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и от наказания, применения принудительных мер воспитательного характера

к несовершеннолетним, а также отчасти и опосредованно — применения принудительных мер медицинского характера» [1, с. 6, 32]. Данный тезис напрямую вытекает из положений ст. 8 УК РФ, закрепляющей правило: «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом».

Общеизвестно, что элементами состава преступления являются объект преступления, объективная сторона преступления (состава преступления), субъект преступления и субъективная сторона преступления (состава преступления).

В рамках статьи проанализируем особенности определения нижней возрастной границы несовершеннолетнего при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 106, 131—135, 150, 151, 151.1 УК РФ (табл. 1). Именно возраст ребенка является здесь определяющим для наличия или отсутствия объекта посягательства.

Таблица 1

**Минимальный возраст специального потерпевшего
как обязательный критерий наступления уголовной ответственности
по отдельным статьям УК РФ**

Норма УК РФ	Формулировка специального потерпевшего в диспозиции ст. УК РФ	Толкование минимальной возрастной границы специального потерпевшего
Ст. 106 «Убийство матерью новорожденного ребенка»	Новорожденный ребенок	С момента начала движения плода во время родов
Ст. 131 «Изнасилование»	Лицо, не достигшее 14-летнего возраста	С момента рождения
Ч. 4 п. «б» ст. 132 «Насильственные действия сексуального характера»	Лицо, не достигшее 14-летнего возраста	
Ч. 2 ст. 133 «Понуждения к действиям сексуального характера»	Несовершеннолетний	Индивидуально: с возраста, в котором ребенок осознает противоправный характер совершаемых в отношении него действий
Чч. 3—5 ст. 134 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»	Лицо, достигшее 12-летнего возраста, но не достигшее 14-летнего возраста	12 лет. При посягательстве на лицо, не достигшее 12 лет, деяние квалифицируется по п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ

Окончание таблицы 1

Чч. 2—4 ст. 135 «Развратные действия»	Лицо, достигшее 12-летнего возраста, но не достигшее 14-летнего возраста	12 лет. При посягательстве на лицо, не достигшее 12 лет, деяние квалифицируется по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ
Ст. 150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»	Несовершеннолетний	С момента достижения возраста уголовной ответственности за деяние, в совершение которого вовлекается несовершеннолетний
Ст. 151 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий»	Несовершеннолетний	
Ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции»	Несовершеннолетний	С момента достижения возраста, в котором ребенок физически способен самостоятельно совершать действия, направленные на приобретение алкогольной продукции

Анализируя ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка», совершенно логично возникает вопрос: с какого момента появляется объект посягательства и что является началом жизни человека? Статус новорожденного как потерпевшего, впервые включенный в УК РФ 1996 г., не имеет законодательно закрепленного возрастного ценза. Теоретическая и прикладная медицина по-разному определяют период новорожденности. В педиатрии он равен четырем неделям [2, с. 8], в акушерстве — одной неделе [3, с. 23], в судебной медицине — одному дню [4, с. 137]. Мировая педиатрия ограничивает период новорожденности сроком 29 дней [5, с. 69].

Согласно диспозиции ст. 106 УК РФ, потерпевший — новорожденный ребенок. Но указания на начальный этап новорожденности норма не закрепляет. Среди исследователей рассматриваемого вопроса нет единства мнений. Сторонники позиции так называемого раннего начала жизни полагают, что жизнь человека начинается задолго до его рождения, в то же время отмечая, что действительное начало жизни и начало ее уголовно-правовой охраны не совпадают. Эти понятия лежат в разных плоскостях [6]. Р. Д. Шарапов связывает начало жизни с достижением плодом 22 недель, ввиду того что именно в это время зарождается мозг, а поскольку смерть человека констатируется со смертью мозга, то и рождение мозга можно считать началом жизни. Он сделал радикальное, на наш взгляд, предложение: в целях обеспечения уголовно-правовой охраны жизни человеческого плода «умышленное умерщвление плода в возрасте свыше 22 недель, независимо в утробе матери или вне ее, при отсутствии предусмотренных

медицинских показаний должно признаваться убийством» [7, с. 75]. Для этого Р. Д. Шарапов указал на необходимость предусмотреть в УК РФ, что «человеком в статьях настоящего Кодекса признается ребенок в возрасте более 22 недель беременности, новорожденный ребенок, иное физическое лицо до наступления смерти» [7, с. 75].

Такое определение человека в уголовно-правовом смысле представляется спорным. Как справедливо отмечает Н. А. Лопашенко, в случае, если данная позиция найдет отражение в законе, то, во-первых, «во всех случаях аборт... потребуются проведение экспертизы для точного установления беременности, чтобы исключить или, напротив, привлечь лицо к ответственности по составу убийства», во-вторых, «придется еще каждый раз доказывать точное знание виновного — убийцы плода старше 22 недель, что он точно знал возраст плода», в-третьих, «плод во внутриутробном существовании — это часть организма матери; ...плод, способный в принципе к самостоятельному внутриутробному существованию, находящийся в утробе матери, и человек, который рождается или только что родился, хотя и он без матери не проживет, — это разные явления, нельзя между ними ставить знак равенства» [8, с. 91].

Логично соотносить начало жизни с рождением. Но роды — это длительный и многоэтапный физиологический процесс. Имеет ли в данном случае значение период родов для определения начала жизни? Думается, что да. Л. Л. Кругликов утверждает, что начальный момент жизни человека «определяется началом физиологических родов, что необязательно связывается с отделением

плода от утробы матери, с началом самостоятельного дыхания» [9, с. 36].

Ряд исследователей придерживаются мнения о том, что начало жизни связано со следующей стадией родов — появлением из утробы матери какой-либо части организма младенца [10, с. 480]. В своей статье М. Бавсун и П. Попов высказали мнение о том, что рождающийся в период родов человеком еще не является (несмотря на то, что плод уже полностью сформирован) и, соответственно, причинение ему смерти невозможно [11, с. 12].

Следует согласиться с Н. А. Лопашенко, предлагающей считать моментом начала жизни стадию изгнания плода. Травмирование на данном этапе родов ребенка с целью лишения его жизни, вне зависимости от того, осуществлен ли уже выход из влагалища хотя бы части тела или нет, следует рассматривать как убийство; ибо законодатель четко закрепил в диспозиции ст. 106 УК РФ период убийства матерью новорожденного — «во время или сразу же после родов» [8, с. 103].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что моментом начала жизни человека признается начало движения плода во время родов, так как движение является одним из признаков жизни, проявляющимся на первой стадии родовой деятельности — схватках.

Не менее спорными с точки зрения определения минимального возраста потерпевшего являются статьи, закрепленные в гл. 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Рассмотрим ряд норм, нижняя возрастная граница потерпевшего в которых представлена неоднозначно.

В пункте «б», ч. 4 ст. 131, 132 УК РФ в качестве специального потерпевшего закреплено лицо, не достигшее 14-летнего возраста. Очевидно, что в указанных нормах отсутствует необходимость осознания потерпевшим противоправности совершаемых в отношении него действий ввиду того, что он находился в беспомощном состоянии, т. е. не мог понимать характер и значение совершаемых с ним действий. Аналогично при половом сношении и иных действиях сексуального характера с лицом, не достигшим 12-летнего возраста. Недостижение ребенком 12-летнего возраста, по замыслу законодателя, свидетельствует о его беспомощном состоянии. Об этом прямо говорит примечание к ст. 131 УК РФ: деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных чч. 3—5 ст. 134 и чч. 2—4 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, квалифицируются, соответ-

ственно, по ст. 131 и 132 УК РФ, поскольку ребенок в силу возраста находится в беспомощном состоянии.

Иная ситуация с точки зрения необходимости осознания потерпевшим противоправности совершаемых в отношении него действий складывается в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера». Исходя из буквального толкования данной нормы, потерпевшим может быть любое лицо, не достигшее 18 лет. Этому же мнению придерживаются многие специалисты в области уголовного права [12; 13; 14].

Полагаем, несмотря на то, что понуждение считается оконченным с момента выражения такого требования, вне зависимости от согласия или отказа потерпевшего совершить их, обязательным условием наступления уголовной ответственности должна быть именно возможность осознания потерпевшим «шантажа, угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо использования материальной или иной его зависимости», направленных на него виновным с целью получения согласия к анализируемым действиям. В противном случае смысл нормы, акцентирующей внимание на воздействии на волю, сопровождающемся угрозой, отсутствует.

Кроме того, авторы комментария к УК РФ указывают: «потерпевшими по ч. 2 ст. 133 УК РФ могут быть лица мужского либо женского пола в возрасте от 12 до 18 лет. Совершение таких действий в отношении лица, не достигшего 12 лет, согласно примечанию к ст. 131 УК РФ следует квалифицировать по ст. 131 или 132 УК» [15]. Не представляется возможным согласиться с этим. Примечание к ст. 131 УК РФ не может толковаться расширенно или применяться по аналогии: оно применимо лишь к ст. 134 и 135 УК РФ.

В юридической литературе вызывает оживленный интерес норма, предусмотренная ст. 135 УК РФ «Развратные действия». В постановлении Пленума Верховного Суда говорится, что к развратным действиям относятся деяния, направленные на: удовлетворение сексуального влечения виновного, или вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или пробуждение у потерпевшего интереса к сексуальным отношениям [16]. Следует отметить, что в первом случае осознание потерпевшим происходящего не требуется. Однако во второй и третьей ситуациях сексуальное возбуждение и пробуждение интереса может быть только в случаях восприятия и осознания характера совершаемых в отношении него

действий. С какого возраста возможно такое осознание? Видится, что в каждом конкретном случае этот вопрос необходимо решать с помощью судебной (психологической или психолого-психиатрической) экспертизы, руководствуясь соответствующим заключением.

Налицо существенное логическое противоречие: при конструировании составов законодатель закрепил, что в случае совершения развратных действий в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, деяние следует квалифицировать по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, признав его находящимся в беспомощном состоянии (в судебной практике беспомощным является физическое или психическое состояние потерпевшего, которое делает невозможным осознавать им в полной мере фактический характер совершаемых в отношении его действий или оказывать активное противодействие виновному). В то же время именно действия, направленные на возникновение сексуального возбуждения у потерпевшего или пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям при наличии способности (возможности) осознавать ребенком характер и значение таких действий, как, например, мастурбация, демонстрация половых органов и т. д., относятся законодателем к развратным. Мы разделяем точку зрения В. Коняхина и А. Оберемченко, считающих, что «если сексуальное посягательство совершено в отношении лица, не понимающего сущности совершаемых с ним действий, нравственное и физическое развитие потерпевшего не нарушается, что исключает применение ст. 135 УК РФ» [17, с. 38], полагаем что и по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ в данном случае деяние квалифицироваться не может. Иллюстративным и подтверждающим обозначенную позицию относительно необходимости осознания лицом, не достигшим 12-летнего возраста, противоправности деяний, направленных на возбуждение у него интереса к сексуальным действиям, является приговор Московского суда [18]. Мельников в социальной сети познакомился с 10-летней девочкой. У них состоялась переписка, в ходе которой он неоднократно отправлял потерпевшей видеоматериалы порнографического характера, тем самым оказывая психологическое воздействие, направленное на побуждение малолетней к совершению сексуальных действий. Мельников признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Приходится констатировать, что с развитием информационно-коммуникативной сети Интернет, использованием детьми смартфонов, имеющих выход в сеть, таких

преступлений, не сопровождающихся непосредственным контактом преступника и жертвы, становится все больше.

А. А. Бимбинов, исследовав природу развратных действий, квалифицировал их с точки зрения формы (способа воздействия на потерпевшего) на контактные и бесконтактные [19, с. 5]. Последние характеризуются именно отсутствием тактильного контакта между виновным и потерпевшим. В связи с этим логика примечания к ст. 131 УК РФ с представляется небезупречной, требующей дальнейшей научной проработки и совершенствования: данная норма предусматривает ответственность за насильственные посягательства, однако законодатель приравнивал к ним и преступления, не являющиеся таковыми (бесконтактные развратные действия в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста).

Подводя итог сказанному выше, предлагаем при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 133, 135 УК РФ, учитывать следующие позиции:

1. В случае побуждения к действиям сексуального характера несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а также при совершении развратных действий, направленных на вызывание сексуального возбуждения или пробуждение интереса к сексуальным отношениям лиц, не достигших 12-летнего возраста, необходимо проводить судебную (психологическую или психолого-психиатрическую) экспертизу на предмет определения наличия возможности осознания потерпевшим характера совершаемых в отношении него действий.

2. В случае если в отношении лица, способного осознавать характер совершаемых в отношении него действий и не достигшего 12-летнего возраста, совершены бесконтактные развратные действия, направленные на вызывание у него сексуального возбуждения или пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям, они должны квалифицироваться в рамках ст. 135 УК РФ.

Высокий уровень алкоголизации населения и опасность ее последствий детерминировали появление в 2011 г. в уголовном законодательстве ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции». Здесь аналогично сформулирована диспозиция, не предполагающая каких-либо возрастных особенностей ребенка. Основным непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением нормального физического развития и нравственного воспитания несовершеннолетних; дополнительным непосредственным объектом — здоровье несовершеннолетнего.

Тот факт, что употребление спиртного ребенком способно причинить ущерб его физическому развитию и здоровью, не оспаривается. А по поводу нравственного воспитания у некоторых правоведов мнения расходятся. В частности, речь идет о том, что не всегда ребенок осознает факт противоправности, аморальности приобретения алкоголя (к примеру, если 4-летнего ребенка отец попросил приобрести пиво). Сам он его не употребляет, соответственно, физическому здоровью вреда нет. Отсутствие понимания асоциальности своих действий также не влечет негативных последствий для развития ребенка. К примеру, А. Н. Супрун выделяет случаи продажи алкогольной продукции очевидно малолетнему лицу (до 10 лет), исключая цель собственного ее употребления. До этого возраста несовершеннолетние обыкновенно не имеют тяги к спиртным напиткам, не осознают их в качестве «запретного плода». Десятилетний возраст предполагает возможность формирования и выражения ребенком собственной позиции по многим вопросам [20].

С такими суждениями сложно согласиться. В числе основного непосредственного объекта рассматриваемого преступления — общественные отношения, связанные с обеспечением нравственного воспитания ребенка. Нравственное воспитание — это «создание педагогических условий для становления и развития нравственных качеств личности как стержневых и системообразующих. Цель — помочь человеку с малых лет принимать нравственные решения, действовать в любых ситуациях согласно нравственным законам, понимать смысл и ценность нравственных правил, способствовать нравственной зрелости человека... выражать свое отношение к нравственным проблемам, вырабатывать нравственные мотивы поведения [21]. Факт приобретения спиртного напитка имеет значение для формирования стереотипов поведения, отношения к алкоголю, что в итоге может привести к алкоголизации. Неслучайно сегодня законодателем запрещена и реклама алкогольных напитков в средствах массовой информации. Мы убеждены, что для квалификации преступления по ст. 151.1 УК РФ нижняя возрастная граница ребенка значения не имеет. Более того, при продаже спиртных напитков малолетнему «...привлечение продавца не только возможно, но и необходимо, исходя из степени общественной опасности, так как чем меньше возраст несовершеннолетнего, которому была продана алкогольная продукция, тем опаснее данное преступление» [22, с. 10].

Существуют некоторые коллизии в части применения нормы, закрепленной ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления». В диспозиции в качестве потерпевшего от преступления закреплен несовершеннолетний. Несовершеннолетним, по общему правилу, в России признается лицо, не достигшее 18-летнего возраста [23]. В данном случае, поскольку речь идет о вовлечении именно в преступную деятельность, критерием для определения минимального возраста вовлекаемого должна стать ч. 1 ст. 87 УК РФ, которая указывает: несовершеннолетние — это лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет. Из этого следует, что потерпевшим в составе вовлечения может быть только лицо от 14 до 17 лет. Такой же вывод вытекает из содержания п. «д», п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в соответствии с которыми привлечение к совершению преступления лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность, является обстоятельством, отягчающим наказание.

Вовлечение в совершение преступления предполагает осознание этого факта вовлекаемым. Осознание законодатель связывает с наступлением возраста уголовной ответственности. Таким образом, вовлечение как преступное деяние может быть совершено только в отношении несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности (16, а по деяниям, указанным в ч. 2 ст. 20 УК РФ, — 14 лет).

Возникает вопрос: как именовать такие действия в отношении лиц, не достигших возраста уголовной ответственности? В пункте «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ законодатель говорит о привлечении данных лиц к совершению преступления. С. И. Ожегов полагал, что вовлечение и привлечение являются тождественными понятиями и заключаются в побуждении принять участие в чем-нибудь [24, с. 79, 521]. В то же время побуждение, как уже указывалось, возможно в отношении лица, способного осознавать противоправный характер действий, в совершение которых он вовлекается.

Видится, что в случае привлечения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, к совершению преступления сущность преступного деяния наиболее точно определяется термином «использование». Использование отличается от вовлечения тем, что констатирует лишь факт совместности участия в преступлении и не предполагает необходимость осознания вовлекаемым своего противоправного поведения. Данная позиция подтверждается и постановлением Пленума

Верховного Суда РФ, в котором говорится о том, что «в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения» [25].

Таким образом, включение в ст. 150 УК РФ, наряду с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления, использования в совершении преступления лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, позволит привести в соответствие понятие потерпевшего и содержание объективной стороны состава преступления. При этом включение в ст. 150 УК РФ формулировки «использование лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, в совершении преступления» потребует исключения из п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельства, отягчающего наказание, — «привлечение к совершению преступления лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность». Рассмотренная ситуация распространяется и на состав вовлечения в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ).

Указанные изменения правовой материи позволили бы точнее описать объективную сторону рассмотренных преступлений, выразить более емко общественную опасность содеянного, и самое главное — защитить интересы несовершеннолетних. Несмотря на то что статистика иллюстрирует небольшое количество лиц, осужденных по ст. 150 и 151 УК РФ (к примеру, в 2018 г. в России было осуждено 534 человека [26]; это 0,08 % от всех осужденных по всем составам УК РФ), число

лиц, фактически совершающих такие действия, в разы больше. Некоторые остаются латентными, попадая в категорию естественной латентности, а некоторые юридически не могут быть признаны преступными, поскольку ребенок, вовлекаемый в совершение преступления либо антиобщественных действий, не достиг установленного возраста привлечения к ответственности. Опасность складывающейся ситуации усугубляется тем, что нередко несовершеннолетние в полной мере осознают противоправность своих действий, а иногда — и их безнаказанность. Чем отличается 13-летний подросток, проникающий по просьбе взрослого товарища через форточку в квартиру с целью кражи от 14-летнего? Прямой криминогенный эффект имеет и усвоение стереотипов девиантного поведения малолетним в результате систематического вовлечения в совершение антиобщественных действий и влияния, как справедливо указывает А. С. Ханахмедов, на только формирующийся характер малолетнего и его социально-психологические свойства и качества как личности [27, с. 115]. Кроме того, учет умственных и психологических особенностей ребенка, обусловленных возрастом, важен для правильного понимания сути преступного деяния при квалификации посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетнего.

Вопросы возрастного ценза, как виновного, так и жертвы, всегда вызывают споры и среди ученых, и среди правоприменителей. Полагаем, приведенные в статье размышления станут еще одним аргументом в пользу совершенствования диспозиций обозначенных уголовно-правовых норм.

1. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: ЦентрЮрИнформ, 2005. 455 с.

2. Ляликов С. А. Педиатрия: учеб. пособие. Минск: Вышэйшая школа, 2012. 400 с.

3. Артымук Н. В., Марочко Т. Ю., Сутулина И. М. Основные понятия в акушерстве, перинатологии и неонатологии: учеб. пособие. Кемерово: Кемеровская гос. мед. академия, 2007. 112 с.

4. Левин Д. Г. Судебная медицина: учеб. пособие. Саратов: Научная книга, 2019. 159 с.

5. Хахалин Б. Педиатрия. М.: Весь мир, 2001. 240 с.

6. Берсей Д. Д. Проблемы определения начала жизни при убийстве матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) // Уголовное право:

1. Gaukhman L. D. qualification of crimes: law, theory, practice. Moscow: Centrinform; 2005: 455.

2. Lyalikov S. A. Pediatrics. Textbook. Minsk: Vysheyshaya shkola, 2012: 400.

3. Artymuk N. V., Marochko T. Yu., Sutulina I. M. Basic concepts in obstetrics, perinatology and neonatology. Textbook. Kemerovo: Kemerovo state medical Academy; 2007: 112

4. Levin D. G. Forensic medicine: a training manual. Saratov: Nauchnaya kniga; 2019: 159.

5. Khakhalin B. Pediatrics. Moscow: Ves mir; 2001: 240

6. Bersei D. D. Problems of determining the beginning of life when a mother kills a newborn child (article 106 of the criminal code). In: Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of IV International scientific and research

стратегия развития в XXI веке: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. М.: ТК «Велби», Проспект, 2007. С. 310—313.

7. Шарапов Р. Д. Начало уголовно-правовой охраны жизни человека: опыт юридического анализа // Уголовное право. 2005. № 1. С. 75—77.

8. Лопашенко Н. А. Убийства. М.: Юрлитинформ, 2013. 544 с.

9. Уголовное право России. Часть особенная / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 839 с.

10. Курс советского уголовного права. Часть Особенная / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. Т. 3. 836 с.

11. Бавсун М., Попов П. Проблемы квалификации убийства во время родов // Уголовное право. 2009. № 3. С. 12—16.

12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. М.: Проспект, 2017. 736 с.

13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. Т. 1. 792 с.

14. Новое в Уголовном кодексе / под ред. А. И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, 2012. Вып. 2. 114 с.

15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2. 371 с.

16. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2014 г. № 16 // Рос. газ. 2014. 12 дек.

17. Коняхин В., Оберемченко А. Квалификация развратных действий в условиях применения к потерпевшему насилия или использования его беспомощного состояния // Уголовное право. 2014. № 2. С. 37—41.

18. Приговор Московского городского суда от 18 февраля 2014 г. Дело № 2-0011/2014. URL: <http://www.mos-gorsud.ru/inf/inf/ui1/?pn=0&id=70> (дата обращения: 03.09.2019).

19. Бимбинов А. А. Развратные действия: контактные и бесконтактные формы // Уголовное право. 2015. № 2. С. 4—9.

20. Супрун А. Н. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции: некоторые проблемы дифференциации уголовной ответственности // Гуманитарные, социально-

conference. Moscow: TC "Welby", Prospect; 2007: 310—313.

7. Sharapov R. D. the Beginning of criminal law protection of human life: experience of legal analysis. Criminal law. 2005; 1: 75—77.

8. Lopashenko N. A. Murders. Moscow: Yurлитinform; 2013: 544.

9. Russian criminal law. Part of the special. Ed. by L. L. Kruglikov. Moscow: Walters Kluwer; 2005: 839.

10. Course of Soviet criminal law. Part Of The Special. Ed. by N. A. Belyaev, M. D. Sharгородский. Leningrad: Leningrad University Press; 1973; 3: 836.

11. Bovsun M., Popov P. Problems of qualification of murder during childbirth. Criminal law. 2009; 3: 12—16.

12. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (article-by-article). Ed. by G. A. Esakov. Moscow: Prospect; 2017: 736.

13. Commentary on the Criminal code of the Russian Federation: in 2 volumes (article by article). Ed. by A. V. Brilliantov. Moscow: Prospect, 2015; 1: 792.

14. New in the Criminal code. Ed. A. I. Chuchayev. Moscow: Contract; 2012; 2: 114.

15. Comment to the Criminal code of the Russian Federation: in 4 volumes (article by article). Ed. by V. M. Lebedev. Moscow: Yurait; 2017; 2: 371.

16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No 16 of 1 December 2014. "On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual". Rossiyskaya Gazeta; 2014; 12 December.

17. Konyakhin V., Oberemchenko A. Qualification of dissolute actions in the conditions of application to the victim of violence or use of its helpless condition. Criminal law. 2014; 2: 37—41.

18. The verdict of the Moscow city court of 18 February 2014 Case number 2-0011 / 2014. Available from: <http://www.mos-gorsud.ru/inf/inf/ui1/?pn=0&id=70>. Accessed: 3 September 2019.

19. Bimbinov A. sexual abuse: contact and noncontact forms. Criminal law. 2015; 2: 4—9.

20. Suprun A. N. Retail sale of alcoholic beverages to minors: some problems of differentiation of criminal liability. Humanities, socio-economic and social Sciences. 2014; 7: 195—197.

21. Fundamentals of spiritual culture (encyclopedia dictionary of the teacher). Available from:

экономические и общественные науки. 2014. № 7. С. 195—197.

21. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). URL: https://spiritual_culture.academic.ru (дата обращения 02.09.2019).

22. Поликашина О. В. Расследование фактов продажи алкогольной продукции несовершеннолетним // Российский следователь. 2013. № 19. С. 8—10.

23. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 18.07.2019) // Рос. газ. 1994. 8 дек.

24. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. 816 с.

25. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) // Рос. газ. 2011. 11 февр.

26. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 01.09.2019).

27. Ханахмедов А. С. Проблемные вопросы ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3 (46). С. 111—116.

© Кузнецова И. А., Тимко С. А., 2019

Кузнецова Инна Александровна,
старший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: inna.oma.1716@mail.ru

Тимко Светлана Александровна,
доцент кафедры криминологии,
психологии и педагогики
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: satimko@list.ru

https://spiritual_culture.academic.ru. Accessed: 2 September 2019.

22. Polikashina O. V. Investigation of the facts of sale of alcoholic products to minors. Russian investigator. 2013; 19: 8—10.

23. Civil code of the Russian Federation (part one) No. 51-FZ of 30 November 30 1994 (as amended by 18/07/2019). Rossiyskaya Gazeta; 1994; 8 December.

24. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. Moscow: Russkiy yazyk; 1983: 816.

25. Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1of 1 February 2011 (as amended by 29/11/2016). "About judicial practice of application of the legislation regulating features of criminal responsibility and punishment of minors". Rossiyskaya Gazeta; 2011; 11 February.

26. Report on the number of persons brought to criminal responsibility and types of criminal punishment. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>. Accessed: 1 September 2019.

27. Khanakhmedov A. S. Problematic issues of responsibility for involving a minor in committing extremist crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2018; 3: 111—116.

© Kuznetsova I. A., Timko S. A., 2019

Kuznetsova Inna Aleksandrovna,
chief researcher of the research department
of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
candidate of juridical sciences;
e-mail: inna.oma.1716@mail.ru

Timko Svetlana Alexandrovna,
associate professor at the department
of criminology, psychology and pedagogy
of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: satimko@list.ru

* * *

М. А. Кулешов, А. А. Швыркин

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА «NON BIS IN IDEM»
В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Статья посвящена реализации общеправового принципа «non bis in idem» в современном уголовном законодательстве. Анализируется соответствие таких институтов уголовного права, как судимость, неоднократность преступлений, рецидив преступлений и административная преюдиция, нормам международного права, Конституции Российской Федерации, Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. Особое место в предмете исследования занимает сопоставление сравнительно нового института уголовного права — административной преюдиции и общеправового принципа «non bis in idem». Названные проблемы раскрыты на основе научной литературы, судебной практики Верховного и Конституционного судов Российской Федерации.

Ключевые слова: принципы права, административная преюдиция, рецидив преступлений, погашение и снятие судимости, неоднократность преступлений, международное законодательство.

М. А. Kuleshov, A. A. Shvyrkin

**REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF "NON BIS IN IDEM"
IN THE MODERN CRIMINAL LEGISLATION**

Article is devoted to realization of all-legal principle of "non bis in idem" in the modern criminal legislation. The analysis of compliance of such institutes of penal law as criminal record, not momentariness of crimes, a recurrence of crimes and administrative pre-judiction to rules of international law, the Constitution of Russian Federation, the Declaration of the rights and freedoms of the person and the citizen of 1991 is made. A specific place in an object of research is held by comparison of rather new institute of penal law, administrative pre-judiction and all-legal principle of "non bis in idem". The called problems are opened on the basis of scientific literature, court practice of the Supreme and Constitutional courts of the Russian Federation.

Key words: principles of the right, administrative pre-judiction, recurrence of crimes, repayment and removal of criminal record, not momentariness of crimes, international legislation.

Общеправовой принцип «non bis in idem», давно известный в мировой практике и российскому до-революционному законодательству, не был официально признан в советском уголовном праве, не получил закрепления в нормативных актах и в юридической доктрине. Анализ изменений современного уголовного законодательства позволяет утверждать, что и в настоящее время названный принцип не освоен в достаточной степени профессиональным правосознанием, что никак не обязывает законодателя к его соблюдению. Многие новеллы уголовного закона вступают в противоречие с международными правовыми актами и продолжают укрепление репрессивной правовой традиции.

Принцип «non bis in idem» в России в начале демократических преобразований впервые был включен в Конституцию РСФСР Федеральным законом от 21 апреля 1992 г. в общем перечне общепризнанных прав и свобод в максимально широком виде, по отношению ко всем правонарушениям: «никто не должен дважды нести уголовную и иную ответственность за одно и то же правонарушение» (ч. 3 ст. 65). Аналогичное положение было закреплено и в части 3 Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. [1].

«Различие в формулировках этого принципа (запрет „дважды“, „повторно“, „вторично“ нести „уголовную ответственность“, „быть осужденным“, „судимым“, „наказанным“) не может сужать содержание и сферу его действия как общеправовой

гарантии прав и свобод, тем более что возможность какого-либо его ограничения или отступления от него не предусматривается даже в условиях войны и чрезвычайных обстоятельств (ст. 56 Конституции Российской Федерации, ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод)» [1].

Отечественное законодательство, тем не менее, содержит ряд институтов, правоотношения которых возникают на основе юридических фактов, так или иначе связанных с повторным учетом противоправных деяний, ответственность за которые была реализована в соответствии с отраслевым законодательством. Прежде всего речь идет об институтах повторности в административном праве, неоднократности, рецидива, судимости и административной преюдиции в уголовном праве.

Наибольшее количество споров в доктрине вызывает наличие в уголовном праве института судимости. С полным отбытием наказания уголовно-правовые отношения исчерпывают себя, и за этими пределами не существует каких-либо прав, обязанностей и ограничений, порожденных осуждением. Без этого судимость не может являться каким-либо состоянием, имеющим самостоятельное правовое значение, тем более в течение которого государство имеет право налагать дополнительные обязательства на лицо, отбывшее наказание. То, что прежние правовые последствия возникают вдруг в факте нового преступного деяния, как раз и порождает обоснованное подозрение в том, что они учитываются повторно.

По мнению Европейского Суда по правам человека, ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод запрещает дискриминацию на основании личных особенностей (статуса), которые отличают группы людей друг от друга. Прошлая судимость лица, однако, может учитываться при исполнении наказания в виде лишения свободы с единственной целью — группировки заключенных по категориям для их раздельного содержания (Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые Конгрессом ООН 30 августа 1955 г.).

Неоднократность как форма множественности преступлений существовала в современном уголовном праве до 11 декабря 2003 г. [2] и была предусмотрена в ст. 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Согласно этой норме неоднократностью преступлений признавалось совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи УК РФ. В случаях, предусмотренных

в Особой части УК РФ, неоднократным могло признаваться и совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями УК РФ. Считалось, что наличие неоднократности в преступной деятельности свидетельствует о повышении степени общественной опасности лица, ее совершающего, и необходимости усиления уголовной репрессии по отношению к нему.

В начале 2003 г. вопрос о соответствии Конституции Российской Федерации наличия в уголовном праве России различных форм учета прежней судимости при определении ответственности лица за вновь совершенное преступление, в том числе при неоднократности или рецидиве преступлений, возник в связи с поступившими в Конституционный Суд Российской Федерации жалобами ряда граждан, считавших, что наличие институтов судимости, неоднократности и рецидива преступлений противоречит ряду конституционных принципов, таких как принцип равенства и невозможность установления ответственности дважды за одно и то же преступление.

Конституционный суд Российской Федерации в постановлении № 3-П от 19 марта 2003 г. указал, что федеральный законодатель путем закрепления судимости и связанных с ней институтов неоднократности и рецидива преступлений создал необходимые инструменты, позволяющие учитывать характер преступления, его опасность для защищаемых Конституцией Российской Федерации и уголовным законом ценностей, а также данные о лице, совершившем преступление, при условии, что регулирование этих институтов и их применение адекватно конституционным принципам юридической ответственности и гарантиям личности в ее публично-правовых отношениях с государством. Конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации принципам справедливости и гуманизма противоречило бы законодательное установление уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего преступление лица, и применение одинаковых мер ответственности за различные по степени общественной опасности преступления без учета фактора интенсивности участия конкретного лица в преступлении, его поведения после совершения преступления и после отбытия наказания, если таковое уже назначалось

ранее, иных характеризующих личность обстоятельство.

Следовательно, предусмотренные УК РФ уголовно-правовые последствия прежней судимости при осуждении виновного лица за совершение нового преступления не выходят за рамки уголовно-правовых средств, которые федеральный законодатель вправе использовать для достижения конституционно оправданных целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления его исправительного воздействия на осужденного, предупреждения новых преступлений и тем самым защиты личности, общества и государства от преступных посягательств [3]. В основе усиления уголовной репрессии по отношению к лицам, ранее привлекавшимся к уголовной ответственности, лежит наличие судимости как правового состояния лица, обусловленного фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия. Имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности. У подобной позиции законодателя среди ученых и правоприменителей есть и серьезные противники, которые утверждают, что исследуемый институт повторности или неоднократности представляет собой укоренившийся в правосознании пережиток тоталитарного прошлого, противоречащий общепризнанным нормам международного права [7].

Приоритет целесообразности над законностью, перенесение акцентов с деяния на личность и с наказания на превентивные меры защиты характерен для возникшей на основе антропологического учения социологической школы уголовного права. В основу уголовно-правового воздействия была положена теория опасного состояния личности преступника, которое определялось общей оценкой его поведения, социальных и нравственных качеств, характера, мыслей, намерений, порочащих связей и т. п. С этой точки зрения оказалось очень удобно объяснить повышенную общественную опасность повторных преступлений закоренелостью

привычки к преступлению, циничным пренебрежением законом, паразитическими взглядами, стойкой антиобщественной установкой, устойчивостью преступных намерений и мотивов и т. п.

Фатальным недостатком практического применения этой теории оказывается, однако, полная неопределенность ее основания, неспособность предложить юридически точные критерии как опасного состояния, так и исправления личности.

Теория опасного состояния оказалась весьма востребованной в России после революции 1917 г., в 1920-е гг. она имела преобладающее число сторонников и стала основой уголовной политики и законодательства, что было отражено в Основных началах уголовного законодательства 1924 г. и впоследствии в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. (например, уголовное преследование (ссылка, высылка) без конкретного обвинения, применялось до середины 1980-х гг.), поскольку представляла собой весьма удобное обоснование для незаконных репрессий.

Повторность в административном праве занимает место обстоятельства, отягчающего административное наказание, и предусмотрена в п. 2 ч. 2 ст. 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5]. «Повторностью совершения административных правонарушений признается совершение одним лицом двух или более административных правонарушений, предусмотренных одной и той же статьей (частью статьи) Особенной части Административного кодекса РФ или закона субъекта Российской Федерации об административной ответственности» [6]. В уголовном праве аналогичным институтом была ныне отмененная неоднократность.

Отступая от позитивистских основ в нашем исследовании и опираясь на вышесказанное, заметим, что само по себе установление уголовной ответственности за неоднократное совершение нескольких административных правонарушений при соблюдении условий административной повторности не бесспорно как с позиций доктрины, так и международной практики. Преобладающая в наше время классическая школа уголовного права, основываясь на принципе противоправности («*nullum crimen sine leges*»), степень справедливого карательного воздействия связывает с объективными свойствами деяния, ценностью нарушенного блага, способом правонарушения, размером ущерба и вредных последствий для охраняемых интересов. Разновидности формы вины, мотивы и другие характеристики субъекта могут иметь значение, поскольку проявляются в содеянном и могут

быть формализованы в составе преступления. Нужно отметить, что и внутри классической школы были оппоненты, отрицавшие правильность признания в повторном преступлении отягчающего значения. Нужно быть справедливым, утверждали они, даже к тем, кто недостоин снисхождения, и следовательно, нельзя наказывать их сильнее, чем они заслуживают по самому роду совершенных ими преступлений и на основании обстоятельств, присущих самому преступлению и тесно с ним связанных. Если они и совершили прежде преступление, то они и наказаны за него. Налагать на них новое наказание за то же преступление — значит нарушать основное начало уголовного права «non bis in idem».

Основным аргументом против постпенитенциарного воздействия является отсутствие формализованных критериев «опасного состояния личности», которые позволили бы корректировать уголовно-правовое воздействие. При настоящем уровне знаний практически невозможно достоверно установить и персонально выявить, в силу каких именно обстоятельств исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным.

Не менее важной проблемой теории права и уголовно-правовой науки является использование так называемой административной преюдиции в уголовном праве. Административная преюдиция как технико-юридический прием использована при конструировании ряда составов преступлений, внесенных в уголовный кодекс сравнительно недавно.

В науке административной преюдицией считают привлечение лица к уголовной ответственности, если оно в течение определенного периода после одного или двух административных взысканий за правонарушение совершит такое же правонарушение. «Сущность административной преюдиции состоит в признании неоднократно совершенных виновным лицом в течение определенного периода времени административных правонарушений после наложения за первое из них административной ответственности юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые последствия. Эти последствия состоят в оценке последнего из уголовно ненаказуемых правонарушений как преступления и, соответственно, возложении на правонарушителя уголовной ответственности» [7].

Для современного уголовного права долгое время рассматриваемый институт не был характерным явлением и был косвенным образом отражен в институте неоднократности, впоследствии

отмененном, и нескольких составах преступлений в сфере экономической деятельности. Вместе с тем в раннем советском законодательстве, в уголовных кодексах РСФСР 1922 г., 1926 г. и 1960 г., административная преюдиция была широко представлена. Названные нормативные акты содержали положения о привлечении лица к уголовной ответственности после наложения одного административного взыскания за совершение такого же правонарушения. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. предусматривал ряд составов, в которых даже повторность административных правонарушений, т. е. самим законодателем не оцениваемых явно как общественно опасные (мелкое хулиганство, мелкое хищение), предполагала их уголовную наказуемость. И в этом проявлялась та же логика, когда один лишь факт предыдущего правонарушения автоматически наращивал последующее наказание независимо от характера и степени вредности нового деяния. Спорность этого была столь очевидной, что впоследствии эти составы были из УК РСФСР исключены [4]. «В УК РСФСР 1960 г. наличествовало около пятнадцати такого рода статей, которые предусматривали ответственность за имущественные, хозяйственные, экологические, транспортные преступления и преступления против порядка управления (ст. 94.1, 94.2, 154.1, 156, 156.4, 162, 162.1, 166, 166.1, 197.1, 198, 198.2, 211.1, 219.1)» [8].

При создании УК РФ 1996 г. его разработчики сознательно отказались от использования административной преюдиции при конструировании составов преступных деяний в связи с неоднозначностью оценки института административной преюдиции многими учеными, хотя она вошла в структуру Модельного Уголовного кодекса для стран СНГ и, например, в уголовное законодательство Беларуси [9]. Общая часть Уголовного кодекса Беларуси 1999 г. содержит ст. 32, где сказано, что в случаях, предусмотренных Особой частью, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение. Иными словами, современное понимание рассматриваемого института является единым на постсоветском пространстве [10].

Основные аргументы противников использования рассматриваемого технико-юридического приема состояли в том, что включение в сферу уголовно-правовых отношений административных проступков, даже совершенных повторно, не меняет

их сущности и не соответствует принципам уголовного права, чрезмерно расширяя границы уголовно-правовой репрессии [11, с. 40]. Другие, также полагая, что признание проступков преступными и уголовно наказуемыми деяниями в силу повторности противоречит принципу уголовного права, подчеркивают, что преступлением считается только такое общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все признаки состава преступления, независимо от иных обстоятельств, в частности от того, было ли лицо подвергнуто мерам административного характера за совершенный ранее проступок [12, с. 31].

В настоящее время под давлением сложной экономической ситуации в нашей стране, очевидно пытаясь ослабить бюджетную нагрузку в связи с применением уголовных наказаний, связанных с лишением свободы, обосновывая принятые решения соображениями гуманности, высшим руководством страны принят курс на сужение сферы уголовной репрессии, применения наказаний, связанных с лишением свободы. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г. сказано, что в уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения [13]. Аналогичное пожелание содержится и в п. 43 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690, где указано на целесообразность более широкого использования административной преюдиции в уголовном законодательстве [14; 15]. В связи с этим внедрение исследуемого института в современное уголовное право отвечает новым тенденциям в уголовной политике и его обоснованность подтверждена некоторыми криминологическими исследованиями. «Совершению многих видов преступлений предшествует неоднократное совершение аналогичных, однородных административных правонарушений. При этом различные авторы полагают, что пришло время заново изучить проблему о значении административной преюдиции для наступления уголовной ответственности» [16, с. 27].

Среди сторонников нововведений можно назвать Ю. П. Оноколова, который считает, что научно обоснованная и хорошо продуманная административная преюдиция в сочетании с декриминализацией будет являться эффективным средством противодействия как преступлениям, так и адми-

нистративным правонарушениям [8]. Г. Н. Борзенков отмечает, что среди юристов все чаще слышатся недоуменные голоса о том, не поторопился ли российский законодатель, почти полностью исключив административную преюдицию из УК РФ [17, с. 114]. Некоторые авторы полагают, что отказ от административной преюдиции был недостаточно продуманным решением и следует вновь обратиться к этому вопросу, учитывая особенности некоторых преступлений [14; 18; 19, с. 12].

Вместе с тем, несмотря на обозначенные направления уголовной политики, отраженной в указах Президента Российской Федерации, большинство в научной среде занимают противники использования административной преюдиции в уголовном праве. Исследователи справедливо отмечают, что современное понимание административной преюдиции заключается в признании неоднократно совершенных виновным лицом в течение определенного периода времени административных правонарушений после наложения за первое (первые) из них административной ответственности юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые последствия [20, с. 35]. Подобное понимание заложено и в действующем законодательстве, хотя существенным недостатком видится отсутствие в Общей части уголовного закона легального определения административной преюдиции.

Критика административной преюдиции основана на очевидном утверждении, что признание преступлением повторного, в течение года, административного правонарушения противоречит основным принципам права, в частности принципу «non bis in idem». По основным элементам юридического состава такое преступление мало отличимо от административного правонарушения, не изменяется и общественная опасность такого правонарушения, что препятствует признанию его преступлением. «У них полностью тождественны объект посягательства, а также объективная и субъективная стороны. Однако разным является субъект. Ведь лицо, совершившее противоправное деяние повторно, в любом случае является более общественно опасным, чем лицо, совершившее такое же деяние впервые. Поэтому преступление с условием административной преюдиции отличается от формирующего преюдицию правонарушения по степени общественной опасности субъекта» [7]. Как уже говорилось, общественная опасность лица, совершившего правонарушение в классической, преобладающей в настоящее время теории уголовного права не входит в число признаков,

определяющих основания уголовной ответственности. Рассматриваемый признак имеет значение в теории «опасного состояния», несоответствие которой современным тенденциям в уголовной политике аргументированно обосновано в настоящее время [21; 22; 23]. Нельзя не согласиться и с В. Л. Зуевым, который пишет, что административное правонарушение, сколько бы ни повторялось, не приобретает существенных, материальных свойств преступления, а введение института административной преюдиции размывает границы между преступлением и административным правонарушением, между уголовным и административным правом [24, с. 3]. М. И. Ковалев пишет, что повторность проступка не превращает его в качественно новое явление, которое требует уже не административно-правового, а другого, более строгого регулирования. Описанная ситуация противоречит органическому принципу отечественной правовой системы, согласно которому разграничение различных правонарушений производится по предмету регулирования, а не по его субъекту. Повторность не может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной действительности, следовательно, не может изменить и предмет правового регулирования [25].

Одна из критических позиций основана на анализе субъективных признаков повторных правонарушений. «Все административные правонарушения, совокупность которых на определенном этапе объявляется законодателем преступной абсолютно по механическому признаку — повторяемости и накоплению самостоятельных административных правонарушений, никоим образом не связаны между собой; они — разные: каждый раз воля лица, совершившего это правонарушение, реализуется в указанном отдельном правонарушении до конца» [26]. Следовательно, преступления с административной преюдицией составляют несколько самостоятельных, окончательно исполненных административных правонарушений, не связанных между собой умыслом лица. Умысел на каждое правонарушение возникает отдельно и реализуется полностью, окончательно.

В специальной литературе отмечается, что в уголовном праве не должно быть места административной преюдиции, поскольку подобная законодательная конструкция не соответствует фундаментальным правовым принципам и международным стандартам прав человека, основаниям криминализации общественно опасных деяний, а также критериям законодательного конструирования составов единичных преступлений [27]. Решающим аргу-

ментом выступает то, что административное правонарушение получает двойную юридическую оценку — вначале за него налагается административное взыскание, а затем это же административное правонарушение учитывается в качестве необходимого составного элемента преступления, что идет вразрез с принципом «non bis in idem». Такое положение противоречит международным стандартам прав человека, используемым в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека, где установлен запрет повторного привлечения к юридической ответственности за одно и то же правонарушение. Пункт 3 ст. 34 Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1, устанавливает, что «никто не должен дважды нести уголовную или иную ответственность за одно и то же правонарушение» [28].

По мнению Н. Ф. Кузнецовой, каким бы положительным ни был опыт введения данного института в нашей стране, существует много нюансов, от которых правовая система в некотором роде страдает, а сам институт, возможно, нанесет урон уголовному законодательству и его толкованию, пока укоренится полностью в нашей стране [29]. Недопустимым использование административной преюдиции в уголовном законе считает Г. Н. Борзенков [17, с. 114], практику ее введения называет законодательной ошибкой, подлежащей скорейшему исправлению, — З. З. Мамхьягов [7].

По итогам обзора существующих в науке взглядов на целесообразность и обоснованность введения в уголовное законодательство нашей страны административной преюдиции необходимо отметить, что она является объективной данностью и неоднократно использована законодателем в качестве признака юридических составов, лежащих в основе возникновения либо изменения уголовно-правовых отношений. Так, в ст. 74 УК РФ привлечение к административной ответственности служит основанием для продления испытательного срока при условном осуждении. В статье 79 УК РФ тот же факт положен в основу отмены условно-досрочного освобождения и исполнения неотбытой части наказания. Особенная часть УК РФ содержит ряд составов преступлений (ст. 151.1, 212.1, 215.4, 264.1, 284.1, 314.1 и т. д.), сконструированных с применением административной преюдиции, Министерством юстиции Российской Федерации ведется работа, предлагающая включение административной преюдиции в другие составы преступлений [27]. В целях дальнейшей гуманиза-

ции уголовного законодательства Верховным Судом Российской Федерации 20 декабря 2018 г. в Государственную Думу внесен законопроект, согласно которому из числа преступлений небольшой тяжести предлагается выделить деяния, за совершение которых закон не предусматривает наказание в виде лишения свободы, и признать их уголовными проступками [30].

На наш взгляд, принятию соответствующих изменений предшествовало обобщение материалов серьезных криминологических исследований, изучение имеющегося опыта объединения карательных и воспитательных средств уголовного и административного права для борьбы с противоправным поведением. Существенным недостатком является отсутствие в Общей части уголовного закона легального определения административной преюдиции.

Подвергнутая критике теория «опасного состояния» действительно не выработала объективных критериев для определения специфических осо-

бенностей личности правонарушителя, требующих особых мер социального контроля и внесудебной репрессии, но создала основы для достаточно эффективных, оправдавших себя уголовно-правовых институтов, таких как судимость, рецидив, принудительные меры медицинского характера. Нельзя отрицать того факта, что отдельные лица, склонные к противоправному поведению, имеют более стойкую антисоциальную направленность, и для их исправления зачастую недостаточно применения уголовного наказания в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ, а требуются специфические меры уголовно-правового воздействия в сочетании с иными средствами правового воздействия типа административной преюдиции, административного надзора, что является опытом поиска современным законодателем оптимальных средств воздействия на поведение и существенно расширяет воспитательные и карательные возможности уголовного права.

1. О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление Верховного Суда РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. 26 дек. (№ 52). Ст. 1865.

2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) // Парламентская газета. 2003. 11 дек. (№ 231).

3. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1—8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

4. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова к Постановлению Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря

1. Resolution of the Supreme Court of the RSFSR No. 1920-1 of 22 November 1991. "On the Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen". *Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR*. 1991; 52; art. 1865.

2. Federal Law No. 162-FZ of 8 December 2003 (as amended on 07/12/2011). "On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation". *Parliamentary newspaper*. 2003; 231.

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of 19 March 2003. "In the case of verifying the constitutionality of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation governing the legal consequences of a person's conviction, frequency and recidivism, as well as paragraphs 1-8 of the State Duma's resolution of 26 May 2000 "On declaring amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in The Great Patriotic War of 1941—1945" in connection with the request of the Oostankino intermunicipal (district) court of the city of Moscow and the complaints of a number of citizens". *Bulletin of the Constitution Court of the Russian Federation*. 2003; 3.

4. The dissenting judge of the Constitutional Court of the Russian Federation A. L. Kononov on the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of 19 March 2003. *Bulletin*

2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 09.03.2016) // Рос. газ. 2001. 31 дек. (№ 256).

6. Казина Т. В. Новые тенденции в производстве по делам об административных правонарушениях // Администратор суда. 2015. № 4. С. 41—45.

7. Мамхягов З. З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 8. С. 72—74.

8. Оноколов Ю. П. Институт административной преюдиции как инструмент противодействия преступлениям и иным правонарушениям // Таможенное дело. 2014. № 2. С. 20—23.

9. Модельный Уголовный кодекс (с изм. на 16.11.2006). URL: <http://docs.cntd.ru/Docs.cntd.ru> (дата обращения: 11.09.2019).

10. Законодательство Республики Беларусь. Уголовный кодекс. URL: <http://pravo.kulichki.com/vip/uk/00000003.htm> (дата обращения: 19.09.2019).

11. Гулько А. Л. История уголовной ответственности за хулиганство в России // Адвокатская практика. 2006. № 5. С. 36—43.

12. Гогин А. А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. 2004. № 5. С. 27—31.

13. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. // Рос. газ. 2009. 13 нояб. (№ 214).

14. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г.: утв. Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 24. Ст. 3015.

15. Радченко В. И. Хорошо сидим. Почти четверть мужского населения уже прошла тюремные университеты // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2008. № 4. С. 67—73.

16. Бородин С. В. О теоретической модели Уголовного кодекса Российской Федерации и новых условиях (на базе действующего УК) // Уголовное право в XXI веке. М., 2002. С. 24—29.

17. Борзенков Г. Н. Тенденции и перспективы развития уголовного законодательства в XXI веке (опыт сравнительно-временного анализа) // Уголовное право в XXI веке: материалы Междунар. науч. конф. М., 2002. С. 110—114.

18. Устинова Т. Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 97—103.

of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2003; 3.

5. The Code of the Russian Federation on administrative offenses No. 195-FZ of 30 December 2001 (as amended on 09/03/2016). Rossiyskaya gazeta. 2001; 256.

6. Kazina T. V. New Trends in Administrative Offenses. Court Administrator. 2015; 4: 41—45.

7. Mamhyagov Z. Z. On the permissibility of using administrative prejudice in criminal law. Administrative law and process. 2015; 8: 72—74.

8. Onokolov Yu. P. Institute of Administrative Prejudice as a Tool for Countering Crimes and Other Offenses. Customs. 2014; 2: 20—23.

9. Model Criminal Code (as amended on 16/11/2006). Available from: <http://docs.cntd.ru/Docs.cntd.ru>. Accessed: 11 September 2019.

10. The Criminal Code of the Republic of Belarus. Available from: <http://pravo.kulichki.com/vip/uk/00000003.htm>. Accessed: 19 September 2019.

11. Gulko A. L. The history of criminal liability for hooliganism in Russia. Law practice. 2006; 5: 36—43.

12. Gogin A. A. Responsibility for violation of the Federal Law "On Advertising". Law and Politics. 2004; 5: 27—31.

13. Message from the President of the Russian Federation Dmitry Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation of 12 November 2009. Rossiyskaya gazeta. 2009; 214.

14. Decree of the President of the Russian Federation No. 690 of 9 June 2010. "The strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation until 2020". Collection of legislation of Russian Federation. 2010; 24; art. 3015.

15. Radchenko V. I. Well sitting. Almost a quarter of the male population has already passed prison universities. Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 2008; 4: 67—73.

16. Borodin S. V. On the theoretical model of the Criminal Code of the Russian Federation and new conditions (based on the current Criminal Code). In: Criminal law in the XXI century. Moscow; 2002: 24—29.

17. Borzenkov G. N. Trends and prospects for the development of criminal law in the XXI century (the experience of comparative-temporal analysis). In: Criminal law in the XXI century: materials of the international scientific conference. Moscow; 2002: 110—114.

19. Кузнецова Н. Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. М., 2002. С. 7—12.
20. Безверхов А. Г. Возвращение административной преюдиции в уголовное законодательство России // Рос. юстиция. 2012. № 1. С. 48—53.
21. Ордынский С. П. К методологии опасного состояния преступника // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов. СПб., 1912. № 3.
22. Сафронова Е. В., Лоба В. Е «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 10—15.
23. Станкевич В. Б. Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права // Новые идеи в правоведении / под ред. Л. И. Петражицкого. Сб. 1: Цели наказания / сост. П. И. Люблинским. СПб., 1914.
24. Зуев В. Л. Особенности доказывания по делам о преступлениях с административной преюдицией. М., 1995.
25. Ковалев М. И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982.
26. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64—71.
27. Шемякин Д. В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Рос. следователь. 2015. № 15. С. 45—47.
28. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. 26 дек. (№ 52). Ст. 1865.
29. Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2003. № 1. С. 3—19.
30. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42.
18. Ustinova T. D. Extension of criminal liability for illegal entrepreneurship. Journal of Russian Law. 2003; 5: 97—103.
19. Kuznetsova N. F. The main trends in the development of Russian criminal legislation. In: Criminal law in the XXI century: materials of international scientific conference. Moscow; 2002: 7—12.
20. Bezverkhov A. G. The return of administrative prejudice to the criminal legislation of Russia. Russian Justice. 2012; 1: 48—53.
21. Ordynsky S. P. On the methodology of the dangerous state of a criminal. Journal of Criminal Law and Process published by the Russian Group of the International Union of Criminalists. Saint Petersburg; 1912: 3.
22. Safronova E. V., Loba V. E "Dangerous state of personality" as a criminological category. Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2014; 2: 10—15.
23. Stankevich V. B. Fighting a dangerous state as the main task of the new criminal law. In: New ideas in jurisprudence. Ed. by L. I. Petrazhitzky. Collection 1. Purpose of punishment. Comp. P. I. Lublinsky. Saint Petersburg; 1914.
24. Zuev V. L. Features of evidence in cases of crimes with administrative prejudice. Moscow; 1995.
25. Kovalev M. I. Crime and misconduct. In: Problems of improving legislation to strengthen the rule of law and strengthening the fight against offenses: interuniversity collection of scientific works. Sverdlovsk; 1982.
26. Lopashenko N. A. Administrative prejudice in criminal law — no! Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation. 2011; 23 (3): 64—71.
27. Shemyakin D. V. Problematic issues of using administrative prejudice in criminal law. Russian Investigator. 2015; 15: 45—47.
28. Gazette of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR. 1991; 52: 1865.
29. Kuznetsova N. F. Seven years of the Criminal Code of the Russian Federation // Moscow University Bulletin. Series 11. Right. 2003; 1: 3—19.
30. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 42. of 31 October 2017. "On introducing into the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation a draft federal law "On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the introduction

Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

of the concept of criminal misconduct". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Кулешов М. А., Швыркин А. А., 2019

© Kuleshov M. A., Shvyrkin A. A., 2019

Кулешов Михаил Александрович,
начальник кафедры мобилизационной
и тактико-специальной подготовки
Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук;
e-mail: Kul.mixail2014@yandex.ru

Kuleshov Mikhail Aleksandrovich,
head of the department
of mobilization and tactical and special training
of the Academy of FPS of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: Kul.mixail2014@yandex.ru

Швыркин Алексей Алексеевич,
доцент кафедры мобилизационной
и тактико-специальной подготовки
Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук;
e-mail: shvyrkin@mail.ru

Shvyrkin Alexey Alekseyevich,
associate professor at the department
of mobilization and tactical and special training
of the Academy of FPS of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: shvyrkin@mail.ru

* * *

А. И. Лукашов, С. В. Шевелева, Е. О. Яковлева

**ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА
КАК ИНОЙ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА
В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В начале 2019 г. в Республике Беларусь был принят закон № 171-З, внесший кардинальные изменения в правовое регулирование конфискации имущества. В России конфискация имущества, введенная в Уголовный кодекс Российской Федерации в 2006 г., неоднократно подвергалась изменениям, что свидетельствует о несовершенстве правовых норм. Анализ уголовного законодательства Республики Беларусь и России в части регламентации института конфискации позволил выявить уязвимые места законодательств двух государств, а также определить наиболее удачные законодательные формулировки. В статье определены исторические предпосылки появления конфискации имущества в уголовном законе двух государств, современное состояние и динамика реализации положений закона о конфискации, представлены статистические данные, сформулированы критерии имущества, которое может быть подвергнуто конфискации в России и Республике Беларусь. В качестве вывода презюмируется сложный многоаспектный и межотраслевой характер конфискации.

Ключевые слова: конфискация имущества, специальная конфискация, уголовно-процессуальная конфискация, предмет конфискации, конфискация при освобождении от уголовной ответственности, уголовный закон Республики Беларусь, уголовный закон Российской Федерации.

A. I. Lukashov, S. V. Sheveleva, E. O. Yakovleva

**LEGAL REGULATION OF CONFISCATION OF PROPERTY
AS ANOTHER CRIMINAL LAW MEASURE IN RUSSIA AND REPUBLIC OF BELARUS**

In early 2019, the Republic of Belarus adopted law No. 171-Z, which introduced fundamental changes in the legal regulation of confiscation of property. In Russia, the confiscation of property, introduced in the criminal code in 2006 has repeatedly undergone changes, which indicates the imperfection of legal norms in this part. Analysis of the criminal legislation of the Republic of Belarus and Russia in terms of regulation of the institution of confiscation allowed to identify vulnerabilities of the legislation of the two States, as well as to determine the most successful legislative formulations. The article defines the historical background of the confiscation of property in the criminal law of the two States, presents statistical data, presents the current state and dynamics of the implementation of the provisions of the law on confiscation, defines the criteria of property that can be confiscated in Russia and the Republic of Belarus. As a conclusion, the complex, multidimensional nature of confiscation is assumed, as well as its cross-sectoral nature.

Key words: confiscation of property, special confiscation, criminal confiscation, subject of confiscation, confiscation upon exemption from criminal liability, criminal law of the Republic of Belarus, criminal law of the Russian Federation.

Обусловленные стратегией государственного развития, современные задачи, связанные с гарантией безопасности человека, общества и государства, обеспечением нерушимости конституционного строя и охраны установленного правопорядка от преступных посягательств, относятся к сфере регулирования уголовного закона. Существующий

комплекс уголовно-правовых мер воздействия призван действовать с учетом текущих преобразований в политике, экономике, праве и иных сферах деятельности общества и государства.

Данное обстоятельство диктует оправданную необходимость в корректировке имеющихся средств и инструментов уголовно-правового воздействия.

Как показывает практика, не все законодательные решения лишены недостатков: некоторые из них представляются спорными, дискуссионными. Не являются исключением нормы о конфискации имущества как меры уголовно-правового характера, введенные в 2006 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) и вызвавшие неоднозначную реакцию в среде практикующих юристов.

Имеющийся российский опыт применения конфискации имущества, полагаем, может быть осмыслен и через призму законодательной практики иностранных государств. Учитывая, что Республика Беларусь и Российская Федерация, имея не только сходную ментальность, но и во многом совпадающие подходы к регулированию отдельных институтов уголовного права, представляется обоснованным сравнительный анализ конфискации имущества, применяемой в этих государствах. Данное направление научного исследования актуализируется проведенными в 2019 г. масштабными изменениями белорусского уголовного закона. Полученные результаты такого исследования могут быть использованы в законодательной практике и России, и Беларуси, в том числе путем имплементации удачных законодательных решений одного государства в уголовный закон другого государства.

Исторический аспект

Обращаясь к историческим истокам становления института конфискации имущества, отметим, что первые упоминания о нем относятся к XVIII в., но свое законодательное закрепление он нашел в Русской Правде, несмотря на отсутствие этого понятия в тексте названного документа. Конфискация имущества была прототипом мер государственного наказания, получивших название «поток» и «разграбление». По мнению ряда ученых, «поток и разграбление являлись лишением покровительства законов, мира, объявлением вне закона, где виновник обычно выдавался властям, а его имущество разграблялось членами общины», и этимологически близок к данному значению термин «разграбление» [1]. Своего прямого обозначения конфискация также не нашла ни в Судебнике 1497 г., где было предписано изымать имущество в пользу лиц, вершивших правосудие в целях покрытия судебных трат, ни в Судебнике 1550 г., в котором конфискация явно подразумевалась как возмещение понесенных убытков и издержек органов власти [2, с. 148].

Необходимо отметить, что основная часть территории современного белорусского государства, равно как и отдельные территории современного

российского государства, в те или иные отрезки времени с середины XIII в. и по конец XVIII в. входили в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ) [3, с. 7—33].

Согласно законодательству в ВКЛ применялись имущественные наказания и штрафы, среди которых предусматривалась и конфискация. Например, шляхтич за совершение тяжкого преступления мог быть наказан лишением чести, что вело к конфискации имения [4, с. 8—33].

Законодательству ВКЛ была известна и конфискация предметов преступной деятельности, именуемая в действующем уголовном законе Беларуси специальной конфискацией. Так, в соответствии со ст. 33 разд. XIV Статута ВКЛ 1588 г. за изготовление спиртных напитков конфисковывалось «начинье пивное, медовое и горельчаное — котлы, кублы, бочки» [5].

После третьего раздела Речи Посполитой (1795 г.) белорусские земли вошли в состав Российской империи. Однако Статут ВКЛ 1588 г., переведенный по указанию Сената Российской империи в 1811 г. на русский язык и изданный в Санкт-Петербурге на русском и польском языках, был действующим законом для Беларуси и Литвы почти до середины XIX в. Лишь с 15 июня 1840 г. Статут ВКЛ 1588 г. утратил силу, и стали применяться нормы российского Свода законов [6, с. 656—657].

Впервые определенное значение конфискация имущества получила в Соборном уложении 1649 г., где она рассматривалась как факультативное наказание за совершение наиболее тяжких преступлений. В соединении со смертной казнью за определенные категории преступлений, в основном связанных с государственной изменой, конфискация имущества предусматривалась в Грамоте 1667 г. и Воинских артикулах 1714 г.

Разносторонний характер применения рассматриваемого института уголовного наказания прослеживался во времена правления Петра I. Так, Указ 1713 г. предусматривал «отнятие вотчин, поместий, пожитков за выделку и продажу серебряной посуды», Указ 1718 г. — «за употребления дегтя в некоторых производствах», Указ 1719 г. — «за утайку руды» [7, с. 160, 172, 192]. В 1802 г. Александром I конфискация была вовсе отменена, и это правило действовало вплоть до Октябрьской революции.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. в первоначальной редакции воспроизводил положения УК 1922 г. в части права суда присоединять конфискацию к любому наказанию за любое преступление. Такая позиция была подвергнута критике в юридической

литературе, и в 1927 г., после принятия сводного закона «О реквизиции и конфискации имущества», применение конфискации было ограничено случаями, специально предусмотренными статьями Особенной части УК РСФСР (п. «б» ст. 13) [1]. В результате оживленных споров в 1958 г. между сторонниками исключения конфискации из перечня мер уголовных наказаний и теми, кто ратовал за оставление ее в качестве альтернативной меры воздействия на преступников за совершение определенных категорий преступлений, было принято решение о сохранении конфискации в качестве дополнительного вида наказания за государственные и тяжкие корыстные деяния, а количество санкций в сравнении с УК РСФСР 1926 г. было значительно сокращено. Законодательное закрепление конкретного перечня предметов и вещей, не подлежащих конфискации (к примеру, к таким вещам были отнесены детские принадлежности, белье, кухонная и столовая посуда и т. д.), был впервые закреплен в УК РСФСР и БССР 1960 г., где конфискация считалась видом дополнительного наказания.

Вопреки соображениям о том, что во времена действия дореволюционного и советского уголовного законодательства конфискация имущества относилась к классу эффективных мер, оказывающих исправительное и предупредительное воздействие на преступников, все же Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ она была исключена из УК РФ по причине ее низкой продуктивности [8]. Критика в адрес законодателя не утихала, в том числе со ссылкой на нормы международно-правовых соглашений, ратифицированных Россией, в которых предусматривалась конфискация имущества, однако в ином значении, нежели она использовалась в УК РФ. К числу таких документов относились, в частности, Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., Римский статут Международного уголовного суда от 19 июля 1998 г., Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 декабря 2000 г., Токийские правила, Резолюция Комитета министров Совета Европы «О некоторых мерах наказания, альтернативных лишению свободы».

Препятствующим аргументом в исключении конфискации имущества как вида наказания из УК РФ являлось законодательное решение о конфискации вещественных доказательств по уголовным делам, предусмотренное нормами уголовно-процессуального закона. Однако Конституционный Суд РФ в своем определении от 8 июля

2004 г. № 251-О счел данное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации.

Современное состояние

В 2006 г. законодатель посчитал необходимым вернуть конфискацию имущества в УК РФ, но уже в новом качестве — как иной меры уголовно-правового характера, что послужило причиной изумления не только специалистов в области науки уголовного права, но и практических работников.

По-разному решается вопрос о конфискации имущества в других государствах. Например, в Грузии она вовсе отсутствует, имея законодательный запрет [9]. В Японии конфискацию имущества принято относить лишь к дополнительному виду наказания [10, с. 134]. Имеющая другой правовой статус или закрепленная под видом иных последствий в результате преступной деятельности. конфискация имущества применяется в таких странах, как Дания [11, с. 124], Аргентина [12, с. 56], Великобритания [13]. Специальная конфискация имущества успешно реализуется во Франции, где в случае отсутствия имущества, подлежащего конфискации, суд взыскивает с виновника, его сообщников или других лиц соразмерную его ценности денежную сумму. Как указывает А. А. Щербакова, такое же правило прямо закреплено в уголовном законодательстве Австрии, Литвы, Македонии, Нидерландов и некоторых других стран [14].

Белорусский законодатель аналогично российскому до недавнего времени признавал конфискацию дополнительным наказанием, предусмотренным в достаточно большом количестве санкций статей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ). По состоянию на 17 июля 2019 г. число таких статей равнялось 60 (в санкциях 11 статей конфискация имущества значилась в качестве обязательного дополнительного наказания, в санкциях 40 статей — в качестве альтернативного, необязательного дополнительного наказания, назначение которого отдавалось на усмотрение суда, в санкциях различных частей 9 статей — как необязательное и обязательное дополнительное наказание).

Данный вид наказания активно применялся судами. С 2001 по 2018 г. к конфискации имущества были осуждены 38 569 человек (в среднем более 2 140 человек в год), в 2018 г. конфискация имущества была применена к 4,1 % лиц, осужденных судами Республики Беларусь*.

Изначально в УК РБ 1999 г. закреплялись нормы как об общей конфискации (вид наказания), так и о специальной. В части 6 ст. 61 УК РБ преду-

смаatrивалась специальная конфискация как принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства орудий и средств совершения преступления, принадлежащих осужденному; вещей, изъятых из оборота; имущества, приобретенного преступным путем, а также предметов, которые непосредственно связаны с преступлением, если они не подлежат возврату потерпевшему или иному лицу. Устанавливалось, что применение специальной конфискации должно осуществляться в соответствии с обвинительным приговором суда и не зависеть от категории преступления и вида назначенного наказания. Впоследствии в число предметов специальной конфискации был включен доход, полученный от использования имущества, приобретенного преступным путем (2010 г.) [15].

В 2013 г. путем дополнения ч. 6 ст. 61 УК РБ была введена специальная конфискация транспортного средства, которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 317¹ УК РБ (Управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования)) [16]. Такое транспортное средство подлежало специальной конфискации независимо от права собственности, но при обязательном условии, что оно выбыло из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц. И пока в России велись споры о возможности изъятия транспортного средства у нетрезвых водителей (как известно, ни к чему не приведшие), белорусский законодатель успешно реализовывал данную норму в уголовном законе, которая активно применяется в практической деятельности белорусских судов.

В 2017 г. ст. 61 УК РБ дополнена ч. 7, расширившей сферу применения специальной конфискации. Если специальная конфискация имущества, приобретенного преступным путем, дохода, полученного от использования этого имущества, на момент принятия решения о конфискации была невозможна вследствие утраты, израсходования, уничтожения, реализации либо по иным причинам, то с осужденного в доход государства подлежала взысканию денежная сумма, соответствующая стоимости имущества, приобретенного преступным путем, и (или) размеру дохода, полученного от использования этого имущества. Размер денежной суммы, подлежащей взысканию, должен был определяться судом на день вынесения обвинительного приговора [17]. Примечательно, что

в ст. 104² УК РФ также предусматривалась денежная компенсация взамен утраченного имущества, подлежащего конфискации, однако в 2012 г. российский законодатель расширил данную норму посредством введения возможности конфискации любого имущества, соразмерного по стоимости с тем, которое должно было конфисковываться изначально.

Статистические данные

Нельзя не отметить, что развитие как белорусского, так и российского уголовного закона в части конфискации имущества и специальной конфискации было тесно связано с экономической политикой государства.

Так, в конце 2015 г. во время встречи с председателем Верховного Суда Республики Беларусь Президент Республики Беларусь обратил внимание на необходимость определенных корректировок уголовного закона в плане их большей гуманизации в отношении некоторых видов правонарушений, особенно экономических, а также отметил, что в стране есть возможность не применять широко конфискацию имущества [18]. Однако в судебной практике не произошло каких-либо значимых изменений. Если в 2015 г. к конфискации имущества были осуждены 1 812 человек, то в 2016 г. — 2 088, в 2017 г. — 1 871, в 2018 г. — 1 674.

В России на момент принятия норм о конфискации в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ предусматривалось применение конфискации за преступления, значащиеся в перечне, состоявшем из 45 статей Особенной части УК РФ. В настоящее время в этот перечень включена ст. 81 Особенной части УК РФ. За девять лет существования конфискации в качестве иной меры уголовно-правового характера в ст. 104¹ УК РФ 18 раз вносились изменения, преимущественно направленные на увеличение количества видов преступлений, за которые возможно применение рассматриваемой меры. Согласно проведенному нами анализу судебной практики применения конфискации имущества в России в период с 2009 по 2018 г. отмечается явная тенденция к ее росту (+32,5 %) [19].

Направленность России и Беларуси на развитие предпринимательской инициативы, стимулирование деловой активности и создание благоприятного правового режима для развития бизнеса нашли отражение и в сфере уголовной ответственности. «Лидирующие» позиции в «рейтинге» видов преступлений, за совершение которых к лицам, осужденным в 2018 г., наиболее часто применялась ст. 104¹ УК РФ, заняли: экологические преступления; преступления против основ конститу-

ционного строя и безопасности государства; преступления в сфере компьютерной информации; преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Высока доля применения конфискации имущества и к осужденным за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Однако, сравнивая данные о применении конфискации имущества (2 459 чел.) с данными об общей

численности осужденных в России за 2018 г. (658 291 чел.), приходим к выводу, что доля лиц, к которым была применена конфискация имущества, едва ли значительна (0,4 %).

Уровень применения конфискации имущества в 2018 г. в зависимости от групповой принадлежности преступлений, за которые осуждались лица, их совершившие, представлен на рисунке.

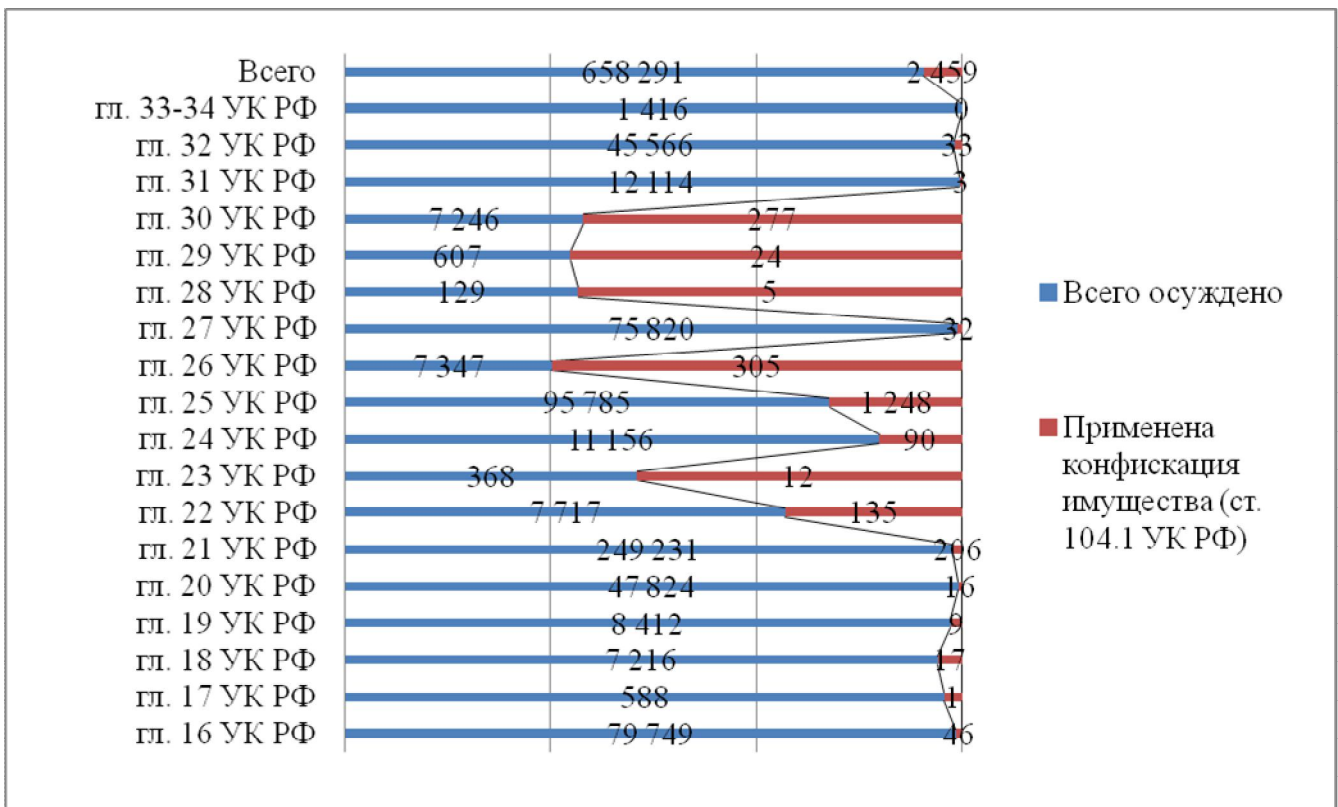

Рис. Численность лиц, осужденных судами России за преступления, предусмотренные соответствующими главами Особенной части УК РФ, и лиц, к которым была применена конфискация имущества (в абс. цифрах)

Изменения в уголовной политике белорусского государства

В Декрете Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» (далее — Декрет № 7) наряду с законодательными мерами, ориентированными на ограничение вмешательства государства в предпринимательскую деятельность, содержался ряд положений, обязывающих к корректировке уголовной политики государства в противодействии экономическим преступлениям. В этом нормативном правовом акте ставилась задача изменить уголов-

ную политику как на законодательном, так и на правоприменительном уровне [20]. Национальному центру законодательства и правовых исследований совместно с Советом министров Республики Беларусь поручалось разработать проект закона о внесении изменений в УК РБ, обеспечив в нем корректировку мер уголовной ответственности, в частности, путем максимального отказа от наказания в виде лишения свободы за совершение экономических преступлений, перевода отдельных экономических преступлений из категорий тяжких или менее тяжких в категории менее

тяжких или не представляющих большой общественной опасности, минимизации количества деяний с формальными составами. В области правоприменительной деятельности без ссылки на нормы уголовного закона в Декрете № 7 подчеркивалась необходимость применения наказания, соразмерного характеру совершенного субъектом хозяйствования правонарушения и наступившим в результате его совершения последствиям. Иначе говоря, судебной власти в сфере осуществления уголовного судопроизводства напоминалось о необходимости строгого соблюдения по уголовным делам об экономических преступлениях принципа справедливости уголовной ответственности, нашедшего закрепление в ч. 6 ст. 3 УК РБ.

Декрет № 7 не ориентировал на корректировку норм о конфискации имущества и специальной конфискации, но в рамках реализации его предписаний предложение об исключении конфискации имущества из системы наказаний и замены ее на штраф получило поддержку в Министерстве экономики, правоохранительных органах и Правительстве и нашло отражение в законопроекте, который был принят Парламентом в виде Закона от 9 января 2019 г. № 171-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» (далее — Закон № 171-3) [21].

Законом № 171-3 внесены кардинальные изменения в правовое регулирование конфискации имущества. Со дня вступления в силу этого закона (19 июля 2019 г.) *конфискация имущества как вид дополнительного наказания перестала применяться в связи с исключением ее из системы наказаний. Вместо конфискации имущества, предусматривавшейся ранее в десятках статей Особенной части УК РБ, будет применяться в качестве обязательного или назначаемого по усмотрению суда дополнительное наказание в виде штрафа, которое включено в санкции подавляющего большинства статей Особенной части УК РБ, содержащих ранее указание на конфискацию имущества.*

Исключение конфискации имущества из системы наказаний и замена ее на штраф, произведенные Законом № 171-3, согласуются с Концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 «Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения», в подп. 16.5 п. 16 которой законодательная власть была ориентирована на создание условий для

расширения применения штрафа в качестве основного и дополнительного наказаний [22]. Хотя и с запозданием (предусматривалось реализовать указанное мероприятие Концепции в 2011 г.), эта задача была осуществлена.

Отказ от применения конфискации имущества не поставил под сомнение законность и обоснованность существования в *УК РБ норм о специальной конфискации*. Напротив, государство пошло по пути внесения существенных изменений и дополнений в правовое регулирование в уголовном законе специальной конфискации, которое, полагаем, оказалось не до конца полным и системным. Его анализ указывает на наличие в законодательстве и правоприменительной практике Беларуси и России сходных проблем правового регулирования конфискации имущества.

Проблемные вопросы конфискации

В законодательстве Беларуси и России остается нерешенной *проблема конкуренции норм о конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера и меры уголовно-процессуальной*. Эта проблема не раз поднималась в работах криминалистов. К примеру, Н. А. Лопашенко называет такую ситуацию «пересечением конфискаций различных отраслей права» [23, с. 89]. В статье 104¹ УК РФ она определяется как принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора установленных ею видов имущества, в том числе денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления, а также орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому. Согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 7 марта 2017 г. № 5-П, конфискация, упомянутая в п. 1 ч. 3 ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), представляет собой разновидность правоограничительной (карательной) и предупредительной (сдерживающей) меры уголовно-правовой ответственности. Именно уголовно-правовой, а не уголовно-процессуальной ответственности, поскольку последняя в российской правовой доктрине понимается как ответственность за нарушение уголовно-процессуального права, что, конечно, не имеет в виду оспариваемая норма [24].

Схожую позицию занял Конституционный Суд Республики Беларусь, указав в решении от 6 июня 2017 г. № Р-1086/2017 «О правовом регулировании специальной конфискации», что предусмотренная уголовным законом специальная конфискация

представляет собой меру уголовно-правового характера, выражающуюся в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства имущества (находящегося как у осужденного, так и у других лиц), определенным образом связанного с совершением преступления, однако сравнительный анализ содержания ч. 6 ст. 61 УК РБ и ст. 96, 98 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК РБ) свидетельствует о наличии правовой неопределенности, которая выражается в неоднозначном и противоречивом правовом регулировании специальной конфискации нормами различной отраслевой принадлежности [25].

В итоге в российском и белорусском законодательстве мы имеем определенное дублирование норм о конфискации соответственно в УК РФ и УПК РФ, в УК РБ и УПК РБ, а отсюда — и конкуренцию этих норм.

Исключив из УК РБ такой вид наказания, как конфискации имущества, *приобретенного законным путем*, законодатель не мог и не должен был отказываться от применения предусмотренной в УК РБ конфискации имущества, *полученного в результате совершения преступления или связанного с совершением преступления*, т. е. от специальной конфискации.

Такой подход отвечает международным стандартам противодействия преступлениям, легализации преступных доходов и имущества, приобретенного вследствие использования преступных доходов. Стандарты противодействия преступлениям, легализации преступных доходов и имущества, приобретенного вследствие использования преступных доходов, нашли отражение в немалом числе международных договоров, ратифицированных Республикой Беларусь и Российской Федерацией, к числу которых относятся, в частности, конвенции Организации Объединенных Наций «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» от 20 декабря 1988 г., «Против транснациональной организованной преступности» от 15 ноября 2000 г., «Против коррупции» от 31 октября 2003 г., договоры государств — участников Содружества Независимых Государств (например, «О противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма» от 5 октября 2007 г. и другие международные договоры Беларуси и России). Россия расширила пределы конфискации посредством возможности изъятия имущества, не только добытого преступным путем и (или) легализованного, но и используемого или предназначенного для финансирования терроризма,

организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) (п. «в» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ).

Белорусский законодатель, введя в УК РБ в 1999 г. нормы о специальной конфискации, не определил ее правовой статус. Нахождение норм о специальной конфискации в статье УК РБ, посвященной конфискации имущества как виду наказания, расположенной в гл. 9 «Наказание и его виды», было едва ли удачным, потребовало внести ясность в вопрос о том, является ли специальная конфискации наказанием, некоей разновидностью конфискации имущества как вида наказания.

Методом от противного Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в пункте 1 постановления от 23 сентября 1999 г. № 8 «О практике назначения судами конфискации имущества по уголовным делам» (далее — постановление Пленума от 23 сентября 1999 г. № 8) разъяснил, что от конфискации имущества как вида дополнительного наказания следует отличать специальную конфискации, заключающуюся в изъятии соответствующего имущества и обращении его в доход государства [26].

Многие белорусские ученые не признали специальную конфискации видом наказания (см., например: [27, с. 12; 28, с. 461; 29, с. 455]). Были и те, которые заняли позицию умолчания: в комментариях к ст. 61 УК РБ нормы о специальной конфискации вообще не комментировались [30, с. 180—181; 31, с. 147]. Белорусский криминалист Д. В. Шаблинская, проводившая изучение конфискации имущества в рамках диссертационного исследования и отразившая его результаты в монографии, выделила в ней небольшой по объему параграф, посвященный специальной конфискации. Она пришла к выводу, что специальная конфискации должна рассматриваться как особая мера безопасности либо многоцелевая принудительная уголовно-правовая мера, которая имеет самостоятельное правовое назначение и в связи с этим должна быть исключена из системы наказаний. Д. В. Шаблинской было предложено ввести в УК РБ отдельную главу, посвященную специальной конфискации, путем включения ее в раздел «Принудительные уголовно-правовые меры», который бы объединял в себе нормы о принудительных мерах безопасности и лечения и специальной конфискации [32, с. 165]. Такое предложение коррелирует с существующим институтом конфискации в России.

Приведенные наработки в определении правовой природы специальной конфискации легли в ос-

нову корректировки норм о специальной конфискации в Законе № 171-З.

Было очевидно, что исключение из уголовного закона конфискации имущества с сохранением в гл. 9 УК РБ «Наказание и его виды» норм о специальной конфискации, изложенных в ч. 6 и 7 ст. 61 УК РБ, явно не отвечало бы содержанию этой главы. Поэтому законодатель, исключив из УК РБ ст. 61, пошел на дополнение гл. 8 УК РБ «Общие условия уголовной ответственности» ст. 46¹ УК РБ «Специальная конфискация». Однако этим он не ограничился и одновременно дополнил ст. 46 УК РБ «Реализация уголовной ответственности» ч. 2, в которой предусмотрел, что специальная конфискация применяется при совершении преступления *наряду с уголовной ответственностью*, а также при освобождении лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным УК РБ.

Иными словами, в ч. 2 ст. 46 УК РБ констатировано, хотя и не прямо, что специальная конфискация не является мерой уголовной ответственности**, а выступает в качестве меры уголовно-правового характера, применяемой к лицу, осуждаемому по обвинительному приговору за совершение преступления к наказанию или иным мерам уголовно-правового характера***, либо к лицу, совершившему преступление, освобождаемому от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным УК РБ. Такой подход белорусского законодателя, на наш взгляд, выглядит более выигрышно в сравнении с подходом российского законодателя, ограничившего ее применение только случаями постановления обвинительного приговора. Полагаем, вынесение решения об освобождении лица по нереабилитирующим основаниям, т. е. когда факт совершения преступления установлен, а вина лица не оспаривается, не должно препятствовать применению рассматриваемой меры. Для устранения в российском уголовном законе данного пробела представляется необходимой следующая корректировка ч. 1 ст. 104¹ УК РФ: «конфискация имущества... на основании обвинительного приговора суда либо иного решения суда о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям».

Согласно определению понятия «наказание», содержащемуся в ст. 47 УК РБ, оно является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного. Такое законодательное определение понятия «наказание» по-

зволяет утверждать, что любой вид наказания, указанный в ст. 48 УК РБ «Виды наказаний», является мерой уголовно-правового воздействия, но не всякое уголовно-правовое воздействие является наказанием. В связи с этим российские исследователи ст. 43 УК РФ, схожей со ст. 47 белорусского УК РБ, вполне резонно обращают внимание на то, что в определении наказания, данном в ч. 1 ст. 43 УК РФ, не говорится о том, что лишение или ограничение прав и свобод должно быть сформулировано именно как вид наказания. Главное, чтобы эти правоограничения были предусмотрены УК РБ, что означает возможность их наличия и в содержании иных мер, не являющихся наказанием. Поэтому наказание и иные меры уголовно-правового характера по содержанию могут совпадать [33, с. 212].

Из этого следует, что конфискация имущества может быть введена в уголовный закон в качестве иной меры уголовно-правового воздействия, которая по содержанию будет совпадать со специальной конфискацией, предусмотренной ст. 46 и 46¹ УК РБ, но получит легальный статус меры уголовно-правового характера. В этом смысле российский законодатель оказался более предусмотрительным. Следует отметить, что по такому пути пошли некоторые из стран, входящие в Евразийский экономический союз. Казахский законодатель включил конфискацию имущества в число видов дополнительного наказания (п. 1 ч. 3 ст. 40 Уголовного кодекса Республики Казахстан), однако в противоречие с этим положением придал ей статус меры уголовно-правового характера, не являющейся наказанием, поскольку ст. 48 этого кодекса предусматривает исключительно конфискацию «имущества, находящегося в собственности осужденного, добытого преступным путем либо приобретенного на средства, добытые преступным путем, а также имущества, являющегося орудием или средством совершения уголовного правонарушения» [34]. Столь же непоследовательно поступил и киргизский законодатель, отнес конфискацию имущества к дополнительному наказанию (ст. 42 Уголовного кодекса Кыргызской Республики), но определив ее в действующей на сегодня редакции ст. 52 этого кодекса как меру уголовно-правового воздействия, не являющуюся наказанием [35].

Радикальное изменение правового статуса конфискации имущества, переводящее ее из категории наказания (санкции за совершение преступления) в категорию иной меры уголовно-правового воздействия, означает приведение российского уголовного закона в 2006 г. и белорусского уго-

ловного закона в 2019 г. в соответствии с признанными этими государствами международными стандартами конфискации имущества, в которых конфискация имущества признается мерой уголовно-правового характера, но не видом наказания.

Имущество, которое можно конфисковать

Статья 46¹ УК РБ определяет специальную конфискацию как принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства предмета специальной конфискации. Перечень объектов, являющихся предметом специальной конфискации, исчерпывающий. В него включены:

- 1) имущество, добытое преступным путем или приобретенное на средства, добытые преступным путем;
- 2) доход, полученный от использования этого имущества;
- 3) предметы преступления, если они не подлежат возврату потерпевшему или иному лицу;
- 4) орудия и средства совершения преступления, принадлежащие лицу, совершившему преступление;
- 5) вещи, изъятые из оборота;
- 6) транспортное средство, которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 317¹ УК РБ (за исключением транспортных средств, выбывших из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц), независимо от права собственности на это транспортное средство.

Очевидно, что белорусский законодатель, в отличие от российского, не включил в предмет конфискации имущество, предназначенное или используемое для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Что касается транспортного средства, управлявшегося лицом в состоянии опьянения, то, хотя формально ст. 104¹ УК РФ позволяет это сделать посредством применения нормы, предусмотренной п. «г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, на практике таких решений не существует. Напомним: вопрос о необходимости введения подобной нормы в УК РФ активно обсуждался, однако так и не получил своего законодательного разрешения.

Легализация в ч. 2 ст. 46 УК РБ применения специальной конфискации при освобождении лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным УК РБ, свидетельствует о расширении сферы применения специальной конфискации, что не предусмотрено в схожей по

содержанию со ст. 46 и 46¹ УК РБ ст. 104¹ УК РФ, допускающей конфискацию имущества лишь на основании обвинительного приговора.

Расширив сферу применения специальной конфискации, законодатель не урегулировал вопрос о том, кто в этом случае будет уполномочен принять решение о ее применении. Соответствующие нормы не включены ни в УК, ни в УПК Республики Беларусь. Этот пробел правового регулирования до его устранения в УК и УПК может быть восполнен путем применения нормы ч. 5 ст. 44 Конституции РБ как нормы прямого действия, допускающей принудительное отчуждение имущества лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно постановлению суда.

Специальная конфискация, будучи частным случаем принудительного отчуждения имущества в собственность государства, должна подчиняться предписаниям ч. 5 ст. 44 Конституции РБ. С учетом приведенного конституционного положения орган уголовного преследования, уполномоченный на прекращение уголовного дела, установив предусмотренные УК РБ основания как для освобождения лица от уголовной ответственности, так и для одновременного применения специальной конфискации, обязан направить уголовное дело в суд для рассмотрения вопроса как об освобождении лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным УК РБ, так и о применении по этому уголовному делу специальной конфискации.

В части 2 ст. 46¹ УК РБ установлено, что размер денежной суммы, подлежащей взысканию, определяется судом на день вынесения приговора. Данное правило применимо только к случаям осуждения лица за совершение преступления. В части 2 ст. 46¹ УК РБ отсутствуют какие-либо указания относительно того, как определить размер денежной суммы, подлежащей взысканию, при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности.

Представляется, что при освобождении от уголовной ответственности размер денежной суммы, соответствующей стоимости имущества, добытого преступным путем или приобретенного на средства, добытые преступным путем, и (или) размеру дохода, полученного от использования этого имущества, определяется судом на день вынесения решения о прекращении уголовного дела. Этот пробел правового регулирования, допущенный при

принятии Закона № 171-3, следует устранить при очередной корректировке УК РБ. Аналогичная проблема может возникнуть в российской правоприменительной практике, если действие ст. 104¹ УК РФ будет распространено на случаи, когда виновное лицо будет освобождаться от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Примечательно, что по данному вопросу имеется разъяснение в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», согласно которому конфискация имущества может быть применена не только на основании обвинительного приговора суда, но и при прекращении уголовного преследования лица, что не предусмотрено в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ [36]. Как верно отмечено Э. В. Мартыненко, «такое толкование дает возможность применить конфискацию при освобождении лица от уголовной ответственности по ст. 75—76², 78 УК РФ» [37]. На наш взгляд, толкование Верховным Судом РФ, выходящее за пределы, установленные уголовным законом, расширяющее границы применения конфискации имущества, не предусмотренные в уголовном законе, едва ли имеет право на существование ввиду принятия высшим органом судебной власти функций законодателя. Как указано нами выше, проблема расширения действия ст. 104¹ УК РФ может быть решена лишь в законодательном порядке.

Сохраняет актуальность *проблема отсутствия четких критериев отнесения конкретных видов преступлений к числу преступлений, совершение которых может влечь конфискацию имущества*. Содержание ст. 104¹ УК РФ позволяет предположить, что конфискацию имущества следует назначать за совершение преступлений корыстной направленности. Однако не все преступления, к примеру, убийства и причинение тяжкого вреда здоровью, могут совершаться по вышеназванному мотиву. Представляется обоснованным исключение из ст. 104¹ УК РФ перечня видов преступлений, влекущих конфискацию имущества. Белорусский опыт, не связанный с созданием перечня таких преступлений, является более предпочтительным. В основу решения о конфискации имущества как меры уголовно-правового характера в ст. 104¹ УК РФ должен быть положен статус этого имущества вне зависимости от того, какое преступление совершено лицом.

Вышесказанное позволяет прийти к выводу о том, что конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера, несмотря на свою неполноту и наличие определенных недостатков, необходима для достижения обозначенных законом целей уголовной ответственности и обеспечения правопорядка. Конфискацию как в российском, так и белорусском законодательстве надлежит рассматривать как межотраслевой институт, который, основываясь на конституционных предписаниях, должен найти системное и комплексное регулирование в нормах гражданского, уголовного, административно-деликтного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и законодательства об исполнительном производстве.

К преимуществам российских норм о конфискации следует отнести возможность конфискации имущества, которое использовалось для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), а также возможность конфискации любого имущества, эквивалентного по стоимости тому имуществу, которое должно было быть конфисковано, но в процессе расследования и судебного разбирательства было утрачено.

Позитивным в уголовном законе Республики Беларусь следует признать отсутствие перечня преступлений, в связи с совершением которых может применяться специальная конфискация, а также возможность применения ее не только в отношении осужденного, но и лица, освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Заслуживает поддержки позиция белорусского законодателя в части конфискации транспортного средства, использовавшегося при совершении в состоянии опьянения преступления, выражающегося в управлении этим транспортным средством, однако при соблюдении конституционных гарантий прав не причастных к совершению преступления собственников или законных владельцев транспортных средств.

Как в России, так и в Беларуси остаются не урегулированными и требующими скорейшего решения вопросы применения конкурентных норм о конфискации как меры уголовно-правового характера (ст. 104¹ УК РФ, ст. 46¹ УК РБ) и как меры уголовно-процессуального принуждения (ст. 81 УПК РФ, ст. 98 УПК РБ).

Примечания

* Здесь и далее использованы статистические данные Верховного Суда Республики Беларусь и Министерства юстиции Республики Беларусь.

** В соответствии с ч. 1 ст. 44 УК РБ уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с УК РБ.

*** Глава 11 УК РБ «Иные меры уголовной ответственности» к числу этих мер относит осуждение с отсрочкой исполнения наказания, осуждение с условным неприменением наказания, осуждение без назначения наказания, превентивный надзор и профилактическое наблюдение за осужденным.

1. Амирова А. Р. Конфискация имущества в истории российского уголовного законодательства // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 4. С. 295—297.

2. Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 2. 520 с.

3. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого. М., 1891. 470 с.

4. Грыцкевіч, А. Гісторыя Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. Т. 1. Абаленскі-Кадэнцыя / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2005. С. 7—33.

5. Юхо Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года — самы дасканалы ў Еўропе тагачасны звод законаў // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар [і інш.]. Мінск: Тэсей, 2003. С. 8—33.

6. Довнар Т. И. Уголовное законодательство после присоединения Беларуси к России // Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. Минск: Изд. центр БГУ. 2014. С. 656—661.

7. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под общ. ред. С. П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2009. 448 с.

9. Уголовный кодекс Грузии. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/> (дата обращения: 27.08.2019).

10. Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. А. И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. 226 с.

11. Уголовный кодекс Дании / науч. ред. и предисл. С. С. Беляева. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. 230 с.

12. Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. и вступит. ст. Ю. В. Голика; пер. с исп. Л. Д. Ройзентурта. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. 240 с.

1. Amirova A. R. Confiscation of property in the history of Russian criminal legislation. Problems of Economics and Legal Practice. 2007; 4: 295—297.

2. Russian legislation X—XX centuries. Moscow; 1985; 2: 520.

3. Filippov A. On punishment under the laws of Peter the Great. Moscow; 1891: 470.

4. Grytskevich A. History of the Grand Duchy of Litovckae. Encyclopedia. In 2 volumes. Volume 1. Abalenski-cadence. Ed. G. P. Pashkov et al. Minsk: BelEn; 2005: 7—33.

5. Juho E. A. Statute of the Grand Duchy of Litovckaga 1566 — the most advanced in Europe then a set of laws. In: The Statute of the Grand Duchy Litovckaga 1566. Ed. T. I. Dovnar et al. Minsk: Tesey; 2003: 8—33.

6. Dovnar T. I. The criminal law after the accession of Belarus to Russia. In: Criminal law. General part. Textbook. Ed. by I. O. Gruntov, A. V. Shidlovsky. Minsk: Publishing center of BSU; 2014: 656—661.

7. Explanatory note to the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

8. Dodonov V. N. Comparative criminal law. General part. Under total ed. S. P. Shcherba. Moscow: Publishing House "Yurlitinform"; 2009: 448.

9. Georgian Penal Code. URL: <https://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/>. Accessed: 27 August 2019.

10. The Criminal Code of Japan. Scientific ed. and foreword by A. I. Korobeyev. Saint Petersburg: Yuridicheskiy center Press; 2002: 226.

11. The Criminal Code of Denmark. Scientific ed. and foreword by S. S. Belyaev. Saint Petersburg: Yuridicheskiy center Press; 2001: 230.

12. The Criminal Code of Argentina. Scientific ed. and introductory article by Yu. V. Golik. Translation from Spanish by L. D. Royzengurt. Saint Petersburg: Yuridicheskiy center Press; 2003: 240.

13. Уголовный кодекс Великобритании. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/> (дата обращения: 27.08.2019).

14. Щербакowa А. А. Конфискация имущества по уголовному законодательству зарубежных стран // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3—2. С. 201—204.

15. О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 27 декабря 2010 г. № 223-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011. № 4. 2/1775.

16. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления мер ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения: закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 60-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2013. 2/2058.

17. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2017. 2/2491.

18. Встреча с председателем Верховного Суда Валентином Сукало. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predsedatelem-verhovnogo-suda-valentinom-sukalo-12810/ (дата обращения: 27.08.2019).

19. Официальные данные о состоянии судимости в России, представленные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации за 2009—2018 гг. URL: <http://vsrf.ru/documents/statistics/?year=2019> (дата обращения: 27.08.2019).

20. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2017. 1/17364.

21. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2019. 2/2609.

22. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011. № 1. 1/12207.

23. Лопашенко Н. А. Конфискация имущества: моногр. М.: Юрлитинформ, 2012. 160 с.

24. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 2017 г. № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. UK Penal Code. URL: <https://crimpravo.ru/page/zar-uk/>. Accessed: 27 August 2019.

14. Shcherbakova A. A. Confiscation of property under the criminal law of foreign countries. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019; 3—2: 201—204.

15. Law of the Republic of Belarus No. 223-Z of 27 December 2010. "On Amendments and Amendments to the Criminal and Criminal Procedure Codes of the Republic of Belarus". National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. 2011; 4; 2/1775.

16. Law of the Republic of Belarus No. 60-Z of 12 July 2013. "On Amendments and Additions to Certain Codes of the Republic of Belarus on Strengthening Measures of Responsibility for Driving a Car When Intoxicated". National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. 2013; 2/2058.

17. Law of the Republic of Belarus No. 53-Z of 18 July 2017. "On Amendments and Additions to the Criminal and Criminal Procedure Codes of the Republic of Belarus". National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. 2017; 2/2491.

18. Meeting with the Chairman of the Supreme Court Valentin Sukalo // Official Internet portal of the President of the Republic of Belarus. Available from: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predsedatelem-verhovnogo-suda-valentinom-sukalo-12810. Accessed: 27 August 2019.

19. Official data on the criminal record in Russia, submitted by the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for 2009—2018. URL: <http://vsrf.ru/documents/statistics/?year=2019>. Accessed: 27 August 2019.

20. National legal Internet portal of the Republic of Belarus. 2017; 1/17364.

21. National legal Internet portal of the Republic of Belarus. 2019; 2/2609.

22. The national register of legal acts of the Republic of Belarus. 2011; 1; 1/12207.

23. Lopashenko N. A. Confiscation of property. Monograph. Moscow: YurLitinform; 2012: 160.

24. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-P of 7 March 2017. "In the case of the verification of the constitutionality of paragraph 1 of the third part of Article 81 and Article 401.6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with complaints by a citizen A. E. Pevzner". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

25. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2017. 6/1597.
26. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 78. 6/53.
27. Лукашов А. О специальной конфискации в законодательстве и судебной практике // Юрист. 2002. № 1. С. 11—13.
28. Бабий Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. 663 с.
29. Саркисова Э. А. Уголовное право. Общая часть: учебник. Минск: Академия МВД, 2014. 559 с.
30. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А. В. Баркова. Минск: Тесей, 2003. 1200 с.
31. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. 1007 с.
32. Шаблинская Д. В. Конфискация имущества в уголовном праве. Минск: БОРБИЦ РНИУП «Институт радиологии», 2013. 200 с.
33. Бриллиантов А. В., Пейсикова Е. В. Комментарий к главе 15.1 // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. Т. 1. 792 с.
34. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 27.06.2019).
35. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. № 68 URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 27.06.2019).
36. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 8.
37. Мартыненко Э. В. Правовая позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации о конфискации имущества // Закон и право. 2018. № 10. С. 70—74.
25. National legal Internet portal of the Republic of Belarus. 2017; 6/1597.
26. The national register of legal acts of the Republic of Belarus. 1999; 78; 6/53.
27. Lukashov A. About special confiscation in the legislation and judicial practice. Lawyer. 2002; 1: 11—13.
28. Babiy N. A. Criminal law of the Republic of Belarus. General part. Textbook. Minsk: GIUST BSU; 2010: 663.
29. Sarkisova E. A. Criminal law. General part. Textbook. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs; 2014: 559.
30. Commentary on the Criminal Code of the Republic of Belarus. Ed. by A. V. Barkov. Minsk: Tesey; 2003:1200.
31. Scientific and practical commentary on the Criminal Code of the Republic of Belarus. Ed. by A. V. Barkov, V. M. Khomich. Minsk: GIUST BSU; 2007: 1007.
32. Shablinskaya, D. V. Confiscation of property in criminal law. Minsk: BORBITS RNIUP "Institute of Radiology"; 2013: 200.
33. Brilliantov A. V., Peisikova E. V. Commentary on chapter 15.1. In: Comment on the Criminal Code of the Russian Federation. In 2 volumes. Under the ed. by A. V. Brilliantov. Moscow: Prospect; 2015; 1: 792.
34. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V of 3 July 2014. Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. Accessed: 27 June 2019.
35. The Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 68 of 1 October 1997. Available from: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>. Accessed: 27 June 2019.
36. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018; 8.
37. Martynenko E. V. Legal position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on confiscation of property. Zakon & pravo. 2018; 10: 70—74.

© Лукашов А. И., Шевелева С. В.,
Яковлева Е. О., 2019

© Lukashov A. I., Sheveleva S. V.,
Yakovleva E. O., 2019

Лукашов Алексей Ильич,

доцент кафедры уголовного права
юридического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: a_lukashov@tut.by

Шевелева Светлана Викторовна,

декан юридического факультета
Юго-Западного государственного
университета,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: decan46@yandex.ru

Яковлева Елена Олеговна,

доцент кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного
университета,
кандидат юридических наук;
e-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru

Lukashov Alexey Ilyich,

associate professor at the department
of criminal law of faculty of law
of the Belarusian State University,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: a_lukashov@tut.by

Sheveleva Svetlana Viktorovna,

head of the faculty of law
of the Southwest State University,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: decan46@yandex.ru

Yakovleva Elena Olegovna,

associate professor at the department
of criminal law of the Southwest State University,
candidate of juridical sciences;
e-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru

* * *

И. И. Скрипова**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

В статье автор рассматривает дискуссионные вопросы квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних лиц. Особое внимание уделяется проблеме уголовной ответственности за ненасильственные действия сексуального характера с несовершеннолетними, а также за совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности в отношении нескольких несовершеннолетних.

Приводятся материалы судебной практики, иллюстрирующие рассматриваемые автором проблемы, а также статистические данные Следственного комитета Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации, свидетельствующие об увеличении количества подобных преступлений.

В завершение статьи заключается, что судам при рассмотрении уголовных дел нужно принимать во внимание высокую общественную опасность рассматриваемых преступлений, нравственный и физический вред, который они наносят несовершеннолетним, но в то же время не следует допускать двойного осуждения обвиняемых.

Ключевые слова: половая свобода, половая неприкосновенность, несовершеннолетнее лицо, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, развратные действия, ненасильственные действия сексуального характера.

I. I. Skripova**SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES
AGAINST SEX FREEDOM AND SEXUAL IMPAIRABILITY OF MINORS**

In the article the author discusses the debate on the qualification of crimes against sexual freedom and sexual integrity of minors. Particular attention is paid to the issue of criminal liability for non-violent sexual acts with minors, as well as for committing crimes against sexual freedom and sexual integrity in relation to several minors.

Judicial practice materials are presented that illustrate the problems considered by the author, as well as statistics from the Investigative Committee of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, indicating an increase in the number of such crimes.

The article concludes with the conclusion that when considering criminal cases the courts must take into account the high social danger of the crimes in question, the moral and physical harm that they inflict on minors, but at the same time, they should not be allowed to convict the accused twice.

Key words: sexual freedom, sexual integrity, minor, crimes against sexual integrity and sexual freedom of a person, depraved acts, non-violent sexual acts.

Согласно статистике Следственного комитета Российской Федерации всего в 2018 г. следователями данного ведомства было возбуждено 20 642 уголовных дела о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних. При этом большую часть из них составили преступления против половой свободы и половой неприкосновенности

(изнасилование (ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК РФ) развратные действия (ст. 135 УК РФ)) [1]. Заместитель начальника Главного управления по обеспечению

общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации МВД России В. Гайдов отмечает: «У нас за пять лет преступность против половой неприкосновенности несовершеннолетних возросла на 42 %» [2]. По его словам, каждое шестое подобное преступление совершалось в семье, а каждое двенадцатое — родителями [2]. Однако стоит акцентировать внимание на том, что данные статистики могут быть несколько искажены, так как рассматриваемые преступления отличаются высокой латентностью. Об этом же говорит и создатель российского движения «Сдай педофила!» А. Левченко: «... поскольку латентность таких преступлений 80 процентов, если не больше, дети молчат, а родители не хотят выносить сор из избы, то можно говорить о том, что в России за год от педофилов страдает 150 тысяч детей. В основном это дети школьного возраста» [3]. Почему же именно они все чаще становятся потерпевшими по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности? По мнению психиатра Б. Егорова, «женщины, пенсионеры и дети — самая незащищенная структура в стране. И если в первых двух случаях люди могут хоть как-то за себя постоять, так как у них есть некоторый жизненный опыт, то дети просто не знают, как это сделать. А иногда даже некому за них заступиться. Напряжение в стране растет, и все это отражается на безопасности детей» [4].

Как известно, несовершеннолетние ввиду своей физической и умственной незрелости нуждаются в специальной охране и заботе, включая надежную правовую защиту. Данное положение содержится в Женевской декларации прав ребенка (1924 г.). Это же устанавливают и иные международные документы: Всеобщая Декларация прав человека (1948 г.), Декларация прав ребенка (1959 г.); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.); Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка (1989 г.); Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (1995 г.) и др.

Среди названных правовых актов основополагающее значение имеет Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка, ст. 34 которой предусматривает обязанности каждого государства — участника конвенции «защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения» [5], принимать меры для предотвращения «а) склонения или принуж-

дения ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности; б) использования в целях эксплуатации детей в проституции или в другой незаконной сексуальной практике; в) использования в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах» [5]. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений обязывает участников устанавливать уголовную ответственность за такие категории преступлений, как: сексуальные злоупотребления (ст. 18); преступления, касающиеся детской проституции (ст. 19); преступления, касающиеся детской порнографии (ст. 20); преступления, касающиеся участия ребенка в порнографических представлениях (ст. 21) [6]. При этом необходимо отметить, что под словом «ребенок» понимается человек в возрасте до 18 лет, однако Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка делает оговорку: «...если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее» [5].

С учетом того что в России количество преступлений, совершаемых против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, увеличивается (в 2016 г. следователи Следственного комитета Российской Федерации возбудили 5,8 тыс. уголовных дел, в 2017 г. — 13,5 тыс. [7], статистика 2018 г. приведена в начале статьи), законодатель задумывается об ужесточении уголовной ответственности за отдельные категории преступлений. Так, в 2018 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации группой депутатов во главе с вице-спикером И. Яровой был внесен законопроект (был принят в первом чтении) «о расширении применения наказания в виде пожизненного лишения свободы для педофилов, а также о приостановлении сроков давности за преступления сексуального характера в отношении детей» [7]. Кроме того, депутаты предложили квалифицировать как тяжкие преступления все факты изготовления, хранения, приобретения или распространения материалов порнографического характера с участием несовершеннолетних лиц, а также увеличить срок наказания за преступления, предусмотренные ст. 134 УК РФ, которая наряду со ст. 135 УК РФ вызывает дискуссии в научных кругах. А. Н. Шагланова пишет: «Основная проблема прежде всего содержится в несоответствии названия и содержания диспозиции ст. 134 УК РФ, когда в названии указывается половое сношение и иные действия сексуального характера, в то время как в диспозиции ч. 2 перечисляются мужеложство и лесбиянство

и отсутствует упоминание иных действий сексуального характера. На практике это зачастую приводит к путанице, когда развратные действия приравнивают к иным действиям сексуального характера. Однако развратные действия не являются разновидностью действий сексуального характера, так как обладают самостоятельной правовой природой...» [8]. А. А. Бимбинов отмечает: «Сложнее обстоит ситуация с развратными действиями, под которыми в настоящее время понимаются и иные действия сексуального характера, и собственно развратные действия (бесконтактные формы). Представляется, что бесконтактные развратные действия имеют альтернативно-обязательные цели: удовлетворение сексуальной потребности или вызывание у несовершеннолетнего интереса к сексуальным действиям. Отсутствие указанных целей должно влечь отсутствие состава бесконтактных развратных действий» [9]. Развратные действия не предполагают непосредственного полового контакта с потерпевшим, но имеют однозначный сексуальный подтекст. К ним обычно относят:

- демонстрацию половых органов;
- обнажение потерпевшего по его желанию;
- показ порнографии;
- переписку непристойного характера в сети «Интернет»;
- непристойные прикосновения;
- сексуальные разговоры в присутствии детей и др.

Вопрос об оценке развратных действий в отношении лиц, не достигших 12 лет, сегодня вызывает наибольшие споры. По мнению некоторых авторов попытка ответить на него с помощью примечания к ст. 131 УК РФ представляется не вполне удачной: законодатель признает лицо, не достигшее 12 лет, находившимся в беспомощном состоянии и предписывает квалифицировать деяния, предусмотренные чч. 3—5 ст. 134 и чч. 2—4 ст. 135 УК РФ, если они совершены в отношении таких лиц, по п. «б» ч. 4 ст. 131 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, т. е. как изнасилование либо насильственные действия сексуального характера. Однако возраст потерпевшего не может быть основанием для того, чтобы одно деяние подгонять под состав другого. Так, Орловский областной суд признал недоказанным факт совершения действий сексуального характера в отношении 12-летней школьницы. Ранее приговором Заводского районного суда г. Орла гр-н N. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Ему было назначено наказание

в виде 13 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строго режима. Приговор был обжалован в апелляционном порядке. Судебная коллегия Орловского областного суда установила отсутствие в уголовном деле доказательств того, что осужденному было достоверно известно, что потерпевшая не достигла 12 лет, по заключению экспертизы у подсудимого не были выявлены признаки педофилии. Таким образом, гр-ну N. было назначено наказание в виде двух лет шести месяцев ограничения свободы [10].

Не меньше проблем вызывает и квалификация преступлений с несколькими потерпевшими. Обратимся к примеру. Органы предварительного расследования действия гр. P. в отношении потерпевших К. (11 лет), Д. (13 лет), и А. (13 лет) квалифицировали:

— по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ как действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшей К., совершенные в отношении лица, не достигшего 12 лет (13 эпизодов);

— по ч. 3 ст. 135 УК РФ как развратные действия без применения насилия в отношении А. и Д., достигших 12 лет, но не достигших 14 лет (14 эпизодов);

— по п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ как изнасилование А., не достигшей 14 лет.

Судом первой инстанции гр. P. был признан виновным и осужден:

— по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ за действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшей К., совершенные в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста;

— п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ за изнасилование А., не достигшей 14-летнего возраста.

Вместе с тем суд первой инстанции исключил из обвинения P. развратные действия без применения насилия в отношении А. и Д., достигших 12 лет, но не достигших 14 лет, как излишне вмененную квалификацию органом расследования, поскольку преступные действия P. согласно примечанию к ст. 131 УК РФ квалифицируются по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Суд при квалификации действий указал следующее: действия P. по отношению к потерпевшим разного возраста были однотипными, а преступление, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, является более тяжким по сравнению с преступлением, предусмотренным ч. 3 ст. 135 УК РФ, хотя нормы устанавливают уголовную ответственность за посягательства на один и тот же родовой объект.

В апелляционной инстанции приговор был изменен. Судебная коллегия нашла необоснованным вывод суда о квалификации действий Р. лишь по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ: суд первой инстанции не принял во внимание тот факт, что Р. совершал развратные действия не только в отношении К., не достигшей 12 лет и находившейся в беспомощном состоянии, но и в отношении А. и Д., которым уже исполнилось 12 лет. В связи с этим действия Р. в отношении всех потерпевших образуют так называемую идеальную совокупность преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 и ч. 3 ст. 135 УК РФ.

Судом апелляционной инстанции действия Р. дополнительно квалифицированы по ч. 3 ст. 135 УК РФ с назначением наказания в виде лишения свободы на 6 лет с усилением окончательного наказания по совокупности преступлений до 15 лет лишения свободы [11].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 г. № 16 разъясняет: «19. Половое сношение, мужеложство, лесбиянство или развратные действия, совершенные без применения насилия или угрозы его применения и без использования беспомощного состояния потерпевшего лица одновременно или в разное время в отношении

двух или более лиц, не достигших 16-летнего возраста, в соответствии с положениями части 1 статьи 17 УК РФ не образуют совокупности преступлений и подлежат квалификации по части 4 статьи 134 или части 3 статьи 135 УК РФ при условии, что ни за одно из этих деяний виновный ранее не был осужден» [12]. Однако в рассматриваемом случае обвиняемый осужден по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, что при одновременном его осуждении по ст. 135 УК РФ за единовременное совершение одних и тех же действий в отношении разных потерпевших не соответствует положениям ч. 3 ст. 17 УК РФ и представляет собой двойное осуждение в нарушение требований ч. 2 ст. 6 УК РФ. Полагаем, в данной ситуации обосновано вменение самостоятельных преступлений в отношении каждой потерпевшей.

Таким образом, в завершение необходимо отметить, что проблемы квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних не теряют своей актуальности. Судам при рассмотрении уголовных дел нужно принимать во внимание высокую общественную опасность рассматриваемых преступлений, нравственный и физический вред, который они наносят несовершеннолетним, но в то же время не следует допускать двойного осуждения обвиняемых.

1. Число преступлений против несовершеннолетних в России в 2018 году сократилось на 3,5 % // ТАСС. URL: tass.ru/obschestvo/64896450 (дата обращения: 12.09.2019).

2. Резкий скачок преступлений против половой неприкосновенности детей в России отметили в МВД. URL: 360tv.ru (дата обращения: 12.09.2019).

3. Анна Левченко «Ежегодно от действий педофилов в России страдает 150 тысяч детей». URL: www.bnkomi.ru (дата обращения: 12.09.2019).

4. Педофилы убивают по два ребенка в месяц. МВД обнародовало статистику убийств и изнасилований детей. URL: gazeta.ru (дата обращения: 12.09.2019).

5. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных

1. The number of crimes against minors in Russia in 2018 decreased by 3.5 %. TASS. Available from: tass.ru/obschestvo/64896450. Accessed: 12 September 2019.

2. A sharp jump in crimes against the sexual integrity of children in Russia was noted in the Ministry of Internal Affairs. Available from: 360tv.ru. Accessed: 12 September 2019.

3. Anna Levchenko "Every year 150 thousand children suffer from the actions of pedophiles in Russia". Available from: www.bnkomi.ru. Accessed: 12 September 2019.

4. Pedophiles kill two children a month. The Ministry of Internal Affairs released statistics on the killing and rape of children. Available from: gazeta.ru. Accessed: 12 September 2019.

5. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20 November 1989, entered into force for the USSR on 15 September 1990). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. The Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation

злоупотреблений (заключена в г. Лансароте 25 октября 2007 г). URL: docs.cntd.ru (дата обращения: 12.09.2019).

7. Госдума рассмотрит законопроект о пожизненном лишении свободы для педофилов. URL: tass.ru (дата обращения: 12.09.2019).

8. Шагланова А. Н. К вопросу о проблемах квалификации состава, предусмотренного ст. 135 УК РФ // NOVAINFO.RU. 2017. С. 387—391.

9. Бимбинов А. А. Уголовная ответственность за ненасильственные действия сексуального характера с несовершеннолетним по законодательству Российской Федерации и Республики Словения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 123—128.

10. Орловский областной суд признал недоказанным факт совершения действий сексуального характера в отношении 12-летней девочки // Орловская среда. URL: orelsreda.ru (дата обращения: 13.09.2019).

11. Дело № 22-220/2016 // Архив суда Ямало-Ненецкого автономного округа.

and Sexual Abuse (concluded in Lanzarote on October 25, 2007). Available from: docs.cntd.ru. Accessed: 12 September 2019.

7. The State Duma will consider a bill on life imprisonment for pedophiles. Available from: tass.ru. Accessed: 12 September 2019.

8. Shaglanova A. N. On the issue of qualification of the composition provided for by Art. 135 of the Criminal Code. NOVAINFO.RU. 2017: 387—391.

9. Bimbinov A. A. Criminal liability for non-violent sexual acts with a minor under the laws of the Russian Federation and the Republic of Slovenia. Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018; 43 (3): 123—128.

10. Oryol Regional Court found unproven the fact of sexual acts against a 12-year-old girl. Orlovskaya sreda. Available from: orelsreda.ru. Accessed: 13 September 2019.

11. Case No. 22-220/2016. Archive of the court of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug.

© Скрипова И. И., 2019

© Skripova I. I., 2019

Скрипова Ирина Игоревна,
аспирант Российского университета
дружбы народов,
помощник судьи суда
Ямало-Ненецкого автономного округа;
e-mail: irinaalek@list.ru

Skripova Irina Igorevna,
post graduate student
of Peoples' Friendship University of Russia,
assistant judge of the court
of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug;
irinaalek@list.ru

* * *

Р. Е. Токарчук, С. Ф. Милюков

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ
ПОЛНОМОЧИЙ ПО ПРИМЕНЕНИЮ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ
В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ**

В статье проанализированы взаимосвязи обстоятельств, исключающих преступность деяния, полномочий по применению огнестрельного оружия сотрудниками полиции для защиты жизни и здоровья людей в области безопасности дорожного движения и уголовной ответственности за их превышение. Рассматриваемые полномочия в некоторой части излишне дискриминационны в сравнении с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, а пределы допустимого причинения вреда в этих институтах недостаточны для эффективного выполнения задач полиции в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Целью статьи является внесение изменений в законодательство, направленных на согласование требований уголовного закона и полномочий сотрудников полиции по применению огнестрельного оружия.

Ключевые слова: необходимая оборона, задержание преступника, превышение должностных полномочий, полицейский, огнестрельное оружие, безопасность дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, применение оружия, причинение смерти.

R. E. Tokarchuk, S. F. Milyukov

**CRIMINAL LEGAL PROBLEMS OF PERFORMANCE BY THE POLICE EMPLOYEES
OF AUTHORITIES FOR THE APPLICATION OF FIRE-ARROW WEAPONS
IN ORDER TO ENSURE ROAD SAFETY**

The article analyzes the interconnectedness of circumstances that exclude the crime of an act, the powers to use firearms by police officers to protect human life and health in the field of road safety and criminal liability for their excess. The powers under consideration are in some part unnecessarily discriminatory in comparison with circumstances that exclude criminal acts, and the limits of permissible harm in these institutions are insufficient for the effective fulfillment of police tasks in the field of road safety.

The purpose of the article is to amend the legislation aimed at harmonizing the requirements of the criminal law and the powers of police officers to use firearms.

Key words: necessary defense, detention of the offender, abuse of power, police officer, firearms, road safety, traffic accident, use of weapons, causing death.

В современных условиях важнейшей сферой деятельности полиции (причем не только транспортной) является обеспечение безопасности дорожного движения. В результате нарушения Правил дорожного движения (далее — ПДД) ежегодно гибнут десятки тысяч людей, сотни тысяч получают травмы, которые порой приводят к длительной или пожизненной инвалидности. Еще в 2001—2007 гг. ежегодно фиксировалось более 30 тыс. погибших в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП) (с пиком в 35,6 тыс. в 2003 г.), что значительно выше уровня безвозвратных

потерь (14,5 тыс. чел.) за весь более чем девятилетний (!) период войны Советской Армии в Афганистане. Потом уровень погибших на дорогах стал неуклонно снижаться в результате разного рода статистических ухищрений с переводом значительной части погибших в категорию раненых. Но и в настоящий период в России погибают 18 чел. на 100 тыс. населения, тогда как в Финляндии — 4,7, в Германии, Испании и Японии — 4,1, а в Швейцарии и Норвегии — всего 2,7 [1].

Между тем имеющиеся у сотрудников полиции полномочия по применению огнестрельного оружия

для остановки транспортного средства, своим движением создающего угрозу жизни и здоровью граждан, далеко не достаточны для выполнения этой важнейшей задачи. Фактически сотрудники полиции не имеют надлежащих прав для эффективной защиты жизни граждан и самих себя от опасности погибнуть или стать калеками под колесами транспортного средства нарушителя ПДД. Полномочия сотрудников полиции, предусмотренные Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [2] (далее — ФЗ «О полиции»), являются дискриминационными, ограничивающими права по применению огнестрельного оружия больше, чем это предусмотрено Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ) [3, с. 30; 4].

Так, сотрудник полиции имеет право применять огнестрельное оружие для «остановки транспортного средства путем его повреждения, если управляющее им лицо отказывается выполнить неоднократные требования сотрудника полиции об остановке и пытается скрыться, создавая угрозу жизни и здоровью граждан» (п. 1 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции»). Эта норма единственная, которая упоминает о праве применения оружия для пресечения нарушений ПДД, тем не менее она допускает при описанных условиях применение оружия только для повреждения транспортного средства, но не стрельбу на поражение правонарушителя, который им управляет.

В условиях необходимой обороны (ст. 37 УК РФ) допускается причинение вреда с помощью огнестрельного оружия и водителю транспортного средства, так как защита допускается и от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни, если эта защита явно соответствует характеру и опасности посягательства. Осуществляемая ныне реконструкция ст. 264 УК РФ с приближением некоторых ее санкций к статье 105 того же Кодекса («Убийство») способна значительно укрепить основания причинения водителю-нарушителю тяжкого вреда здоровью и даже смерти. Но все дело в том, что конструкция ст. 264 и других составов транспортных преступлений такова, что для этих составов обязательно наступление тяжких последствий (определенным исключением является лишь ст. 264¹ УК РФ). При этом подавляющее большинство специалистов категорически возражает против возможности необходимой обороны от административных деликтов [5, с. 450—451].

В случае преследования правонарушителя его попытка скрыться от полиции, сотрудников других

органов обеспечения правопорядка и добротот из числа граждан неизбежно сопровождается многочисленными умышленными нарушениями ПДД в условиях больших скоростей, психофизической перегрузки, что существенно увеличивает опасность ДТП с самыми тяжкими последствиями, особенно в напряженном транспортном и пешеходном потоке. Чаще всего подобные случаи связаны с состоянием алкогольного или наркотического опьянения, которое еще более увеличивает вероятность смертельного или близкого к нему исхода.

Нередко от лобового встречного столкновения или наезда на пешеходов погибает или калечится несколько человек, в том числе детей, причиняется крупный имущественный вред. Недопущение этих последствий является непреложной обязанностью сотрудников полиции и других правоохранительных органов. Далеко не всегда можно добиться остановки рассматриваемого транспортного средства нарушителя путем его повреждения. В условиях, когда получают распространение безвоздушные шины и колеса с автоподкачкой воздуха, остановка транспортного средства путем их повреждения становится практически невозможной. К тому же, двигатели некоторых марок автомобилей оборудуются защитными коробами, которые чрезвычайно усложняют возможность их кардинального повреждения.

Поэтому, исходя из положений ст. 37 УК РФ о необходимой обороне, применение огнестрельного оружия на поражение водителя в исключительных случаях допустимо, не говоря уже об эффективности этой меры. Как правильно заметил В. В. Меркурьев, «для общества, по большому счету, одинаково полезна деятельность граждан, направленная на отражение как умышленных, так и неосторожных преступных посягательств» [6, с. 96]. В рассматриваемом нами контексте нельзя согласиться с явно устаревшим мнением В. И. Ткаченко и его последователей о том, что для прекращения общественно опасного действия, которое по неосторожности может привести к наступлению вреда, нет нужды причинять вред посягающему, для чего достаточно других мер, например предупреждения о последствиях [7].

Потенциально возможная массовая гибель пешеходов или пассажиров встречного или (и) попутных транспортных средств вызывает необходимость причинения разного рода вреда лицу, от которого исходит угроза таковых последствий. По справедливому замечанию А. В. Никуленко, «во многих случаях обороняющемуся довольно трудно определить

субъективную сторону совершаемого деяния, зато очевидна его общественная опасность» [8, с. 198]. Грубо нарушить ПДД могут не только обычные водители, но и хулиганы (так называемые стритрейсеры), угонщики, бандиты и террористы, умышленно причиняющие смерть гражданам. В этих случаях запрет на причинение сотрудником полиции водителю вреда здоровью или смерти посредством применения огнестрельного оружия тем более необоснован.

Однако столь обнадеживающие суждения, основанные на толковании ст. 37 УК РФ, имеющей общее значение при решении вопроса о допустимом причинении вреда, исключают преступность деяния, разбиваются о дискриминирующие требования ФЗ «О полиции». Дело в том, что названный закон допускает применение огнестрельного оружия преимущественно в отношении лица, совершающего умышленное посягательство (см., например: пп. 1, 2, 4, 6 ч. 1 ст. 23). При формулировании этих норм использовалась уголовно-правовая терминология, описывающая не собственно вероятную опасность, которую необходимо предотвратить, а преимущественно умышленный характер посягательства лица, в отношении которого предполагается применение огнестрельного оружия. Подобный подход концентрирует внимание сотрудника полиции на юридической оценке действий нарушителя — их преступности или не преступности, а не на определении степени и вероятности опасности, которую эти действия несут, и, как следствие, не на защите от этой опасности, а на соблюдении прав посягающего. Как результат, исключена допустимость применения огнестрельного оружия в отношении водителя транспортного средства, умышленно нарушающего ПДД и пока «только» создающего угрозу ДТП с неопределенными последствиями.

Следы такого подхода можно видеть во многих используемых уголовно-правовых терминах в ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции». Так, предполагает умысел сопряженность посягательства с насилием, опасным для жизни или здоровья [9]. С учетом скорости развития ситуации и ущербности правовой подготовки практических работников [10], указанный подход вселяет в сотрудников полиции неуверенность, которая удерживает их от применения огнестрельного оружия даже тогда, когда это крайне необходимо для сохранения жизни многих людей. Например, весьма затруднительно понять, умышленно (с насилием, опасным для жизни или здоровья) или нет (в результате нарушения ПДД) водитель сбивает пешеходов

и производит ДТП. Получается, что эти нормы определяют не право защиты жизни, а пределы допустимости причинения вреда преступнику за умышленное посягательство, например, на жизнь или здоровье граждан или, чаще всего, полицейских.

В пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 19-2012) разъяснено, что к посягательствам, защита от которых допустима в пределах, установленных ч. 2 ст. 37 УК РФ, относится совершение и иных деяний (действий или бездействий), в том числе по неосторожности, предусмотренных Особенной частью УК РФ (абз. 2 п. 3). Эти посягательства «с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда. К таким посягательствам относятся, например, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения» [11]. Следует заметить, что недостатком последнего разъяснения является сведение действий лица, дающих право на оборону, к совершению деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, т. е. содержащих объективные признаки *преступления*. Это разъяснение прямо противоречит тексту закона, который не связывает характеристику посягательства исключительно с составом преступления в целом или его отдельным элементом. В действиях нарушителя ПДД на момент применения оружия соответствующие признаки отсутствуют, но в финале могут наступить тяжкие последствия, предусмотренные ст. 264 УК РФ. Как правильно замечает А. В. Никуленко, в современных условиях, когда множество деяний, ранее признаваемых преступлениями, декриминализовано, положения ст. 37 УК РФ следует распространять и на защиту от административных правонарушений [7]. Это закономерно хотя бы потому, что побои декриминализованы, но в абз. 1 п. 3 рассматриваемого постановления Пленума признаются посягательством, допускающим защиту в соответствии с ч. 2 ст. 37 УК РФ.

Следует также иметь в виду, что применение огнестрельного оружия запрещено в местах значительного скопления граждан, когда от этого могут пострадать случайные лица (ч. 6 ст. 23 ФЗ «О полиции»). По существу получается, что стрельба по транспортному средству или водителю должна вестись только на безлюдном участке дороги, т. е. в условиях, когда непосредственной

угрозы от опасного движения автомобиля нарушителя окружающим нет. Здесь налицо несовместимость возможности безопасного для окружающих применения огнестрельного оружия и допустимости его применения в ситуации, когда имеет место быть непосредственная угроза жизни окружающих от движения автомобиля нарушителя. Когда транспортное средство нарушителя создает непосредственную угрозу жизням окружающих, стрелять еще нельзя, так как от пуль могут пострадать случайные лица, а когда непосредственной опасности нет (место безлюдное), стрелять уже поздно, так как нет непосредственной угрозы жизням окружающих от движения автомобиля. В таких случаях, по нашему мнению, полицейский должен руководствоваться еще и правилами крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Этот момент нужно учитывать при определении правомерности причинения вреда в судебной практике как элемент «создавшейся обстановки», в которой принимается решение о применении огнестрельного оружия (ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции»). Суды должны признавать за сотрудником полиции право на применение оружия в отношении правонарушителя в условиях отсутствия непосредственной опасности жизни людей, но большой вероятности ее возникновения в связи с попыткой уйти от преследования с опасным нарушением ПДД и приближением к месту, где эта опасность станет реальной.

Несмотря на приведенные доводы, нарушение правил безопасности с использованием источника повышенной опасности и высокая вероятность совершения неосторожного преступления, несущего непосредственную угрозу жизни, не признается ФЗ «О полиции» основанием для применения огнестрельного оружия на поражение. Допустим, водитель несется на тяжело груженом грузовике по заполненной автомобилями и (или) пешеходами магистрали, пытаясь уйти от преследования, не проявляя при этом явного намерения сознательно травмировать людей. Применение огнестрельного оружия в отношении водителя в этом случае наверняка будет расценено как превышение должностных полномочий, предусмотренных ФЗ «О полиции», и послужит основанием для привлечения сотрудника полиции к уголовной ответственности по пп. «б» и «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, несмотря на то, что, как отмечалось выше, сотрудник не превысил пределы необходимой обороны, поскольку причинение тяжкого вреда здоровью и даже гибель водителя с лихвой компенсируются сохранением даже *одной* жизни участника

дорожного движения или человека, находящегося близ трассы.

Так, в ночь на 26 августа 2012 г. сотрудники ДПС ОГИБДД МВД России преследовали на служебном автомобиле в черте города Домодедово Московской области автомобиль «Жигули», водитель которого на приказ остановиться после грубого нарушения ПДД не реагировал. Целых 40 минут нарушитель пытался уйти от погони и скрыться. При этом преследуемый водитель несколько раз грубо нарушил правила: проехал на красный сигнал светофора, выезжал на встречную полосу движения и даже вылетел на автобусную остановку с людьми, которые успели отбежать. Полицейский неоднократно требовал остановиться, но нарушитель не выполнял эти требования. Тогда инспектор ДПС И. А. принял решение применить огнестрельное оружие. Он предупредил об этом через мегафон и произвел предупредительный выстрел, но преследуемый не отреагировал. После этого И. А. с места пассажира служебного автомобиля на большой скорости произвел несколько выстрелов в направлении автомобиля правонарушителя. Пули попали в заднее стекло преследуемого автомобиля, одним из выстрелов водителю было причинено смертельное ранение. После длительного рассмотрения, приводившего то к отказу в возбуждении уголовного дела, то к его возбуждению, неоднократным переквалификациям, И. А. в марте 2014 г. был признан Симоновским судом г. Москвы виновным в превышении должностных полномочий. Его действия были квалифицированы по пп. «б» и «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ как совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан, если они совершены с применением оружия, а также с причинением тяжких последствий. Приговором суда назначено наказание в виде 5 лет лишения свободы условно [12; 13; 14].

Следствие и суд сочли доказанным, что И. А. вел огонь непосредственно по водителю, а не для повреждения автомобиля. Из приведенного описания видно, что «пули попали в заднее стекло автомобиля нарушителя». Это действительно говорит о наличии у инспектора сознательного допущения смерти правонарушителя. Однако он не нарушил основополагающих требований уголовного закона, а лишь вышел за формальные пределы применения огнестрельного оружия ст. 23 ФЗ «О полиции». Если бы другой участник дорожного движения, не являющийся должностным лицом, перегородил путь «Жигулям» или столкнул

их с дороги в этой ситуации, его вряд ли бы привлекли к уголовной ответственности даже при наступлении смерти скрывающегося от задержания водителя.

Неверно установленные в отраслевом законодательстве пределы рассматриваемых полномочий сотрудников полиции по применению огнестрельного оружия приводят к тому, что судебная практика под разными предлогами все же склоняется в сторону признания правомерности применения огнестрельного оружия в подобных случаях.

Так, в июле 2013 г. Т. решил проверить водителя автомобиля ВАЗ-2110 на предмет правомерности управления транспортным средством. Водитель, находившийся в состоянии алкогольного опьянения и не имевший права на управление автомобилем, проигнорировал требования об остановке. В ходе преследования Т. блокировал своим телом автомобиль и подошел к нему, пытался выдернуть ключи из замка зажигания, но пассажир М. воспрепятствовал этому закрывая стекло двери. ВАЗ-2110 вновь начал движение и стал скрываться, опрокинув Т. на дорогу. Последний обнажил пистолет и применил его для остановки ВАЗ-2110 путем его повреждения, не добившись, однако, нужного результата. Длительное преследование, в процессе которого скрывающийся автомобиль неоднократно нарушал ПДД, продолжалось по улочкам нескольких поселков. Автомобиль с сильно тонированными стеклами, в котором находились водитель и 5 пассажиров (что было установлено позднее), неоднократно подвергал опасности жизнь и здоровье окружающих, создавая аварийные ситуации. Не имея возможности пресечь опасное движение ВАЗ-2110, управляя автомобилем, Т. на ходу, между населенными пунктами, вновь применил табельное оружие для остановки ВАЗ-2110 путем его повреждения. В результате одного из выстрелов пассажиру Я. был причинен легкий вред здоровью, а водителю Н. слепое смертельное пулевое ранение головы. Т. было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 109 УК РФ — причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

Однако в судебном заседании было установлено, что последний выстрел также производился по колесу. Ввиду того, что дорога имела выбоину в дорожном покрытии на трубе, автомашина ДПС попала в нее колесом и подпрыгнула, из-за чего пуля попала в заднее стекло автомашины ВАЗ-2110. Задев ухо пассажира Я., эта пуля попала водителю Н. в голову. Анализ всех доказательств позволил

суду заключить, что подсудимый Т. действовал правомерно, в пределах представленных ему полномочий, вследствие чего в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 109 УК РФ [15, с. 95—103].

Обвинение в рассмотренных уголовных делах даже не допускало мысли о том, что сотрудник полиции может иметь право применять огнестрельное оружие в отношении водителя. Между тем обстоятельства дела указывали на то, что правонарушителя надо было остановить во что бы то ни стало, так как его движение представляло реальную опасность для жизни других участников дорожного движения.

Если бы не смерть водителей в рассмотренных случаях, преследование могло бы закончиться гибелью законопослушных участников движения, как это имело место, в частности, в Москве в апреле 2019 г. [16]. Паллиативной этому могло быть только прекращение преследования опасного транспортного средства и закономерная безответственность его водителя, в иллюзорном расчете на то, что без преследования правонарушитель перестанет нарушать ПДД и не допустит ни одного, а тем более нескольких смертельных ДТП. Однако этот путь «непротивления злу насилием» никак не соответствует задачам полиции по обеспечению общественной безопасности, поскольку безнаказанность только распаляет агрессивных водителей и рано или поздно влечет гибельные последствия.

Интересно также то, что до июня 2019 г., даже если преследуемый водитель причинял смерть другим участникам движения, оснований для применения огнестрельного оружия на его поражение у сотрудников полиции все равно не возникало. Дело в том, что норма, заключенная в п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции», предусматривает право на применение огнестрельного оружия только для задержания лица, пытающегося скрыться с места совершения тяжкого или особо тяжкого преступления. А до этого времени преступления, предусмотренные всеми частями ст. 264 УК РФ, не относились даже к тяжким, потому что считаются сугубо неосторожными.

Только Федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [17] это положение наконец было частично поправлено. Все неосторожные деяния, за совершение которых предусматривается максимальное наказание от 10 до 15 лет лишения свободы, в соответствии с новой редакцией ч. 4 ст. 15 УК РФ отнесены к категории

тяжких преступлений. Поэтому нарушение ПДД, повлекшее по неосторожности смерть одного или нескольких лиц, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, либо сопряженное с оставлением места его совершения, стало считаться тяжким преступлением, поскольку ч. 4 ст. 264 УК РФ в новой редакции предусматривает максимальное наказание до 12 лет лишения свободы (ранее до 7), а ч. 6 этой статьи — наказание до 15 лет лишения свободы (ранее до 9).

Получилось, что с момента вступления в силу вышеуказанного закона сотрудник полиции обрел право на применение огнестрельного оружия на поражение водителя механического транспортного средства в случае, если тот причинит в результате нарушения ПДД смерть другому человеку и оставит место совершения ДТП, пытаясь скрыться от преследования.

В соответствии с абз. 2 п. 28 Постановления Пленума ВС РФ № 19-2012 в исключительных обстоятельствах федеральные государственные служащие органов правопорядка могут отступать от требований нормативных актов, регламентирующих их полномочия по применению огнестрельного оружия. Они могут нарушать установленный действующим законодательством *порядок* применения огнестрельного оружия, «если исходя из конкретной обстановки промедление в применении указанных предметов создавало непосредственную опасность для жизни людей или могло повлечь за собой иные тяжкие последствия». Верховный Суд тем самым не допускает отступления от установленных действующим законодательством *условий и пределов* применения оружия. На наш взгляд, данное толкование не обеспечивает достижения той цели, которой служит, так как неполно определяет приоритет требований уголовного закона. Если неприменение огнестрельного оружия способствует реализации непосредственной опасности для жизни людей или может повлечь за собой иные тяжкие последствия, то его применение должно допускаться, даже если оно противоречит установленным отраслевым законодательством *условиям и пределам* его применения, но согласовано с дозволительными нормами уголовного закона.

Таким образом, у сотрудников полиции недостаточно правовых средств, чтобы предотвращать

преступления, влекущие за собой гибель случайных лиц в результате нарушений ПДД водителями транспортных средств. В сфере обеспечения безопасности дорожного движения необходимо не только ужесточать ответственность за тяжкие последствия нарушений ПДД, как это сделано рассмотренным Федеральным законом, но и предоставить больше прав сотрудникам полиции для их предотвращения. В частности, путем причинения вреда водителю-нарушителю (даже путем применения огнестрельного оружия), который грубейшим образом нарушает ПДД и пытается скрыться от сотрудников полиции и заслуженной ответственности. Эти меры могут иметь значительно больший предупредительный эффект, чем ужесточение уголовной ответственности за смертельные ДТП.

Для устранения рассмотренных противоречий в вопросах приоритета уголовного закона над отраслевым законодательством в определении пределов преступности деяния предлагаем устранить в Постановлении Пленума ВС РФ № 19-2012 выявленные недостатки. Во-первых, п. 3 дополнить указанием о том, что право защиты (необходимой обороны) допустимо и для пресечения административных правонарушений, таких как умышленное злостное опасное нарушение ПДД. Во-вторых, абз. 2 п. 28 дополнить указанием на то, что в соответствующих случаях сотрудники органов правопорядка могут нарушать не только *порядок* применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы, закрепленный в действующем законодательстве, но также *условия и пределы* их применения, если это не нарушает границ, установленных обстоятельствами, исключаяющими преступность деяния.

В целях устранения несогласованности пределов полномочий сотрудников полиции в применении огнестрельного оружия и необходимой обороны, в связи с необходимостью объективной оценки устраняемой угрозы и опасности, а не оценки криминальности действий лица, создающего такую угрозу, предлагаем дополнить ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции» пунктом 8 следующего содержания: «8) для защиты другого лица либо себя от опасности причинения смерти или тяжкого вреда здоровью, если обеспечить безопасность иным способом не представляется возможным».

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Проект Федерального закона № 685843-7 «О внесении

1. Explanatory note to the draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation". Draft Federal Law No. 685843-7 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian

изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (по сост. 10.04.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Применение огнестрельного оружия при охране объектов животного мира и среды их обитания // Уголовное право. 2011. № 1. С. 26—32.

4. Токарчук Р. Е., Хенцинский Е. А. Проблемы правовой регламентации пределов допустимого причинения вреда при применении сотрудниками полиции огнестрельного оружия // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы всерос. науч.-практ. конф.: в 2 т. / под общ. ред. С. А. Буткевича. Симферополь: Крым. филиал Краснодар. ун-та МВД России, 2018. Т. II. С. 191—195.

5. Милюков С. Ф. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Уголовное право России. Общая часть / под ред. Г. Л. Касторского, А. И. Чучаева. СПб., 2009. С. 450—451.

6. Меркурьев В. В. Состав необходимой обороны. СПб., 2002.

7. Ткаченко В. И. Необходимая оборона по уголовному праву. М., 1979.

8. Никуленко А. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2019.

9. Марцев А. И., Токарчук Р. Е. Вина в насильственных хищениях // Уголовное право. 2007. № 3. С. 39—42.

10. Милюков С. Ф. Правовое невежество как злокачественная угроза национальной безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4 (43). С. 29—32.

11. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2012 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Каплунов А. И. О правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия для остановки транспортного средства // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 36—41.

Federation" (as amended 10/04/2019). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Federal law No. 3-FZ of 7 February 7 2011. "On the police" (as amended 01/04/2019). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. The use of firearms when protecting objects of the animal world and their environment. Criminal Law. 2011; 1: P. 26—32.

4. Tokarchuk R. E., Khentsinsky E. A. Problems of legal regulation of the pre-business of permissible harm when using police officers with firearms. In: Public safety and crime control: tasks, problems and prospects: materials of All-Russian scientific practical conference. Under the total ed. S. A. Butkevich. Simferopol: Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2018; II: 191—195.

5. Milyukov S. F. Circumstances excluding the criminal act. In: Criminal law of Russia. General part. Under the ed. by G. L. Kastorsky, A. I. Chuchaev. Saint Petersburg; 2009: 450—451.

6. Merkuriev V. V. The composition of the necessary defense. Saint Petersburg; 2002.

7. Tkachenko V. I. Necessary defense under criminal law. Moscow; 1979.

8. Nikulenko A. V. Circumstances excluding crime acts: conceptual foundations of criminal law regulation. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Saint Petersburg; 2019.

9. Martsev A. I., Tokarchuk R. E. Guilt in violent theft. Criminal law. 2007; 3: 39—42.

10. Milyukov S. F. Legal ignorance as a malignant threat to national security. Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2016; 43 (3): 29—32.

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of 27 July 2012. "On the application by the courts of legislation on necessary defense and harm during the detention of the person who committed the crime". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

12. Kaplunov A. I. On the legality of the use of firearms by police officers to stop a vehicle. Administrative law and process. 2015; 4: 36—41.

13. Law and drawbar. The traffic police officer who saved the people will go to trial. Arguments and Facts. 2013; 11 December.

14. The traffic cop who killed the offender in Moscow was sentenced to five years conditionally. MKRU. Available from: <http://www.mk.ru>. Accessed: 1 July 2019.

13. Закон и дышло. Сотрудник ГИБДД, спасший людей, пойдет под суд // Аргументы и факты. 2013. 11 дек.

14. Гаишника, убившего нарушителя в Москве, приговорили к пяти годам условно // МКРУ. URL: <http://www.mk.ru> (дата обращения: 01.07.2019).

15. Хун А. З. Правовые основы применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: учеб. пособие. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2016.

16. «Мерседес» не ушел от погони: устроивший смертельное ДТП мажор проведет два месяца в СИЗО // Вести.Ru. URL: <https://www.vesti.ru> (дата обращения: 01.07.2019).

17. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Милюков С. Ф., Токарчук Р. Е., 2019

Милюков Сергей Федорович,

профессор кафедры уголовного права
Российского государственного
педагогического университета
имени А. И. Герцена,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: dikoepoleSF@gmail.com

Токарчук Роман Евгеньевич,

заместитель начальника кафедры
тактико-специальной и огневой подготовки
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail:

15. Hung A. Z. Legal basis for the use of firearms by employees of internal affairs bodies. Training manual. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2016.

16. "Mercedes" did not escape the chase: having arranged a fatal accident, the major spent two months in a pre-trial detention center. Vesti.Ru. Available from: <https://www.vesti.ru>. Accessed: 1 July 2019.

17. Federal law No. 146-FZ of 17 June 2019. "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Milyukov S. F., Tokarchuk R. E., 2019

Milyukov Sergey Fedorovich,

professor at the department of criminal law.
of the Herzen State Pedagogical University
of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: dikoepoleSF@gmail.com

Tokarchuk Roman Evgenievich,

deputy head of the department
at the department of tactical-special
and fire training of the Crimean branch
of the Krasnodar university
of the of the Ministry of the Interior
of Russian Federation,
candidate of juridical sciences;
e-mail:

* * *

В. И. Третьяков, В. В. Намнясева**ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ**

Статья посвящена проблемным вопросам использования норм с административной преюдицией в российском уголовном праве. Рассматриваются становление и развитие института административной преюдиции в уголовном праве России. Анализируются как уже применяемые на протяжении нескольких лет соответствующие нормы, так и новеллы уголовного законодательства. Оцениваются аргументы «за» и «против» административной преюдиции в уголовном законодательстве, высказанные различными учеными, формулируется авторская позиция по данному вопросу. Рассматриваются целесообразность и перспективы использования анализируемых законодательных конструкций, предлагаются и обосновываются варианты повышения эффективности их применения. Анализируются возможности противодействия преступности с использованием нормативных правовых актов различной отраслевой природы. Обращается внимание на качество вновь принимаемых законов с учетом существующих межотраслевых и внутриотраслевых связей российского законодательства.

Ключевые слова: административная преюдиция, эффективность уголовно-правовых норм, законодательные конструкции, системность законодательства, межотраслевые взаимосвязи.

V. I. Tretyakov, V. V. Namnyaseva**ISSUES OF LEGISLATIVE STRUCTURING OF CRIMINAL LAW RULES
INVOLVING ADMINISTRATIVE PREJUDICE**

The article is devoted to the issues of using rules involving administrative prejudice in Russian criminal law. Formation and development of the institution of administrative prejudice in the criminal law of Russia is considered. The authors analyze as mentioned above acting rules that have been applied for several year as novels of the criminal law. Arguments *pro et contra* (“for” and “against”) administrative prejudice in the criminal law, demonstrated by various scholars, are assessed, the author’s position related to this issue is formulated. Reasonability and prospects to use the analyzed legislative structures are considered, options to increase efficiency of their application are proposed and justified. Possibilities to counteract crime by using regulatory legal acts of various branch character (essence) are analyzed. Attention is paid to the quality of the newly adopted laws, taking into account the acting inter-branch and intra-branch relations of the Russian legislation.

Key words: administrative prejudice, effectiveness of rules of criminal law, legislative structures, systematic nature of legislation, inter-branch relations.

Традиционное понятие преюдиции в юридической науке связано, в первую очередь, с ее применением в процессуальном законодательстве. Под преюдицией (от лат. *praejudicialis* — относящийся к предыдущему судебному решению) понимается признание правоприменителем (судом, прокурором, следователем, дознавателем и т. д.) без дополнительной проверки и повторного исследования обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным решением по другому делу. Данное правило установлено на зако-

нодательном уровне — ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 64 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

В материальном праве понятие преюдиции приобретает иное значение. В отличие от процессуального законодательства, в материальном нормативное определение понятия «преюдиция»

отсутствует. В доктрине уголовного права по данному вопросу высказывались различные, но в целом схожие взгляды. Так, И. О. Грунтов полагает, что административная преюдиция в уголовном законе — это «закрепленная конструкцией состава преступления преюдициальная связь между несколькими аналогичными правонарушениями, совершенными в течение года после применения к виновному мер административного взыскания за одно из правонарушений, в силу которой содеянное оценивается как преступление» [1, с. 7]. А. Г. Безверхов отмечает, что сущность административной преюдиции «состоит в „создании“ из проступков преступлений, точнее в признании неоднократно совершенных виновным лицом в течение определенного периода времени административных правонарушений после наложения за первое (первые) из них административной ответственности юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые последствия» [2, с. 39]. Н. А. Лопашенко считает, что «преступление с административной преюдицией включает повторность административного правонарушения после наложения административного взыскания за первое правонарушение (первые правонарушения)» [3, с. 64]. Таким образом, в уголовном праве под административной преюдицией большинством ученых понимается конструирование состава преступления путем установления уголовной ответственности за совершение административного правонарушения в том случае, если ранее виновный в течение определенного периода совершил одно или более аналогичных административных правонарушений, за которые был привлечен к административной ответственности.

Если обратиться к историко-правовому анализу данного института, то можно отметить следующее. Законодательное закрепление административной преюдиции начинается в постреволюционном, советском законодательстве. Некоторые авторы указывают на более раннее появление этого института. Так, А. Г. Безверхов отмечает, что «предтечей рассматриваемому способу конструирования составов были все-таки законоположения царской России, и прежде всего, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.)» [2, с. 46], однако данное утверждение оспаривается рядом авторов. Первыми нормами с административной преюдицией (в современном понимании этого института) считаются ст. 79 УК РСФСР 1922 г., предусматривающая ответственность за «неплатеж в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных,

от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение», и ст. 139-а УК РСФСР 1922 г. (в редакции декрета ВЦИК и СНК от 15 декабря 1924 г.), предусматривающая ответственность за «изготовление, продажу, скупку, хранение с целью сбыта и пользование продуктами и изделиями, обложенными акцизными сборами, с нарушением установленных акцизных правил» [4]. При совершении этих деяний впервые они наказывались административными взысканиями, налагаемыми соответствующими органами власти в пределах, законом определенных. При повторном совершении наступала уголовная ответственность. В УК РСФСР 1926 г. количество норм с административной преюдицией было увеличено. В УК РСФСР 1960 г. в нормах с административной преюдицией (по состоянию на 31 декабря 1996 г. — последний день действия УК РСФСР 1960 г. — эти нормы были размещены в 28 статьях) регламентировалась ответственность за преступления против государственной собственности, хозяйственные преступления, преступления против порядка управления и преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Данные нормы предусматривали однократную административную преюдицию — наложение уголовного наказания после одного привлечения к административной ответственности.

При принятии Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее — УК РФ) было решено отказаться от норм с административной преюдицией. В качестве обоснования этого решения указывалось на несоответствие данного института понятию преступления и принципам уголовного права, и в первую очередь, принципу справедливости (*non bis in idem* — не дважды за одно и то же; ст. 50 Конституции Российской Федерации, ч. 2 ст. 6 УК РФ) и принципу равенства (ст. 19 Конституции Российской Федерации, ст. 4 УК РФ). Ряд ученых указывали, что даже несколько административных правонарушений не обладают материальным признаком преступления — общественной опасностью. В частности, Н. Ф. Кузнецова отмечала, что различие между преступлениями и административными правонарушениями не количественное, а качественное; административное правонарушение не обладает общественной опасностью, поэтому количество проступков не способно перерасти в качество преступления — «сто кошек не могут образовать одного тигра» [5, с. 6]. Некоторые авторы указывали, что существование норм с административной преюдицией противоречило бы

положениям ст. 8 УК РФ об основании уголовной ответственности, которым может быть признано только совершение деяния, которое само по себе содержит все признаки состава преступления, независимо от того, привлекалось ли ранее виновное лицо к административной ответственности [6, с. 29].

Фактически в период с 1 января 1997 г. до 2009 г. административная преюдиция отсутствовала в УК РФ. Условно можно говорить о ее присутствии в скрытой форме в трех статьях Уголовного кодекса — это содержащиеся в диспозиции соответствующих уголовно-правовых норм указания на признак неоднократности или систематичности совершения деяний при наличии административной ответственности за однократное совершение тех же деяний. К данным нормам относятся: 1) преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий» — вовлечение несовершеннолетнего в *систематическое* (курсив наш. — В. Т., В. Н.) употребление спиртных напитков и одурманивающих веществ (ст. 6.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ»); 2) преступление, предусмотренное ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)» — незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи, *совершенные неоднократно* (курсив наш. — В. Т., В. Н.) или из корыстных побуждений (ст. 5.37 КоАП РФ «Незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью»); 3) преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 180 УК РФ «Незаконное использование товарного знака» — незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние *совершено неоднократно* (курсив наш. — В. Т., В. Н.) или причинило крупный ущерб (ст. 14.10 КоАП РФ «Незаконное использование товарного знака»)*.

Следует отметить, что в период с 1997 по 2009 г. на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации неоднократно вносились законопроекты, предусматривающие введение уголовно-правовых норм с административной преюдицией (например, в 2000 г. — законопроект № 9004468953 «О внесении изменений

и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»; в 2001 г. — законопроект № 7149953 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в 2002 г. — законопроект № 26373853 «О внесении дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации», в 2004 г. — законопроект № 38981653 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в 2006 г. — законопроект № 37370554 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и др.). Однако в заключениях Правового управления Аппарата Государственной Думы Российской Федерации и решениях Комитета Государственной Думы по законодательству, рекомендовавших отклонить данные законопроекты полностью или частично, в качестве причины такого вывода указывалось, что понятие административной преюдиции исключено из уголовного законодательства и его восстановление противоречит концепции УК РФ.

В 2009 г. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев неоднократно высказывал свое мнение о целесообразности возвращения административной преюдиции: так, 11 февраля на заседании президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» Президент отметил, что он «считал бы правильным вернуться и к вопросу административной преюдиции» [7], а в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации Д. А. Медведев указал, что «в уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения» [8].

27 февраля 2009 г. Правительством Российской Федерации в Государственную Думу был внесен законопроект № 167805-5 «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства)». В данном законопроекте содержались положения, возвращающие в уголовное законодательство институт административной преюдиции. В законопроекте предлагалось установить уголовную ответственность за «недопущение, ограничение или устранение конкуренции путем... неоднократного злоупотребления доминирующим положением...». При этом в примечании к ст. 178 УК РФ было сформулировано следующее определение неоднократности: «Неоднократным злоупотреблением

доминирующим положением признается совершение лицом злоупотребления доминирующим положением более двух раз в течение трех лет, за которые указанное лицо было привлечено к административной ответственности». В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что «закон подготовлен в целях реализации принципа неотвратимости ответственности за общественно опасные нарушения антимонопольного законодательства... и будет способствовать повышению эффективности предупреждения и пресечения картельных соглашений и иных фактов монополистической деятельности»; предложенное «определение неоднократного злоупотребления доминирующим положением согласуется с пунктом 11 статьи 4 Федерального закона „О защите конкуренции“, которым раскрывается понятие „систематическое осуществление монополистической деятельности“» [9]. В официальном отзыве Верховного Суда Российской Федерации на рассматриваемый проект федерального закона было высказано несколько замечаний: 1) «содержащееся в законопроекте предложение установить в качестве условия наступления уголовной ответственности — предшествующее привлечение лица к административной ответственности противоречит концепции действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, который не предусматривает конструирования составов преступления с административной преюдицией»; 2) «положения пункта 11 статьи 4 Федерального закона „О защите конкуренции“... не связывают систематичность с обязательным привлечением к административной ответственности»; 3) «факт привлечения лица к административной ответственности более двух раз в течение трех лет будет иметь юридические последствия, в том числе и наступление уголовной ответственности в соответствии с предлагаемой редакцией статьи 178 УК РФ, только при условии соблюдения положения статьи 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которому лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания» [10].

Однако в заключении Правового управления Аппарата Государственной Думы Российской Федерации было указано, что «по названному законопроекту замечаний правового, лингвистического, юридико-технического характера не имеется» [11]. 17 июля 2009 г. соответствующий закон был принят Государственной Думой и направлен в Совет Федера-

ции. В заключении Правового управления Аппарата Совета Федерации Российской Федерации было отмечено, что «установление при определении неоднократности злоупотребления доминирующим положением трехлетнего срока для привлечения лица более двух раз к административной ответственности не согласуется со статьей 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в соответствии с которой лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания» [12]. Однако, несмотря на данное замечание, 18 июля 2009 г. закон был одобрен Советом Федерации и 29 июля 2009 г. подписан Президентом Российской Федерации.

Проведя анализ статистических данных, отметим, что принятие данного закона практически не повлияло на существующую правоприменительную практику. В период с 1997 по 2003 г. на территории Российской Федерации ежегодно регистрировалось от 13 до 64 преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ (в 1997 г. — 13 преступлений; в 1998 г. — 23; в 1999 г. — 36; в 2000 г. — 42; в 2001 г. — 64; в 2002 г. — 48; в 2003 г. — 61) [13]. После изменения в декабре 2003 г. редакции ст. 178 УК РФ (в качестве обязательного признака состава преступления было предусмотрено причинение крупного ущерба на сумму свыше 1 млн руб.) количество регистрируемых преступлений резко сократилось: в 2004 г. — 10 преступлений; в 2005 г. — 6; в 2006 г. — 2; в 2007 г. — 8; в 2008 г. — 14 [13]. Это положение сохранилось и после принятия и вступления в силу Федерального закона от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации»: в 2009 г. — 8 преступлений; в 2010 г. — 9; в 2011 г. — 13; в 2012 г. — 5; в 2013 г. — 9; в 2015 г. — 1; в 2016 г. — 4; в 2017 г. — 11; в 2018 г. — 18 [13].

В научном сообществе реакция на возвращение административной преюдиции была неоднозначной. Н. А. Лопашенко так прокомментировала это событие: «В уголовное законодательство вернулась административная преюдиция в своем худшем проявлении» [3, с. 64]. Обосновывая свою позицию, она отметила, что «мало того, что законодатель считает более опасным третье административное правонарушение, ничем более от первых двух не отличающееся (почему не второе или пятое — нет ответа), так он еще и не принимает во

внимание тот факт, что к моменту наказания лица за третье подобное правонарушение лицо во многих случаях считается или вообще не имеющим административного наказания (оба погашены), или имеет только одно непогашенное административное взыскание (одно погашено)» [3, с. 70].

Н. А. Лопашенко является принципиальным противником норм с административной преюдицией. Однако и ученые, в целом поддерживающие целесообразность возвращения анализируемого института, признают крайне неудачной редакцию ст. 178 УК РФ. Так, например, Е. В. Ямашева отмечает: «Восстановление в уголовном законе анализируемого института, имеющего в целом позитивный характер, в том виде, в каком это было сделано законодателем, представляется спорным, так как он вряд ли будет способствовать разрешению тех задач, ради которых его возрождали» [14, с. 79]**.

После так называемого пилотного проекта 2009 г. начался период пополнения уголовного законодательства нормами с административной преюдицией. С 2011 г. по настоящее время в УК РФ в 13 статьях появились нормы с административной преюдицией: ст. 151¹ УК РФ (Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ); ст. 212¹ УК РФ (Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 258-ФЗ); ст. 314¹ УК РФ (Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 514-ФЗ); ст. 264¹ УК РФ (Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ); ст. 284¹ УК РФ (Федеральный закон от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ); ст. 215⁴ УК РФ (Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 441-ФЗ); ст. 116¹, 157, 158¹ УК РФ (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ); ст. 171⁴ УК РФ (Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ); ст. 215³ УК РФ (Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ); ст. 315 УК РФ (Федеральный закон от 2 октября 2018 г. № 348-ФЗ); ст. 282 УК РФ (Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ). Однако в большинстве случаев эта деятельность характеризуется всеми теми негативными процессами, которые на современном этапе присущи редактированию Уголовного кодекса [15]. А. В. Иванчин констатирует: «К сожалению, нововведения УК РФ в части административной преюдиции носят (как и многие другие) бессистемный характер, не согласованы с административным законодательством, имеют иные дефекты» [16, с. 322—323]. Законодатель не учитывает ни исторический опыт конструирования анализируемых норм в российском уголовном праве, ни опыт законодательного

конструирования зарубежных государств, ни правила юридической техники.

Правомерность существования норм с административной преюдицией стала предметом рассмотрения Конституционного Суда. Так, рассматривая жалобу И. И. Дадина на нарушение ст. 212¹ УК РФ его конституционных прав, Конституционный Суд Российской Федерации «сформулировал следующие правовые позиции: ...общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на охраняемые общественные отношения... С учетом этого федеральный законодатель правомочен прибегать к институту уголовной ответственности в интересах надлежущей защиты конституционно значимых ценностей и в тех случаях, когда противоправное деяние совершается лицом, ранее уже подвергавшимся административно-деликтному преследованию и наказанию за аналогичные деяния, т. е. имеющим специальную административную наказанность, используя в указанных целях так называемые составы преступлений с административной преюдицией» [17].

В доктрине уголовного права ученые, поддерживающие возвращение норм с административной преюдицией, неоднократно указывали на отсутствие законодательного определения понятия «административная преюдиция» и единых правил конструирования соответствующих уголовно-правовых норм.

Полагаем, что в качестве одного из приемов законодательной техники допустимо установление уголовной ответственности за повторное совершение административного правонарушения, если деяние совершено в период, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию за такое же нарушение. Однако необходимо дозированное использование данной юридической конструкции и установление единых правил ее применения.

По нашему мнению, одна из основных причин непрекращающихся споров о возможности использования норм с административной преюдицией — отсутствие в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации оснований для применения «так называемых составов преступлений с административной преюдицией» (данное словосочетание было использовано Конституционным Судом Российской Федерации, что представляется вполне оправданным, так как традиционно термин «преюдиция» является процессуальным и его использование в уголовном праве в сложившемся понимании не вполне корректно).

Некоторые авторы для обоснования применения анализируемой законодательной конструкции предлагали сформулировать понятие «преступления с административной преюдицией, дополнив уголовный закон ст. 14.1 УК РФ» [18, с. 8], другие — включить в Общую часть УК РФ ст. 14¹, «раскрывающую понятие преюдиции, ее виды и правила применения» [19, с. 15, 160—161]. Представляется, что наиболее удачным способом решения поставленной задачи будет внесение следующих изменений в ст. 8 УК РФ **«Основания уголовной ответственности»**:

1. Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

2. В случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность наступает:

а) за совершение административного правонарушения, если деяние совершено лицом, имеющим судимость за преступление, однородное с совершенным административным правонарушением;

б) повторное совершение административного правонарушения, если деяние совершено в период, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию за такое же нарушение.

Примечания

* Название и содержание соответствующих уголовно-правовых и административно-правовых норм в данном абзаце приводится в редакции на момент принятия и вступления в силу УК РФ и КоАП РФ.

** Следует отметить, что Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» в ст. 178 УК РФ вновь были внесены изменения: в название статьи, диспозицию ч. 1 ст. 178 УК РФ (в частности, исключен признак неоднократности) и отменен пункт примечания, в котором было сформулировано определение неоднократности. Таким образом, сегодня данная статья не предусматривает административную преюдицию.

*** В настоящее время законодатель для определения периода использует следующие формулировки: «в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию» (ст. 151¹ УК РФ, ст. 157 УК РФ, ст. 215⁴ УК РФ); «более двух раз в течение ста восьмидесяти дней» (ст. 212¹ УК РФ); «два раза в течение одного года» (ст. 284¹ УК РФ, ст. 314¹ УК РФ); «лицом, подвергнутым административному наказанию» (ст. 116¹ УК РФ, ст. 158¹ УК РФ, ст. 215³ УК РФ, ст. 264¹ УК РФ, ст. 315 УК РФ); «лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию» (ст. 171⁴ УК РФ); «лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года» (ст. 282 УК РФ).

Кроме этого, с учетом историко-правового опыта отечественного законодательства и опыта конструирования аналогичных норм в законодательстве зарубежных государств, целесообразно унифицировать правила построения соответствующих норм Особенной части УК РФ. В частности, в целях обеспечения согласованности уголовного и административного законодательства указывать в уголовно-правовой норме номер статьи КоАП РФ, в соответствии с которой лицо было подвергнуто административному наказанию; предусмотреть наложение уголовного наказания только после одного привлечения лица к административной ответственности («однократную административную преюдицию»); исключить возможность установления различных периодов, в течение которых совершаются повторные административные правонарушения***, предусмотрев единый вариант: в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, определен в ст. 4.6 КоАП РФ. Данные меры позволят избежать межотраслевого рассогласования и будут способствовать более эффективному применению анализируемых законодательных конструкций.

1. Грунтов И. О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мн., 1985.

2. Безверхов А. Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Право». 2010. № 2 (10). С. 39—52.

1. Gruntov I. O. Criminal Law Rules Involving Administrative Prejudice. Author's Abstract of Dis. ... of Cand. of Juridical Sciences. Minsk; 1985.

2. Bezverkhov A. G. Administrative Prejudice in the Criminal Legislation of Russia: Sources, Realities, Prospects. Vestnik of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law, 2010; 2 (10): 39—52.

3. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64—71.

4. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11 «Право». 2003. № 1. С. 3—19.

6. Гогин А. А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. 2004. № 5. С. 27—32.

7. О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: стенографический отчет о заседании президиума Государственного совета // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3150>.

8. Послание Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства): законопроект № 167805-5 // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5>.

10. Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5>.

11. Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по проекту федерального закона № 167805-5 «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5>.

12. Заключение Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по Федеральному закону «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации», принятому Государственной Думой 17 июля

3. Lopashenko N. A. Say “No” to Administrative Prejudice (Absence of Administrative Prejudice) in Criminal Law! Vestnik of Academy of General Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2011; 3 (23): 64—71.

4. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee dated 1 June 1922. “On Implementation of the Criminal Code of the RSFSR” (taken together with the Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic). Available from: reference and legal system “ConsultantPlus”.

5. Kuznetsova N. F. Seven Years of the Criminal Code of the Russian Federation. Vestnik of Moscow University. Ser. 11. Law, 2003; 1: 3—19.

6. Gogin A. A. Responsibility for Violation of the Federal Law “On Advertising”. Law and Politics, 2004; 5: 27—32.

7. Shorthand (Stenographic) Report on the Meeting of the Presidium of the State Council “On the State of the Penal (Criminal Executive) System of the Russian Federation”. Official website of the President of the Russian Federation. Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3150>. Accessed:

8. Message of the President of the Russian Federation Dmitry Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation (dated 11/12/2009). Available from: reference and legal system “ConsultantPlus”.

9. Draft Bill No. 167805-5 “On Amendment to Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation (in Part Related to Criminal Liability for Violation of Antitrust Legislation)”. Official website of the State Duma of the Russian Federation. Available from: <http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5>. Accessed:

10. Official Reference of the Supreme Court of the Russian Federation to Draft of the Federal Law “On Amendments to Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation”. Official website of the State Duma of the Russian Federation. Available from: <http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5>. Accessed:

11. Resolution (Opinion Letter) of the Legal Department of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on Draft of the Federal Law No. 167805-5 “On Amendment to Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation”. Official website of the State Duma of the Russian Federation. Available from: <http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5>. Accessed:

12. Resolution (Opinion Letter) of the Legal Department of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation “On the Federal Law “On Amendment to Article 178

2009 года // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5>.

13. Состояние преступности за 1997—2018 годы. М.: ГИАЦ МВД России, 2019.

14. Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 69—79.

15. Позиция автора по данному вопросу изложена в статье: Намнясева В. В. Патология уголовного права: перспектива или реальность? // Философия права. 2017. № 3. С. 85—92.

16. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014.

17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина от 10 февраля 2017 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Эргашева З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

19. Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

© Третьяков В. И., Намнясева В. В., 2019

Третьяков Владимир Иванович,
начальник Волгоградской академии
МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Намнясева Виктория Вячеславовна,
начальник кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: namn.viktoriya@yandex.ru

of the Criminal Code of the Russian Federation” adopted by the State Duma on 17 July 2009. Official website of the State Duma of the Russian Federation. Available from: <http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5>.

13. Crime Rate Situation of 1997–2018. Moscow: GIATS Ministry of Internal Affairs of Russia; 2019.

14. Yamasheva Ye. V. On the Issue to Restore the Institution of Administrative Prejudice in the Criminal Law of Russia. Journal of Russian Law. 2009; 10: 69—79.

15. Position of the Author Related to this Issue Is Interpreted in the Article: Namnyaseva V. V. Pathology of Criminal Law: Prospect or Reality? Philosophy of Law. 2017; 3: 85—92.

16. Ivanchin A. V. Conceptual Basis to Construct a Corpus Delicti. Dis. ... of Doctor of Juridical Sciences. Yaroslavl; 2014.

17. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation in Case to Verify the Constitutional Status of Provisions of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I. I. Dadina, dated 10 February, 2017. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

18. Ergasheva Z. E. Administrative Prejudice in Criminal Law. Dis. ... of Cand. of Juridical Sciences. Moscow; 2018.

19. Bogdanov A. V. Administrative Prejudice in the Criminal Law of Russia. Dis. ... of Cand. of Juridical Sciences. Moscow; 2019.

© Tretyakov V. I., Namnyaseva V. V., 2019

Tretyakov Vladimir Ivanovich,
head of the Volgograd Academy
of the Internal Affairs Ministry of Russia,
honored lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, full professor

Namnyaseva Victoriya Vyacheclavovna,
head of the department of criminal law
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies of the Volgograd
Academy of the Internal Affairs Ministry of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: namn.viktoriya@yandex.ru

* * *

В. А. Шепель**НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЕ «ВРЕЗКИ» В НЕФТЕПРОДУКТОПРОВОДЫ:
ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, КВАЛИФИКАЦИЯ, СПОСОБЫ ОБНАРУЖЕНИЯ**

В статье рассматривается проблематика, связанная с выявлением и противодействием хищениям нефтепродуктов, совершаемым на трубопроводном транспорте путем выполнения несанкционированных «врезок»; анализируются причины распространенности данного вида хищений; предлагается авторский вариант уточнения понятия «врезка»; проводится анализ оснований существующего в научной литературе деления несанкционированных «врезок» на «квалифицированные» и «неквалифицированные»; рассматриваются особенности квалификации описываемого вида хищений и проблемные моменты, связанные с применением норм уголовного права; описываются некоторые способы и методики обнаружения несанкционированных «врезок» в нефтепродуктопроводах, а также возможные направления совершенствования данной деятельности.

Ключевые слова: транспортировка нефтепродуктов, хищение нефтепродуктов, врезка, противодействие, выявление.

V. A. Shepel**UNAUTHORIZED "TAPS" INTO OIL PIPELINES:
CONCEPT, TYPES, QUALIFICATIONS, METHODS OF DETECTION**

The article discusses issues related to identifying and countering the theft of petroleum products committed by pipeline transport by executing unauthorized "taps", analyzes the reasons for the prevalence of this type of theft; the author's option of defining the term "insert"; the analysis of the reasons existing in the scientific literature division unauthorized "taps" on a "qualified" and "unqualified"; considers the peculiarities of qualification of the described species of theft, and problematic aspects related to the application of criminal law; some methods and techniques of detection of unauthorized "tie-ins" in oil pipelines, as well as possible directions of improvement of this activity are described.

Key words: transportation of petroleum products, theft of petroleum products, tie-in, counteraction, detection.

Хищения нефтепродуктов из магистральных и технологических нефтепродуктопроводов путем выполнения несанкционированных «врезок» представляют собой значимую проблему для организаций, осуществляющих хранение и транспортировку нефтепродуктов. Преступников прежде всего привлекает перспектива последующей гарантированной реализации похищенных нефтепродуктов либо возможность их непосредственного использования, а также возможность совершать хищения на регулярной основе (как вид незаконного «бизнеса», приносящего систематический доход).

В чем же причина распространенности хищений, совершаемых путем выполнения несанкционированных «врезок» (здесь и далее термин «врезка», употребляемый в кавычках, обозначает

присоединенное к корпусу нефтепровода, нефтепродуктопровода или иному хранилищу приспособление (устройство), предназначенное для контролируемого слива нефти (нефтепродуктов) с целью их последующего хищения; без кавычек — процесс) в нефтепродуктопроводах?

Распространенность хищений, совершаемых путем выполнения несанкционированных «врезок» в нефтепродуктопроводах, обусловлена сразу несколькими весьма специфическими факторами.

1. Система трубопроводного транспорта, в которую входит функционирующая сегодня в России сеть магистральных трубопроводов, включает в себя головные и промежуточные производственные перекачивающие станции, наливные, аварийно-восстановительные и конечные пункты. Она

имеет значительную протяженность — 250 тыс. км, 53 тыс. км из которых приходится на нефтепроводы и 17 тыс. км на нефтепродуктопроводы [1]. Осуществление эффективной охраны данной транспортной системы представляет большую проблему и требует огромных затрат.

2. Наряду с магистральными нефтепродуктопроводами существует система локальных технологических трубопроводов, расположенных на территориях нефтеперерабатывающих предприятий и организаций, осуществляющих хранение и транспортировку нефтепродуктов, а также промысловые трубопроводы, расположенные на местах добычи нефти. Их охрана осуществляется различными способами и организациями, а методики, используемые для выявления и обнаружения «врезок» на магистральных нефтепродуктопроводах, не всегда применимы к технологическим трубопроводам.

3. Качественно выполненные несанкционированные «врезка» или «отвод», как правило, хорошо маскируются для дальнейшего многократного использования, что существенно осложняет их поиск и обнаружение.

4. Сегодня применяется большое количество методов, позволяющих обнаружить несанкционированные «врезки» в магистральные трубопроводы. Они основаны на различных физических и химических процессах и явлениях, среди которых можно выделить: анализ понижения и перепада давления (зондовый), сравнения потерь (расходов) нефтепродуктов, ультразвуковой (зондовый), лазерный газоаналитический, комбинированный электромагнитный, акустическую эмиссию и др. Однако ни один из них не дает гарантированного результата при поиске места выполнения несанкционированных «врезок».

5. Зачастую, учитывая потенциальную возможность возникновения аварии на трубопроводе, «врезку» просто демонтируют в ходе ремонтно-восстановительных работ. Это делает невозможным установление лиц, причастных к выполнению врезки и (или) хищению нефтепродуктов, а также затрудняет проведение оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий.

Существуют и проблемы, связанные с терминологией, которая применяется как в ходе осуществления правоприменительной деятельности, так и в профессиональной — в сфере нормативного регулирования нефтепродуктообеспечения. На наш взгляд, она требует уточнения. Так, сам термин «врезка» и контекст его использования при описании хищений нефтепродуктов, совершаемых

в процессе их хранения и транспортировки, используется для обозначения различных предметов и процессов, что приводит к путанице.

Словарь русского языка С. И. Ожегова определяет слово «врезка» как существительное, происходящее от глагола «врезать», используемого в контексте «что во что», «вставить в вырезанное место», например «замок в дверь» [2]. В данном контексте врезка — это предмет (устройство), которое куда-либо вставляют, врезают (например, в трубопровод или иное хранилище).

В Толковом словаре русского языка В. И. Даля нет существительного «врезка», но есть глагол «врезать» в контексте «вделывать врезая», «прирезывать и вставлять» [3]. В этом случае определение идет через действие и врезка — процесс «вделывания», «прирезывания» какого-либо предмета (например, устройства, предназначенного для контролируемого слива нефтепродуктов, в корпус трубопровода или иного хранилища).

Использование корректной терминологии имеет большое значение при подготовке процессуальных и иных документов. Часто термин «врезка» (без кавычек) используют как для обозначения отверстий в трубопроводе (обычно технологическом) или ином хранилище, не снабженных дополнительными приспособлениями, так и самих приспособлений для контролируемого слива нефтепродуктов, снабженных запорной арматурой и насосным оборудованием, а также дополнительных магистралей — «отводов», «шлейфов», присоединенных к основному трубопроводу. Этим же термином (без кавычек) обозначают процесс непосредственного присоединения к трубопроводу (который может носить санкционированный характер). Например, при устройстве объектов нефтяной и газовой промышленности выполняется врезка под давлением в действующие магистральные и промысловые трубопроводы [4].

На наш взгляд, при описании способа совершения хищения путем выполнения врезки в нефтепродуктопровод необходимо различать саму деятельность и ее результат. Так, описание действий похитителей по размещению устройства («врезки»), предназначенного для контролируемого слива нефтепродуктов, на корпусе нефтепродуктопровода включает в себя описание нарушения целостности корпуса нефтепродуктопровода путем выполнения отверстия при помощи приспособления для сверления (резки) металла и закрепления этого устройства на корпусе трубопровода для дальнейшего присоединения к нему шлангов, дополнительных магистралей (отводов, «шлейфов»)

или простого слива нефтепродуктов (например, при вынесении постановления о назначении экспертизы, предъявлении обвинения, составлении обвинительного заключения). Процесс нарушения целостности корпуса трубопровода, используемый в контексте «врезаться», в процессуальных документах тоже обозначают словом «врезка». Однако и само устройство, используемое для контролируемого слива нефтепродуктов (а иногда и просто отверстие в корпусе трубопровода), тоже обозначают термином «врезка» (без кавычек). Это приводит к усложнению понимания того, о чем идет речь: об описании способа действий по подготовке к изъятию нефтепродуктов или обозначении самого устройства — «врезки».

Считаем, что врезкой можно назвать только сам процесс выполнения отверстия в корпусе трубопровода или иного хранилища, а последующее закрепление в нем специального приспособления — «врезки» на корпусе трубопровода, предназначенного для контролируемого слива нефти (нефтепродуктов), уже нельзя описать как врезку. Это уже другой вид деятельности, который больше относится к монтажу, креплению и т. п. Кроме описания преступной деятельности, термины «врезка» и «отвод» используют, обозначая различные санкционированные технологические операции или устройства [5].

Во многих нормативных документах, связанных со сферой нефтепродуктообеспечения, слово «врезка» используется как отглагольное существительное, и зачастую без кавычек. Например, «Методика расчета ущерба от криминальных врезок в нефтепродуктопроводы. РД 153-39.4-060-00» определяет несанкционированную врезку, используя совместно с этим словом прилагательное «криминальная»: «Криминальная врезка — действия (и их результат) криминального характера, связанные с незаконным проникновением во внутреннюю полость магистрального или технологических нефтепродуктопроводов с целью хищения содержащегося в них топлива» [6].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 используется термин «врезка» (без кавычек) в контексте «совершения кражи нефти, нефтепродуктов и газа из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода путем врезок в трубопроводы» [7].

Таким образом, получается, что термином «врезка» в подобных документах обозначают одновременно и действия, и результат этих действий.

Сложно согласиться и с таким описанием врезки, как «проникновение во внутреннюю полость маги-

стрального или технологических нефтепродуктопроводов». Похитители не проникают во внутреннюю полость хранилища, а нарушают его целостность путем воздействия на материал корпуса хранилища.

Если анализировать описание хищений нефтепродуктов, содержащееся в нормах уголовного права, то в п. «б» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) хищение данного имущества определяется без использования термина «врезка» и сами действия по его незаконному изъятию никак не обозначаются. Речь в нормах статьи идет о краже, совершенной «из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода», но термин «врезка» не используется, хотя он обозначает наиболее распространенный способ проникновения и получения доступа к содержимому перечисленных видов трубопроводов. Таким образом, в соответствии с данными нормами можно квалифицировать действия как лиц, выполнивших врезку в корпус трубопровода (хранилища) устройства для контролируемого слива нефтепродуктов, так и лиц, которые воспользовались этим устройством для хищения.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 указано, что «если в ходе совершения кражи нефти, нефтепродуктов и газа из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода путем врезок в трубопроводы происходит их разрушение, повреждение или приведение в негодное для эксплуатации состояние, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 3 статьи 158 и статьи 215.3 УК РФ» [7]. Однако тогда остаются вопросы, связанные с деяниями, которые могут быть квалифицированы только по ст. 215.3 УК РФ.

Статья 215.3 УК РФ носит очень неоднозначный характер, и ее нормы в контексте краж нефтепродуктов могут быть применены, возможно, лишь при квалификации деятельности по подготовке к их хищению путем несанкционированных врезок в объекты трубопроводного транспорта (нефтепроводы, нефтепродуктопроводы, газопроводы), учитывая указание на описанные в нормах статьи «корыстные побуждения» и отсутствие описания самих действий. Хотя в нормах ст. 215.3 УК РФ речь идет о самовольном подключении к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам

и термин «врезка» в ней не используется. В первой и второй частях подключение никак не описывается, говорится лишь о признаках самовольности. Видимо, подразумеваются ситуации, связанные с подключением к названным объектам через различные штатные технологические устройства и узлы (краны, клапаны, штуцеры, пробоотборники, задвижки и т. д.). Далее, во второй части, законодатель обособляет квалификацию действий при присоединении к такому объекту, как магистральные трубопроводы, а в третьей части описывает непосредственные действия — «разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы и были совершены из корыстных или хулиганских побуждений».

Попадает ли подготовка к совершению хищения путем установки «врезки» под данное описание? Безусловно, да. Однако зачем объединять «разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние», «корыстные» и «хулиганские» побуждения? Повреждение трубопровода при выполнении врезки уже делает данный объект непригодным для эксплуатации, требуя остановки прокачки продукта и выполнения ремонтно-восстановительных работ, а выполнение ее («врезки») из хулиганских побуждений — нонсенс. При выполнении самовольного подключения путем несанкционированной врезки повреждение трубопровода происходит всегда. Зачем такая сложная юридическая конструкция норм статьи и почему не описывается самый распространенный способ повреждения трубопроводов «из корыстных побуждений» — выполнение врезки, которая носит несанкционированный характер и является незаконным подключением? Ответа на эти вопросы ни законодатель, ни Пленум Верховного Суда Российской Федерации пока не дали.

Кроме того, практически все хищения нефтепродуктов при помощи «врезок» совершаются группой лиц по предварительному сговору, с распределением ролей в зависимости от наличия знаний и навыков. А с учетом продолжаемого характера преступной деятельности существует и устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (организованная группа). Тогда действия

лиц, совершающих хищения нефтепродуктов, можно всегда квалифицировать в соответствии с п. «а» ч. 4 рассматриваемой статьи. Однако такого признака, как совершение преступления организованной группой, в нормах статьи нет. Возможно, законодатель хотел охватить деятельность лиц, которые совершают только врезку (выполняя техническую часть по монтажу устройства для контролируемого слива нефтепродуктов), не участвуя в дальнейшем хищении? Видится, что такую ситуацию очень сложно представить на практике. Лицо, непосредственно выполняющее врезку, обязательно входит в состав организованной группы, участвуя в ее преступной деятельности, осознавая свою роль и характер выполняемых действий, получая за свою работу вознаграждение.

На наш взгляд, включение в текст ст. 158 и 215.3 УК РФ такого квалифицирующего признака, как выполнение «врезки», могло бы снять часть обозначенных ранее вопросов.

Далее необходимо рассмотреть основные разновидности «врезок», используемых для хищения нефтепродуктов. Предлагается следующая классификация «врезок», как несанкционированно выполненных отверстий и установленных (закрепленных) в них приспособлений для контролируемого слива нефтепродуктов, в зависимости от типа их исполнения:

1. «Врезка», представляющая собой отверстие в корпусе трубопровода или иного хранилища, выполненное при помощи инструментов для сверления или резки металла. Чаще всего выполняется в технологических трубопроводах с низким давлением прокачки и забивается чопом из древесины или резины, предназначенным для предотвращения разлива нефтепродуктов, приводящего к обнаружению места выполнения «врезки».

2. «Врезка», представляющая собой полую трубку, закрепленную непосредственно в отверстии, выполненном в корпусе трубопровода или иного хранилища, не снабженную запорной арматурой. В зависимости от материала, из которого изготовлена данная трубка, ток нефтепродуктов из нее перекрывается различными способами (перезжим, перетяжка, забивка чопом и т. д.).

3. «Врезка», представляющая собой приспособление, монтируемое непосредственно на отверстие в корпусе трубопровода или иного хранилища, снабженное специальной запорной арматурой (например, шаровым краном), предназначенное для контролируемого слива нефтепродуктов, который осуществляется локально — в месте находке-

ния самой «врезки». Такие «врезки» уже, как правило, выполняются в местах, затрудняющих их обнаружение, и маскируются в зависимости от типа хранилища и способа его залегания.

4. «Отвод» — это «врезка», представляющая собой приспособление, монтируемое непосредственно на отверстие в корпусе трубопровода или иного хранилища, снабженное специальной запорной арматурой и дополнительным отводом (магистралью), предназначенное для систематического контролируемого слива нефтепродуктов, который осуществляется удаленно от места непосредственного присоединения к трубопроводу или иному хранилищу. Наиболее «трудоемкий» в исполнении и сложный в обнаружении тип «врезки», имеющий, как правило, подземное залегание несанкционированной магистрали — «отвод». Этот тип «врезок» наиболее сложен в обнаружении, так как позволяет совершать хищения, не приближаясь непосредственно к самому трубопроводу.

В научных кругах получило распространение деление врезок на «неквалифицированные» и «квалифицированные» (в зависимости от снабжения запорной арматурой, насосным или иным дополнительным оборудованием). Однако, на наш взгляд, данная классификация также требует уточнения. Нам видится, что для любой несанкционированной «врезки» нужна достаточная «квалификация» лица, ее выполняющего. Это вопрос его личной безопасности. Принимая во внимание, что давление в магистральном нефтепродуктопроводе неодинаково, например, при прокачке дизельного топлива по трубопроводу диаметром около 500 мм и протяженностью около 100 км оно может составлять свыше 50 атм. (на выходе перекачивающей станции) и около 2—4 атм. на конечном участке трубопровода. Знание похитителями этих особенностей при определении места выполнения несанкционированной «врезки» может свидетельствовать о профессиональной осведомленности или наличии источника этой осведомленности, а также навыках выполнения «врезки» в трубопровод, что может стать основой для выдвижения оперативных и следственных версий, которые остро нужны, особенно на первоначальном этапе расследования хищений нефтепродуктов. С позиций уголовного права деление «врезок» на «квалифицированные» и «неквалифицированные» тоже может привести к ненужной путанице.

Создание справочника, в котором будут представлены основные виды «врезок» по типу подключения и наличию дополнительного оборудования, предназначенного для контролируемого слива

нефтепродуктов, может существенно помочь как сотрудникам служб безопасности объектов нефтепродуктообеспечения, так и сотрудникам правоохранительных органов, выявляющих и расследующих преступления данной направленности. Помимо визуального воспроизведения внешнего вида «врезки» подобный справочник может содержать описание узлов и деталей трубопровода, составляющих частей «врезки», перечень оборудования, необходимого для ее выполнения, и другую информацию, что позволит унифицировать описательную часть протоколов следственных действий и облегчит процесс построения версий.

Первичную информацию о «квалификации» лица, выполнившего «врезку», можно получить путем визуального осмотра самой «врезки», что происходит в рамках проведения следственных действий.

Чаще всего именно осмотр места происшествия, проводимый до возбуждения уголовного дела, в ходе которого обследуется «врезка», является источником криминалистически значимой информации. Считаем, что следователь не должен ограничиваться лишь фиксацией обстановки места обнаружения «врезки». В протоколе осмотра должно быть четко обозначено место выполнения «врезки» в трубопровод (это можно достоверно узнать, изучив проектную документацию объекта у сотрудников службы безопасности объекта нефтепродуктообеспечения, представителей ремонтно-восстановительных служб и т. д.). Полученная информация должна стать основой для определения направлений проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Тип «врезки», используемое при ее выполнении оборудование, тип запорной арматуры, материалы, из которых выполнен «отвод», и его протяженность, типы и способы соединения узлов и деталей — все это может указывать на криминальную «квалифицированность» похитителей, наличие у них профессионального опыта, направленность на систематическое совершение противоправного изъятия нефтепродуктов и др.

Можно говорить о том, что хищение нефтепродуктов является «профессиональным» видом преступной деятельности, требующим специальных познаний и навыков — «квалификации» и «специализации».

Особенностью хищений нефтепродуктов, совершаемых путем выполнения «врезок» в трубопроводы, является совершение их группой лиц с распределением ролей. Лица, которые непосредственно выполняют врезку в трубопровод,

зачастую имеют (имели) профессию, связанную с термообработкой (резкой, варкой) металлов. Об этом может свидетельствовать качество выполнения обнаруженной «врезки». Данную информацию можно использовать для выдвижения версий и сужения круга лиц, которые потенциально могли быть причастны к осуществлению данной противоправной деятельности.

Какие же объекты нефтепродуктообеспечения становятся целью преступников?

Магистральные нефтепроводы — это инженерные сооружения, состоящие из подземных, подводных, наземных и надземных трубопроводов и связанных с ними насосных станций, хранилищ нефти и других технологических объектов, обеспечивающих транспортировку, приемку, сдачу нефти потребителям или перевалку на другой вид транспорта [5].

Магистральные нефтепродуктопроводы — это трубопроводы с избыточным давлением до 10 МПа с комплексом подземных, надземных и подводных сооружений, предназначенные для транспортировки подготовленных в соответствии с требованиями государственных стандартов, технических условий и других нормативно-технических документов нефтепродуктов от пунктов приемки до пунктов сдачи, технологического хранения или перевалки (передачи) на другой вид транспорта [5].

К технологическим трубопроводам рекомендуется относить трубопроводы в пределах промышленных предприятий, по которым транспортируются сырье, полуфабрикаты и готовые продукты, пар, вода, топливо, реагенты и другие вещества, обеспечивающие ведение технологических процессов и эксплуатацию оборудования, а также межзаводские трубопроводы, находящиеся на балансе предприятия [5].

Перечисленные объекты относятся к объектам повышенной опасности. Именно поэтому еще одной проблемой, связанной с несанкционированными «врезками», помимо экономической составляющей хищений, безусловно, причиняющих материальный ущерб собственникам нефти и нефтепродуктов, является реальная возможность возникновения экологических и техногенных угроз, вызванных повреждениями трубопровода в результате подобных действий. Разливы нефтепродуктов, вызванные несанкционированными «врезками», могут быть опасны для жизни людей, и не только из-за угрозы пожара.

Например, легкое отравление парами бензина может наступить после 5—10 мин пребывания человека в атмосфере с концентрацией паров бен-

зина в пределах от 900 до 3 612 мг/куб. м. При этом появляются головная боль, головокружение, сердцебиение, слабость, психическое возбуждение, беспричинная вялость, легкие подергивания мышц, дрожание вытянутых рук, мышечные судороги. При непродолжительном вдыхании воздуха с концентрацией паров бензина от 5 000 до 10 000 мг/куб. м уже через несколько минут появляются головная боль, неприятные ощущения в горле, кашель, раздражение слизистых оболочек носа, глаз. Первые признаки острого отравления парами бензина — понижение температуры тела, замедление пульса и другие симптомы. При концентрации паров бензина в воздухе свыше 2,2 % (30 г/куб. м) после 10—12 вдохов человек отравляется, теряет сознание, свыше 3 % (40 г/куб. м) происходит молниеносное отравление (2—3 вдоха) — быстрая потеря сознания и смерть [8].

Есть еще и другая часть экономической составляющей потенциального разлива нефти и нефтепродуктов в результате нарушения целостности хранилищ нефтепродуктов из-за «врезки». Она проявляется в наступлении ответственности владельца хранилища (трубопровода) за вред, причиненный окружающей среде в результате разлива нефтепродуктов.

Весьма дискуссионной по этому поводу представляется позиция Верховного Суда Российской Федерации: «...в силу статьи 1079 ГК РФ юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, независимо от наличия вины, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы (пункт 1 статьи 1079 ГК РФ)». В связи с этим, например, владелец нефтепровода отвечает за вред, причиненный окружающей среде, «вследствие осуществления третьими лицами незаконной врезки в нефтепровод» [9].

Нефтепроводы и нефтепродуктопроводы (т. е. источники повышенной опасности) не выбывают из владения собственника и должны быть обеспечены надлежащей охраной, а значит, и ущерб от врезки нельзя исчислять только объемами и стоимостью похищенных нефтепродуктов.

Присоединяемся к мнению М. В. Пономарева, который пишет о том, что «судам при рассмотрении дел, связанных с возмещением экологического вреда при разливах нефти и нефтепродуктов, на наш взгляд, следует рекомендовать обратить особое внимание на установление <...> наличия вины организации, осуществляющей эксплуатацию

трубопровода (или иного объекта, связанного с добычей, переработкой, хранением или транспортировкой нефти или нефтепродуктов): например, если разлив нефти на земельном участке произошел в результате несанкционированного (а значит, противоправного) подключения к магистральному трубопроводу (врезки) третьих лиц...» [10].

Ранее при квалификации кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ) не учитывались расходы, связанные с устранением их повреждений [7], а они весьма значительные.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 17 были актуализированы отдельные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам о хищениях нефтепродуктов. Причиной стало то, что при квалификации кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ) не учитывались расходы, связанные с устранением повреждений нефтепровода (нефтепродуктопровода), вызванных действиями лиц, совершающих хищение.

Новая редакция указанного постановления определила, что «если в ходе совершения кражи нефти, нефтепродуктов и газа из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода путем врезок в трубопроводы происходит их разрушение, повреждение или приведение в негодное для эксплуатации состояние, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 3 статьи 158 и статьи 215.3 УК РФ» [7].

Видимо, обоснованно Федеральным законом от 30 декабря 2006 г. № 283-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в УК РФ была введена ст. 215.3 («Приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов»), предусматривающая ответственность за разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь

нарушение их нормальной работы и были совершены из корыстных или хулиганских побуждений.

С другой стороны, трудно представить себе выполнение несанкционированной «врезки» только ради разрушения, повреждения или приведения иным способом в негодное для эксплуатации состояние трубопроводов, без цели совершения последующего хищения. Поэтому правоприменителю сложно, на наш взгляд, использовать ст. 215.3 УК РФ как отдельную самостоятельную норму в отрыве от ст. 158 УК РФ.

Кроме того, неоднозначным является подход к оценке самих нефтепродуктов как предмета преступного посягательства и предмета преступления. С позиций криминалистики нефтепродукты как предмет преступного посягательства представляют хорошо идентифицируемые объекты (жидкости, их следы и т. д.), имеющие отличительные признаки и характеристики. Однако с позиций уголовного права все не так однозначно. Интересна, например, точка зрения О. В. Борисовой, которая пишет: «Сомнительны попытки дифференцировать ответственность за имущественные преступления с опорой на признак предмета — конкретное имущество. Они нарушают равенство форм собственности и, как любые казуистические формулировки, влекут пробелы, трудности в квалификации, внутриотраслевые и межотраслевые коллизии» [11].

На наш взгляд, нефтепродукты как предмет преступного посягательства (конкретное имущество) обладают особыми признаками: «ликвидностью», интересуют «узкопрофессиональные» группы похитителей, могут использоваться в личных целях и т. д., в связи с этим вопрос о дифференциации ответственности за хищения нефтепродуктов по признаку предмета преступления остается открытым.

Остановимся на вопросе о способах и методах обнаружения фактов выполнения несанкционированных «врезок» в трубопроводы. По нашему мнению, термины «способы обнаружения» и «методы обнаружения» несанкционированных «врезок» в трубопроводы, встречающиеся в научной литературе и периодических информационных изданиях, нетождественны. Методы обнаружения дефектов трубопровода, к которым можно отнести и несанкционированную «врезку», основаны на различных химических и физических (оптических, магнитных, электрических и т. д.) явлениях и процессах и представляют собой, скорее, «инструментальную сторону». Под способами обнаружения несанкционированных «врезок» мы предлага-

ем понимать поисковую деятельность человека, направленную на определение места выполнения несанкционированной «врезки» с применением различных методик и методов, основанных на указанных выше явлениях и процессах.

Таким образом, все современные способы обнаружения несанкционированных врезок можно условно разделить на два вида:

1. Визуальное обнаружение при обходе трубопровода или территории, непосредственно прилегающей к нему (пешие обходы, объезды, облеты объектов трубопроводного транспорта и иных хранилищ).

2. Инструментальное обнаружение возможного наличия «врезки», утечки нефтепродуктов средствами телеметрии либо иным специальным оборудованием.

Сегодня наиболее распространенным, сравнительно дешевым и достаточно эффективным способом обнаружения несанкционированных «врезок» является метод анализа виброакустических сигналов, распространяющихся по телу трубопровода при совершении в него врезки путем высверливания отверстия [12]. Однако данный метод позволяет реагировать на врезки только в режиме реального времени и имеет ряд серьезных недостатков, снижающих эффективность поиска уже существующих несанкционированных «врезок» («отводов») [13].

На территориях, где обнаружение мест совершения хищений нефтепродуктов осложнено большой протяженностью трубопроводов или труднодоступностью, эффективным способом обнаружения может стать использование малой авиации. Могут быть задействованы авиационные отряды специального назначения Росгвардии. Например, в августе 2017 г. в ночное время суток с помощью авиационного отряда специального назначения полицейские обнаружили группу, выполнявшую «врезку» в магистральный нефтепродуктопровод в Ермакеевском районе (Республика Башкортостан). Полицейскими совместно с работниками службы безопасности объекта нефтепродуктообеспечения были задержаны данные лица и выявлено четыре эпизода деятельности преступной группы. Объем обнаруженных похищенных нефтепродуктов составил 20 тонн [14].

Широкое распространение в выявлении мест возможного выполнения «врезок» и следов транспортных средств, подъезжавших к охраняемым объектам, получают квадрокоптеры, позволяющие осматривать прилегающую территорию по маршруту залегания нефтепродуктопровода без привлечения сил малой авиации. Сегодня используются как штатные средства телеметрии, так и специальные зонды, применяющие различные технологии определения утечек и повреждений. По-прежнему эффективными остаются рейды, проводимые совместно со службами безопасности предприятий и объектов нефтепродуктообеспечения.

Эффективными мерами обнаружения и противодействия хищениям нефтепродуктов, совершаемых при помощи «врезок» в трубопроводы, на наш взгляд, должны стать:

— повсеместное применение при строительстве трубопроводов новых технологий (оптоволоконно, электрические и акустические датчики, датчики давления и т. д.), позволяющих дистанционно обнаруживать нарушение их целостности;

— использование хорошо зарекомендовавших себя технических средств, позволяющих эффективно обнаруживать повреждения нефтепродуктопроводов и утечки транспортируемой продукции (зонды, квадрокоптеры вдоль линии залегания трубопроводов), создание подвижных или стационарных видеокамер в защищенных капсулах вдоль нефтепродуктопровода;

— создание карт залегания трубопроводов с зонами повышенного внимания — местами вероятного выполнения врезок и анализа возможных маршрутов следования похитителей;

— создание справочника (каталога) «врезок» исходя из их конструктивных и иных особенностей, позволяющих определить вид и количество используемого при их выполнении оборудования, возможных мест врезки, способов контроля слива нефтепродуктов при совершении хищений, возможности обнаружения дополнительных несанкционированных магистралей — «отводов», а также емкостей для накопления и временного хранения похищенных нефтепродуктов.

Комплекс данных мер позволит предотвращать возможные преступные посягательства или своевременно их пресекать.

1. Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. М., 2018. 522 с.

2. Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс — ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. 736 с.

4. Об утверждении Перечня видов работ по инженерным изысканиям, по подготовке проектной документации, по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства: приказ Минрегиона России от 30 декабря 2009 г. № 624 (ред. от 14.11.2011). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Руководство по безопасности «Рекомендации по устройству и безопасной эксплуатации технологических трубопроводов» (утв. приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 27 декабря 2012 г. № 784). URL: docs.cntd.ru (дата обращения: 30.08.2019).

6. Методика расчета ущерба от криминальных врезок в нефтепродуктопроводы. РД 153-39. 4-060-00 (утв. приказом Минэнерго России от 6 июня 2001 г. № 167). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

8. ПОТ РО 112-002-98. Правила по охране труда при эксплуатации магистральных нефтепродуктопроводов (утв. приказом Минтопэнерго России от 16 июня 1998 г. № 208). URL: docs.cntd.ru (дата обращения: 30.08.2019).

9. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

10. Пономарев М. В. Правовые проблемы возмещения вреда окружающей среде от загрязнения нефтью и нефтепродуктами // Судья. 2017. № 9. С. 32—37.

1. Russia in numbers. 2018. Brief statistical compilation. Moscow; 2018: 522.

2. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language: approx. 57 000 words. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow: Russkiy yazyk; 1988: 750.

3. Dal V. I. Explanatory dictionary of the Russian language. Modern version. Moscow: EKSMO-Press — EKSMO-MARKET; 2000: 736.

4. The order of the Ministry of regional development of the Russian Federation No. 624 of 30 December 2009 (ed. of 14.11.2011). "On approval of the List of work types on engineering surveys, preparation of project documentation, construction, reconstruction, capital repair of capital construction objects, which influence safety of capital construction facilities" (Registered in the Ministry of justice 15.04.2010 No. 16902). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. The safety manual "Recommendations for the device and safe operation of technological pipelines" (approved by the order of the Federal service for environmental, technological and nuclear supervision No. 784 of 27 December 2012). Available from: docs.cntd.ru. Accessed: 30 August 2018.

6. Method of calculation of damage from criminal tie-ins in oil pipelines. RD 153-39. 4-060-00 (approved by Order of the Ministry of energy of the Russian Federation No. 167 of 6 June 2001). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of No. 29 of 27 December 2002 (ed. of 16.05.2017). "On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

8. POT RO 112-002-98. Rules on labor protection in the operation of oil trunk pipelines (approved by order of the Ministry of energy of the Russian Federation No. 208 of 16 June 1998). Available from: docs.cntd.ru. Accessed: 30 August 2018.

9. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49 of 30 November 2017. "On certain issues of application of legislation on compensation of harm caused to the environment". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018; 2.

10. Ponomarev M. V. Legal problems of compensation of harm to the environment from pollution by oil and oil products. Judge. 2017; 9: 32—37.

11. Борисова О. В. Уголовно-правовое обеспечение равенства форм собственности // Lex russica. 2015. № 1. С. 104—111.

12. Казаков А. В. Защита трубопроводов от несанкционированных врезок. URL: <http://www.secuteck.ru/articles2/OPS/zaschita-truboprovodov-ot-vrezok> (дата обращения: 30.08.2019).

13. Калекин В. С., Токарев В. В. Основы технической диагностики нефтегазового оборудования: учеб. пособие. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2012. 124 с.

14. Как испаряется черное золото // Щит и меч. 2017. № 47 (1591). С. 4.

© Шепель В. А., 2019

Шепель Владимир Анатольевич,
заместитель начальника
научно-исследовательского отдела
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
8 (3812) 75-12-25

11. Borisova O. V. Criminal law ensuring equality of forms of ownership. Lex russica. 2015; 1: 104—111.

12. Kazakov A. V. protection of pipelines from unauthorized tie-ins. Available from: <http://www.secuteck.ru/articles2/OPS/zaschita-truboprovodov-ot-vrezok>. Accessed: 30 August 2019.

13. Kalekin V. S., Tokarev V. V. Fundamentals of technical diagnostics of oil and gas equipment. Textbook. Omsk: Publishing house of Omsk State Technical University; 2012: 124.

14. As it evaporates the black gold. Shchit & mech. 2017; 1591 (47): 4.

© Shepel V. A., 2019

Shepel Vladimir Anatolievich,
deputy head of the research department
of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical science;
8 (3812) 75-12-25

* * *

С. Ю. Бирюков, А. П. Алексеева

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВОМ**

В статье на основе комплексного анализа механизма противодействия компетентным лицам оперативных подразделений и органов предварительного расследования показан генезис и дана краткая характеристика структуры преступного сообщества в контексте его задач по самосохранению и, как следствие, противодействию раскрытию и расследованию его преступной деятельности. С учетом положений теории противодействия расследованию преступлений показаны основные его факторы и признаки, в том числе и те, которые могут свидетельствовать о начале работы по противодействию деятельности уполномоченных лиц правоохранительных органов. Обоснована взаимосвязь организованной преступной деятельности и коррупции. Предложены методы преодоления противодействия расследованию. В статье особо подчеркивается комплексный характер предлагаемых мер: с одной стороны, это меры чисто процессуального характера, а с другой — оперативно-разыскного. Использование возможностей как следователя, так и сотрудника оперативного подразделения, по мнению авторов, будет только способствовать эффективности предлагаемых ими мер.

Ключевые слова: предварительное расследование, противодействие, организованная преступность, преступное сообщество, коррупция.

S. Yu. Biryukov, A. P. Alekseeva

**CRIMINALISTIC METHODS OF OVERCOMING COUNTERACTION
TO DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES BY CRIMINAL COMMUNITY**

In this article, based on a comprehensive analysis of the mechanism of resistance of a competent person operational units and the preliminary investigation shows the Genesis and gives a brief description of the structure of the criminal community in the context of its task of self-preservation and as a consequence counteracting disclosure and investigation of his criminal activities. Based on the provisions of the theory of counteraction to the investigation of crimes, its main factors and signs are shown, including those that may indicate the beginning of work to counteract the activities of authorized persons of law enforcement agencies. The interrelation of organized criminal activity and corruption is substantiated. Methods of overcoming counteraction to investigation are offered. The article emphasizes the complex nature of the proposed measures: on the one hand, these are measures of a purely procedural nature, and on the other — operational and investigative. The use of the capabilities of both the investigator and the operational unit, according to the authors, will only contribute to the effectiveness of their proposed measures.

Key words: preliminary investigation, counteraction, organized crime, criminal investigation, corruption.

Интенсивность попыток противодействия процессу раскрытия и расследования преступлений, совершенных преступными сообществами, в определенной степени обусловлена степенью организованности данных формирований. Другими словами, чем выше степень организации преступного сообщества, тем более эффективными, продуманными, упорядоченными и, следовательно,

более опасными выглядят используемые им способы противодействия органам предварительного расследования.

Преступное сообщество является подсистемой организованной преступности, занимающей наиболее высокое место в иерархии групповой преступности. Организация деятельности преступного сообщества зависит от многих обстоятельств, тем

не менее для современных форм групповой преступности главной тенденцией выступает уход от общеизвестных принципов «воровского закона» в сторону определенной криминальной идеологии, где во главу угла поставлены принципы накопления денег и власти.

Существенную трансформацию претерпел и качественный состав преступных сообществ, в настоящее время представляющий собой «сплав» лиц с ярко выраженной асоциальной поведенческой установкой и так называемых деморализованных лиц, не сумевших «найти себя» в современном обществе, приспособиться к нему после внезапных кардинальных изменений в жизни (уволненные по отрицательным мотивам сотрудники правоохранительных органов, органов государственной власти; спортсмены, закончившие спортивную карьеру, и др.).

Очевидно, что в настоящее время в связи с изменениями в экономической и социально-политической жизни нашей страны в структуре организованной преступности возросла роль преступных сообществ. Для целей противодействия органам, осуществляющим предварительное расследование преступлений, в установлении всех обстоятельств расследуемого общественно опасного деяния, они используют как общеизвестные способы, которые могут применяться любым асоциальным элементом, так и специфические, характерные именно для преступных сообществ, которые опосредованы их возможностями, структурой, финансами, влиянием. Безусловно, такая их дифференциация является условной. Так, подкуп, направление необоснованных жалоб, запугивание, насилие в отношении отдельных участников уголовного процесса и их близких, незаконные действия защитников, соблюдение маскировки и конспиративности используются при любой степени организованности преступной деятельности. Но применяемые преступным сообществом приемы приобретают наиболее изощренные и опасные формы, к числу которых можно отнести попытки воздействовать на следователей и судей в целях принятия выгодных для преступных сообществ решений; дискредитацию сотрудников правоохранительных органов; попытки оказать негативное воздействие на процесс расследования через возможности средств массовой информации; безосновательное изъятие уголовного дела из производства следователя или судьи; дачу неофициальных указаний, которые никак не соответствуют имеющимся в материалах уголовного дела фактическим данным о расследуемых уголовно

наказуемых деяниях; отмену решений и приговоров и т. д. по надуманным основаниям. Только мощные и наиболее организованные преступные сообщества, как правило, имеют возможности для принятия мер по укрывательству преступников за пределами России или обеспечению перехода на нелегальное положение своих членов, против которых у правоохранительных органов имелись доказательства их преступной деятельности.

В то же время в целях максимального увеличения эффективности принимаемых мер, направленных на противодействие правоохранительным органам, преступные сообщества в своей структуре имеют лиц, задачами которых являются сбор сведений о деятельности конкретных сотрудников органов предварительного следствия и оперативных подразделений, направленной на раскрытие и расследование интересующего преступления или серии преступлений, и своевременное адекватное реагирование на появляющиеся угрозы для их нейтрализации. Кроме этого структура преступных сообществ предполагает наличие лиц, занимающихся обеспечением «безопасности» осуществляемой преступной деятельности. В их задачи входят разработка и реализация методов и средств, максимально усложняющих деятельность правоохранительных органов не только во время предварительного расследования, но и на стадии выявления признаков преступной деятельности сообщества. Сюда относятся, например, средства и методы нейтрализации деятельности ведомственных контролирующих и ревизионных органов и т. п. Для реализации своих «функциональных задач» эти лица имеют в своем распоряжении значительные финансовые и технические (в широком смысле слова) возможности, что позволяет им достаточно эффективно осуществлять разведку, контрразведку, подкуп должностных лиц государственных органов.

Следует отметить, что для преступных сообществ характерно комплексное, заранее продуманное и прослеживаемое (с глубоким анализом) на каждом этапе противодействие правоохранительным органам. В этих условиях следователю, судье особенно важно использовать весь спектр предоставленных им законом процессуальных действий и ОРМ. Необходимо воплотить в жизнь слова В. П. Лаврова о том, что весь процесс предварительного расследования и судебного следствия должен быть обеспечен эффективным оперативным сопровождением [1, с. 103]. В связи с этим основополагающей задачей оперативных подразделений должно стать внедрение в пре-

ступное сообщество с тем, чтобы знать замыслы его лидеров и цели. На основе полученной оперативной информации, в свою очередь, необходимо разработать комплекс ОРМ, направленных на выявление и закрепление криминалистически значимой информации о деятельности конкретного преступного сообщества, которая впоследствии может быть трансформирована в доказательственную.

В соответствии с частной теорией противодействия расследованию преступлений и методов его преодоления прежде всего нужно установить факторы и признаки такого противодействия. К признакам, которые могут свидетельствовать о начале работы по противодействию деятельности уполномоченных лиц правоохранительных органов, направленной на раскрытие и установление всех обстоятельств совершения преступлений членами преступного сообщества, подлежащих доказыванию в ходе предварительного расследования, можно отнести:

- снижение либо резкое увеличение активности в деятельности преступного сообщества;

- задействование существенных финансовых средств и активизация контактов с коррумпированными представителями различных уровней государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной;

- осуществление действий, направленных на подавление воли к обеспечению объективного и наступательного хода расследования у отдельных должностных лиц правоохранительных органов (угрозы в адрес близких, повреждение имущества, иные демонстративные акции);

- появление в СМИ сообщений негативного характера, касающихся расследования конкретного преступного деяния или лиц, ведущих его расследование, и т. д. [2, с. 54; 3].

Необходимо констатировать, что в настоящее время в нашей стране к процессу противодействия раскрытию и расследованию организованной преступной деятельности часто привлекаются коррумпированные должностные лица — представители органов государственной власти, что представляет серьезную проблему для правосудия. В теории криминологии явление коррупции неразрывно связано с организованной преступностью и является одним из основополагающих признаков последней. Это два схожих между собой и взаимозависимых явления, направленных в первую очередь на получение незаконных доходов. Проведенные исследования показывают, что коррупция среди государственных служащих дает преступному сообществу широкие возможности по обеспечению

собственной безопасности от деятельности государственных правоохранительных и иных органов и общественных организаций. Кроме того, коррупция позволяет подчинить деятельность различных, в том числе, и правоохранительных органов своим целям [4, с. 10]. Оба этих явления зародились и получили свое развитие в недрах теневой экономики и административно-командной системы, которые и детерминировали процессы формирования качественно новой формы организованной преступной деятельности — преступного синдиката. Особо выделяется взаимовлияние коррупции и экономической преступности. Таким образом, сущность коррупции состоит, прежде всего, в использовании служебных полномочий, авторитета власти и возможностей определенной категории должностных лиц.

Наибольшую опасность представляют коррупционеры в среде правоохранительных органов. По результатам проводившихся исследований большинство следователей и дознавателей (53 %, по другим данным — 80 %), на которых оказывалось неправомерное давление со стороны должностных лиц государственных органов и представителей общественных организаций, заявляли, что оно в подавляющем большинстве случаев осуществлялось через их руководство либо руководство иных правоохранительных органов [5, с. 147]. Если смотреть на данную ситуацию объективно, то становится ясно, что руководители далеко не всегда исходят из своих личных интересов. Правоохранительная система является достаточно закрытой для посторонних лиц, поэтому зачастую воздействие на следователей осуществляется, образно выражаясь, по «субординации» (через вышестоящих начальников и т. п.). Наряду с принятием соответствующих мер к отдельным руководителям и иным должностным лицам в правоохранительных органах за совершение неправомерных действий в пользу обвиняемых, наиболее эффективным средством противодействия так называемой низовой коррупции представляется совершенствование нормативного регулирования государственной службы, рост профессионализма ее служащих и т. д.

Важная роль отводится организации деятельности по профилактике коррупционных преступлений, совершенствованию основных тактических приемов их предотвращения. Если в прежние годы особое внимание уделялось мерам морального и общественного воздействия, в первую очередь, в трудовом коллективе, то в настоящее время следует признать, что на фоне повышения

приоритета материальной составляющей наблюдается тенденция к отрицательному отношению к нормам права, морали. Очевидно, что в этих условиях возрастает необходимость использования особых форм и методов с тем, чтобы обеспечить стабильную профилактическую деятельность. Главное внимание следует обратить на расширение и более эффективное применение правовых средств.

Стоит учесть, что в России пока еще не до конца сформирована система средств и методов борьбы с коррупцией. В частности, на законодательном уровне не определены понятия коррупционного преступления и коррупционного правонарушения. В отличие от России в Республике Казахстан, имеющей много общего с нашей страной, сделан серьезный шаг в разработке административного механизма и механизма правового регулирования предупреждения коррупции и злоупотребления властью. Так, казахстанское законодательство к числу коррупционных относит следующие нарушения:

— нарушение лицами, уполномоченными на осуществление государственных функций, дисциплинарных норм, выражающихся в получении дополнительного дохода запрещенным способом, или совершение действий, которые могут восприниматься как акты коррупции;

— административные проступки;

— преступления (коррупционные), ответственность за которые предусмотрена в статьях Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Используя в процессе расследования преступления первые две дефиниции в совокупности с другими тактическими приемами, можно своевременно и эффективно нейтрализовать или минимизировать попытки противодействия расследованию любого преступления.

Зарубежные исследователи относят к коррупционным преступлениям взяточничество, nepotизм (т. е. оказание покровительства на основе личных связей) и незаконное присвоение публичных средств для частного использования [6]. Уголовный кодекс Республики Казахстан в отдельной главе дает четкий перечень коррупционных преступлений: «присвоение или растрата вверенного чужого имущества»; «легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем»; «дача взятки»; «получение взятки»; «воспрепятствование осуществлению правосудия и производства предварительного расследования»; «бездействие по службе» и некоторые другие. При этом к числу характерных признаков уголовно наказуемой коррупции отнесены: исполь-

зование должностным лицом или государственным служащим своих полномочий или служебного положения; совершение указанных деяний с корыстными мотивами и иной личной заинтересованностью и т. п.

Нейтрализация или минимизация попыток противодействия расследованию со стороны коррумпированных представителей органов власти и управления — наиболее сложная задача. Здесь нужно исходить из следующей стратегии: указанные лица, в том числе представители СМИ, включаются в процесс противодействия расследованию не с самого его начала, а спустя некоторое время после получения ими определенного количества информации из законных источников. Поэтому вмешательство или попытки вмешательства в процесс расследования могут быть успешно преодолены следующими методами:

— правоохранительные органы после задержания подозреваемых или заключения под стражу обвиняемых действуют быстро и решительно;

— лица, которые проявляют активное любопытство к ходу расследования преступления в рамках уголовного дела, получают официальные предупреждения о возможности их допроса в качестве свидетелей;

— виновные лица изобличаются с привлечением их к уголовной ответственности.

Но все же особый упор необходимо сделать на оперативно-разыскные методы борьбы с деятельностью преступных сообществ и коррупцией, ведь эффективность такой работы определяется, прежде всего, успешностью оперативно-разыскных мероприятий, организацией деятельности оперативных подразделений, результативным проведением оперативной разработки фигурантов и т. п.

Актуальной задачей правоохранительных органов является дальнейшая разработка на новой правовой основе оперативных и тактико-криминалистических комбинаций. Существенная роль в этом принадлежит тактике применения технических средств обнаружения и фиксации доказательственной информации. Обобщение следственной и судебной практики свидетельствует о том, что сведения, зафиксированные с помощью технических средств в ходе оперативно-разыскных мероприятий, играют существенную роль в доказывании после проверки их в установленном процессуальном порядке. В частности, в числе высокоэффективных мер собирания доказательственной информации о коррупционных и других преступлениях, совершенных членами преступных сообществ, следует выделить: снятие

информации с технических каналов связи; получение компьютерной информации; наблюдение (в том числе с применением специальных технических средств, с использованием аудио- и видеозаписи, фотосъемки); обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; сбор образцов для сравнительного исследования с целью их проверки по криминалистическим и другим учетам. Практика свидетельствует, что указанные и иные оперативно-разыскные мероприятия в сочетании с процессуальными (следственными) действиями, с экономическим анализом деятельности и состояния как юридических, так и физических лиц позволяют наиболее глубоко проникнуть в преступные сообщества и установить не только прямые факты конкретной преступной деятельности, но и их коррупционные связи.

При проведении разведывательных опросов необходимо учитывать социально-психологические особенности каждого человека в зависимости от сферы его работы. Ценной информацией могут обладать лица, которые непосредственно сталки-

ваются с фактами коррупции. К ним относятся предприниматели, работники СМИ, аудиторы и т. д. Постоянно общаясь с широким кругом лиц, они часто осведомлены о субъектах, склонных к коррупции. Об условиях, облегчающих совершение тех или иных преступлений, могут сообщить работники центров недвижимости, развлекательных заведений, судебные приставы и т. п.

Таким образом, работа правоохранительных органов по преодолению попыток противодействия расследованию должна строиться с учетом взаимосвязи организованной преступной деятельности и коррупции; носить комплексный характер, основанный исключительно на процессуальных и оперативно-разыскных мерах; использовать возможности следователя и сотрудника оперативного подразделения. Правильно выстроенная тактика действий правоохранительных органов в этой сфере способна повысить эффективность мер по преодолению попыток противодействия расследованию.

1. Лавров В. П. Противодействие раскрытию и расследованию корыстно-насильственных преступлений и криминалистические методы его нейтрализации. М., 2006.

2. Жердев В. А., Комиссаров В. И. Расследование серийных корыстно-насильственных преступлений, совершенных организованными преступными группами, на первоначальном этапе. М., 2002.

3. Урда М. Н., Шевелева С. В., Тененева И. В. Ответственность за контрабанду по уголовному законодательству стран — участниц Таможенного союза: проблемы унификации законодательства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 205—215.

4. Организованная преступность: проблемы, дискуссии, предложения. М., 1989.

5. Рахматуллин Р. Р. Криминалистические проблемы преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Екатеринбург, 2005.

6. Лунеев В. В. Коррупция, учтенная и фактическая // Государство и Право. 1996. № 8. С. 78—91.

1. Lavrov V. P. Counteraction to disclosure and investigation of mercenary and violent crimes and criminalistic methods of its neutralization. Moscow; 2006.

2. Zherdev V. A., Komissarov V. I. Investigation of serial selfish and violent crimes committed by organized criminal groups at the initial stage. Moscow; 2002.

3. Urda M. N., Sheveleva S. V., Teneneva I. V. Responsibility for smuggling under the criminal legislation of the countries-participants of the customs Union: problems of unification of legislation. All-Russian journal of criminology. 2017; Vol. 11, No 1: 205—215.

4. Organized crime: Problems, discussions, proposals. Moscow, 1989.

5. Rakhmatullin R. R. Forensic problems of overcoming counteraction to disclosure and investigation of crimes. Yekaterinburg; 2005.

6. Luneev V. V. Corruption, taken into account and actual. State and Law. 1996; № 8: 78—91.

© Biryukov S. Yu., Alekseeva A. P., 2019

Бирюков Святослав Юрьевич,
начальник кафедры
предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Bir.slav@yandex.ru

Алексеева Анна Павловна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: alexeeva.va-mvd@yandex.ru

Biryukov Svyatoslav Yurevich,
head of the department
of preliminary investigation
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Bir.slav@yandex.ru

Alekseeva Anna Pavlovna,
professor at the criminal law department
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: alexeeva.va-mvd@yandex.ru

* * *

Е. В. Горкина, А. Ю. Федюкина, Е. В. Токарева

**ДОЗНАНИЕ: НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ**

С начала действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2002 г. дознание как форма предварительного расследования является одним из наиболее проблемных институтов уголовно-процессуального права, который до настоящего времени не усовершенствован в той степени, в какой это необходимо для эффективного решения соответствующих задач. Задуманное как упрощенная и ускоренная процедура дознание не вмещало в форму, сконструированную законодателем, содержание необходимой процессуальной деятельности. Глава 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации пестрит указаниями на внесенные изменения и дополнения. До неузнаваемости изменен срок дознания, множество раз корректировалась процессуальная форма, появились новые участники, и дознание практически приобрело вид предварительного следствия. Введенная в уголовно-процессуальный закон в марте 2013 г. глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме» также оказалась недоработанной. Особенности согласительного характера этой процедуры и процесса доказывания не дают возможности ее эффективного применения. Указанные проблемы породили непрекращающиеся дискуссии и многочисленные гипотезы по поводу перспектив их разрешения.

Ключевые слова: дознание, дознание в сокращенной форме, предварительное расследование, дифференциация форм расследования.

E. V. Gorkina, A. Yu. Fedukina, E. V. Tokareva

**THE INQUIRY: MODERN HISTORY, CURRENT STATE
AND PROSPECTS OF MODERNIZATION**

Since the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation came into force in 2002 the inquiry as a form of preliminary investigation is one of the most problematic institutes of criminal procedure law that still can't provide effective problem solving in criminal proceedings. Initially, the inquiry considered as a simplified and accelerated procedure didn't comprise the necessary procedural activity in a form developed by a legislator. Article 32 of the RF Code of Criminal Procedure contains lots of indications of amendment. The inquiry period has been significantly changed. The procedural form has been essentially modified. New participants have appeared. Actually, the inquiry has turned into preliminary investigation. Article 32.1 "Inquiry in a reduced form" accepted in criminal procedure law in March 2013 has also appeared to be incomplete. Peculiarities of the conciliatory nature of this procedure and the proving process don't give a chance to effectively use it. The mentioned problems cause the everlasting debate in this sphere and numerous hypotheses on the prospects of their solution.

Key words: inquiry, inquiry in a reduced form, preliminary investigation, differentiation of investigation forms.

Интерес к дознанию как форме предварительного расследования для нас не случаен. Сразу после начала действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) 2001 г. стало ясно, что данная правовая конструкция является «сырой» и требует основательной правки. Однако, несмотря на многочисленные попытки законодателя улучшить ситуацию с нормативной регламентацией расследования преступлений

небольшой и средней тяжести органами дознания, сегодня основные проблемы не решены, о чем постоянно говорит большинство теоретиков и правоприменителей.

При подробном изучении процессуальных и организационных проблем дознания в ходе диссертационного исследования в 2005 г. одним из авторов настоящей статьи был сделан ряд выводов. Дознание как форма предварительного расследования

характеризуется следующими особенностями: а) производством расследования по уголовным делам, отнесенным к подследственности органов дознания, но возбуждаемым только в отношении конкретных лиц (ч. 2 ст. 223 УПК РФ); б) сокращенным сроком расследования — 20 суток со дня возбуждения уголовного дела с продлением этого срока прокурором, но не более чем на 10 суток (ч. 3 ст. 223 УПК РФ); в) итоговым документом — обвинительным актом, объединяющим, по сути, постановление о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительное заключение. Конструкция данной формы расследования не соответствует его содержанию. Деятельность по расследованию преступлений, подследственных дознавателям, объективно выходит за рамки процессуальной формы дознания. Кроме того, в результате анализа подследственности дознавателей был сделан вывод о том, что она неоправданно широка и требует корректировки посредством исключения из ч. 3 ст. 150 УПК РФ тех составов преступлений, для расследования которых изначально требуется время, превышающее срок дознания [1, с. 178].

В первоначальной редакции УПК РФ законодателем был установлен срок дознания в 15 суток с возможностью его продления на 10 суток, причем никаких особенностей доказывания, как в существовавшей ранее протокольной форме досудебной подготовки материалов, упрощавших процедуру и оправдывающих столь короткий срок расследования, предусмотрено не было. Буквально через год после начала действия УПК РФ в ст. 223 вносятся изменения, и срок дознания увеличивается на 5 суток [2]. Однако проблемы правоприменителя это незначительное увеличение срока дознания не решило, а они носили глобальный характер, в том числе для органов предварительного следствия.

Имевшее место в ч. 2 ст. 223 УПК РФ упоминание о том, что в форме дознания расследуются преступления соответствующей подследственности, но по уголовным делам, возбуждаемым в отношении конкретных лиц, повлекло за собой ситуацию, при которой все остальные уголовные дела о преступлениях, подследственных дознавателям, были вынуждены расследовать следователи. Таким образом, помимо своих неочевидных преступлений следователям приходилось расследовать и приостанавливать дела о преступлениях, им не подследственных. Кроме того, за предельный срок в 30 суток дознавателям удавалось закончить производство далеко не по каждому уголовному делу, что тоже приводило к передаче уголовных

дел для дальнейшего расследования в следственные подразделения.

Начальник подразделения дознания, фактически осуществляя процессуальное руководство расследованием, формально участником уголовного судопроизводства не являлся. Его функции делили орган дознания в лице начальника (а фактически заместителей) и прокурор.

Подобная сложная ситуация как для следственных подразделений, так и для подразделений дознания наблюдалась в течение длительного времени до принятия в 2007 г. Федерального закона № 90 [3] — момента начала превращения дознания во «второе предварительное следствие». Данный закон внес коррективы в процессуальную форму дознания и «вывел на сцену» основного руководителя процессом расследования — начальника подразделения дознания. В пункте 17.1 ст. 5 УПК РФ сформулировано определение нового участника, а ст. 40.1 УПК РФ закрепила его процессуальный статус, созвучный со статусом руководителя следственного органа.

Максимальный срок дознания был увеличен законодателем с 30 суток сразу до 6 месяцев при необходимости производства судебных экспертиз и до 12 месяцев в связи с исполнением запросов о правовой помощи. Появилась процедура уведомления о подозрении в совершении преступления, дающая возможность наделить заподозренное лицо статусом подозреваемого, не прибегая к применению мер процессуального принуждения. Но на этом трансформация дознания в сторону усложнения процессуальной формы не закончилась, и в 2010 г. УПК РФ был дополнен ст. 223.2 «Производство дознания группой дознавателей» [4]. Сама формулировка ч. 1 данной статьи, согласно которой расследование по уголовному делу в случае его сложности и большого объема может быть поручено группе дознавателей, на взгляд авторов, входит в противоречие с целями создания упрощенных производств. Однако стоит упомянуть о том, что подобное нововведение некоторые ученые считают обусловленным назревшей необходимостью и полезным, например, при расследовании дознавателями преступлений, связанных с лесными пожарами на больших территориях [5]. Несмотря на это, полагаем, здесь нужны иные решения. Известно, что санкция уголовно-правовой нормы должна прямо пропорционально определять способности деятельности участников процесса. Как пишет В. И. Дьяченко, «чем строже санкция, тем сложнее система процесса, поскольку требуется усиление процессуальных гарантий» [6]. Кроме

того, существует мнение, с которым мы солидарны, что, если расследование окажется более длительным и трудоемким, чем предполагалось, должен быть осуществлен переход к более сложной процессуальной форме [7, с. 108]. Однако законодателю оказалось проще увеличить срок дознания с изначальных 25 суток до 12 месяцев (в 15 раз), ввести возможность группового расследования, чем прибегнуть к анализу подследственности с точки зрения возможной фактической и правовой сложности расследования, а также принять во внимание указанное правило. Но не всех исследователей смущает тот факт, что число процедурных различий дознания и предварительного следствия сокращается. Так, В. Ю. Стельмах полагает, что целесообразно восстановить процедуру привлечения в качестве обвиняемого и предъявления обвинения в качестве общего правила для дознания [8].

Все указанное, на наш взгляд, связано с проблемой отсутствия эффективного научно обоснованного подхода к дифференциации форм досудебного производства. Как теоретический вопрос дифференциация при получении законодательного закрепления имеет большое значение для осуществления уголовного преследования и отправления правосудия. Здесь нужно выразить согласие с точкой зрения Б. Я. Гаврилова о том, что «...несмотря на произошедшие в России за три последние десятилетия экономические и социально-правовые изменения, современное уголовно-процессуальное законодательство, включая досудебное производство, является сегодня, с одной стороны, чрезвычайно затратным, а с другой — не обеспечивает реализацию задачи борьбы с преступностью, сформулированную в ст. 6 УПК РФ как назначение уголовного судопроизводства» [9, с. 14].

Материально-правовые основания с различными вариантами названий (уголовно-правовой характер деяний; характер общественной опасности деяния; степень общественной опасности преступления и тяжесть меры наказания, предусмотренная за него законом) отмечают все сторонники дифференциации. Считается, что санкция уголовно-правовой нормы должна прямо пропорционально определять способы деятельности участников процесса. Отсюда уголовно-правовое основание для дифференциации предварительного следствия и дознания имеет ключевое значение. Дознание создано непосредственно для расследования преступлений небольшой и средней тяжести и никаких других исключений по данному основанию в законе не существует. Однако не всегда этого достаточно

для разделения составов преступлений по формам расследования. Уровень сложности установления обстоятельств дела также иногда играет немаловажную роль и делает крайне затруднительным производство в упрощенной форме. Невзирая на то что определение степени сложности расследования конкретного дела требует существенных усилий, практика причисляет отдельные категории преступлений к числу сложных в расследовании, другие же — к тем, что обычно не сопряжены с трудностями в раскрытии. Здесь мы солидарны с мнением авторов, которые считают недопустимым выделение «простых» дел, поскольку истинная сложность дела неизвестна до его расследования и судебного рассмотрения и не совпадает по содержанию с его общественной опасностью.

Дифференциация уголовно-процессуальной формы осуществляется также с учетом особенностей субъектов, привлекаемых к уголовной ответственности, для которых в ряде случаев в законе закрепляются дополнительные процессуальные гарантии. Например, действующим уголовно-процессуальным законодательством запрещено производство в упрощенной процессуальной форме сокращенного дознания в отношении нескольких особых субъектов: несовершеннолетних; лиц, страдающих психическими расстройствами, если имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера; подозреваемых из категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства в соответствии с главой 52 УПК РФ; подозреваемых, не владеющих языком, на котором ведется уголовное судопроизводство.

Создание упрощенных форм производства должно достигать таких целей, как: а) собственно упрощение производства; б) удешевление производства; в) ускорение производства; г) рационализация (рациональность) производства или экономичность, процессуальная экономия. Нужно отметить, что упрощенным производством называется установленный законодателем порядок движения уголовных дел, которому присущи изъятия из общего порядка производства в виде: сжатых сроков, отсутствия отдельных стадий, упрощенной процессуальной формы. Перечисленные признаки могут присутствовать как все одновременно, так и по одному. Удешевление производства, по нашему мнению, может выражаться в экономии средств, расходуемых на оплату труда правоприменителей и субъектов контрольно-надзорной деятельности за дознанием, а также средств, затрачиваемых на делопроизводство, в расчете

на каждое уголовное дело, расследуемое в упрощенной процессуальной форме. Вместе с тем полагаем, что сокращенное дознание при нынешней его правовой конструкции и организации вряд ли сколько-нибудь сэкономит государственный бюджет. Это объясняется тем, что законом предусмотрена возможность по волеизъявлению потерпевшего расследовать уже оконченное производством в сокращенной форме дело заново в общем порядке. Кроме того, существует установка отдельных прокуроров на полное собирание доказательств при расследовании дел в сокращенной форме дознания [10, с. 238], что противоречит самой идее ускоренного производства, под которым понимают быстроту предварительного расследования. Целью уголовно-процессуальных гарантий быстроты предварительного расследования называют неразрывное сочетание ее интересов и его качества (достижения целей уголовного судопроизводства). Такими гарантиями служат регламентированные законом действия уполномоченных должностных лиц, специально направленные на достижение темпов производства, при которых его быстрота достигается не в ущерб качеству, а качество не в ущерб скорости [7, с. 11—12].

Относительно достижения цели рациональности или процессуальной экономии в теории уголовного процесса нет единства взглядов: по мнению некоторых исследователей, они существуют автономно, с позиции других — имеют схожие черты и нуждаются в совместном рассмотрении. М. Л. Якуб говорит о том, что достижение рациональности и экономии для процессуальных форм означает их свободу от ненужных формальностей, т. е. от процедур, в которых нет нужды с точки зрения задач процесса и его принципов [7, с. 25].

Требование режима процессуальной экономии созвучно со всеми целями создания упрощенных форм и неразрывно связано с принципами научной организации труда. Сторонники определения процессуальной экономии как принципа уголовного процесса при этом особо отмечают необходимость соблюдения баланса между публичными интересами процессуальной рациональности и экономии и соблюдением интересов участников ускоренного производства [11, с. 19—20].

Рационализация уголовного производства призвана повысить эффективность деятельности должностных лиц и государственных органов, ведущих расследование, несмотря на то, какими методами это осуществляется: введением упрощенных производств, ускорением расследования или удешевлением производства. Любая процессуальная

форма (в рассматриваемой ситуации — упрощенная процессуальная форма) должна обеспечивать оптимальный результат в решении задач, поставленных перед ней, при минимальной затрате сил со стороны государственных органов, должностных лиц и граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве. Минимизация затрат на производство по уголовным делам, подследственным органам дознания МВД России, условна: совокупность определенных особенностей упрощенных процессуальных форм, имеющих место на стадии предварительного расследования, в настоящее время позволяет достигать оптимального результата расследования не всегда и не по всем категориям дел.

Появившееся в уголовно-процессуальном законе в марте 2013 г. сокращенное дознание, судя по всему, по задумке законодателя должно было играть роль истинно упрощенного производства [12]. Однако явная недостаточная теоретическая проработанность соответствующих нормативных положений не позволила ему стать таким. На несовершенство данной формы расследования указывалось еще в период разработки ее модели [13].

Дифференциация форм досудебных производств в направлении их упрощения не увенчалась успехом. Можно с уверенностью утверждать, что упрощенные формы расследования — дознание в общем порядке и сокращенное дознание — в нынешней их конструкции вступают в противоречие с целями дифференциации (упрощения) и требованиями, которые предъявляются к подобным процессуальным формам. «Обычное» дознание уже нельзя считать упрощенной формой, поскольку законодательная модернизация превратила его во «второе предварительное следствие». Сокращенное же дознание за счет нормативных изъятий не способно ни удешевить, ни значительно ускорить производство по уголовному делу, из-за чего редко применяется на практике.

Из сказанного явствует, что ситуация требует разрешения посредством создания упрощенной формы, принципиально отличной от существующих сегодня. Большинство исследователей, чье мнение мы разделяем, рассматривают возможность совершенствования упрощенных производств сквозь призму предполагаемого включения в Уголовный кодекс Российской Федерации понятия уголовного проступка [14]. Варианты протокольной формы и суммарного производства, безусловно, представляют интерес, но не являются бесспорными.

Как принципиально новая форма обращает на себя внимание модель упрощенного производства,

разработанная МВД России [15]. Она получила название «Особый порядок досудебного производства», а в качестве основы объединяет в себе элементы протокольной формы досудебной подготовки материалов по УПК РСФСР 1960 г., дознания в сокращенной форме и стадии возбуждения уголовного дела. Хотя протокольная форма оценивается многими современными учеными как форма ускоренного производства, доказавшая свою эффективность, сконструированная по ней модель особого порядка досудебного производства, на наш взгляд, не безупречна. Например, разработчиками не определен статус лица, в отношении которого ведется производство в особом порядке, не разработана норма, определяющая его права, не внесено соответствующее понятие в ст. 5 УПК РФ. Несмотря на то что они воспользовались аналогией процедуры, объема доказывания и обеспечения прав лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела, и ссылаются на соответствующие нормы, считаем, в данном случае это не совсем оправданно. Дело в том, что по окончании производства в особом порядке в отношении лица, не обладающего формально никаким процессуальным статусом, предлагается выносить обвинение. По нашему мнению, целесообразно инициировать начало производства в особом порядке не поручением начальника органа дознания, а соответствующим постановлением, с момента вынесения которого конкретному лицу присваивался бы статус подозреваемого. Обращает на себя внимание и то, что разработчики определили возможность применения такого порядка при расследовании всех преступлений, отнесенных к компетенции органов дознания, что изначально нам представляется не рациональным.

В ситуации, сложившейся за годы действия УПК РФ, законодателю необходимо с учетом всех ранее допущенных ошибок чрезвычайно ответственно подойти к конструированию нового упрощенного производства. Для этого нужно помимо всего прочего изучить теоретические разработки,

принять во внимание опыт предыдущего уголовно-процессуального законодательства, а также спрогнозировать результаты правоприменения. Полагаем, что в целях совершенствования упрощенного досудебного производства стоит рассмотреть возможность принятия следующих мер:

1. Проанализировать подследственность органов дознания и исключить составы, изначально представляющие фактическую и правовую сложность в расследовании.

2. Срок дознания в общем порядке ограничить 3 месяцами. В случае невозможности исполнения запроса о правовой помощи в указанный срок уголовные дела передавать для производства предварительного следствия.

3. Главу 32.1 «Дознание в сокращенной форме» исключить из УПК РФ как регламентирующую неэффективную модель досудебного производства.

4. Ввести в УПК РФ новую сокращенную форму, взять за основу образец протокольной формы досудебной подготовки материалов, доказавшей свою жизнеспособность. По нашему мнению, новая форма должна соответствовать таким требованиям, как:

- расследованию в протокольной форме подлежат уголовные проступки;

- расследование осуществляется в отношении конкретного лица в случае признания им причастности к совершению преступления, характера и размера причиненного вреда, а также согласия с правовой оценкой содеянного;

- расследование в протокольной форме не применяется в отношении несовершеннолетних; лиц, страдающих психическими расстройствами; подозреваемых из категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства в соответствии с главой 52 УПК РФ; лиц, ранее судимых, если судимость не снята и не погашена на момент совершения уголовного проступка;

- исключается возможность применения к подозреваемому мер пресечения и мер процессуального принуждения, за исключением обязательства о явке и привода.

1. Горкина Е. В. Процессуальные и организационные аспекты производства дознания органами внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 225 с.

2. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ (ред. от 29.12.2010). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Gorkina E. V. Procedural and organizational aspects of conducting the inquiry by law enforcement agencies. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2006; 225.

2. Federal Law No. 92-FZ of 4 July 2003 (as amended on 29/12/2010) "Concerning the amendment to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 июля 2010 г. № 172-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Сокол П. Я. Процессуальные гарантии быстроты предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 32 с.

6. Дьяченко В. И. О дальнейшей дифференциации формы досудебного производства // Формы досудебного производства и их совершенствование: сб. науч. трудов. Волгоград, 1989. С. 16—21.

7. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. 144 с.

8. Стельмах В. Ю. Некоторые проблемы нормативной регламентации дознания // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 58—60.

9. Гаврилов Б. Я. Протокольная форма досудебного производства — генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 12—18.

10. Митькова Ю. С. Вопросы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 238—241.

11. Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 55 с.

12. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Зайцева Е. А. Уголовный процесс России: «есть у революции начало, нет у революции конца»? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 4—9.

14. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: проект федер. закона № 612292-7 (текст по сост. на 20.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Federal Law No. 90-FZ of 6 June 2007. "Concerning the amendment to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Federal Law No. 172-FZ of 23 July 2010. "Concerning the amendment to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Sokol P. Ya. Procedural guarantees of preliminary investigation promptness. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 1990: 32.

6. Diachenko V. I. Concerning the further differentiation of a form of pretrial proceedings. In: Forms of pretrial proceedings and their improvement: collections of scientific works. Volgograd; 1989.

7. Yakub M. L. A procedural form in the Soviet criminal proceedings. Moscow; 1981: 144.

8. Stelmakh V. Yu. Some problems of statutory regulation of inquiry. Russian Justice. 2019; 4: 58—60.

9. Gavrillov B. Ya. A record-type form of pretrial proceedings: genesis, current state and prospects of development. Vestnik of Economic Security. 2016; 5: 12—18.

10. Mitkova Yu. S. Issues of ensuring rights of criminal proceedings' participants when conducting the inquiry in a reduced form. Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014; 26 (2): 238—241.

11. Kachalova O. V. Accelerated proceedings in the Russian criminal procedure. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2016: 55.

12. Federal Law No. 23-FZ of 4 March 2013. "Concerning the amendment to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

13. Zaitseva E. A. Criminal procedure in Russia: "the revolution has a beginning but whether it has an end?". Criminal Judicial Proceeding. 2018; 1: 4—9.

14. Federal Draft Law No. 612292-7 (as amended on 20/12/2018). "Concerning the amendment to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation due to introduction of the concept of a criminal misdemeanor". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

15. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства): проект федер. закона (подготовлен МВД России) (текст по сост. на 31.01.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Горкина Е. В., Федюкина А. Ю.,
Токарева Е. В., 2019

Горкина Елена Владимировна,

доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: lengor43@rambler.ru

Федюкина Анна Юрьевна,

доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Fedyukina.a@mail.ru

Токарева Екатерина Викторовна,

доцент кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Ekaterina.tokareva.75@mail.ru

15. Federal Draft Law prepared by the Ministry of Internal Affairs of Russia (as amended on 31/01/2015). "Concerning the amendment to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (in the part related to introducing a special order of pretrial proceedings)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Gorkina E. V., Fedukina A. Yu.,
Tokareva E. V., 2019

Gorkina Elena Vladimirovna,

associate professor at the department
of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: lengor43@rambler.ru

Fedukina Anna Yurevna,

associate professor at the department
of the criminal process
of the Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named
after V. Y. Kikot
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Fedyukina.a@mail.ru

Tokareva Ekaterina Viktorovna,

associate professor at the department
of the criminal process
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Ekaterina.tokareva.75@mail.ru

* * *

Н. В. Золотухина, В. А. Насонова, В. В. Тихонов

**ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ,
СФОРМИРОВАННЫХ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Статья посвящена проблемам, с которыми сталкиваются сотрудники следственных подразделений при использовании результатов оперативно-разыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам. На фоне устоявшегося представления о необходимости обеспечения единообразия следственной и судебной практики обсуждаемые вопросы приобретают особую значимость.

Рассматривая результаты оперативно-разыскной деятельности в качестве первоисточника для формирования доказательств, авторы выделяют ошибки, допускаемые сотрудниками, уполномоченными осуществлять оперативно-разыскную деятельность, что исключает допустимость использования ее результатов в качестве доказательств по уголовным делам. Акцентируется внимание на процедурах, соблюдение которых необходимо при оформлении результатов оперативно-разыскной деятельности для получения ими в перспективе статуса доказательств на стадии предварительного следствия.

В статье анализируются ошибки оформления и порядка представления материалов оперативно-разыскной деятельности в рамках доказывания по уголовным делам.

Авторами проведено исследование ряда уголовных дел, возбужденных на основании результатов оперативно-разыскной деятельности, опрос сотрудников следственных и оперативных подразделений различных ведомств. В качестве иллюстрации типичных нарушений установленных процедур в рамках непосредственно оперативно-разыскной деятельности и в ходе трансформации ее результатов в доказательства приводится анализ одного из уголовных дел, где отражено большинство выявленных авторами проблем.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, допустимость доказательств, использование результатов оперативно-разыскной деятельности, уголовный процесс.

N. V. Zolotukhina, V. A. Nasonova, V. V. Tikhonov

**THE PROBLEMS OF ADMISSIBILITY OF EVIDENCE FORMED
ON THE BASIS OF THE RESULTS OF THE OPERATIVE DETECTIVE ACTIVITY**

The article considers the current problems faced by the preliminary investigative bodies while using the results of operative detective activity in the process of proof evidence in criminal cases. The issues discussed acquire particular importance on the background of a well-established idea of the need to ensure uniformity of investigative and judicial practice.

The authors point out the most significant mistakes made by officials authorized to carry out operative detective activity, excluding the permissibility of using the results in the formation of evidence in criminal cases. The article focuses on the procedures required in the processing the results of the operative detective activity in order to obtain the status of evidence at the stage of the preliminary investigation.

The article analyzes the mistakes in the procedure of the provision of materials of operational investigative activities as a part of evidence in the criminal cases.

The authors take into account the results of research a number of criminal cases based of the results of operative detective activity, conducted a survey of officials of investigative and operational bodies. The authors show as an example one of the criminal cases, demonstrating typical violations of established procedures in the framework of the operative detective activity and in the process of transforming the results into evidence.

Key words: proof, evidence, admissibility of evidence, use of the results of operative detective activity, criminal procedure.

Широко известно, что наиболее действенным способом получения необходимой информации об обстоятельствах подготовки или совершения преступления является проникновение в преступную среду в рамках проведения оперативно-разыскных мероприятий, указанных в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД») [1], а также использование современных оперативно-разыскных средств, поскольку выявление и раскрытие преступлений, особенно совершенных в условиях неочевидности, только уголовно-процессуальными средствами весьма затруднительно.

У практиков не вызывает сомнения вопрос о возможности использования результатов оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) в качестве доказательств — материалы, полученные в ходе ОРД, служат основой для формирования доказательств на всех этапах досудебного производства. Однако данный вопрос остается открытым и дискуссионным среди ученых, порождая формулирование порой диаметрально противоположных подходов к уяснению роли результатов ОРД в доказывании по уголовным делам. Тем более что проблема применения в доказывании результатов ОРД, как правило, становится очевидной лишь на этапе судебного следствия, когда в условиях состязательной процедуры стороной защиты указывается на допущенные нарушения в ходе осуществления оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ), на недостатки их оформления.

Анализ рассматриваемого вопроса в юридической литературе показал разделение мнений ученых преимущественно на две позиции. Некоторые исследователи (например, Н. М. Кипнис [2]) считают, что условием допустимости этой информации будет четкое соблюдение требований ФЗ «Об ОРД». Другие ученые (например, В. П. Божьев [3]) полагают, что результаты ОРД вообще не отвечают требованию допустимости в связи с тем, что получены способом, не предусмотренным уголовно-процессуальным законом. Сходную точку зрения высказывает и В. А. Лазарева [4].

Полагаем, что такой подход недостаточно корректен, поскольку вопрос конституционности нормы, содержащейся в ч. 2 ст. 11 ФЗ «Об ОРД», позволяющей использовать результаты ОРД в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, был предметом рассмотрения Конституционного Суда

Российской Федерации, который имеет четкую правовую позицию: «...нормой, содержащейся в части второй статьи 11 Федерального закона „Об оперативно-разыскной деятельности“, конституционные права заявителей не нарушаются» [5]. «Результаты оперативно-разыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона „Об оперативно-разыскной деятельности“, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т. е. так, как это предписывается ч. 1 статьи 49 и ч. 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации» [5].

Вопросы допустимости доказательств, сформированных на основе результатов ОРД, требуют для своего уяснения задействования научного аппарата как из теории ОРД, так и из уголовно-процессуальной доктрины. Это обусловлено двойственной природой формирования информации, возникающей изначально в рамках ОРД, оформляемой по правилам, предписанным ведомственными нормативными актами, а затем проходящей процедуру преобразования* в ходе уголовно-процессуальных отношений субъектом доказывания по уголовному делу. Разная отраслевая природа правоотношений, в которых возникает и находит свою реализацию данная информация, выдвигает неоднородные по своему содержанию требования к порядку ее получения и закрепления, что напрямую влияет на определение свойства ее допустимости. С этой точки зрения следует согласиться с мнением О. В. Сидоренко, что, по сути, допустимость доказательств, содержанием которых выступают результаты ОРД, обеспечивается двойной системой гарантий: «Эти данные должны соответствовать предписаниям оперативно-разыскного законодательства и ведомственных актов в части процедуры их получения, а также обладать свойствами, предусмотренными уголовно-процессуальным законом для доказательств» [7, с. 203].

Образно выражаясь, с учетом специфического характера возникновения информации в ходе ОРМ, протекающих нередко в условиях конспирации, для придания такой информации свойства допустимости устанавливается «запас прочности», дополнительная система «фильтрации» в виде нормативных требований двух отраслевых уровней: на первом уровне проходит «фильтрация» посредством проверки соответствия оперативно-разыскному законодательству и разработанным

на его основе ведомственными актам, а на втором уровне осуществляется «сверка» с жесткими установлениями уголовно-процессуального законодательства. Эта особенность определения допустимости анализируемого вида доказательств, формируемых на основе результатов ОРД, должна соблюдаться всегда, без каких-либо исключений. Поэтому вызывает категорическое несогласие мнение В. И. Жажицкого, полагающего возможным формировать доказательства на основе результатов ОРД, полученных с нарушением оперативно-разыскного законодательства [8, с. 144—151].

В расчет нужно принимать не только нормы базового закона «Об оперативно-розыскной деятельности», но и положения тех ведомственных нормативных актов, которые регламентируют специфику осуществления ОРД в оперативных подразделениях конкретных силовых ведомств, которым законом разрешено проведение ОРД.

Нами проведено изучение материалов уголовных дел, возбужденных на основании представленных результатов ОРД. Но проиллюстрировать проблемы, которые являются типичными в рассматриваемой категории дел, считаем целесообразным на примере уголовного дела, направленного в суд по обвинению гр. М**. В рамках проведенного по заданию адвоката, представляющего сторону защиты, исследования выявлены наиболее значимые нарушения законодательства, допущенные сотрудниками Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ) при проведении доследственной проверки, которые в дальнейшем не были устранены в ходе предварительного следствия.

Гражданин Г. обратился в органы безопасности с заявлением о преступлении. По своему содержанию заявление лица (Г.), обратившегося к оперуполномоченному У ФСБ по субъекту РФ с письменным заявлением на имя начальника У ФСБ по субъекту РФ, формально является поводом для возбуждения уголовного дела — письменным заявлением о преступлении, указанным в ч. 2 ст. 141 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), так как в нем предельно четко обозначены объективная и субъективная стороны преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), планируемого, согласно информации, полученной от заявителя, к совершению М.

В соответствии с пп. 3, 4 приказа ФСБ РФ от 16 мая 2006 г. № 205 «Об утверждении Инструкции по организации в органах Федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки

сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности» [9] (далее — Инструкция 2006 г.), согласно которым к органам дознания в структуре органов безопасности причисляются оперативные подразделения, а также городские (окружные, районные) подразделения, подчиненные управлениям (отделам) ФСБ России по отдельным регионам и субъектам Российской Федерации.

Реализация полномочий по приему сообщений о преступлениях, оформлению протоколов принятия устного заявления о преступлении и составлению рапортов об обнаружении признаков преступления в случаях и порядке, предусмотренных чч. 3, 5, 6 ст. 141, ч. 2 ст. 142 и ст. 143 УПК РФ, возможна только сотрудниками, специально уполномоченными начальником органа дознания или его заместителем***.

Однако сведений о возложении на конкретного оперуполномоченного ФСБ обязанности по приему и рассмотрению заявлений о преступлениях вообще либо конкретного заявления Г. в материалах изученного нами уголовного дела нет. Данное обстоятельство дает основание утверждать, что оперуполномоченный ФСБ в указанной ситуации должен быть признан ненадлежащим субъектом проверки сообщения о преступлении, что влечет утрату доказательственной значимости всех сформированных им в ходе проверки доказательств.

Согласно пп. 13, 17—19 Инструкции 2006 г. регистрация и учет сообщений о преступлениях, поступивших в органы безопасности, производятся в Книге № 1, причем лицу, принявшему сообщение о преступлении, необходимо доложить об этом соответствующему руководителю и по его указанию принять меры к незамедлительной регистрации в Книге № 1 принятого сообщения о преступлении. При наличии причин, препятствующих должностному лицу незамедлительно сдать на регистрацию сообщение о преступлении (например, в связи со значительной отдаленностью от места регистрации, стихийным бедствием, непогодой и т. п.), регистрация такого сообщения в Книге № 1 может быть осуществлена на основании сведений, переданных (полученных) по различным каналам связи.

Еще одним требованием Инструкции 2006 г. является проставление на лицевой стороне (на свободном от текста месте) сообщения, направленного в письменном виде, регистрационного штампа, содержащего:

— информацию о наименовании подразделения органа безопасности, в который поступило сообщение;

- регистрационный номер в Книге № 1;
- дату и время регистрации сообщения;
- фамилию, инициалы и подпись лица, ответственного за регистрацию.

Согласно штампу, проставленному в левом нижнем углу заявления о преступлении, оно было зарегистрировано в РУ ФСБ по субъекту РФ как входящая корреспонденция. Регистрация данного сообщения в Книге № 1**** не производилась, проведение проверки содержащейся в нем информации никому не поручалось. Кстати, сходные нарушения по другим фактам отмечаются некоторыми авторами [11].

Проверка полученного сообщения проводилась с нарушением установленного ст. 144—145 УПК РФ порядка, без продления сроков ее проведения и с превышением предельно допустимого 30-дневного срока.

Изложенное свидетельствует о нарушениях порядка принятия сообщения о преступлении и его регистрации.

При изучении постановления на проведение ОРМ «Оперативный эксперимент», вынесенного оперуполномоченным УФСБ по субъекту РФ, установлено, что постановление содержит реквизит утверждения начальником РУ ФСБ по субъекту РФ.

Вместе с тем данный реквизит, в нарушение требований делопроизводства к данному виду постановлений, не содержит обязательного элемента «дата подписи», в связи с чем невозможно установить, когда именно — в день вынесения постановления либо позже — была проставлена подпись *от имени начальника* УФСБ по субъекту РФ.

В нарушение требований абз. 6 ч. 3 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» постановление на проведение ОРМ «Оперативный эксперимент» утверждено от имени начальника УФСБ по субъекту РФ, а *не самим начальником УФСБ по субъекту РФ*, что подтверждается результатами почерковедческого исследования подписи по инициативе стороны защиты в постановлении о проведении ОРМ «Оперативный эксперимент» от имени генерал-майора П., которая не соответствует подписи П.

Следовательно, постановление о производстве оперативного эксперимента руководителем органа, осуществляющего ОРД, не утверждалось, что является нарушением федерального законодательства и влечет признание сведений, полученных в ходе ОРМ «Оперативный эксперимент», недопустимыми доказательствами.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об ОРД» основаниями для проведения ОРМ являются «ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» [1].

В качестве основания проведения ОРМ «Оперативный эксперимент» оперуполномоченным УФСБ по субъекту РФ указано: «Замыслом данного мероприятия *предусмотрено создание контролируемой ситуации*, в которой М., возможно лично или через неустановленных посредников, *будет вымогать взятку* в виде денежных средств в размере 500 000 (пятьсот тысяч) рублей у Г.».

В данной формулировке основания для осуществления оперативного эксперимента, отраженной в постановлении о проведении ОРМ, явно усматривается провокация взятки, то есть передачи должностному лицу без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества в целях искусственного создания доказательств совершения преступления. Из текста данного постановления следует, что оперативный эксперимент заранее планировался оперуполномоченным РУ ФСБ по субъекту РФ как провокация, так как его целью являлось «создание контролируемой ситуации», в которой М. «будет вымогать взятку».

При анализе этой формулировки следует учитывать правовые позиции Европейского Суда по правам человека, выраженные в его постановлении от 30 октября 2014 г. по делу «Носко и Нефедов против Российской Федерации». Европейский Суд по правам человека признает, что «негласные операции должны проводиться существенно пассивным образом в отсутствие оказания давления на заявителя для совершения преступления за счет таких средств, как принятие на себя инициативы в контактах с заявителем, настойчивое побуждение, обещание финансовой выгоды или обращение к чувству сострадания заявителя» [12]. В противном случае имеет место провокация преступления.

Далее следует подчеркнуть, что к проведению оперативного эксперимента были привлечены заявитель Г. и представители общественности. Представители общественности (как правило, совершеннолетние граждане) оказывают помощь при проведении ОРМ. Своим участием они констатируют факт проведения ОРМ, подтверждают

правильность фиксации его хода и результатов, в дальнейшем могут быть привлечены в качестве свидетелей по уголовному делу. Мы видим явную аналогию существующему в уголовном процессе институту понятых. Точно так же при отборе представителей общественности обращают внимание на соответствие ценза гражданства и возраста. Но зачастую сотрудники оперативных подразделений привлекают тех представителей общественности, которые оказывают содействие на основе продолжительного сотрудничества. Данные граждане привлекаются к производству ОРМ заочно, но в случае необходимости всегда готовы подтвердить ход и результаты ОРМ, однако чаще всего ссылаясь на плохую память такими общими формулировками: «да, это моя подпись, да я присутствовал при проведении данного мероприятия, но в связи с давностью его проведения особенностей не помню».

С участием указанных лиц оперуполномоченным УФСБ по субъекту РФ составлены:

- акт личного досмотра Г.;
- акт осмотра и вручения диктофона, видеокамеры и денежных средств;
- акт возврата и осмотра диктофона;
- справка о результатах ОРМ «Оперативный эксперимент».

Во всех указанных актах отсутствует реквизит «Время начала и окончания соответствующего действия», в связи с чем невозможно установить временной промежуток, в течение которого оперуполномоченным УФСБ по субъекту РФ проводились ОРМ, продолжительность каждого этапа и их последовательность.

Кроме того, согласно результатам почерковедческого исследования, проведенного по инициативе стороны защиты, подписи от имени представителей общественности в акте возврата и осмотра диктофона выполнены не ими, а другими лицами с подражанием их подписям.

Согласно ст. 11 ФЗ «Об ОРД» результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Соответствие конституционным установлениям данной нормы Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил и в определении по жалобам гражданина С. В. Ура-

зова [13]. В определениях по жалобам граждан К. О. Барковского [14] и В. А. Каланчева [15] Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил свою позицию о запрете при осуществлении правосудия использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

В соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре» от 29 ноября 2016 г. № 55 использование в качестве доказательств по уголовному делу результатов ОРМ возможно только в том случае, когда полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий [16].

Напомним:

— произведенные аудио- и видеозаписи, изъятые предметы и документы должны быть осмотрены и приобщены к делу;

— обнаруженные вещества — в обязательном порядке подвергнуты экспертным исследованиям;

— лица, участвовавшие в проведении ОРМ, — при необходимости допрошены в качестве свидетелей.

В случае признания полученных на основе результатов ОРД доказательств недопустимыми они не могут быть восполнены путем допроса сотрудников органов, осуществлявших ОРМ.

Согласно п. 20 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 (далее — Инструкция 2013 г.), «результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе» [17].

Таким образом, для того чтобы документально оформленные результаты ОРД получили на стадии

предварительного следствия статус доказательств, следователю необходимо соблюсти ряд процедур, предусмотренных УПК РФ.

Это, во-первых, осмотр представленных письменных материалов с соблюдением требований ст. 176—177 УПК РФ и обязательным составлением в порядке ст. 166 УПК РФ протокола данного следственного действия.

Во-вторых, форма и содержание всех письменных материалов, фиксирующих ход и результат каждого ОРМ, должны быть проверены и оценены с точки зрения соответствия их оформлению ведомственным нормативным актам, регламентирующим порядок их производства, а также соблюдения процедуры представления результатов ОРД требованиям упомянутой Инструкции 2013 г.

В-третьих (это основное и итоговое действие органов следствия), — приобщение результатов ОРД в виде представленных материалов — письменных документов к уголовному делу либо в качестве вещественных доказательств в порядке ст. 81 УПК РФ, либо в качестве иных документов в порядке ст. 84 УПК РФ с обязательным вынесением следователем постановления о приобщении таковых в качестве доказательств.

Таким образом, результаты ОРД могут приобрести статус доказательств в уголовном деле лишь при одновременном соблюдении всех указанных выше требований. Проведенный анализ материалов конкретного уголовного дела по обвинению М. дает основание для вывода о том, что результаты ОРД этим требованиям не отвечают.

Осуществленное нами интервьюирование 257 практических работников Следственного комитета Российской Федерации (следователей и руководителей территориальных следственных органов)

подтверждает, что выявленные нарушения не являются единичными, а наоборот, иллюстрируют типичные ситуации, с которыми сталкиваются следователи, получившие материалы ОРД, содержащие такие ошибки, которые устранить следственным путем уже невозможно. К сожалению, как показывают результаты изучения материалов уголовных дел, следователи различных следственных подразделений недостаточно критично оценивают представленные им материалы ОРД, предполагая, что сотрудники, уполномоченные осуществлять ОРД, априори соблюдают требования закона и ведомственных актов, регламентирующих ОРМ, знакомы с правилами уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими оформление доказательств.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что результаты ОРД могут быть использованы в процессе доказывания после соблюдения ряда условий:

1) если они отражают обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ);

2) оформлены надлежащим должностным лицом в соответствии с требованиями УПК РФ;

3) получены при наличии оснований для проведения конкретного ОРМ;

4) ОРМ определено и проведено в порядке, установленном ФЗ «Об ОРД»;

5) сформированы, проверены и оценены по требованиям общих правил, установленных ст. 17, 88 УПК РФ, а равно положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих сбор, проверку и оценку доказательств того вида, к которому в конкретном случае предлагается отнести результаты ОРМ.

Примечания

* Данная процедура требует отдельного анализа, поэтому, с учетом объема настоящей статьи, она не будет предметом нашего исследования. Однако авторы в указанном вопросе разделяют позицию тех ученых, которые именуют процедуру вхождения результатов ОРД в уголовно-процессуальное доказывание «трансформацией» (а не «легализацией» или «интерпретацией»), подразумевая под этим изменение процессуальной формы и процессуального статуса информации с оперативно-разыскного на уголовно-процессуальный [6, с. 262—264], что позволяет вовлечь эту информацию в орбиту познавательной деятельности субъектов доказывания и использовать ее в качестве доказательств.

** В настоящий момент ссылка на номер дела и субъект Российской Федерации, в котором проводилось расследование, невозможна, поскольку итоговое решение по уголовному делу не вступило в законную силу (приговоры дважды обжаловались и дважды направлялись на новое судебное разбирательство; сейчас дело рассматривается в третий раз судом первой инстанции).

*** Аналогичную позицию по этому вопросу занимают А. С. Есина и О. Е. Жамкова применительно к предмету своего научного исследования (проверке сообщения о преступлении оперативными сотруд-

никами отдела экономической безопасности и противодействия коррупции), подчеркивая, что статус надлежащего субъекта проверки сообщения оперуполномоченный приобретает только после резолюции его руководителя на соответствующем сообщении, согласно которой ему делегируются полномочия по процессуальной проверке [10, с. 12—13].

*** В отличие от данного регистра в Книгу № 2, которую также ведут в органах дознания, Следственном управлении ФСБ России и при необходимости в следственных подразделениях органов безопасности, заносится *иная информация о преступлениях и событиях*, угрожающих личной и общественной безопасности, требующая проверки и оперативного реагирования, поступившая в органы Федеральной службы безопасности. То обстоятельство, что заявление Г. о подготавливаемом М. преступлении содержало сообщение о преступлении, не вызывает сомнений. При этом в Книге № 2 заявление Г. также не регистрировалось.

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4470.

2. Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / отв. ред. П. А. Лупинская. М.: Юристъ, 1995. 128 с.

3. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. М.: Юрайт, 2017. 490 с.

4. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. М.: Высшее образование, 2009. 344 с.

5. По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 г. № 18-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.

6. Зайцева Е. А., Садовский А. И. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств: моногр. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 292 с.

7. Сидоренко О. В. Доказывание на стадии возбуждения уголовного дела и участие в нем сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 285 с.

8. Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2006. 449 с.

9. Об утверждении Инструкции по организации в органах Федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и об-

1. Federal law No. 144-FZ of 12 August 1995 (as amended on 02/08/2019). "On operational-search activity". Collection of legislation of the Russian Federation. 1995; 33; 3349; Collection of legislation of the Russian Federation. 2019; 31; 4470.

2. Kipnis N. M. Admissibility of evidence in criminal proceedings. Ed. by P. A. Lupinskaya. Moscow: Lawyer; 1995: 128.

3. The criminal process: a textbook for academic undergraduate. Ed. by V. P. Bozhiev, B. Ya. Gavrilov. Moscow: Yurayt; 2017: 490.

4. Lazareva V. A. Proving in criminal proceedings. Textbook. Moscow: Vysshee obrazovanie; 2009: 344.

5. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-O of 4 February 1999. "According to the complaint of citizens M.B. Nikol'skaya and M. I. Saponov's violation of their constitutional rights by certain provisions of the Federal Law "On operational-search activity". Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1999; 3.

6. Zaitseva E. A., Sadovsky A. I. The formation of evidence by the investigator using special knowledge and scientific and technical means. Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2013: 292.

7. Sidorenko O. V. Evidence at the stage of initiating a criminal case and the participation of employees of internal affairs bodies in it. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2018: 285.

8. Zazhitsky V. I. The results of operational investigative activities in criminal proceedings. Monograph. Saint-Petersburg: Yuridicheskiy Center-Press; 2006: 449.

9. Order of the Federal Security Service of the Russian Federation No. 205 of 16 May 2006. "On

щественной безопасности: приказ ФСБ России от 16 мая 2006 г. № 205 // Рос. газ. 2006. 20 окт.

10. Есина А. С., Жамкова О. Е. Некоторые вопросы компетенции оперативных сотрудников при рассмотрении сообщений о преступлениях экономической направленности // Российский следователь. 2016. № 10. С. 11—14.

11. Анисимов Г. Г. Надзор за исполнением законов при приеме, регистрации, разрешении сообщений о преступлениях и рассмотрении обращений и жалоб в органах ФСБ // Законность. 2017. № 7. С. 17—20.

12. Дело «Носко и Нефедов (Nosko and Nefedov) против Российской Федерации» (жалобы № 5753/09 и 11789/10): постановление ЕСПЧ от 30 октября 2014 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 4.

13. По жалобам гражданина Уразова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 49, 91, 92, 227, 255 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статей 6, 8, 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 268-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 6.

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1999 г. № 211-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 2.

15. Об отказе принятия к рассмотрению жалобы гражданина Каланчева Вадима Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8 и 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2005 г. № 448-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (документ опубликован не был).

16. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

approval of the Instructions on the organization in the bodies of the Federal Security Service of reception, registration and verification of reports of crimes and other information about crimes and events that threaten personal and public safety". Rossiyskaya Gazeta; 2006; 20 of October.

10. Esina A. S., Zhamkova O. E. Some issues of the competence of operational employees when considering reports of economic crimes. Russian investigator. 2016; 10: 11—14.

11. Anisimov G. G. Supervision of the implementation of laws during the reception, registration, resolution of reports of crimes and the consideration of appeals and complaints in the bodies of the Federal Security Service. Zakonnost. 2017; 7: 17—20.

12. Decision of the European Court of Human Rights of 30 October 2014. Case "Nosko and Nefedov (v. Nosko and Nefedov) v. Russia" (complaints No. 5753/09 and 11789/10). Bulletin of the European Court of Human Rights. 2015; 4.

13. Definition Of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 268-O of 11 July 2006. "According to the complaints of citizen Urazov Sergey Vladimirovich regarding a violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 49, 91, 92, 227, 255 and 355 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and Articles 6, 8, 10 of the Federal Law "On operational search activity". Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2006; 6.

14. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 211-O of 1 December 1999. "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Konstantin Olegovich Barkovsky on violation of his constitutional rights by part four of article 127 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, clause 1 of part one of article 6 and clause 3 of part one of article 7 of the Federal Law "On operational search activity". Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2000; 2.

15. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 448-O of 24 November 2005. "On the refusal to accept the consideration of the complaint of citizen Vadim Anatolyevich Kalanchev about the violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 8 and 9 of the Federal Law "On operational-search activity". Available from: reference and legal system "Consultant-Plus". The document has not been published.

16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 55 of 29 November 2016. "On the court verdict". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017; 1.

17. Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Рос. газ. 2013. № 282.

© Золотухина Н. В., Насонова В. А.,
Тихонов В. В., 2019

Золотухина Наталья Валерьевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Военного университета
Министерства обороны
Российской Федерации,
кандидат юридических наук;
e-mail: nat_kosterina@mail.ru

Насонова Валентина Афанасьевна,
профессор кафедры
информационно-компьютерных технологий
в деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина,
кандидат физико-математических наук,
доцент;
e-mail: k_iktd.belui@mvd.ru

Тихонов Виктор Васильевич,
начальник кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: victtikhonov@yandex.ru

17. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Defense of Russia, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Federal Guard Service of Russia, the Federal Customs Service of Russia, Foreign Intelligence Service of Russia, the Federal Penitentiary Service of Russia, the Federal Drug Control Service of Russia, Investigative Committee of Russia No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 of 27 September 2013. On approval of the Instructions on the procedure for providing the results of operational investigative activities to the inquiry body, investigator or court. Rossiyskaya Gazeta; 2013; 282.

© Zolotukhina N. V., Nasonova V. A.,
Tikhonov V. V., 2019

Zolotukhina Natalia Valeryevna,
associate professor at the department
of the criminal process
of the University of the Ministry
of Defense of Russian Federation,
candidate of juridical sciences;
e-mail: nat_kosterina@mail.ru

Nasonova Valentina Afanasevna,
professor at the department of information
and computer technologies
in the activities in the law-enforcement bodies
Putilin Belgorod Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of physical and mathematical sciences,
docent;
e-mail: k_iktd.belui@mvd.ru

Tikhonov Victor Vasilevich,
head of the department of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: victtikhonov@yandex.ru

* * *

С. В. Катков, Н. Г. Корнаухова

**РЕЖИМ СЕКРЕТНОСТИ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

В статье наглядно показана необходимость защиты сведений, составляющих государственную тайну, как одного из элементов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Из всего механизма защиты отечественных национальных интересов, включающего в себя также и борьбу с преступностью, авторы особо выделяют оперативно-разыскную деятельность. Учитывая современное состояние преступности, важность этого специфического вида деятельности органов внутренних дел подчеркивается принятием базовых стратегических и доктринальных документов государства. В работе показана специфика негласной формы оперативно-разыскной деятельности при соблюдении требований режима секретности и возникающие при этом проблемы, обосновывается необходимость защиты сведений, составляющих государственную тайну, в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, а также проведен сравнительный анализ механизма обеспечения режима секретности и соблюдения принципа конспирации. Опираясь на анализ действующего законодательства, мнение ученых и правоприменительную практику в области защиты информации ограниченного распространения, авторы обозначают основные отличия таких категорий, как «государственная тайна» и «служебная тайна». Все это позволило сформулировать определение режима секретности в оперативно-разыскной деятельности.

Ключевые слова: режим секретности, защищаемая информация, национальная безопасность, оперативно-разыскная деятельность, сведения, составляющие государственную тайну, конспирация, допуск к государственной тайне, сведения ограниченного распространения, служебная тайна.

S. V. Katkov, N. G. Kornaukhova

**SECURITY MODE IN OPERATIVE AND DETECTIVE ACTIVITY
OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES: SOME PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

The article deals with the need to protect information related to a state secret as one of the elements to ensure the national security of the Russian Federation. The authors of the article particularly identify detective activity from the entire mechanism of domestic national interests' protection which also includes fighting crime. Taking into account the current crime situation the importance of this specific type of activity in the internal affairs bodies is emphasized by adopting the basic strategic and doctrinal documents of the state. The article also deals with the specifics of the covert (confidential) form to carry out operative and detective activity taking into consideration observing the requirements of the secrecy mode and the problems to appear. The authors of the article also prove the need to protect information related to a state secret while carrying out operative and detective activity as well as make the comparative analysis of the mechanism to ensure both secrecy mode and to observe principle of keeping a secret. Based on the analysis of acting legislation as well as on the opinion of scientists and law enforcement practice in the sphere to protect information of limited distribution the authors of the article point out the main differences between such categories as «state secret» and «department secret». As a whole all this makes it possible to formulate the definition of the concept of «security mode in the operative and detective activity».

Key words: secrecy mode, protected information, national security, operative and detective activity, information related to a state secret, keeping a secret, access to a state secret, information of limited distribution, official (department) secret.

Институт государственной тайны, а также связанные с ним механизмы обеспечения режима секретности обусловлены необходимостью защиты от несанкционированного доступа и распространения наиболее ценных сведений, содержащихся в информационных ресурсах и относящихся к политической, экономической, научно-технической, военной и иным сферам деятельности государства. Именно поэтому требуется принятие исчерпывающего комплекса мер по недопущению утечки таких сведений, которая может нанести ущерб государственным интересам и, в конечном счете, национальной безопасности. Особое место, бесспорно, в этом комплексе мер защиты занимает оперативно-разыскная деятельность (далее — ОРД). Не случайно к числу целей этой деятельности законодатель относит не только защиту жизни и здоровья, прав и свобод конкретных лиц, собственности от различных видов уголовно наказуемых деяний, но и обеспечение безопасности общества и государства от аналогичных угроз.

Отметим, что отечественный законодатель в число основных задач ОРД включает добывание, по сути, любой информации о деяниях, которые в той или иной степени могут нанести вред различным видам безопасности России. Соответственно, данное положение является прямым свидетельством того, что ОРД имеет четко выраженную направленность — обеспечение национальной безопасности, содержание которой в настоящий момент раскрыто в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 (далее — Стратегия) [1].

Из положений этого нормативного правового акта следует необходимость именно системного применения всей совокупности сил, средств и методов, имеющихся в распоряжении органов государственной власти, местного самоуправления и иных заинтересованных субъектов, позволяющих своевременно выявлять и комплексно анализировать угрозы в информационной среде и действенно противостоять им.

Детально раскрывает значимость защиты информационной среды от различного рода угроз, а также роль обозначенного инструментария и субъектов его применения, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 [2]. Особая роль в таком виде безопасности, как информационная, отводится вопросам защиты сведений, составляющих государственную тайну, которая традиционно рассматривается как режим секретности.

Несомненно, что принятие указанных стратегических и доктринальных документов является важным шагом как в борьбе с различными видами преступности, так и в создании базы для оценки угроз национальной безопасности, а также определении эффективных мер по их нейтрализации. В этих базисных нормативных правовых актах обозначены стратегические национальные приоритеты — государственная и общественная безопасность, определен один из показателей оценки состояния национальной безопасности — удовлетворенность граждан степенью защищенности, в том числе и от преступных деяний, своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов.

Таким образом, очевиден факт, что обеспечение национальной безопасности и национальных интересов России невозможно без использования сил, средств и методов ОРД, что находит свое отражение уже в конкретных источниках отечественного права.

Значимость защиты сведений, составляющих государственную тайну, и, соответственно, обеспечения режима секретности в ОРД заложена и в самом оперативно-разыском законодательстве — в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД»).

Законодательно предусмотренная возможность не только гласного, но и негласного осуществления ОРД посредством проведения различных оперативно-разыскных мероприятий или их совокупности априори предполагает их осуществление в тайне от объекта проведения и окружающих, что может обеспечиваться лишь в условиях создания и обеспечения режима секретности.

Негласность как объективная необходимость в борьбе с преступностью, на наш взгляд, неразрывно связана с изучаемым нами явлением — режимом секретности. Посредством соблюдения этого особого режима ОРД возможно обеспечить надлежащую защиту охраняемой информации об организации и тактике ОРД, лицах, оказывающих конфиденциальное содействие субъектам этой деятельности и т. д., которые отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну.

В то же время сохранять государственную тайну и, соответственно, соблюдать режим секретности необходимо не только осуществляя подготовку или проводя негласные оперативно-разыскные мероприятия. Законодатель выделяет такой специальный принцип ОРД, как конспирация. Его соблюдение позволяет исключить преждевременную, а порой и необоснованную компрометацию

лиц, в отношении которых имеется непроверенная или противоречивая первичная информация об их причастности к преступным деяниям.

Объединяющим такие понятия, как «режим секретности» и «конспирация», является родовое понятие «сохранение и соблюдение тайны». Тонкую, а порой неуловимую грань отличия между режимом секретности и конспирацией как условных самостоятельных предметов оперативно-разыскной теории позволяют определить их характерные черты. Как справедливо отмечает В. И. Елинский, с позиции методологии теории ОРД для этого необходимо найти признаки, имеющиеся только у данного вида предметов и отсутствующие у других видов, входящих в этот ближайший род [3, с. 136].

Одной из основных таких черт является то, что соблюдение режима секретности обеспечивается с помощью установленных правил (требований), которые закреплены в нормативных правовых актах на законодательном и подзаконном уровнях. Это касается вопросов как разработки, оборота, хранения, обращения с информацией, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, так и порядка допуска и доступа к ним определенного круга лиц. При соблюдении же конспирации действия лица, осуществляющего ОРД, не имеют нормативного закрепления.

В данном контексте мы согласны с мнением Н. В. Павличенко, который характеризует режим секретности как организационно-правовой аспект, а конспирацию — как организационно-тактический аспект деятельности органов, осуществляющих ОРД [4, с. 18].

Таким образом, очевиден вывод: все действия, направленные на соблюдение режима секретности, четко урегулированы нормами права на различных уровнях. Нормативное же закрепление правил соблюдения принципа конспирации, учитывая многообразие оперативно-тактических ситуаций, с которыми приходится сталкиваться сотрудникам оперативных подразделений и лицам, оказывающим им конфиденциальное содействие (сотрудничество), можно назвать утопией. Соответственно, правила соблюдения принципа конспирации нормативно урегулировать нельзя.

Мы разделяем также точку зрения Н. В. Павличенко о том, что следующей отличительной чертой является активность субъекта обеспечения режима секретности. Она объективно ограничивается наличием или отсутствием у конкретных лиц соответствующей формы допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, и уровнем их доступа к документам, содержащим такие сведения.

При конспирации эта активность и возможность достижения ее целей зависят от воли, разума,

уровня профессиональной подготовки субъекта осуществления оперативно-разыскных мероприятий. Это, в свою очередь, в большей мере свидетельствует уже о наличии не объективных, а субъективных факторов.

Проводя дальнейший сравнительный анализ режима секретности и конспирации, Н. В. Павличенко разграничивает их по субъектам осуществления. По его мнению, обеспечить конспирацию могут только субъекты ОРД, и для их осуществления не требуется оформления соответствующего допуска. Режим секретности же должны соблюдать сотрудники, допущенные к сведениям ограниченного распространения, что имеет место в различных, в том числе не оперативных, подразделениях и службах. На наш взгляд, такое утверждение несколько неполно. При данном подходе не берутся во внимание лица, взявшие на себя обязательства соблюдать режимные требования в форме подписки о непридании гласности сведений, которые стали им известны в связи с участием в подготовке или проведении оперативно-разыскных мероприятий и составляют государственную тайну. Это, например, лица, осуществляющие негласное конфиденциальное сотрудничество (содействие) на долгосрочной — как контрактной, так и бесконтрактной — основе, или специалист, привлекаемый к проведению негласных оперативно-разыскных мероприятий. Необходимо также отметить, что для этой категории граждан законодательно порядок допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, не предусмотрен.

Из обозначенных положений следует, что ОРД, связанная преимущественно с использованием сведений, утрата или разглашение которых может негативно отразиться на интересах всего государства или конкретного его органа, невозможна без создания необходимых мер защиты государственных секретов и, соответственно, комплекса мероприятий по обеспечению режима секретности.

Рассматривая вопросы режима секретности, считаем необходимым акцентировать внимание еще на одном вопросе, имеющем отношение к обозначенной проблематике, а именно отличии друг от друга двух видов тайн — государственной и служебной.

До четкого закрепления на законодательном уровне в России определения термина «государственная тайна» в подзаконных нормативных правовых источниках к таковой были отнесены сведения, «несанкционированное распространение которых могло негативно повлиять на состояние военно-экономического потенциала страны или повлечь другие тяжкие последствия для обороноспособности, государственной безопасности, экономических и политических интересов СССР» [5].

В свою очередь государственная тайна делилась на четыре вида государственных секретов: это «сведения особой важности», «совершенно секретные» и служебная тайна, имеющая гриф «секретно». К служебной тайне относились сведения, охраняемые государством, любой из областей науки, техники, производства и управления, разглашение которых могло нанести ущерб интересам страны. Соответственно, были определены четыре формы допуска к «совершенно секретным и особой важности», «совершенно секретным», «секретным» и еще раз «секретным» сведениям.

Отличие состояло в том, что первые три формы допуска требовали обязательного согласования и проведения проверочных мероприятий органами КГБ СССР. Такое разделение до сих пор вносит путаницу в определение государственной тайны.

После принятия Закона РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» [6] институт служебной тайны как отдельный блок был исключен на законодательном уровне из сферы правового регулирования рассматриваемой области общественных отношений. При этом до сих пор в современном российском праве институт служебной тайны так и не получил должного, именно законодательного, закрепления. В то же время на данный момент институты государственной тайны, коммерческой тайны, ряда профессиональных тайн, кредитных историй, персональных данных уже обеспечены не только нормативной правовой основой на законодательном и подзаконном уровнях, но и большой правоприменительной практикой. Чего нельзя сказать об институте служебной тайны.

К сожалению, не только отсутствие четких критериев разграничения служебной и государственной тайн негативно сказывается на состоянии режима секретности в исследуемой нами области общественных отношений.

Учитывая проблематику настоящей работы, к обозначенному следует добавить и то, что, несмотря на довольно частое использование такого словосочетания, как «режим секретности в оперативно-разыскной деятельности», ни в юридической литературе, ни на законодательном и ведомственном уровнях не закреплена его дефиниция. Казалось бы, этот термин употребляется как общепризнанный и не требует пояснения. Однако без его правильного юридического толкования и, соответственно, понимания его сущности невозможно определить эффективные меры защиты информации, распространение которой может нанести ущерб безопасности государства, в частности и национальной безопасности в целом.

В связи с этим понимание режима секретности в ОРД является общетеоретической проблемой, решить которую можно лишь на основе детального

многостороннего анализа соответствующей терминологии как самостоятельной категории, ее фактического содержания, отражающего практику применения и формы, представляющие собой границы таких общественных отношений и установленные в них правила.

Во-первых, нужно отметить, что семиотический анализ дает нам следующее понимание основных терминов, применяемых нами в обозначенной области общественных отношений:

— «режим» — система правил, выполнение которых необходимо для той или иной цели [7, с. 927];

— «секретность» — это содержание в тайне, неразглашение посторонним лицам [7, с. 979].

Слово «секрет» используется в русском языке со времен Петра I и имеет польское или французское происхождение (от лат. *secretus* — отделенный, скрытый, тайна) [8]. «Секрет» и «секретный» традиционно в большей мере применяются в сфере охраны государственно значимой информации ограниченного доступа (государственные секреты).

В научной литературе понимание режима секретности значительно шире. Так, В. М. Корякин режим секретности (режим защиты государственной тайны) рассматривает как совокупность закрепленных в законодательстве и иных правовых актах правил, которыми ограничивают допуск лиц к секретным материалам и работам, регламентируют порядок использования секретных материалов, соответствующим образом регулируют поведение граждан, которые имеют отношение к секретам, и предусматривают иные меры защиты сведений, составляющих государственную тайну [9, с. 104—111].

Соответственно, согласно приведенной точке зрения, назначением режима секретности является ограничение сферы обращения секретных данных только кругом лиц, которые имеют оформленный в установленном порядке допуск к данным сведениям.

На наш взгляд, такое толкование изучаемого понятия ограничивается разработкой совокупности правил, при этом сама система конкретных действий организационного, тактического характера по защите государственной тайны не раскрыта.

С позиций системного подхода авторское определение термина «режим секретности» сформулировано также В. Н. Верютиным, который считает его тождественным с «режимом защиты государственной тайны». Под таковыми он понимает систему правовых, организационных и технических мер, устанавливаемую на общедоинформационном уровне с целью упорядочить оборот и защиту сведений, являющихся государственной тайной, от их противоправного распространения и утечки [10, с. 8]. По нашему мнению, при подобной трактовке режима

секретности нельзя ограничиваться лишь указанной целью. В подобном изложении изучаемого правового явления упущена система правовых и других регуляторов, которые направлены на организацию работы с защищаемыми сведениями.

Несколько иначе раскрывает содержание понятия «режим секретности» Р. В. Корсун. Он полагает, что им можно назвать комплекс закрепленных в нормативных правовых актах, в основном административно-правовых мер, по ограничению доступа к определенным сведениям, который вводится с момента обладания субъектом сведениями, составляющими государственную тайну, либо заблаговременно, т. е. перед передачей в его распоряжение данных сведений [11, с. 3].

Считаем, что в таком варианте определения понятия «режим секретности» не отражен момент окончания правоотношений, связанных с обеспечением режима секретности, а также не предусмотрена необходимость осуществления требуемого при этом комплекса правовых, организационных, технических мер.

Интересно мнение С. Ю. Верещагиной, которая под соблюдением режима секретности подразумевает норму поведения в служебной деятельности с определенными правилами обращения с секретными изделиями, документами и сведениями, составляющими служебную или государственную тайну [12].

Нам представляется, что такое определение изучаемого понятия несколько одностороннее. Автор, описывая таким образом соблюдение режима секретности, ограничивает его рамками соблюдения общепризнанных правил поведения и обращения с секретной информацией.

Н. В. Ерошенков рассматривает режим секретности в органах внутренних дел как нормативно урегулированный, единый для всей системы МВД России порядок выполнения определенных видов работ, обеспечивающий сохранность сведений, составляющих государственную и служебную тайну, а также конспиративность проводимых органами внутренних дел мероприятий по выполнению стоящих перед ними задач [13].

Безусловно, каждая из приведенных точек зрения имеет право на существование, однако их анализ свидетельствует о неоднозначном толковании понятия «режим секретности», особенно в теории ОРД, что оставляет место для попытки внести определенный вклад в исследование обозначенной проблемы.

Однако кроме проблем теоретического характера, не менее остро стоят проблемы практического обеспечения режима секретности в оперативно-разыскной деятельности. Их перечень, к сожалению, значителен. Обозначим лишь некоторые из них.

Как свидетельствует правоприменительная практика, одной из основных в повседневной оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел является проблема отнесения конкретных сведений к государственной или служебной тайне. Это, соответственно, влияет на объем и варианты принимаемых для их защиты правовых, организационных, технических мер. Негативно влияет на эту ситуацию то, что регламентирующие эти вопросы нормативные правовые акты далеки от совершенства.

Так, Инструкция по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденная приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755 [14], к ведомственной служебной информации ограниченного распространения относит несекретную информацию, касающуюся деятельности органов, организаций, подразделений системы МВД России, ограничения на распространение которых диктуются служебной необходимостью.

В этом определении для нас ключевым является словосочетание «несекретную информацию», т. е. не составляющую государственной тайны и не имеющую никакого отношения к режиму секретности в целом. Это подтверждается и ст. 1 названной Инструкции, где указано, что ее требования не распространяются на порядок обращения с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну.

До декабря 2018 г. правила обращения со служебной информацией (сведениями) ограниченного распространения и документами, ее содержащими, в системе МВД России регламентировались приказом МВД России «Об утверждении документов, регламентирующих порядок обращения со служебными сведениями ограниченного распространения» от 15 декабря 1997 г. № 825дсп (далее — приказ МВД России № 825дсп). Здесь же был приведен Примерный перечень служебных сведений ограниченного распространения и документов, их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России.

В приказе МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755 такой Примерный перечень уже не предусмотрен. Право относить служебную информацию к разряду ограниченного распространения в системе МВД России предоставлено Министру внутренних дел Российской Федерации и его заместителям, а также руководителям подразделений МВД России различного уровня.

Считаем важным отметить, что несмотря на схожесть комплекса защитных мер, предусмотренных

Инструкцией по обеспечению режима секретности в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 11 марта 2012 г. № 015 [15], и обозначенных ранее приказом МВД России № 825дсп, термины «сведения, составляющие государственную тайну» и «служебная информация ограниченного распространения», по нашему мнению, не тождественны, что подтверждается следующим.

Так, положениями ст. 2 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» предусмотрено, что под государственной тайной понимаются защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной деятельности и ОРД, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации.

Такая же трактовка содержится в Инструкции по обеспечению режима секретности в Российской Федерации, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 5 января 2004 г. № 3-1, а также в приказе МВД России от 11 марта 2012 г. № 015.

Значимым является также определение степени секретности соответствующей информации, что, в свою очередь, предопределяет различия в порядке засекречивания сведений и их носителей, в установлении ограничений на их распространение и доступ к их носителям. В законодательстве (ст. 8 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне») устанавливается три степени секретности и соответствующие им грифы (реквизиты).

Однако именно на законодательном уровне недостаточно четко и полно определены критерии, которые используются для отнесения сведений к той или иной степени секретности. Что же является основополагающим при решении вопроса о засекречивании информации? Где грань, отделяющая секретные сведения от несекретных?

Отчасти позволяют разрешить эту проблему Правила отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1995 г. № 870 [16], а также Правила разработки перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 23 июня 2005 г. № 443 [17].

Оба этих документа разработаны в соответствии с Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» и являются обязательными для исполнения органами государственной власти, руководители которых наделены полномочиями по отнесению сведений к государ-

ственной тайне, при разработке ими развернутого перечня сведений, подлежащих засекречиванию, а также другими органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями и организациями при подготовке предложений о включении в перечень сведений, собственниками которых они являются.

В соответствии с рассматриваемыми Правилами Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 был утвержден Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне. В этом Перечне приведены сведения, которые необходимо относить к государственной тайне с указанием государственных органов и организаций, наделенных полномочиями по распоряжению сведениями, отнесенными к государственной тайне.

На основании этого был разработан приказ МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580дсп, который закрепил Перечень сведений, подлежащих засекречиванию.

Согласно п. 2 Правил степень секретности сведений, составляющих государственную тайну, должна соответствовать степени тяжести ущерба, который может быть нанесен безопасности Российской Федерации вследствие распространения данных сведений.

В то же время, исходя из закрепленных в Правилах определений, сложно установить размер этого причиненного ущерба.

О важности и значимости процедуры засекречивания, правильности выбора степени секретности защищаемой информации говорит и тот факт, что была поставлена под сомнение законность включения в Перечень тех или иных сведений в области ОРД, подлежащих засекречиванию, что стало предметом разбирательства в Верховном Суде Российской Федерации, чего раньше не встречалось в судебной практике [18].

В связи с этим необходимо отметить, что такими учеными, как Р. Р. Мамлеев, И. С. Даянов, Р. М. Яппаров уже предпринимались попытки приравнять степень секретности информации к размеру ущерба (например, в денежном исчислении), который может наступить в случае утечки информации. Однако они не получили широкого распространения и одобрения не только в практической деятельности, но и в научной сфере [19].

Как, например, можно определить размер ущерба, наступившего в результате расшифровки лица, оказывающего конфиденциальное содействие? Или во сколько оценивается полная или частичная утрата информации, содержащейся в делах оперативного учета?

Полагаем, что виды и размер ущерба должны определяться индивидуально и отдельно для каждого конкретного объекта защиты государственной тайны.

Существуют и иные проблемные вопросы, связанные с обеспечением режима секретности в ОРД и требующие должного научного осмысления и практической реализации.

Подводя итог положениям, рассмотренным в настоящей статье, можно сделать вывод, что одним из первых шагов на пути их разрешения является определение термина «режим секретности в оперативно-разыскной деятельности» и закрепление его в нормах права. В качестве варианта, не пре-

тендующего на исключительность, под режимом секретности в оперативно-разыскной деятельности следует понимать нормативно закрепленную систему правил, выполнение которых обеспечит сохранение в тайне защищаемой информации, образующейся в процессе осуществления специальными субъектами оперативно-разыскных мероприятий в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Елинский В. И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности: моногр. М.: Изд. дом Шумиловой И. И., 2001. 228 с.

4. Павличенко Н. В. Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории: препринт. М.: Изд. дом Шумиловой И. И., 2008. 47 с.

5. Об утверждении Инструкции по обеспечению сохранности государственной тайны в системе МВД СССР: приказ МВД СССР № 0700-1975 г. Ст. 4.

6. О государственной тайне: закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (в ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 41. Ст. 8220—8235.

7. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2004. 1268 с.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.

9. Корякин В. М. Соблюдение режима защиты государственной тайны (режима секретности) как предмет общего надзора органов военной прокуратуры // Право в Вооруженных Силах. 2016. № 9—10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Верютин В. Н. Механизм административно-правового регулирования отношений в сфере государственной тайны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 24 с.

11. Корсун Р. В. Правовой институт государственной тайны и его отражение в законодательстве государств, входящих в СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 220 с.

1. National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 31 December 2015 No. 683. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Doctrine of Information Security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 5 December 2016 No. 646. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Yelinsky V. I. Foundations of Methodology of Theory of Operative and Detective Activity. Monograph. Moscow: I. I. Shumilova's Publishing House; 2001: 228.

4. Pavlichenko N. V. Secrecy in Operative and Detective Activity: Theory Issues. Preprint. Moscow: I. I. Shumilova's Publishing House; 2008: 47.

5. Order of the USSR Ministry of the Internal Affairs No. 0700-1975 "On Approval of the Instructions to Ensure State Secret in the System of the USSR Ministry of Internal Affairs". Art. 4.

6. Law of the Russian Federation dated 21 July 1993 No. 5485-1 "On State Secret" (as Amended on 08/03/2015). Collection of legislation of Russian Federation. 1997; 41: 8220—8235.

7. Large Explanatory Dictionary of the Russian language. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow: Limited Liability Company AST Publishing House, Limited Liability Company: Astrel Publishing House; 2004: 1268.

8. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Transl. from German and add. by O. N. Trubachyev. Moscow: Progress. 1987; 3: 832.

9. Koryakin V. M. Observance of Protection Mode of State Secret (Secrecy Mode) as Subject of General Supervision of the Military Prosecution Authorities. Law in the Armed Forces. 2016; 9—10. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

10. Veryutin V. N. Mechanism of Administrative and Legal Regulation of Relations in the Sphere of State Secret. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Voronezh; 2011: 24.

12. Верещагина С. Ю. Актуальные вопросы обеспечения режима секретности в деятельности оперативно-технических подразделений органов внутренних дел: лекция. Домодедово: ВИПК МВД России, 2001. 29 с.

13. Ерошенко Н. В. Формы и методы обучения сотрудников и работников органов внутренних дел, допущенных к государственной тайне, по вопросам обеспечения режима секретности // Актуальные проблемы оперативно-разыскной деятельности: сб. науч. тр. / под ред. Ю. С. Чичерина [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2016. 156 с.

14. О некоторых вопросах обращения со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России (вместе с «Инструкцией по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России»): приказ МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. О мерах по обеспечению режима секретности в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 11 марта 2012 г. № 015. [Опубл. не был].

16. Об утверждении Правил отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности: постановление Правительства РФ от 4 сентября 1995 г. № 870 (ред. от 13.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Об утверждении Правил разработки перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: постановление Правительства РФ от 23 июля 2005 г. № 443 (ред. от 18.03.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Определение Верховного Суда РФ от 9 ноября 2018 г. № АКПИ18-964. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Мамлеев Р. Р., Даянов И. С., Яппаров Р. М. Делопроизводство и режим секретности: хрестоматия. Уфа: УЮИ МВД России, 2014. 143 с.

© Катков С. В., Корнаухова Н. Г., 2019

11. Korsun R. V. Legal Institution of State Secret and its Reflection in the Legislation of the Independent States Union. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2007: 220.

12. Vereshchagina S. Yu. Topical Issues to Ensure Security Mode in Activity of the Operative-Technical Units of the Internal Affairs Bodies: Lecture. Domodedovo: VIPK of the Interior Ministry of Russia; 2001: 29.

13. Yeroshenkov N. V. Forms and Methods of Training Officers and Employees of the Internal Affairs Bodies to Have Access to State Secrets on Issues of Secrecy Mode Control. Topical Problems of Detective Activity: Collection of Scientific Works. Ed. by Yu. S. Chicherin [and others]. Volgograd: Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia; 2016: 156.

14. On some issues of handling restricted official service information in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation system (together with the "Instructions on the organization of activities for handling limited official service information in the Russian Ministry of Internal Affairs system"). Order of the Interior Ministry of Russia dated 9 November 2018 No. 755. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

15. On Measures to Ensure Security Mode in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. Order of the Interior Ministry of Russia dated 11 March 2012 No. 015. [Text of the document was not officially published].

16. On Approval of the Rules to Classify Information Related to a State Secret into Various Degrees of Security Mode. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04 September 1995 № 870 (as amended on 13/07/2015). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

17. On Approval of the Rules to Develop the List of Information to Be Classified as a State Secret. Decree of the Government of the Russian Federation dated 23 July 2005 № 443 (as Amended on 18/03/2016). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

18. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 November 2018 № АКПИ18-964. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

19. Mamleyev R. R., Dayanov I. S., Yapparov R. M. Record Management and Security Mode. Reader. Ufa: Ufa Law Institute of the Interior Ministry of Russia; 2014: 143.

© Katkov S. V., Kornaukhova N. G., 2019

Катков Сергей Владимирович,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: skatkov11@mvd.ru

Корнаухова Наталья Геннадьевна,
заместитель начальника кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: nkornaukhova@mvd.ru

Katkov Sergey Vladimirovich,
associate professor at the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia
Candidate of Juridical Sciences;
e-mail: skatkov11@mvd.ru

Kornaukhova Nataliya Gennadiyevna,
deputy head of the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia;
e-mail: nkornaukhova@mvd.ru

* * *

Я. А. Климова, М. А. Шматов

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Актуальность проблемы оптимизации правового статуса прокурора в современном уголовном процессе России обусловлена наличием большого количества пробелов и коллизий в законодательной регламентации роли прокурора как участника уголовного судопроизводства. Особое внимание в статье уделено вопросам, связанным с реализацией прокурором возложенных на него полномочий на досудебных стадиях уголовного процесса. Анализ точек зрения различных ученых, правоприменительной практики и последних изменений законодательства позволил авторам прийти к выводу о необходимости повышения роли прокурора с целью эффективного решения задач уголовного судопроизводства. В настоящее время противоречивость позиции законодателя в отношении правового статуса прокурора в досудебном производстве по уголовным делам влечет существенное снижение эффективности его надзорной функции и конкретных полномочий по реализации уголовного преследования. В связи с этим авторы полагают, что необходимо наделить прокурора бóльшим объемом полномочий на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Ключевые слова: полномочия прокурора, уголовный процесс, досудебное производство, функции прокурора, статус прокурора, оптимизация полномочий прокурора.

Ya. A. Klimova, M. A. Shmatov

OPTIMISATION OF PROSECUTOR'S LEGAL STATUS IN CRIMINAL PROCEDURE

The problem of optimizing prosecutor's legal status in the modern criminal process in Russia is critical due to many gaps and collisions in legal regulation of the prosecutor's role as a participant in the criminal procedure. Special attention is paid in the article to issues, related to implementation by the prosecutor of the duties entrusted with him (her) at pre-trial stages of the criminal procedure. Analysis of views of various scientists, enforcement practice and latest revisions of the legislation made it possible for the authors to draw a conclusion about necessity in rising the prosecutor's role for efficient solution of criminal procedure tasks. At present the absence of clear-cut lawmaker's position regarding the prosecutor's legal status in pre-trial procedure on criminal cases results in dramatic loss of efficiency in legal regulation of prosecutors' concrete powers in realizing their process functions. In respect thereof, the authors presumes that a prosecutor should be granted vast powers at the initiation stages of criminal case and preliminary investigation.

Key words: prosecutor powers, criminal process, pre-trial procedure, prosecutor's functions, prosecutor's status, optimization of criminal procedure.

Поиск оптимальной модели правовой регламентации статуса прокурора в досудебном производстве не прекращается на протяжении длительного времени, однако особую актуальность он приобрел в течение последних десятилетий. Необходимость обеспечения баланса публичного интереса, заключающегося в быстром и адекватном реагировании на факт совершенного преступления, и частного интереса конкретных лиц, пострадавших от противоправных деяний либо подвергаемых уголовному преследованию, требует от законодателя выверенного подхода к созданию действенных механизмов защиты прав и свобод

личности. По справедливому замечанию профессора Е. А. Зайцевой, вмешательство в права человека со стороны публичных субъектов уголовного процесса должно быть соразмерно целям судопроизводства, а законодательство и практика должны содержать достаточно гарантий для защиты личности от злоупотреблений [1, с. 42]. Именно этим обуславливается острая необходимость детерминации роли прокурора как главного гаранта соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства в условиях непрекращающегося реформирования и модернизации отечественного уголовного процесса.

Существующая потребность достижения разумного баланса между надзорными полномочиями прокурора за органами предварительного расследования и его самостоятельными уголовно-процессуальными функциями исторически оправдана. Ретроспективный анализ позволяет выявить следующую закономерность: необоснованное усиление либо ослабление процессуальной роли прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства в разные периоды истории с неизбежностью вели к негативным последствиям в виде серьезных упущений в механизме обеспечения реализации прав участников уголовного процесса.

Правовой статус прокурора в уголовном процессе законодателем постоянно корректировался. Так, основу законодательства советского периода составляла идея о том, что надзор за соблюдением законности в ходе производства по уголовному делу — это главная и единственная функция прокурора. Современная уголовно-процессуальная доктрина признает полифункциональность деятельности прокурора. Считаем справедливым мнение Л. М. Володиной, считающей, что «метания» законодателя в регламентации статуса прокурора свидетельствуют об отсутствии глубоко продуманной концепции уголовного судопроизводства [2, с. 87].

В непрекращающейся дискуссии о статусе прокурора в уголовном процессе можно выделить две основные позиции. Сторонники первой считают, что, несмотря на существующий дисбаланс правовой регламентации полномочий, прокурору в досудебном производстве отводится руководящая роль. Так, по мнению Т. А. Беккер, прокурор, являясь ключевой фигурой, обеспечивает устранение препятствий для дальнейшего движения уголовного дела в судебные стадии уголовного судопроизводства путем выявления, пресечения и исправления ошибок предварительного расследования [3, с. 217]. Схожей точки зрения придерживаются В. К. Гавло и Н. А. Дудко, рассматривающие прокурорский надзор в качестве эффективной формы контроля за предварительным расследованием, способствующей быстрому выявлению и устранению пробелов и ошибок [4, с. 75]. Согласно суждению Г. Н. Королева, прокурор, хотя и с ограниченными возможностями, все же сохранил ведущую роль в осуществлении уголовного преследования [5, с. 6]. А. Д. Назаров и А. С. Шагинян, рассуждая о роли прокурора, констатируют, что и в настоящее время прокурорская власть могущественна [6, с. 121].

Противоположного мнения придерживается Т. К. Рябинина, считающая что прокурор больше не является хозяином предварительного рассле-

дования [7, с. 44]. Более категоричен А. Б. Соловьев, по мнению которого изменения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) превратили прокурора в «декоративную» фигуру, лишенную возможности реального осуществления надзора [8, с. 14]. В. Б. Ястребов, анализируя процессуальный статус прокурора, приходит к выводу, что уменьшение объема его полномочий оказалось настолько значительным, что послужило причиной возникновения мнения, согласно которому надзорные позиции в отношении органов предварительного следствия прокурором почти полностью утрачены [9, с. 11]. Схожей позиции придерживаются А. В. Пивень и Ю. Д. Кашапова, по мнению которых полномочия прокурора на сегодняшний день значительно урезаны, несмотря на то, что деятельность прокуроров в уголовном судопроизводстве является многогранной и многофункциональной [10, с. 60].

Полагаем, что активный поиск оптимальной модели правового статуса прокурора, результатом которого стало значительное изменение объема его процессуальных полномочий, не мог не сказаться на правовом положении прокурора, однако его роль в обеспечении правового режима защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства остается существенной. Основная проблема заключается в том, что для эффективного выполнения своих задач у прокурора не хватает реальных «рычагов» воздействия. Причину этого мы видим в отсутствии грамотной законодательной политики в сфере уголовного процесса, в непоследовательности реформирования деятельности прокурора и определении его правового статуса.

Законодатель, стараясь своевременно реагировать на появление новых общественных отношений, в попытке скорейшего их нормативного урегулирования зачастую забывает о необходимости соблюдения принципов юридической техники. В результате этого нарушаются правила обеспечения логики права и, как следствие, возникают различные правовые коллизии и лакуны, в частности в процессуальной регламентации полномочий прокурора.

Так, в качестве яркого примера можно привести лишение прокурора полномочия возбуждать уголовные дела.

В соответствии с положениями ст. 21 УПК РФ уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют *прокурор*, а также следователь и дознаватель. В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают меры по установлению события преступ-

ления, избличению лица или лиц, виновных в совершении преступления [11].

Системный анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод, что началом уголовного преследования следует считать не просто момент, когда прокурор, следователь, орган дознания, дознаватель обнаруживают признаки преступления, а именно момент, с которого начинается непосредственное осуществление деятельности по избличению в совершении преступления конкретного лица.

Однако в силу ст. 144 УПК РФ принимать и проверять сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении уполномочены только дознаватель, орган дознания, следователь и руководитель следственного органа. Исходя из буквального толкования этих установлений закона, прокурор, не имея соответствующего полномочия по проверке сообщения о преступлении и принятию по нему решения, должен отказать заявителю в приеме сообщения о преступлении.

Имеющуюся правовую лауну попытались заполнить ведомственным регулированием. Так, исходя из положений п. 1.2 приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 212 «О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях», прокуроры самостоятельно не вправе разрешать сообщения о преступлениях, в связи с этим сообщения, поступившие в органы прокуратуры, должны незамедлительно фиксироваться в Книге учета сообщений о преступлениях и безотлагательно передаваться в орган, который уполномочен рассматривать их в соответствии со ст. 144, 151 УПК РФ [12].

Однако, согласно п. 3.3 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 января 2013 г. № 45, обращения, адресованные органам предварительного расследования, но поступившие в органы прокуратуры, а также обращения, адресованные прокурорам, но содержащие вопросы, относящиеся к компетенции органов следствия и дознания, ходатайства в порядке ст. 119 и 120 УПК РФ, разрешение которых отнесено к компетенции органов предварительного расследования, должны быть зарегистрированы, предварительно рассмотрены и только после этого направлены в соответствующие органы с одновременным извещением заявителей о принятом решении. Если в адресованных прокурорам обращениях содержатся вопросы, разрешение которых отнесено как к их компетенции, так и к компетенции органов предварительного

расследования, такие обращения подлежат разрешению в соответствующих прокуратурах. Копии обращений не позднее 7 дней со дня регистрации направляются в соответствующие органы следствия или дознания с обязательным уведомлением заявителя [13].

Такой подход противоречит положениям Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН), закрепляющим право лиц, которым причинен вред в результате действия или бездействия, нарушающего национальные уголовные законы, на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством и обязывающим государство оказывать содействие, в результате которого судебные и административные процедуры в большей степени будут отвечать потребностям этих лиц, в том числе путем обеспечения возможности изложения и рассмотрения их мнений и пожеланий в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, но без ущерба для обвиняемых и согласно национальной системе уголовного правосудия (пп. 1, 4 и 6) [14].

Согласно правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации одним из важных факторов, обуславливающих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность их защиты, а передача материалов из одного ведомства в другое явно влечет увеличение сроков принятия решений [15, с. 4—25].

Согласимся с мнением В. А. Лазаревой, считающей это неприемлемым решением проблемы, поскольку существует потребность в более эффективных и своевременных средствах прокурорского реагирования вместо бесконечной переписки прокурора с руководителем следственного органа [16].

Очевидно, что возвращение прокурору полномочий возбуждать уголовные дела будет способствовать укреплению его правового статуса в уголовном судопроизводстве. Расширение прокурорских полномочий на стадии возбуждения уголовного дела усилит гарантии законности в этой сфере и повысит эффективность работы органов предварительного расследования.

В подтверждение своей позиции мы считаем целесообразным привести результаты исследования полномочий прокуроров иностранных государств в уголовном судопроизводстве, проведенного С. П. Щербой, В. Н. Додоновым, Е. А. Архиповой. В рамках исследования были изучены полномочия прокурора в 64 странах: Австралии,

Австрии, Азербайджана, Аргентины, Армении, Белоруссии, Бельгии, Болгарии, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Вьетнама, Германии, Греции, Грузии, Дании, Египта, Израиля, Индии, Ирландии, Испании, Италии, Казахстана, Канады, Кипра, КНР, Колумбии, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Люксембурга, Мексики, Молдовы, Монголии, Нидерландов, Новой Зеландии, Норвегии, Панамы, Перу, Польши, Португалии, Республики Корея, Румынии, Сербии, Сингапура, Словакии, Словении, США, Таджикистана, Таиланда, Туркменистана, Турции, Узбекистана, Украины, Финляндии, Франции, Хорватии, Черногории, Чехии, Швейцарии, Швеции, Эстонии, ЮАР, Японии. Во всех этих странах прокуроры или должностные лица, наделенные аналогичным функционалом, вправе возбуждать уголовные дела (начинать уголовное преследование) [17, с. 96—98].

На необходимость повышения эффективности прокурорского надзора, в том числе в досудебном производстве, указал Президент России В. Путин на расширенном заседании коллегии прокуратуры, состоявшемся 19 марта 2019 г. Президент обратил внимание на то, что одним из приоритетных направлений работы прокуратуры остается координация действий правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Подчеркнул важность совершенствования механизмов взаимодействия с МВД, Следственным комитетом и другими ведомствами для снижения уровня криминала, экстремизма, коррупции, дал указание прокурорам настаивать на строгом соблюдении закона при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях, а также при оформлении и передаче статистической информации. В своем обращении В. Путин также акцентировал внимание на необходимости своевременного осуществления надзора за качеством расследования уголовных дел, причем

на всех этапах следствия. Отдельно Президент указал на обязанность строго соблюдать требования уголовно-процессуального законодательства о разумных сроках уголовного судопроизводства [18].

Так, статистические данные свидетельствуют о заметном падении качества предварительного расследования и малоэффективности внутриведомственного контроля в органах расследования. За период январь—август 2018 г. количество выявленных нарушений при производстве следствия и дознания возросло на 5,8 % по сравнению с аналогичным показателем прошлого года, а в 2019 г. этот показатель возрос еще на 5,6 %. Количество требований об устранении нарушений законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ также постоянно увеличивается: в 2018 г. этот показатель вырос на 11,1 % и продолжил свой рост в 2019 г. — на 6,8 %. Число должностных лиц органов предварительного расследования, привлеченных к дисциплинарной ответственности по инициативе прокуроров, также увеличивается (в 2018 г. рост составил 9,5 %, а в 2019 г. — 8,1 %). Эти показатели подтверждают необходимость системного совершенствования регламентации надзорных полномочий прокурора.

Отдельно стоит остановиться на необходимости возвращения прокурору полномочия самостоятельно возбуждать уголовные дела. Согласно данным статистики, в 2019 г. наблюдается существенный рост количества направленных материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ на 14,9 %. При этом число возбужденных уголовных дел по материалам, направленным прокурором, стабильно растет год от года (в 2018 г. — на 4,5 %, в 2019 г. — на 13 %) (табл. 1) [19].

Таблица 1

Надзор прокурора за исполнением законов в досудебном уголовном производстве

Наименование показателя	8 месяцев 2017 г.	8 месяцев 2018 г.	% (+;-)	8 месяцев 2019 г.	% (+;-)
Всего выявлено нарушений законов, из них:	3 469 801	3 474 890	0,1	3 481 812	0,2
— при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении	2 555 335	2 507 800	-1,9	2 460 456	-1,9
— при производстве следствия и дознания	914 466	967 090	5,8	1 021 356	5,6
Направлено требований об устранении нарушений законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ	183 636	203 968	11,1	217 841	6,8

Направлено материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ	3 865	3 672	-5,0	4 219	14,9
Возбуждено уголовных дел по материалам, направленным прокурором в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ	3 030	3 166	4,5	3 578	13,0
Привлечено лиц к дисциплинарной ответственности	111 647	122 272	9,5	132 196	8,1

Считаем правильным присоединиться к мнению прокурора А. В. Петрова, полагающего, что законодатель, предоставив прокурору вместо права возбуждения уголовного дела полномочие о направлении материалов для решения вопроса об уголовном преследовании, тем самым закрепил многоступенчатый и неэффективный способ реагирования прокурора на обнаруженные признаки преступления [20, с. 232]. Его мысль развивают ученые-процессуалисты А. Г. Халиулин, К. И. Амирбеков, С. Е. Егоров, признающие явно препятствующим реализации назначения уголовного судопроизводства положение, согласно которому прокурор, выявляя в ходе проверки признаки совершенного преступления, не может немедленно возбудить уголовное дело и направить его для расследования, а вынужден направить материалы в следственный орган [21, с. 78]. Проведенный в 2013 г. опрос правоприменителей из шести субъектов РФ, осуществленный Е. Н. Гринюк и Е. А. Зайцевой, показал, что за возвращение прокурору права самостоятельно возбуждать уголовные дела высказываются 89 % проанкетированных работников прокуратуры [22, с. 151].

Недостаточный объем полномочий, предоставленный законодателем прокурору в связи с возбуждением уголовного дела, препятствует эффективной реализации его надзорной функции при контроле качества решений, принимаемых по поступившим сообщениям о преступлениях. В частности, следует сказать о требованиях, закрепленных в ч. 4 ст. 146 УПК РФ, в соответствии с которыми копия постановления руководителя следственного органа, следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела незамедлительно направляется прокурору, и в ч. 4 ст. 148 УПК РФ, согласно которой копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется прокурору. Толкование данных норм позволяет сделать вывод об обязательном сообщении прокурору самого факта принятия решения. Однако очевидно, что проверку

законности принятия решения невозможно провести без материалов, на основании которых оно было принято. В связи с этим считаем правильным присоединиться к мнению Н. А. Колоколова, акцентирующего внимание на ущербности прокурорского надзора именно ввиду отсутствия у прокурора свободного доступа к делу [23, с. 191].

Один из перспективных вариантов решения данной проблемы мы видим в реализации права прокурора по мотивированному письменному запросу ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела посредством получения их в электронной форме. Здесь считаем интересным привести исследование М. О. Медведевой, предлагающей внедрить систему электронного документооборота с упрощенным порядком пользования для лиц, наделенных соответствующими полномочиями [24, с. 109]. Такая система будет способствовать отслеживанию порядка, сроков принятия процессуальных решений без непосредственного истребования дела у должностного лица при наличии у прокурора обеспечивающего доступ к электронному документу информационного ключа.

Полагаем, это будет способствовать повышению эффективности прокурорского надзора и, как результат, соблюдению разумного срока расследования, упрощению доступа к правосудию с целью восстановления нарушенных прав и получения необходимой компенсации потерпевшего.

Обозначенные в настоящей статье проблемы действительно являются принципиальными для выстраивания должной системы регулирования статуса прокурора. Остается надеяться на то, что законодатель наконец обратит свое внимание на наличие существенных противоречий в правовой регламентации правомочий прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства и обеспечит гармоничное нормативное регулирование его процессуального положения, соответствующее тем важным функциям, которые реализует прокурор на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Для совершенствования полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела считаем целесообразным изложить ряд положений УПК РФ в следующей редакции:

— ч. 4 ст. 20: «*Прокурор*, руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель возбуждают уголовное дело о любом преступлении...»;

— ч. 3 ст. 21: «*Прокурор*, руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель в случаях...»;

— ч. 2 ст. 37: «2) *возбудить уголовное дело в порядке, установленном настоящим Кодексом, отказывать в возбуждении уголовного дела, раз-*

решать вопрос целесообразности уголовного преследования»;

— ч. 4 ст. 146: «Копия постановления руководителя следственного органа, следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела *вместе с материалами, послужившими основанием для возбуждения уголовного дела, незамедлительно направляются прокурору*»;

— ч. 4 ст. 148: «Копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела *вместе с материалами, послужившими основанием для отказа в возбуждении уголовного дела, в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю и прокурору*».

1. Зайцева Е. А. Регламентация судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и пути совершенствования // Судебная экспертиза. 2016. № 1 (45). С. 38—45.

2. Володина Л. М. Уголовное судопроизводство: состояние и проблемы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 86—89.

3. Беккер Т. А. Прокурор как субъект предварительного уголовного производства и его роль в предотвращении ошибок суда // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1 (46). С. 216—221.

4. Гавло В. К., Дудко Н. А. Необходимость совершенствования института возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2 (66). С. 74—77.

5. Королев Г. Н. Единство и дифференциация функции уголовного преследования // Законность. 2007. № 9. С. 5—7.

6. Назаров А. Д., Шагинян А. С. Роль прокурора в устранении следственных ошибок // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 121—128.

7. Рябинина Т. К. И вновь к вопросу о правовом статусе прокурора в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1. С. 41—45.

8. Соловьев А. Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 10—16.

9. Ястребов В. Б. Процессуальный статус прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: нормативное правовое регулирование и перспективы развития // Российский следователь. 2012. № 6. С. 11—13.

10. Пивень А. В., Кашапова Ю. Д. Актуальные проблемы процессуального статуса прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроиз-

1. Zaytseva E. A. Regulation of forensic examination at the initiation stage of criminal case: modern status and ways of improvement. Forensic examination. 2016; 45 (1): 38—45.

2. Volodina L. M. Criminal procedure: status and problems of development. Bulletin of economic security. 2016; 5: 86—89.

3. Bekker T. A. Prosecutor as a subject of preliminary criminal procedure and his role in preventing court errors. Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2016; 46 (1): 216—221.

4. Gavlo V. K., Dudko N. A. Necessity in improving the institute of returning criminal cases by court for additional investigation. News of the Altay State University. 2010; 66 (2-2): 74—77.

5. Korolev G. N. Unity and differentiation of criminal persecution function. Zakonnost. 2007; 9: 5—7.

6. Nazarov A. D., Shaginyan A. S. Prosecutor's role in eliminating investigation errors. Criminal justice. 2017; 10: 121—128.

7. Ryabinina T. K. Back to the issue of prosecutor's legal status in criminal procedure. Criminal procedure. 2008; 1: 41—45.

8. Solovyev A. B. Problem of ensuring law during preliminary investigation due to revision of prosecutor's procedural status. Criminal procedure. 2007; 3: 10—16.

9. Yastrebov V. B. Prosecutor's procedural status at pre-trial stages of criminal procedure: legal regulation and prospects of development. Russian investigator. 2012; 6: 11—13.

10. Piven A. V., Kashapova Yu. D. Vital problems of prosecutor's procedural status at pre-trial stages of criminal procedure. Modern innovations. 2019; 31 (3): 60—63.

11. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: federal. Act of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on August 2,

водства // Современные инновации. 2019. № 3 (31). С. 60—63.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 02.08.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 212. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 января 2013 г. № 45 (в ред. от 21.09.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью: принята Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. // Советская юстиция. 1992. № 9—10.

15. Шабунин В. А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 222 с.

16. Лазарева В. А. Долгожданное изменения в статусе прокурора (закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ) // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. URL: <http://www.center-bereg.ru/j1028.html> (дата обращения: 24.10.2019).

17. Щерба С. П., Додонов В. Н., Архипова Е. А. Полномочия прокуроров иностранных государств в уголовном судопроизводстве и вне уголовно-правовой сферы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 3 (53). С. 94—102.

18. Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60100> (дата обращения: 19.10.2019).

19. Официальная статистика. Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 28.10.2019).

20. Петров А. В. Проблемные вопросы теории и практики прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела // Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (39). С. 229—235.

21. Амирбеков К. И., Егоров С. Е., Халиулин А. Г. Функции прокуратуры России в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 6(26). С. 70—80.

2019). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

12. On the procedure for recording and reviewing reports of crimes in the prosecution authorities of the Russian Federation: Order of the General Prosecutor of the Russian Federation dated December 27, 2007 No. 212. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

13. On approval and enforcement of the Instructions on the procedure for considering applications and admission of citizens in the bodies of the prosecutor's office of the Russian Federation: Order of the General Prosecutor of the Russian Federation dated January 30, 2013 No. 45 (as amended on September 21, 2018). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

14. Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power: adopted by Resolution 40/34 of the UN General Assembly of November 29, 1985. Soviet Justice; 1992: 9—10.

15. Shabunin V. A. Head of investigation body: regulation and practice of procedural functions and powers. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Saratov; 2013: 222.

16. Lazareva V. A. Long awaited revision in prosecutor's status (law No. 404-FZ of 28 December 2010). Criminal procedure. 2011; 3. Available from: <http://www.center-bereg.ru/j1028.html>. Accessed: 24 October 2019.

17. Shcherba S. P., Dodonov V. N., Arkhipova E. A. Prosecutor's powers abroad in criminal procedure and outside of criminal sphere. Bulletin of the Academy under the Russian Federation General Prosecutor's office. 2016; 53 (3): 94—102.

18. Russian President. Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/60100>. Accessed: 28 October 2019.

19. Official statistics. Russian Federation General Prosecutor's office. Available from: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data>. Accessed: 28 October 2019.

20. Petrov A. V. Problematic issues in theory and practice of prosecutor's supervision at the stage of initiating a criminal case. Humanitarian research. 2011; 39 (3): 229—235.

21. Grinyuk E. N., Zaitseva E. A. The role of the prosecutor in ensuring the rights of participants in pre-trial criminal proceedings. Monograph. Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia; 2013: 221.

22. Amirbekov K. I., Yegorov S. Ye., Khaliulin A. G. Functions of the Russian Prosecutor's office in criminal procedure. Bulletin of the Academy under the Russian Federation General Prosecutor's office. 2011; 26 (6): 70—80.

22. Гринюк Е. Н., Зайцева Е. А. Роль прокурора в обеспечении прав участников досудебного производства по уголовным делам: моногр. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 212 с.

23. Колоколов Н. А. Кто контролирует «Главного следователя» страны? // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 188—196.

24. Медведева М. О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 250 с.

23. Kolokolov N. A. Who controls the Chief investigator of the country? Bulletin of the Moscow University of the Russia Ministry Interior. 2013; 9: 188—196.

24. Medvedeva M. O. Criminal and procedural form of information technologies: modern state and key directions of development. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2018: 250.

© Klimova Ya. A., Shmatov M. A., 2019

© Климова Я. А., Шматов М. А., 2019

Климова Яна Александровна,

старший преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук;
e-mail: musisss@rambler.ru

Шматов Михаил Андреевич,

профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор педагогических наук, профессор

Klimova Yana Aleksandrovna,

senior lecturer at the administrative activities and public order maintenance department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences;
e-mail: musisss@rambler.ru

Shmatov Mikhail Andreyevich,

professor at the department of preliminary investigation of the training and scientific complex of the preliminary investigation in the law-enforcement bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of pedagogical sciences, professor

* * *

П. Н. Коновалов

**СПЕЦИФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛУЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ВРАЧЕБНУЮ ТАЙНУ,
НА ДОСУДЕБНОМ ЭТАПЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Институт врачебной тайны является межотраслевым и регулируется, в том числе, нормами уголовно-процессуального законодательства. Это обусловлено необходимостью правового отграничения пределов вмешательства государства в данную сферу при соблюдении интересов следствия и всех участников уголовного судопроизводства. Целями настоящей работы являются: исследование характера норм, регулирующих механизм получения правоохранительными органами сведений, составляющих врачебную тайну, в ходе досудебного производства по уголовным делам; выявление особенностей получения указанных сведений на стадии возбуждения уголовного дела и при производстве следственных действий, а также трудностей, связанных с их получением. В статье рассмотрены основные специфические аспекты правового регулирования получения сведений, составляющих врачебную тайну, при производстве предварительного расследования уголовных дел. В результате проведенного анализа выявлен ряд проблем, связанных с получением указанных сведений. Проанализированы нормы, носящие императивный характер по отношению к лицу, ведущему предварительное расследование по уголовному делу в части получения сведений, составляющих врачебную тайну. Изучены особенности получения таких сведений на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: врачебная тайна, уголовный процесс, предварительное расследование, получение сведений, выемка, возбуждение уголовного дела.

P. N. Konovalov

**SPECIFIC ASPECTS OF OBTAINING INFORMATION CONSTITUTING MEDICAL SECRECY
AT THE PRE-TRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

The institute of medical secrecy is interdisciplinary and is regulated, by the rules of criminal procedure legislation in connection with the need for legal delimitation of the limits of state intervention in this area, with respecting the interests of the investigation and all participants in criminal proceedings. The objectives of this work are: to study the nature of the rules governing the mechanism of obtaining information by law enforcement agencies, constituting medical secrecy in the course of pre-trial proceedings in criminal cases; to identify the features of obtaining these information at the stage of initiation of criminal proceedings and in investigative proceedings, as well as difficulties associated with obtaining the information. The article deals with the main specific aspects of the legal regulation of obtaining information constituting medical secrecy in the production of preliminary investigation of criminal cases. As a result of the analysis, a number of problems in obtaining this information were identified. The norms of mandatory nature in relation to the person conducting a preliminary investigation in a criminal case in terms of obtaining information constituting medical secrecy are considered. The features of obtaining information constituting medical secrecy at the stage of initiation of criminal proceedings are studied.

Key words: medical secrecy, criminal procedure, preliminary investigation, obtaining information, seizure, initiation of criminal proceedings.

Качество и полнота расследования уголовных дел напрямую зависят от установления лицом, ведущим предварительное расследование, обстоятельств, подлежащих доказыванию. Зачастую это представляется невозможным без вмешательства в сферу прав и свобод граждан, в особенности при получении сведений, составляющих охраняемую законом тайну. Как показывает прак-

тика расследования уголовных дел, наиболее распространенным случаем государственного вмешательства в сферу охраняемой законом тайны является получение сведений, составляющих врачебную тайну.

Данные сведения необходимы для расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с причинением вреда здоровью, преступлениях

против половой неприкосновенности, в отдельных случаях при расследовании преступлений имущественного и экономического характера, а также по категориям уголовных дел, по которым в отношении лица, совершившего противоправное деяние, могут быть применены принудительные меры медицинского характера или меры воспитательного воздействия. Сведения, составляющие врачебную тайну, служат средством для выяснения наличия основания и повода для возбуждения уголовного дела, установления степени тяжести вреда здоровью, способа совершения преступления, формы вины, а это необходимо, в свою очередь, для верной квалификации совершенного преступления, привлечения к ответственности виновных лиц и реализации права потерпевших на возмещение вреда, причиненного преступлением.

Обеспечение интересов следствия при расследовании указанных категорий дел достигается, в том числе, посредством проведения судебных экспертиз на основании документов, содержащих сведения, составляющие врачебную тайну.

Врачебная тайна, являясь личной тайной, доверенной врачу, относится к так называемым профессиональным тайнам. Право на неразглашение врачебной тайны принадлежит к числу основных конституционных прав человека и гражданина [1, с. 190].

Право на врачебную тайну, конфиденциальность медицинских данных — это право пациента на неразглашение без его согласия информации о факте обращения за медицинской помощью, состоянии его здоровья, диагнозе и иных сведениях медицинского и немедицинского характера, полученных от него самого или в процессе обследования и лечения лицами, которым они стали известны при обучении, исполнении профессиональных, служебных и иных обязанностей, за исключением случаев, установленных законодательством [2, с. 53].

Как справедливо отмечает И. В. Смолькова, «врачебная тайна имеет важное значение для личности: она способствует охране чести, достоинства и здоровья граждан. Поскольку свобода личности, честь и достоинство, здоровье населения являются социальными категориями, врачебная тайна имеет и общественное значение» [3, с. 112].

Сохранение врачебной тайны является одним из основных принципов врачебной деятельности еще со времен зарождения самой медицины. С развитием государства и права указанный принцип получил законодательное закрепление как на национальном, так и на международном уровне.

Институт врачебной тайны в Российской Федерации является межотраслевым и регулируется

широким спектром нормативных правовых актов. Конституция Российской Федерации как высший по своей юридической силе нормативный правовой акт национального законодательства в ч. 1 ст. 23 устанавливает право каждого гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Однако из этого правила имеется исключение. Данные права могут быть ограничены в ходе уголовного судопроизводства.

Случаи обязательного получения сведений, составляющих врачебную тайну, на досудебном этапе уголовного судопроизводства

Наиболее детально врачебная тайна в Российской Федерации регулируется Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ.

Статья 13 указанного закона закрепляет определение понятия врачебной тайны; предписание о неразглашении посторонними лицами; регулирует случаи, когда сведения могут быть разглашены, а именно — с письменного согласия пациента или его представителей в научных, обучающих или исследовательских целях; регламентирует ситуации, когда информация может разглашаться по закону без согласия гражданина.

Рассматриваемая норма содержит исчерпывающий перечень случаев, когда сведения, составляющие врачебную тайну, могут быть переданы третьим лицам, не являющимися сторонами правоотношений «пациент — врач».

В рамках настоящего исследования особенно интересны следующие случаи предоставления данных сведений третьим лицам:

— при проведении расследования и наличии запроса со стороны правоохранительных органов, судебных или иных уполномоченных инстанций;

— здоровью причинен вред в результате противоправных действий.

С одной стороны, в некоторых случаях закон напрямую обязывает правоохранительные органы получать сведения, составляющие врачебную тайну, и с другой — также устанавливается предписание медицинским учреждениям предоставлять указанные сведения правоохранительным органам, в том числе по собственной инициативе (речь идет о случаях, когда характер повреждений говорит о противоправных действиях по отношению к гражданину).

К правовым нормам, обязывающим лицо, ведущее предварительное расследование по уголовному делу, получать сведения, составляющие врачебную тайну, можно отнести нормы, закрепленные в ст. 196 и 434 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Статья 196 УПК РФ закрепляет обстоятельства, при которых назначение судебных экспертиз обязательно, и все они напрямую связаны с получением сведений, составляющих врачебную тайну. Без получения данных сведений производство экспертизы невозможно.

В свою очередь ст. 434 УПК РФ закрепляет, среди прочих, два обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве о применении принудительных мер медицинского характера.

К ним относятся:

— наличие у лица психических расстройств в прошлом, степень и характер психического заболевания в момент совершения деяния, запрещенного уголовным законом, или во время производства по уголовному делу;

— характер психического расстройства, а именно: связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда.

Исходя из логики данных норм, законодательное закрепление обстоятельств, при которых назначение судебных экспертиз обязательно, и обстоятельств, входящих в предмет доказывания, при решении вопроса о применении принудительных мер медицинского характера, обязывает лицо, ведущее расследование, получать сведения, составляющие врачебную тайну. Эти нормы носят императивный характер и являются обязательными для исполнения.

Данные обстоятельства служат отличительной чертой уголовно-процессуального регулирования получения сведений, составляющих врачебную тайну, в сравнении с регулированием получения сведений, составляющих иные охраняемые законом тайны.

Правовая специфика производства выемки сведений, составляющих врачебную тайну

Согласно общему правилу уголовно-процессуального законодательства механизм получения сведений, составляющих охраняемую законом тайну, при расследовании уголовных дел регламентируется ч. 3 ст. 182 УПК РФ. Он представляет собой отдельное следственное действие — выемку предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард. Это следственное действие производится исключительно на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

В данном случае речь идет о получении сведений, составляющих охраняемую законом тайну,

в том числе врачебную, в ходе конкретного следственного действия, проводимого по судебному решению и исключительно после возбуждения уголовного дела.

Выемка — следственное действие, сущность которого заключается в изъятии (при необходимости — принудительном) компетентным должностным лицом на основаниях и в порядке, предусмотренных законом, предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, если точно известно, где и у кого они находятся [4, с. 216]. Это следственное действие направлено на бессрочное и безвозвратное изъятие предметов и документов, которые в дальнейшем могут быть признаны доказательствами и приобщены к материалам уголовного дела.

Анализ уголовно-процессуального законодательства и практики расследования уголовных дел позволяет сделать вывод, что получение сведений, составляющих врачебную тайну, является лишь этапом в получении новых доказательств — заключений экспертов, за исключением случаев, когда сами изъятые документы сохранили следы преступления.

Безвозмездное и бессрочное изъятие отдельных носителей сведений, составляющих врачебную тайну, может быть фатально для пациента, например в случае необходимости продолжения лечения. В этом ключе выемка документов, содержащих врачебную тайну, видится невозможной и нецелесообразной, как и дальнейшее признание полученных документов отдельным доказательством.

УПК РФ, регламентируя получение предметов и документов, содержащих сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну, путем выемки, не предусматривает возможность производства иных следственных действий, связанных с изъятием таких сведений, в результате чего возникает ряд сложностей. Поэтому необходимо предусмотреть в уголовно-процессуальном законе порядок производства следственных действий, в ходе которых можно получить сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну [5, с. 12].

Примером законодательной регламентации уголовно-процессуального порядка получения сведений, составляющих охраняемую законом тайну, могут служить изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ. Этот закон ввел в УПК РФ ст. 186.1 «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». Данное следственное действие направлено на получение сведений, состав-

ляющих тайну телефонных и иных переговоров, а также тайну иных сообщений. При этом ст. 186.1 УПК РФ подробно регулирует получение необходимых сведений, а также дальнейшее обращение с ними в рамках уголовного судопроизводства.

Разрешением проблемы получения сведений, составляющих врачебную тайну, как и иные охраняемые законом тайны, в ходе расследования уголовных дел при неукоснительном соблюдении прав и свобод человека может стать внесение в УПК РФ статьи, регламентирующей порядок проведения нового следственного действия — «получение сведений, составляющих охраняемую законом тайну». В основу нового следственного действия, с некоторыми изменениями, может быть положен порядок, предусмотренный ст. 186.1 УПК РФ.

Получение сведений, составляющих врачебную тайну, на стадии возбуждения уголовного дела

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ внесены существенные изменения в ст. 144 УПК РФ, скорректированы иные нормы, регулирующие порядок применения специальных познаний при производстве расследования. Обновленная редакция ч. 1 ст. 144 УПК РФ в настоящее время допускает назначение и производство судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела. В юридической литературе относительно данного положения существуют различные мнения. Высказываются точки зрения как в пользу, так и против назначения и производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела.

Сторонниками назначения и проведения экспертиз до возбуждения уголовного дела выступали ученые-криминалисты и процессуалисты Р. С. Белкин [6], Е. Н. Тихонов [7], А. А. Чувилев [8] и др., противниками нововведения — В. М. Савицкий [9], И. Н. Сорокотягин [10] и др., ссылаясь на то, что назначение и производство экспертиз до возбуждения уголовного дела нарушает права и свободы граждан, которые в дальнейшем при расследовании уголовного дела могут приобрести статус подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу. Сторонники назначения экспертиз до возбуждения уголовного дела, в свою очередь, утверждали, что в связи с тем, что при проверке сообщения о преступлении еще ни одно лицо не приобрело самостоятельного статуса (подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего), то проведение экспертиз не связано с конкретной личностью. Вопрос причастности или не причастности лица к совершению преступления не решается, а решается лишь вопрос о наличии или отсутствии признаков преступления, в связи с чем права граждан не могут быть нарушены.

Абстрагируясь от спора о полезности рассматриваемого изменения законодательства, примем во внимание то, что в связи с этими новеллами возникли пробелы в правовом регулировании получения сведений, составляющих врачебную тайну, при проверке сообщения о преступлении. Наличие данных пробелов исключает получение нужной информации в полном объеме, что ведет к необходимости назначения дополнительных экспертиз в стадии предварительного расследования.

Следует подчеркнуть, что в ч. 4 ст. 20 УПК РФ установлено, что «требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами».

В силу того что УПК РФ исключает возможность производства выемки до возбуждения уголовного дела, проведение данного процессуального действия является невозможным. Следовательно, механизм реализации норм ст. 144, 145 УПК РФ применительно к получению сведений, составляющих охраняемую законом тайну, в целом представляется неясным.

На практике при расследовании уголовных дел получение сведений, составляющих врачебную тайну, происходит на основании запросов. Эта норма устанавливает юридические основания у лица, проводящего проверку по сообщению о преступлении либо ведущего предварительное расследование, для получения указанных сведений без судебного решения. Анализ федерального законодательства, регулирующего деятельность медицинских работников по предоставлению данных сведений, показывает, что корреспондирующая норма отсутствует.

Упомянутая выше ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ гласит, что медицинские работники обязаны направлять сведения, составляющие врачебную тайну, в правоохранительные органы при проведении расследования и наличии запроса со стороны правоохранительных органов, судебных или иных уполномоченных инстанций. Как видно из нормы, обязательным условием при наличии запроса является производство именно расследования, что при дословном толковании закона не подразумевает предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, третьей и ключевой проблемой получения сведений, составляющих врачебную тайну, на досудебном этапе уголовного судопроизводства является отсутствие закрепленного в федеральном законодательстве юридического основания для предоставления медицинскими учреждениями ответов на запросы правоохранительных органов с содержащимися в них сведениями, составляющими врачебную тайну. Данное обстоятельство может нанести серьезный вред процессу доказывания в ходе дальнейшего расследования уголовных дел. Налицо необходимость совершенствования законодательства о врачебной тайне.

Для решения указанной проблемы целесообразно изложить в новой редакции п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ с дополнением в части возможности предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя по запросу органов дознания и следствия при проверке сообщения о преступлении.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что процесс получения сведений, составляющих врачебную тайну, на досудебном этапе уголовного судопроизводства, обладает своей спецификой. Она определяется тремя аспектами:

1. Ряд норм УПК РФ императивно закрепляет случаи обязательного назначения и производства экспертиз и обстоятельств, подлежащих доказыва-

нию, обязывает лицо, ведущее расследование, получать сведения, составляющие врачебную тайну.

2. Предусмотренный уголовно-процессуальный порядок получения сведений, составляющих врачебную тайну, путем их выемки является легитимным механизмом получения указанных сведений. Однако производство выемки отдельных носителей сведений, составляющих врачебную тайну, может быть фатально для пациента и видится невозможной и нецелесообразной мерой, как и признание полученных документов отдельным доказательством. С учетом изложенного необходимо ввести в УПК РФ норму, регламентирующую порядок получения сведений, составляющих охраняемую законом тайну, без их бессрочного и безвозвратного изъятия.

3. Необходимость совершенствования законодательства о врачебной тайне вызвана отсутствием в нем нормы, корреспондирующей с нормой, закрепленной в ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Это обстоятельство влечет отсутствие юридического основания у медицинских учреждений отвечать на запросы правоохранительных органов с содержащимися в них сведениями, составляющими врачебную тайну.

Без разрешения выявленных трудностей при получении сведений, составляющих врачебную тайну, на досудебном этапе уголовного судопроизводства невозможно полноценное обеспечение интересов предварительного расследования при полном соблюдении прав граждан на врачебную тайну.

1. Попова А. С. Особенности уголовной ответственности медицинских работников за разглашение врачебной тайны в законодательстве некоторых зарубежных государств // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». 2014. № 1. С. 188—194.

2. Галюкова М. И. Уголовно-правовая охрана врачебной тайны // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 13. С. 52—55.

3. Смолькова И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск. 1998. 404 с.

4. Смирнов А. В. Уголовный процесс. 4-е изд. доп. и перераб. М., 2008. 704 с.

5. Терехов М. Ю., Ерохина О. С. Некоторые проблемы производства следственных действий при получении сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 10—12.

1. Popova A. S. Features of criminal liability of medical workers for disclosure of medical secrets in the legislation of some foreign countries. Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and law. 2014; 1: 188—194.

2. Galyukova M. I. Criminal law protection of medical secrecy. Bulletin of SUSU. 2006; 13: 52—55.

3. Smolkova I. V. Problems of the secret protected by the law in criminal proceedings. Dissertation of Doctor of Juridical of Sciences. Irkutsk; 1998: 404.

4. Smirnov A. V. Criminal proceedings. 4th edition amended and translated. Moscow; 2008: 704.

5. Terekhov M. Yu., Erokhina O. S. Some problems of investigative actions in obtaining information that is protected by Federal law secret. Bulletin of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2016; 2: 10—12.

6. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М.: Юрид. лит., 1988. 304 с.

7. Тихонов Е. Н. Исходные следственные ситуации и выбор времени назначения экспертизы // Следственная ситуация: сб. науч. тр. М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 42—46.

8. Чувилев А. А. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовных дел. М., 1973. 127 с.

9. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975. 383 с.

10. Сорокотягин И. Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 1992. 396 с.

© Коновалов П. Н., 2019

Коновалов Павел Николаевич,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института
МВД России имени В. В. Лукьянова;
e-mail: viknekviknek@yandex.ru

6. Belkin R. C. Criminology: problems, trends, prospects. From theory to practice. Moscow: Yurid. lit.; 1988: 304.

7. Tikhonov E. N. The initial investigative situation and the timing of examination. Investigation situation: collection of scientific works. Moscow: all-Union Institute for the study of the causes and development of crime prevention measures; 1984: 42—46.

8. Chuvilev A. A. Problems of ensuring legality and validity of initiation of criminal cases. Moscow; 1973: 127.

9. Savitsky V. M. Essay on the theory of prosecutorial supervision. Moscow; 1975: 383.

10. Sorokotyagin I. N. Criminalistic problems of using special knowledge in investigation of crimes. Dissertation of Doctor of Juridical of Sciences. Yekaterinburg; 1992: 396.

© Kononov P. N., 2019

Kononov Pavel Nikolaevich,
post graduate student
of the department of criminal procedure
Orel Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation named
after V. V. Lukyanov;
e-mail: viknekviknek@yandex.ru

* * *

А. И. Мелихов, Т. И. Андрищенко, А. Ю. Истратенков

**О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВИТИЯ ЧАСТНОГО СЫСКА
И ДРУГИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ЦЕЛЯХ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

В целях предотвращения незаконного обогащения и оказания нелегальных услуг по обеспечению безопасности частных хозяйствующих субъектов со стороны правоохранительных органов, формирования законченной модели состязательного уголовного процесса и постепенного внедрения основ состязательности в уголовный сыск, повышения привлекательности российской юрисдикции, развития конкуренции на рынке услуг по обеспечению безопасности следует создать условия для развития частной детективной деятельности (частного сыска) как альтернативного поставщика услуг в сфере обеспечения безопасности для частных хозяйствующих субъектов путем снятия запретов на использование специальных технических средств, предназначенных для получения негласной информации; декриминализации некоторых видов нарушения неприкосновенности частной жизни, допускающих правомерное собирание доказательств по гражданским и уголовным делам со стороны негосударственных сыскных служб; наделения лиц, занимающихся частным сыском, особым правовым статусом в целях обеспечения их независимости и безопасности; приведения судебной практики в соответствие с современными научно-техническими возможностями собирания доказательств; информационной и культурной популяризации деятельности частных детективных агентств как эффективного способа обеспечения безопасности частных хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: национальная безопасность, частный сыск, состязательность уголовного процесса, теория игр, состязательность частного и государственного сыска, повышение привлекательности российской юрисдикции.

A. I. Melikhov, T. I. Andryushchenko, A. Yu. Istratenkov

**ON THE NEED FOR DEVELOPMENT OF PRIVATE INVESTIGATION
AND OTHER LAW ENFORCEMENT INSTITUTIONS
OF CIVIL SOCIETY IN ORDER TO STRENGTHEN THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA**

In order to prevent unjust enrichment and rendering of illegal services for safety and security of private economic agents by law enforcement agencies, to develop a complete model of an adversarial criminal proceeding and to gradually introduce adversarial principles in criminal investigation, increase the attractiveness of Russian jurisdiction, and develop competition in the security market of services creating the conditions for the development of private detective activity (private investigation) acting as an alternative provider of security services for private economic agents by removing bans on the use of special technical means for covert information; to decriminalize of certain types of privacy violations that allow the legitimate collection of evidence in civil and criminal cases by non-state detective services; to endow private investigators with a special legal status in order to ensure their independence and security; to bring judicial practice in line with modern scientific and technical capabilities for collection of evidence; to inform and culturally popularize the activities of private detective agencies as an effective way to ensure the security of private economic agents.

Key words: national security, private investigation, adversarial criminal proceeding, game theory, adversarial private and state investigation, increasing the attractiveness of Russian jurisdiction.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее — Стратегия) одной из главных стратегических угроз национальной безопасности в области экономики является ее низкая конкурентоспособность (п. 56 Стра-

тегии), а повышение данного показателя выступает одним из основных национальных интересов на долгосрочную перспективу (п. 30 Стратегии).

В Стратегии справедливо отмечено, что конкуренция между государствами все в большей сте-

пени охватывает ценности и модели общественного развития (п. 13 Стратегии), в связи с чем в целях противодействия угрозам экономической безопасности органы государственной власти и местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества реализуют государственную социально-экономическую политику, предусматривающую повышение привлекательности российской юрисдикции и выработку новых подходов к деятельности органов государственного контроля (надзора) (п. 62 Стратегии).

К сожалению, в Российской Федерации только идет процесс формирования конкурентоспособной модели организации публичных и частных услуг по обеспечению реальных гарантий стабильности, безопасности, справедливого и своевременного разрешения споров, добросовестной конкуренции для привлечения хозяйствующих субъектов в свою юрисдикцию.

В настоящее время профанация таких важнейших институтов гражданского общества, как независимые национально (а не иностранно, или интернационально) ориентированные отечественные средства массовой информации, органы местного самоуправления, адвокатура, третейские суды, частные экспертные и профессиональные сообщества, общественные советы по контролю за органами власти, не позволяет создать эффективную систему сдержек и противовесов между государством и гражданским обществом, что наделяет российскую юрисдикцию такими непривлекательными для хозяйствующих субъектов чертами, как обвинительный уклон и оппортунизм отечественного правосудия, государственный монополизм услуг по эффективному обеспечению безопасности и справедливости, отсутствие свободной конкуренции на рынке государственных заказов, являющихся одним из основных драйверов отечественной экономики, и др. Поэтому для российского общества до сих пор актуальны такие угрозы национальной безопасности, как сохранение значительной доли теневой экономики и условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений (п. 56 Стратегии), что подтверждается современной хроникой криминальных событий.

Изъятие в последние годы у отдельных коррумпированных представителей государственной власти и правоохранительных органов огромных сумм денег, сравнимых с годовым бюджетом небольшого города, полученных ими в результате незаконного обогащения (т. е. значительного увеличения активов публичного должностного лица, превышающего его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать, — ст. 20 Конвенции Организации Объединенных Наций

против коррупции), свидетельствует о востребованности оказания услуг по обеспечению безопасности и стабильности работы негосударственных хозяйствующих субъектов со стороны правоохранительных органов.

Такая широкомасштабная коммерциализация государственной правоохранительной деятельности стала возможна в условиях проведения весьма противоречивой государственной политики. С одной стороны, власти подходят к решению всех внутренних вопросов преимущественно с позиций экономической целесообразности, а с другой — поощряют такие негативные (согласно парадигме экономических знаний) тенденции, как упрощение и государственная (корпоративная) монополизация всех сфер жизни общества. Подобная политика сделала обыденной тенденцию экономии на благополучии человека ради умножения бюджета, ставя тем самым средства обеспечения государственной деятельности выше цели существования государства. Эта закономерность прослеживается не только на уровне принятия конкретных решений (ежегодные сокращения услуг здравоохранения и социальной поддержки населения, поднятие пенсионного возраста выше среднего возраста жизни), но и на уровне формирования мировоззрения (к примеру, из 428 паспортов научных специальностей, размещенных на сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, безопасность, являющаяся базовой человеческой потребностью, выступает объектом исследования по 106 специальностям, однако наиболее часто категория «безопасность» — 39 раз — упоминается в паспорте научной специальности 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством», в то время как философское, социальное и политико-правовое содержание данного понятия исследуется в инициативном порядке [1]; с каждым созывом в Государственной Думе Российской Федерации все больше носителей экономического прагматизма в виде представителей экономической науки и бизнеса, рассуждающих о «возрасте дожития», «социальном балласте», имущественном и социальном цензе для голосования, и все меньше представителей гуманистических профессий — юристов, правоохранителей, педагогов, врачей).

Подобные мировоззренческие сдвиги приводят к тому, что в последние годы сакральная функция охраны правопорядка и обеспечения общественной и государственной безопасности с подачи властей формируется в общественном сознании как вульгарное оказание услуг населению [2].

Хотя либеральный подход к правоохранительной деятельности не свойственен континенталь-

ным традициям и отечественному менталитету, но и он является одним из путей к созданию благоприятных условий для жизни человека и ведению бизнеса, но при выполнении ряда условий:

- минимизация государственного вторжения в сферу деятельности частных хозяйствующих субъектов;

- наличие свободного и доступного рынка частных и государственных услуг в сфере обеспечения безопасности и доступного эффективного правосудия для коллективных хозяйствующих субъектов;

- возможность потребителей правоохранительных услуг, предоставляемых государственными органами, влиять на их качество в случае, если они не удовлетворяют их потребностей в безопасности.

Первая часть данной концепции отчасти реализована. После проведенного сокращения численности полиции реальный спектр ее дел сузился до устранения явных и чрезвычайных угроз общественной безопасности и выявления, раскрытия и расследования типичных, не представляющих трудности в доказывании общеуголовных дел, характерных для повседневной жизни в большом городе, совершенных, как правило, в состоянии алкогольного опьянения. Иными словами, полиция вернулась к своей первоначальной для сословной царской России цели — борьбе с преступлениями, совершенными малоимущими гражданами в отношении малоимущих граждан.

В сферу сложной интеллектуальной и экономической преступности работники оперативных подразделений силовых правоохранительных органов инициативно вторгаются только для охраны государственных интересов — борясь с коррупцией и хищениями в области государственных закупок и освоении государственных дотационных бюджетных денег. Если до реформы полиции существовали отдельные подразделения по борьбе с экономическими преступлениями, то на сегодняшний день даже в названии подразделения — управления экономической безопасности и противодействия коррупции экономические преступления ассоциированы с коррупционными, что обуславливает специфику их работы.

Сотрудники правоохранительных органов не проявляют инициативы в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений в сфере отношений между частными хозяйствующими субъектами, поскольку:

- они напрямую не затрагивают интересы государства как работодателя сотрудников правоохранительных органов;

- отсутствуют прямые ведомственные показатели качества и эффективности борьбы с преступностью в данной сфере;

- подобные конфликты редко приобретают характер угрозы общественной безопасности (как, например, массовая драка на московском кладбище мигрантов — работников двух конкурирующих организаций в сфере оказания похоронных и ритуальных услуг).

В результате масштабных сокращений полицейских кадров и большой загруженности по «обязательным» линиям работы конфликты между частными хозяйствующими субъектами, принявшие форму преступления, разрешаются по «остаточному принципу» или формально — путем отказа в возбуждении уголовного дела. Соответственно, и профилактические меры в отношении указанных правонарушений проводятся формально, методика и практика расследования данных преступлений не развиваются.

Реальное обеспечение охраны интересов частного хозяйствующего субъекта со стороны государственной правоохранительной системы происходит, как правило, на конспиративной противозаконной коммерческой основе, причем покупать у коррумпированных правоохранителей приходится не только нелегальные услуги (возбуждение уголовного дела в отношении конкурента), но и добросовестное выполнение ими своих обязанностей, как, например, возбуждение уголовного дела и доведение его до суда в отношении растратчика.

Если большие корпорации могут позволить себе содержание собственных служб безопасности, направленных хотя бы на эффективное предупреждение угроз своей хозяйственной деятельности (подбор добросовестных кадров, установление систем слежения и сигнализаций, разработка мер юридической ответственности работников и партнеров) без обращения к государственным механизмам предупреждения, выявления, раскрытия и расследования преступлений и разрешения конфликтов, то представители малого и среднего бизнеса, составляющие основу стабильной национально ориентированной экономики либерального государства, становятся заложниками безальтернативного обращения к государственным правоохранительным органам.

В настоящее время перекладывание бремени расходов по обеспечению безопасности на негосударственные институты было успешно осуществлено только в части обеспечения безопасности частных хозяйствующих субъектов — частными (охранными) предприятиями. Указанная реформа позволила разгрузить подразделения полиции, обеспечивающие общественную безопасность, однако запрос на эти услуги со стороны бизнеса остался. Во времена «дикого капитализма» 1990-х гг., предприниматели обращались к инструментарию

альтернативного государства в лице криминальных авторитетов, которые в добровольно-принудительном порядке представляли широкий спектр нелегальных услуг в области обеспечения безопасности и справедливого разрешения конфликтов [3]. В 2001 г. в системе МВД России были упразднены чрезвычайные правоохранительные органы — управления по борьбе с организованной преступностью, поскольку криминалитет, представляющий угрозу для национальной безопасности, был либо успешно уничтожен, либо политически или экономически легализован. Освободившийся сектор рынка услуг безопасности для негосударственных хозяйствующих субъектов должен был быть заполнен частными охранными и детективными агентствами. Однако этого не произошло в силу отсутствия государственной поддержки данного направления предпринимательства и общей неразвитости системы гражданского общества, делающих выгодным содержание сложных механизмов защиты своих прав. Борьба за права по-прежнему велась посредством силовых и материальных средств. В условиях недостаточного денежного и материального обеспечения услуги по охране хозяйственной деятельности стали оказывать действующие и бывшие сотрудники силовых структур в свободное от работы время. Постепенно в число востребованных работников по обеспечению безопасности, в силу набора профессиональных качеств и юридических знаний, выбились сотрудники правоохранительных органов, которые, в отличие от военных, были более приспособлены к условиям ведения бизнеса. Данная тенденция была пресечена государством путем сокращения количества сотрудников милиции более чем в два раза за последние 10 лет. Однако, как показывает время, сокращение численности сотрудников правоохранительных органов государства в интересах экономической целесообразности эффективно лишь при перекладывании бремени расходов по обеспечению безопасности на негосударственные институты. В противном случае, даже в условиях повышенных служебных нагрузок, но недостаточного материального обеспечения, сотрудники правоохранительных органов будут находить время для занятия нелегальными услугами в сфере обеспечения безопасности либо искусственно создавать спрос на свои услуги, оказывая давление на бизнес.

Более того, правоохранительные органы сами стали представлять угрозу для частных хозяйствующих субъектов. Злоупотребляя своей монополией на собирание доказательств, недобросовестные сотрудники правоохранительных органов фабрикуют спорные, а иногда и полностью ложные

обвинения и доказательства в отношении собственников хозяйствующих субъектов. Постоянная угроза потенциального привлечения бизнеса к уголовной ответственности приобрела настолько масштабный характер, что Президент России вынужден регулярно обращать внимание общественности и государственных органов на указанную проблему. В частности, в своем последнем Послании к Федеральному Собранию (далее — Послание) В. В. Путин отметил, что «...для достижения тех масштабных целей, которые стоят перед страной, нам нужно избавляться от всего, что ограничивает свободу и инициативу предпринимательства. Добросовестный бизнес не должен постоянно ходить под статьей, постоянно чувствовать риск уголовного или даже административного наказания... Сегодня почти половина дел (45 %), возбужденных в отношении предпринимателей, прекращается, не доходя до суда. Что это значит? Это значит, что возбуждали кое-как или по непонятным соображениям... Давайте задумаемся в эту цифру, это становится серьезной проблемой для экономики. Бизнес указывает на целый ряд проблем в законодательстве и правоприменительной практике» [4].

Проводимая в настоящее время государственная политика экономической целесообразности не является последовательной, поскольку государство по-прежнему обоснованно осторожно относится к нарушению его монополии на предоставление услуг в сфере безопасности. По этой причине тормозится реализация оставшихся двух условий обеспечения благоприятной для бизнеса юрисдикции правоохранительных органов — наличие свободного и доступного рынка частных и государственных услуг в сфере обеспечения безопасности, доступного и эффективного правосудия для коллективных хозяйствующих субъектов, а также возможности потребителей правоохранительных услуг влиять на их качество.

В последнем Послании Президент Российской Федерации закладывает основу для реализации возможности частных хозяйствующих субъектов как потребителей правоохранительных услуг влиять на их качество, предлагая создать специальную цифровую платформу, с помощью которой предприниматели смогут не только сделать публичной информацию о давлении на бизнес, но и добиться рассмотрения вопроса по существу [4]. Однако, на наш взгляд, эффективная реализация данной возможности в очередной раз упрется в проблему «чиновничьего водостока», когда жалобы на представителей власти вышестоящим руководителям и надзорным органам, в силу отсутствия других заинтересованных исполнителей, способны собрать материал для разрешения

дела по существу, рассматриваются ими же самими в качестве наказания. Данная ситуация стала возможной благодаря бюрократизации государственного аппарата путем сокращения исполнителей и увеличения контролирующих и руководящих должностей «системы кормления на государственной и муниципальной службе», доминирования обеспечивающих подразделений над основными. Только предоставление возможности частным субъектам полностью собрать материал для разрешения своей проблемы по существу, а не очередное расширение государственного аппарата, помогут обеспечить доступ к справедливости.

В новейшей истории России монополия государства на обеспечение справедливости в целях повышения привлекательности отечественной юрисдикции должна была быть ограничена возрождением состязательного процесса, укреплением института адвокатской деятельности, введением третейских судов и саморегулируемых организаций, контролирующих и разрешающих конфликты во многих сферах профессиональной деятельности, а также культивированием услуг частной детективной и охранной деятельности.

Реальная состязательность уголовного и гражданского процессов обеспечивает сбор полных доказательств, а потому конфликты в стране разрешаются более справедливо, что снижает риски инвесторов, увеличивает финансовую глубину и улучшает инвестиционный климат.

Отечественная система уголовного процесса в основном досталась нам из советских времен, где считалось, что следователь — как главный, высокообразованный и правосознательный персонаж — организует расследование с целью установления объективной истины, по сути совмещая роль следователя и роль предварительного судьи в одном лице (судья-инквизитор). Однако данная схема организации уголовного процесса эффективно работала только в социалистической парадигме устройства жизни общества. Для западного либерального уголовного процесса была характерна состязательность, которая формально была объявлена принципом в новом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 г., но организационного воплощения не получила.

В либеральной парадигме, следователь как работник государственной системы правосудия не заинтересован в установлении объективной истины, поскольку такое целеполагание может закончиться безрезультатно (прекращением уголовного дела), он тактически заинтересован в выполнении конкретных показателей работы, а стратегически — в поддержании государственной функции по обеспечению справедливости в форме своевременного

и законного разрешения возникающих конфликтов в сфере своих полномочий в условиях государственного лимитирования времени, сил и средств на установление объективной истины.

Данная закономерность подтверждена научными исследованиями. Так, в 1999 г. экономисты Матиас Деватрипон и Жан Тироль опубликовали ставшую классической статью «Адвокаты». В ней они сравнили процесс, где доказательства «за» и «против» собирает беспристрастное лицо, с процессом, где есть обвинение и защита, ищущие противоположные доказательства. Оказывается, что в модели, где получение доказательств затратно и их не сфальсифицировать, нельзя построить такую систему стимулов, чтобы заставить беспристрастное лицо найти объективную истину. Только в процессе с конфликтующими сторонами возможно обнаружить полный набор доказательств «за» и «против» [5; 6].

В 2011 г. была сформулирована трилемма судьи-инквизитора согласно которой судья, перед которым стоит задача установить объективную истину, напоминает шахматиста, который играет сам с собой, а потом еще и принимает решение о том, кто победил — белые или черные. В условиях, когда ему или ей приходится затрачивать усилия на получение доказательств вины и невиновности, а потом еще и быть беспристрастным арбитром [7; 6].

Таким образом, в современном либеральном уголовном процессе материальные и финансовые затраты по установлению справедливости должны нести имеющие равные возможности по сбору доказательств как сторона обвинения, так и сторона защиты, в противном случае уголовный процесс приобретает обвинительный характер, несмотря на формальное присутствие институтов состязательности.

Тенденция к игнорированию отечественным правосудием научно-технического прогресса и монополизму на собирание доказательств замечена многими специалистами в области уголовного процесса [8; 9]. Так, С. В. Власова отмечает, что уголовное дело — внешнее выражение господства следователя в уголовном процессе. Оно представляет собой «историю, рассказанную о преступлении следователем». Необходимо лишить рассказчика монополии на формирование истории о преступлении, низведя уголовное дело до уровня лишь одной из альтернативных историй [10].

К сожалению, коммерциализация сознания граждан и государственных органов, а также противоречивая и незаконченная модель организации уголовного процесса привела к профанации и вульгаризации такого ранее эффективного альтернативного института собирания доказательств, как

адвокатура. В настоящее время основной целью деятельности адвоката стало не собирание доказательств, а нахождение компромисса между интересами обвиняемого, следствия, суда и прокуратуры. В таких условиях эффективность деятельности адвокатов по обеспечению справедливости приговора стремится к нулю, поскольку количество оправдательных приговоров в Российской Федерации у профессиональных судей составляет всего 0,3 % [11; 12; 13].

Необходимо отметить, что указанная тенденция характерна и для либерального западного мира, где функции представления интересов в суде и организации собирания доказательств осуществляет адвокат, а функцию непосредственного собирания доказательств осуществляет частный детектив. Однако в нашей стране институт частной детективной деятельности не получил развития, и либеральная модель обеспечения справедливости не оказалась законченной. Саботаж развития такого важного для системы обеспечения внутренней национальной безопасности института гражданского общества, оказывающего альтернативные правоохранительные услуги в виде частной детективной деятельности (частный сыск) [14], вызван следующими факторами:

1. Отсутствие должного культурного и информационного фона частных детективных агентств. В западных странах средства массовой информации и культуры активно поддерживают образ независимого, честного, высококвалифицированного и опытного адвоката, корреспондента, частного сыщика как последнего средства установления справедливости. Именно данные институты позволили вернуть на ментальном уровне доверие к либеральному государственному правосудию и существующей в обществе системы борьбы за справедливость после Великой депрессии в США.

2. Уголовный запрет на использование специальных технических средств, предназначенных для получения негласной информации. По сути, использование записывающих устройств для получения негласной информации — один из основных методов работы частного детектива.

3. Расценивание любой попытки собирания доказательств по гражданским и уголовным делам со стороны негосударственных сыскных служб как нарушение неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и прочих сообщений с последующим привлечением к уголовной и административной ответственности.

4. Отклонение судом доказательств, представленных частными субъектами, как полученных

с нарушением закона или не имеющих доказательственной силы (например, данные GPS-трекеров, аудио- и видеозаписи, полученные в результате скрытого наблюдения, и др.). По мнению ранее упомянутого специалиста С. В. Власовой, в целях реального обеспечения состязательности уголовного процесса любые технические носители информации с оцифрованными историями должны получить признание в качестве равноправного альтернативного доказательства по уголовному делу [10].

Таким образом, в целях повышения привлекательности российской юрисдикции, для формирования законченной модели состязательного уголовного процесса следует создать условия для развития частной детективной деятельности (частный сыск) как альтернативного поставщика услуг в сфере обеспечения справедливости и безопасности для частных хозяйствующих субъектов путем снятия запретов на использование специальных технических средств, предназначенных для получения негласной информации; декриминализации некоторых видов нарушения неприкосновенности частной жизни, допускающих правомерное собирание доказательств по гражданским и уголовным делам со стороны негосударственных сыскных служб; наделения лиц, занимающихся частным сыском, особым правовым статусом с целью обеспечения их независимости и безопасности; приведения судебной практики в соответствие с современными научно-техническими возможностями; информационной и культурной популяризации деятельности частных детективных агентств как эффективного способа обеспечения безопасности и справедливости частных хозяйствующих субъектов.

Сохраняющийся государственный монополизм в сфере обеспечения безопасности и справедливости отстраняет важнейшие общественные силы от дела обеспечения национальной безопасности, что пагубно сказывается на ее состоянии. Пораженческая стратегия поведения представителей органов публичной власти России, не обладающих авторитетом у населения, в условиях реальной угрозы национальной безопасности, была наглядно продемонстрирована во времена Первой мировой войны, русских революций XX в. и смены власти на Украине в 2013 г., в то время как советское общество, укрепленное каркасами институтов партийных, профессиональных и местных сообществ, даже в отрыве от центральной власти в условиях фашистской оккупации 1941—1944 гг. смогло остаться носителем национальных интересов, вести эффективную борьбу за восстановление государственного суверенитета.

1. Мелихов А. И., Працко Г. С., Никитина Г. А. Понятие «безопасность» в современных гуманитарных науках и законодательстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 183—188.

2. Абрамов О. А., Мелихов А. И. Образ сотрудника полиции в экономических архетипах государства // Защитник закона (Республика Армения). 2016. № 1. С. 101—108.

3. Волков В. В. Силовое предпринимательство, XXI век. Экономико-социологический анализ. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2012.

4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Dewatripont M., Tirole J. Advocates // The Journal of Political Economy. 1999. Vol. 107. No. 1. P. 1—39.

6. Скугаревский Д. Extra Jus: Суд играет сам с собой и решает, кто победил. URL: <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 10.10.2019).

7. Nakao K., Tsumagari M. The Inquisitor Judge's Trilemma // Law & Economics. 2012. Vol. 8. No. 1. P. 137—159.

8. Цветков Ю. А. Игра в правосудие: как увеличить выигрыш // Уголовный процесс. 2015. № 12. С. 56—66.

9. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Оперативно-разыскная деятельность и уголовный процесс: вопросы сближения и взаимопроникновения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 9—14.

10. Власова С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9—18.

11. Вараксин М. Итоги 2018 от Верховного суда: уголовные дела. URL: <https://pravo.ru/story/209060> (дата обращения: 10.10.2019).

12. Медведева С. В., Ментюкова М. А., Попов А. М. Обвинительный уклон в уголовном процессе: проблемы правоприменения // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 137—141.

13. Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора / Э. Л. Панеях [и др.] // Аналитические записки по проблемам правоприменения. СПб.: ИПП ЕУ СПб., 2010.

14. Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: моногр. В 3 т. Т. I:

1. Melikhov A. I., Pratsko G. S., Nikitina G. A. The concept of "security" in modern humanities and the legislation of Russia. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019; 2 (49): 183—188.

2. Abramov O. A., Melikhov A. I. The image of a police officer in the economic archetypes of the state. Defender of the Law (Republic of Armenia). 2016; 1: 101—108.

3. Volkov V. V. Power entrepreneurship, XXI century. Economic and sociological analysis. Third edition, corrected and supplemented. St. Petersburg: Publishing House of Europe. University in St. Petersburg, 2012.

4. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated February 20, 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Dewatripont M., Tirole J. Advocates. The Journal of Political Economy. 1999; 107 (1): 1—39.

6. Skugarevsky D. Extra Jus: The court plays with itself and decides who won. URL: <https://www.vedomosti.ru> (accessed: 10/10/2019).

7. Nakao K., Tsumagari M. The Inquisitor Judge's Trilemma. Law & Economics. 2012; 8 (1): 137—159.

8. Tsvetkov Yu. A. The game of justice: how to increase the gain. Criminal process. 2015; 12: 56—66.

9. Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I. Operational-investigative activities and the criminal process: issues of rapprochement and interpenetration. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019; 2 (49): 9—14.

10. Vlasova S. V. On the question of adapting the criminal procedure mechanism to digital reality. Library of the Criminal List. 2018; 1: 9—18.

11. Varaksin M. Results of 2018 from the Supreme Court: criminal cases. URL: <https://pravo.ru/story/209060> (accessed: 10/10/2019).

12. Medvedeva S. V., Mentjukova M. A., Popov A. M. Accusatory bias in criminal proceedings: problems of law enforcement. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018; 3: 137—141.

13. The indictment in criminal proceedings: the factor of the prosecutor / E. L. Paneyakh [et al.] Analytical notes on the problems of law enforcement. St. Petersburg: IPP EU SPb., 2010.

14. Shumilov A. Yu. Operationally-search science in the Russian Federation: monograph. In 3 t. T. I: Operational-search activity and the formation

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. М.: Изд. дом Шумиловой И. И., 2013.

© Мелихов А. И., Андриященко Т. И.,
Истратенков А. Ю., 2019

Мелихов Александр Иванович,

доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Андриященко Татьяна Ивановна,

доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: M-13913@ya.ru

Истратенков Александр Юрьевич,

преподаватель кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: M-13913@mail.ru

of the science of it. Moscow: Publishing. house
Shumilova I. I., 2013.

© Melikhov A. I., Andryushchenko T. I.,
Istratenkov A. Yu., 2019

Melikhov Alexandr Ivanovich,

associate professor of the department
of constitutional and administrative law
Vologograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, associate professor;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Andryushchenko Tatyana Ivanovna,

associate professor of the department
of constitutional and administrative law
Vologograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: M-13913@ya.ru

Istratenkov Alexandr Yuryevich,

lecturer of the department
of constitutional and administrative law
Vologograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: M-13913@mail.ru

* * *

Ю. С. Митькова, В. Б. Вехов

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Отсутствие надлежащей правовой регламентации процессуального положения участников стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовно-процессуальном законодательстве приводит к ограничению конституционных прав и законных интересов лиц, вовлеченных в процессуальную проверку сообщения о преступлении. При таких обстоятельствах стадия возбуждения уголовного дела теряет свое правозащитное назначение. В статье анализируется формальное и фактическое наличие участников первоначального этапа уголовного судопроизводства. Авторы констатируют некоторые противоречия в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающиеся обеспечения прав и законных интересов таких фактических участников, как пострадавший, лицо, явившееся с повинной, заподозренное лицо. В частности, в статье уделено внимание обеспечению предусмотренного ст. 48 Конституции Российской Федерации права заподозренного на защиту. Сделан вывод о целесообразности законодательного оформления в отдельной главе раздела II Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации правового положения участников стадии возбуждения уголовного дела, а также о необходимости корректировки отдельных процессуальных норм, регулирующих полномочия защитника и законного представителя несовершеннолетнего участника проверки сообщения о преступлении.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, участники уголовного процесса, адвокат, защитник, заявитель, пострадавший, заподозренное лицо, несовершеннолетний участник проверки сообщения о преступлении.

Iu. S. Mitkova, V. B. Vekhov

**PROBLEMS OF DETERMINING A LEGAL STATUS OF CERTAIN PARTICIPANTS
OF THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE**

The lack of a proper legal regulation of a procedural status of participants of the stage of initiating a criminal case in the Russian legislation of criminal procedure leads to restriction of constitutional rights and legal interests of individuals involved in the procedural verification of a reported crime. Under such circumstances the stage of initiating a criminal case loses its human-rights purpose. The authors analyzes formal and actual presence of participants of the initial stage of criminal proceedings as well as points out some contradictions in rules of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation related to ensuring rights and legal interests of such actual participants as a victim, a person who turned himself in, and a suspected person. Special attention is paid to ensuring the right of a self-reported individual to defense stipulated by Article 48 of the Constitution of the Russian Federation. The authors comes to the conclusion that it is reasonable to codify a legal status of participants of the stage of initiating a criminal case in a separate chapter of Part 2 of the RF Code of Criminal Procedure as well as that it is necessary to amend certain procedural rules regulating powers of a defender and a legal representative of a juvenile participant of verification of a reported crime.

Key words: stage of initiating a criminal case, verification of a reported crime, participants of criminal proceedings, lawyer, defender, claimant, victim, suspected person, juvenile participant of verification of a reported crime.

В современный период в российском уголовном судопроизводстве наиболее проблемной с точки зрения эффективности обеспечения прав и законных интересов лиц является стадия возбуждения уголовного дела. Сведения официальной статистики свидетельствуют о значительном количестве нарушений, допускаемых субъектами проведе-

ния проверки сообщения о преступлении. Так, за 8 месяцев 2019 г. выявлено 2 460 нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, что в 1,5 раза больше, чем допущено нарушений при производстве следствия и дознания (1 021), органами прокуратуры отменено 9 603 постановления о возбуждении уголов-

ного дела [1]. В то же время именно данная стадия призвана служить своеобразным «фильтром», защищающим участвующих в ней лиц от необоснованного ограничения их прав и дающим возможность для их полноценной реализации.

Недостаточно четкое правовое регулирование проверочных мероприятий, проводимых до возбуждения уголовного дела, отсутствие нормативно закреплённых правовых статусов участников доследственной проверки зачастую способствуют нарушению прав и законных интересов лиц, а также вызывают определенные трудности в правоприменительной деятельности.

Неоднократные корректировки уголовно-процессуального законодательства в данной области к настоящему времени не принесли ожидаемого результата и не обеспечили должным образом потребности правоприменительной практики, что свидетельствует о том, что у законодателя не сложилась окончательная модель стадии возбуждения уголовного дела, которая полноценно выполняла бы свои защитные и правообеспечительные функции.

Проблематика стадии возбуждения уголовного дела заключается, в частности, в отсутствии в уголовно-процессуальном законе четкого обозначения круга ее участников. Тем не менее в силу ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) законодатель допускает возможность производства следственных и процессуальных действий, в ходе которых лицам, участвующим в проверке сообщения о преступлении, должны быть разъяснены их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ. Парадокс заключается в том, что процессуальных норм, регламентирующих правовое положение указанных лиц, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве нет.

Стадия возбуждения уголовного дела является стадией уголовного судопроизводства, на этом основании о ее участниках можно говорить как об участниках уголовного судопроизводства, которыми в соответствии с п. 58 ст. 5 УПК РФ являются лица, принимающие участие в уголовном процессе.

Анализ положений раздела VII УПК РФ позволяет выделить следующих лиц, участвующих в процессуальной проверке сообщения о преступлении: суд; прокурор; руководитель следственного органа; следователь; начальник органа дознания; орган дознания; начальник подразделения дознания; дознаватель; эксперт; специалист; адвокат; заявитель; лицо, которому причинен вред в результате преступления; лицо, явившееся с повинной; лицо, в отношении которого имеется подозрение в со-

вершении преступления; иные лица, участвующие в ходе данной проверки.

Для обозначения наиболее проблемных аспектов обеспечения прав и законных интересов лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении, указанных лиц можно условно разделить на три группы.

Первая включает государственные органы и должностные лица, наделенные правом проведения процессуальной проверки, принятия соответствующих процессуальных решений и осуществляющих контрольно-надзорные полномочия (субъекты проверки). К ним мы относим: 1) суд; 2) прокурора; 3) дознавателя, орган дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания; 4) следователя, руководителя следственного органа.

Ко второй группе можно отнести лиц, имеющих собственный правовой интерес на стадии возбуждения уголовного дела: 1) заявитель, обратившийся с сообщением о совершении в отношении него преступления; 2) лицо, которому преступлением причинен вред (не всегда совпадает с заявителем); 3) лицо, в отношении которого имеется подозрение в совершении преступления; 4) лицо, явившееся с повинной.

Третью группу из приведенной нами условной классификации составляют лица, способствующие субъектам проверки (заявитель, не являющийся лицом, в отношении которого совершено преступление; специалист; эксперт; переводчик; адвокат; понятые; очевидцы).

Если правовое регулирование процессуального положения участников, включенных нами в первую группу, закреплено в отдельных нормах раздела II УПК РФ и потому не вызывает серьезных нареканий, то отсутствие норм, посвященных участникам, относящимся ко второй и третьей группе (кроме эксперта, специалиста, понятых, переводчика), влечет определенные затруднения для эффективного проведения проверки в порядке ст. 144—145 УПК РФ.

Заявитель упоминается законодателем в нескольких контекстах: как заявитель ходатайства (гл. 15 УПК РФ, ст. 219, 399 УПК РФ); заявитель жалобы (гл. 16, 47.1 УПК РФ); заявитель как лицо, сообщившее о преступлении (гл. 19—20 УПК РФ, ст. 318 УПК РФ) на стадии возбуждения уголовного дела. В статье 5 УПК РФ законодатель не дал разъяснений по поводу данного участника, в связи с чем возникает вопрос: можно ли вообще его считать участником уголовного процесса? Ведь в разделе II УПК РФ заявитель не упоминается, хотя он наделен определенными правами: знать о принятом решении по его заявлению, обжаловать его

(ч. 2 ст. 145 УПК РФ), а также любые действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа; получить копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Кроме этого, в силу ч. 1 ст. 144 УПК РФ в ходе проверочных мероприятий он вправе не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката.

В соответствии с ч. 2 ст. 85 УПК РФ ни один из принадлежащих к третьей группе участников стадии возбуждения уголовного дела не наделен правом предоставления доказательств, поскольку данная норма распространяет свое действие только в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. Вместе с тем проведение допустимых следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении, возможность участия специалиста происходят уже на данной стадии к формированию таких доказательств, как протоколы следственных действий, заключение эксперта и заключение специалиста. Представляется, что на стадии возбуждения уголовного дела лица, имеющие собственный правовой интерес, не должны быть лишены данного права, предусмотренного законодателем для участников стадии предварительного расследования.

Отметим, что заявитель не всегда тождественен лицу, в отношении которого совершено преступление. Так, заявителем по смыслу ст. 141 УПК РФ является лицо, обратившееся с устным или письменным сообщением о готовящемся либо совершенном преступлении в компетентный государственный орган. В случае установления факта причинения вреда заявителю и наличия признаков преступления в качестве основания для возбуждения уголовного дела последний, после возбуждения уголовного дела и вынесения соответствующего процессуального акта следователем или дознавателем, приобретает статус потерпевшего. На рассматриваемом же этапе круг его прав значительно сужен в сравнении с положением потерпевшего.

В то же время, исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации [2], при установлении правового статуса лица, потерпевшего от преступления, должно приниматься во внимание его фактическое положение.

Так, некоторые процессуалисты полагают, что на стадии возбуждения уголовного дела при производстве следственных и иных процессуальных действий лицу, которому предполагаемым преступ-

лением был причинен вред, следует разъяснять права и обязанности, предусмотренные ч. 2 ст. 42 УПК РФ, обеспечивая единый статус обозначенного участника уголовного процесса в досудебном производстве [3, с. 70—71].

Согласно другим суждениям на рассматриваемом этапе уголовного судопроизводства лицо, в отношении которого было совершено преступление, должно именоваться пострадавшим, поскольку потерпевший появляется только на стадии предварительного расследования на основании принятого следователем или дознавателем процессуального решения [4, с. 33, 36; 5, с. 10].

Представляется, что данный участник проверки сообщения о преступлении должен быть наделен таким объемом прав, который в полной мере гарантировал бы эффективную защиту его интересов (представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы, в том числе в связи с назначением судебной экспертизы; пользоваться помощью переводчика бесплатно; иметь представителя и др.). Однако отсутствие отдельной нормы, легализующей его положение, предоставляет должностным лицам уполномоченных органов возможность самостоятельно определять этот перечень. В части 2 ст. 42 УПК РФ содержится общий свод прав потерпевшего, которыми он может воспользоваться на стадии предварительного расследования и в ходе судебного разбирательства, и по их смысловому содержанию далеко не все они применимы для использования на начальном этапе уголовного процесса. Например, право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования не аналогично праву на ознакомление с материалами процессуальной проверки, тогда как потребность в этом довольно часто возникает на практике и не всегда данный вопрос решается в пользу пострадавшего. Не возникает и права на уведомление пострадавшего о принятом решении в том случае, когда статусы заявителя и пострадавшего не совпадают в одном лице. Рассматривая вопрос о праве заявителя на доступ к информации, Е. И. Свежинцев обоснованно полагает, что указанное право должно «реализовываться в виде обязательных уведомлений по итоговому решению о движении материала или решений, напрямую затрагивающих интересы лица, заявившего о совершенном в отношении него преступлении (причем с выдачей последнему копий процессуальных документов)» [6, с. 107]. Представляется, что изложенная позиция может быть применима и в отношении заявителя, не являющегося пострадавшим. В связи с этим согласимся с мнениями, указывающими на необ-

ходимость законодательного определения статуса лица, *пострадавшего* от преступления.

Особого внимания заслуживает положение лица, в отношении которого проводится проверка (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Однако тут же оговоримся, что солидарны с точкой зрения, изложенной О. А. Поповой, о том, что проверка сообщения о преступлении проводится не только в отношении лица, которое подозревается в совершении преступления на данном этапе, но и в отношении «...заявителя с целью исключить заведомо ложный донос и в отношении лица, которому причинен вред (с целью установления его характера и размера...» [7, с. 46]. Таким образом, применение данной терминологии не обеспечивает индивидуализации правового положения определенного участника стадии возбуждения уголовного дела. В данном случае речь идет о лице, в отношении которого имеется подозрение в совершении или приготовлении преступления. Присоединяемся к мнениям тех авторов, которые для обозначения статуса данного лица используют понятие «*заподозренное лицо*». До наделения его статусом подозреваемого он лишен полного арсенала прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ и другими нормами уголовно-процессуального закона.

Так, действующее уголовно-процессуальное законодательство не налагает обязанности на должностных лиц, проводящих процессуальную проверку в порядке ст. 144 УПК РФ, разъяснить лицу, в отношении которого имеется подозрение в совершении преступления: право знать сущность уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за совершенное деяние; право на дачу объяснений по существу имеющегося в отношении него подозрения и отказ от дачи объяснений; право на услуги защитника (в том числе на безвозмездной основе); заявлять ходатайства и отводы; предоставлять доказательства; участвовать с разрешения лица, проводящего процессуальную проверку в следственных действиях, проводимых по его ходатайству; право на ознакомление с материалами проверки по ее окончании.

Анализ норм УПК РФ, регламентирующих осуществление защиты и оказание юридической помощи, позволяет выявить некоторые противоречия в правовом регулировании данного вопроса на стадии возбуждения уголовного дела. Часть 3 ст. 49 УПК РФ допускает участие защитника в *уголовном деле* с момента начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Очевидно, что в рассматриваемый законодателем период уголовное дело

отсутствует. Часть первая упомянутой статьи в качестве защитника определяет лицо, защищающее права и законные интересы таких участников уголовного судопроизводства, как подозреваемые и обвиняемые, а также оказывающее юридическую помощь при производстве *по уголовному делу*. Таким образом, формально у лица, в отношении которого имеется подозрение в совершении преступления, право на участие защитника на данном этапе уголовного судопроизводства отсутствует. Однако указанное лицо может пользоваться услугами адвоката для оказания юридической помощи, полномочия которого законом не конкретизированы, но, проводя аналогию с ч. 3 ст. 189 УПК РФ и ч. 2 ст. 53 УПК РФ, предполагаем, что он обладает правом давать ему в присутствии должностных лиц, осуществляющих проверку, краткие консультации, задавать с его разрешения вопросы опрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия, заявления о нарушениях прав и законных интересов опрашиваемого. Следовательно, полномочия защитника в уголовном деле по объему шире полномочий адвоката, принимающего участие в процессуальных действиях в ходе проверки сообщения о преступлении, что представляется необоснованным и недостаточным, исходя из фактического положения заподозренного лица.

Таким образом, полагаем, что подобное отсутствие правовых гарантий обеспечения прав заподозренного лица существенным образом нарушает его конституционное право на защиту, что должно быть компенсировано законодательным закреплением его правового статуса в УПК РФ. Кроме того, необходимо внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 49 УПК РФ, в которой наряду с подозреваемыми и обвиняемыми, имеющими право на защиту, должно быть указано заподозренное лицо.

Вызывает немало вопросов на практике правовое положение *несовершеннолетних* заявителей, пострадавших и заподозренных лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении.

В соответствии со ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации дееспособность наступает у лица в полном объеме по достижении им совершеннолетия. В УПК РФ не содержится норм, устанавливающих правовое положение, а также какие-либо дополнительные гарантии несовершеннолетних участников проверки сообщения о преступлении. В первую очередь, речь идет о заявителях, пострадавших и заподозренных лицах, не достигших восемнадцатилетнего возраста, поскольку

данные субъекты имеют правовой интерес в уголовном судопроизводстве.

Как правило, на практике процессуальные действия в отношении указанных лиц на стадии возбуждения уголовного дела производятся с участием родителей или иных представителей в силу закона, без вынесения постановления о признании законным представителем. Вместе с тем *присутствие иных, кроме родителей, лиц требует определенного обоснования, которое, на наш взгляд, должно содержаться в юридически оформленном решении органа, проводящего проверку*. Прямое предписание об их обязательном присутствии и правах этих лиц в уголовно-процессуальном законе отсутствует. Пункт 12 ст. 5 УПК РФ допускает участие законных представителей только в интересах таких несовершеннолетних участников уголовного процесса, как подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший.

Нормы международного права обязывают органы, осуществляющие любые действия в отношении несовершеннолетнего, нарушившего уголовное законодательство, незамедлительно проинформировать его о выдвинутом против него подозрении или обвинении и обеспечить ему получение необходимой правовой помощи через родителей или законных опекунов [8].

В приказе Генпрокуратуры России от 14 ноября 2017 г. № 774 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» [9] законный представитель несовершеннолетнего упоминается как участник проверки сообщения о преступлении в контексте необходимости проверки возможного оказания негативного воздействия со стороны указанных лиц на несовершеннолетних, изменивших свои первоначальные объяснения.

Таким образом, фактически данный участник уголовного процесса вступает в правоотношения и на стадии возбуждения уголовного дела, несмотря на отсутствие формальной возможности вынесения соответствующего постановления на рассматриваемом этапе досудебного производства.

В соответствии с п. 1.3 указанного нормативного акта недопустимо предание гласности персональных данных о несовершеннолетних потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, свидетелей без их согласия и/или согласия их законных представителей. Опять же отметим, что в этом случае речь идет о реализации права на неразглашение личных сведений участников предварительного расследования, а не об участниках стадии возбуждения уголовного дела.

В целях надлежащей защиты прав несовершеннолетних участников проверки сообщения о преступлении необходимо, по нашему мнению, нормативно закрепить обязательность участия законного представителя несовершеннолетнего заявителя, пострадавшего и лица, заподозренного в совершении преступления, в ходе осуществления процессуальных действий до возбуждения уголовного дела.

По правилам допроса несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего (ч. 1 ст. 191 УПК РФ), а также несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого (ч. 3 ст. 425 УПК РФ) в этом следственном действии обязательно участие педагога или психолога.

Получение объяснений в рамках процессуальной проверки, схожее по содержанию с допросом, нацелено на установление оснований для возбуждения уголовного дела. Важность получаемой в ходе опроса информации и ее значение для принятия законного и обоснованного решения предполагает необходимость соблюдения определенной формы соответствующего протокола, в частности, соблюдение установленных Конституцией Российской Федерации и международными нормативными правовыми актами гарантий.

Перед получением объяснения лицо, проводящее процессуальную проверку в порядке ст. 144—145 УПК РФ, обязано разъяснить опрашиваемому его права и обязанности, в том числе его право пользоваться помощью адвоката.

Свою позицию по исследуемому вопросу изложил Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), рассматривая жалобу гражданина России И. Б. Блохина против Российской Федерации. В своем постановлении он указал, что факт отсутствия в российском законодательстве возможности оказания юридической помощи несовершеннолетнему, не достигшему возраста уголовной ответственности, при допросе в полиции не являлся уважительной причиной для несоблюдения этого обязательства [10]. Поясним, что в данной ситуации несовершеннолетний был лишен права на присутствие адвоката, родителя или педагога при опросе в ходе проверки сообщения о преступлении. ЕСПЧ признал действия Российской Федерации не соответствующими п. с ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод (защищать себя лично или посредством выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия) [11].

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника обязательно в отношении несовершен-

нолетних подозреваемых или обвиняемых. Относительно несовершеннолетних участников проверки сообщения о преступлении таких правил законодатель не установил. Как указывалось нами ранее, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ полномочия адвоката как участника процессуальных действий на данной стадии возбуждения уголовного дела значительно уже по объему, нежели полномочия защитника. Полагаем, что для приведения отечественного уголовно-процессуального законодательства в соответствие с международными стандартами законодатель необходимо распространить требования ст. 51 УПК РФ на участников стадии возбуждения уголовного дела, предусмотрев обязательное участие защитника при опросе несовершеннолетнего лица, в отношении которого имеется подозрение в совершении преступления, в том числе представляемого по назначению.

Проанализировав обозначенные проблемы определения правового положения таких участников стадии возбуждения уголовного дела, как заявитель, пострадавший, заподозренное лицо, лицо, явившееся с повинной (в том числе не достигшее совершеннолетнего возраста), можем сформулировать следующие выводы.

1. Каждый участник стадии возбуждения уголовного дела, как и участники иных стадий уго-

ловного судопроизводства, должен быть наделен определенным в уголовно-процессуальном законе правовым статусом.

2. В отдельной главе раздела II УПК РФ должны быть закреплены правовые статусы заявителя, пострадавшего, заподозренного лица и явившегося с повинной.

3. Необходимо скорректировать ч. 1 ст. 49 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Защитник — лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов заподозренных лиц, подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь в уголовном судопроизводстве».

4. Распространить требования об обязательном участии законного представителя несовершеннолетнего участника проверки сообщения о преступлении в ходе производства процессуальных действий, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

5. Предусмотреть обязательное участие защитника при осуществлении любых процессуальных действий в отношении несовершеннолетнего заподозренного лица или несовершеннолетнего лица, явившегося с повинной, что потребует соответствующего изменения редакции п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

1. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь—август 2019 г.: сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 30.09.2019).

2. По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2005 г. № 131-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Колосович М. С., Колосович О. С., Ширяева Т. И. Деятельность следователя на стадии возбуждения уголовного дела: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2016.

4. Овсянников И. В. Проблемы защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений на начальном этапе досудебного производства // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 33—36.

5. Исаева Р. М. Социально-правовые основы обеспечения законности в стадии возбуждения

1. Statistical data about the main indicators of the Russian Federation prosecution agencies' activities for the period from January to August 2019. Website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1336134/>. Accessed: on September 30, 2019.

2. On the request of the Volgograd Garrison Military Court about verification of constitutionality of Part 8 of Article 42 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Ruling of the RF Constitutional Court of January 18, 2005 No. 131-O. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Kolosovich M. S., Kolosovich O. S., Shiriaeva T. I. The investigator's activity at the stage of initiating a criminal case. Study guide. Volgograd: VA MVD Rossii, 2016.

4. Ovsiannikov I. V. Problems of protection of rights and legal interests of victims of crimes at the initial stage of pretrial proceedings. Rossiiskaia Iustitsiia. 2019; 1: 33—36.

5. Isaeva R. M. Social and legal grounds for ensuring the rule of law at the stage of initiating a crimi-

уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2007.

6. Свежинцев Е. И. Право на доступ к информации лица, заявившего о совершенном в отношении него преступлении, на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 105—109.

7. Попова О. А. Проблемные вопросы производства отдельных процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 4. С. 45—49.

8. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 01.09.1990). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генпрокуратуры России от 14 ноября 2017 г. № 774. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Блохин против Российской Федерации: постановление Европейского Суда по правам человека от 23 марта 2016 г. № 47152/06. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

nal case. Thesis for a Candidate's Degree in Juridical Sciences. Ufa, 2007.

6. Svezhintsev E. I. The right to access to information of an individual who reported a crime committed toward him at the stage of initiating a criminal case. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2016; 3 (38): 105—109.

7. Popova O. A. Problematic issues of conducting particular procedural actions at the stage of initiating a criminal case. Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2013; 4: 45—49.

8. Convention on the Rights of the Child approved by the General Assembly of the United Nations on November 20, 1989 (came into effect for the USSR on September 1, 1990). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. On the organization of the prosecutor's supervision over adherence to juveniles' rights at the pretrial stages of criminal proceedings. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of November 14, 2017 No. 774. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

10. Blokhin v. Russia: Judgment of the European Court of Human Rights of March 23, 2016 No. 47152/06. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

11. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms concluded in Rome on November 4, 1950 (as amended on May 13, 2004). Collected Legislation of the Russian Federation. January 8, 2001. No. 2. P. 163.

© Митькова Ю. С., Вехов В. Б., 2019

© Mitkova Iu. S., Vekhov V. B., 2019

Митькова Юлия Сергеевна,

старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: romanovka297676133@rambler.ru

Mitkova Iuliia Sergeevna,

senior lecturer of the criminal proceeding
department of the educational
and scientific complex on the preliminary
investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: romanovka297676133@rambler.ru

Вехов Виталий Борисович,

профессор кафедры юриспруденции,
интеллектуальной собственности
и судебной экспертизы
Московского государственного
технического университета им. Н. Э. Баумана,
доктор юридических наук, профессор

Vekhov Vitaliy Borisovich,

professor at the department of law,
intellectual property and judicial expertise
of Bauman Moscow State Technical University,
doctor of juridical sciences, professor

А. П. Резван, Н. И. Батурина, А. А. Базулина

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВОМ**

Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов, связанных с комплексом профилактических мер противодействия фальшивомонетничеству. Анализ статистических данных указывает на сохраняющийся в последние годы высокий уровень фальшивомонетничества в России, причиняющий существенный вред как монопольному праву государства на выпуск денежных знаков в обращение, так и другим группам общественных отношений. Авторы указывают на необходимость совершенствования профилактических мер борьбы с изготовлением и сбытом поддельных денег, способных снизить фальшивомонетничество до минимального уровня посредством выявления и устранения условий, способствующих совершению данного преступления.

На основании проведенного анализа авторы предлагают комплекс профилактических мер в области профилактики фальшивомонетничества. Особое внимание уделяется организации обязательной проверки со стороны руководителей управлений экономической безопасности и противодействия коррупции в ходе выездов в территориальные органы МВД России на районном уровне в качестве ответственных, проведения инструктажей с работниками торговых предприятий. Данная форма профилактической работы позволяет выявлять имеющиеся проблемы системного характера в организации работы территориальных органов внутренних дел, выработать дополнительные меры по повышению противодействия фальшивомонетничеству.

На основании изложенного сделан вывод о том, что эффективность работы по искоренению фальшивомонетничества опирается, прежде всего, на комплексный подход к решению проблемы, использование современных форм и методов профилактики, активное внедрение передового опыта работы, расширения взаимодействия с заинтересованными структурами и общественностью.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, поддельные денежные знаки, профилактика, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, инструктаж с работниками торговых предприятий, информирование населения.

A. P. Rezvan, N. I. Baturina, A. A. Bazulina

**SOME ISSUES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES' ACTIVITIES
ON PREVENTION OF CRIMES RELATED TO COUNTERFEITING OF MONEY**

The article considers the issues related to the complex of preventive measures to fight counterfeiting of money. Analysis of statistical data points to the continuing high level of counterfeiting in Russia in recent years, which causes significant harm to both the state's monopoly right to issue banknotes and other groups of social relations. The authors indicate the necessity to improve preventive measures of fighting against printing and distributing counterfeit money that can reduce counterfeiting to a minimum level by identifying and eliminating conditions facilitating commission of the given crime.

On the basis of the analysis made the authors have proposed a set of measures to prevent counterfeiting of money. Special attention is paid to organizing mandatory inspection by the heads of the economic security and anti-corruption departments acting as responsible persons during visits to the territorial bodies of the Ministry of the Interior of Russia at the district level, while instructing employees of commercial enterprises. The given form of preventive work makes it possible to identify existing systemic problems in organizing the work of territorial internal affairs bodies, develop additional measures to strengthen the fight against counterfeiting of money.

Considering the points mentioned above the authors have come to the conclusion that effective eradication of counterfeiting is based, first of all, on the integrated approach to solve this problem, the use of modern forms and

methods of prevention, active introduction of best practices, increased interaction with interested structures and the community.

Key words: counterfeiting of money, counterfeit banknotes, prevention, the economic security and anti-corruption departments, instructing employees of commercial enterprises, informing the community.

Фальшивомонетничество сегодня может быть поставлено в ряд крупных криминогенных проблем, вызывающих серьезную озабоченность государства, общества и отдельных граждан. Ущерб от совершения фальшивомонетничества занимает значительную долю общего показателя всех экономических преступлений, негативно влияя на экономическую безопасность России, подрывая финансовые устои государства и формируя негативное мнение граждан о стабильности и защищенности национальной валюты, являясь источником финансирования экстремистских организаций. Постоянное усовершенствование приемов и методов подделки и сбыта денежных знаков и ценных бумаг, высокая организованность и профессионализм лиц, их совершающих, требуют от правоохранительных органов принятия эффективных решений, способных устранить их воздействие на экономическую безопасность страны. В связи с этим данное направление оперативно-служебной деятельности МВД России признано приоритетным.

Анализ статистических данных позволяет судить об устойчивой тенденции как количественных показателей, так и качественных характеристик фальшивомонетничества, которое в последнее время приобретает все более организованный характер, в том числе и в международном масштабе [1]. Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России, Президент Российской Федерации В. В. Путин обозначил текущие и долгосрочные задачи, с учетом подходов, обозначенных в Послании Федеральному Собранию, отметил важность наращивания усилий в борьбе с коррупцией, необходимость поиска новых, современных, действенных подходов [2].

Организация противодействия и координация взаимодействия деятельности возложены на подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции. Управлениями экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — УЭБиПК) регионов, совместно с территориальными подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ЭБиПК) на районном уровне, во взаимодействии с другими подразделениями полиции реализуется комплекс организационных и оперативно-профилактических мероприятий по преду-

преждению, пресечению, выявлению и раскрытию фактов фальшивомонетничества.

Географическое положение местности способствует распространению преступных посягательств, связанных со сбытом поддельных денежных знаков (далее — ПДЗ). Высокий уровень подделки денежных знаков приводит к тому, что более 90 % сбываемых ПДЗ обнаруживается в банках в обезличенной массе при пересчете выручек с торговых предприятий и организаций. Необходимо отметить и тот факт, что на территории областных центров находятся головные организации и офисы фирм, ведущих свою деятельность по всей области, и денежная выручка этих организаций также поступает в банки, находящиеся в них.

Общественная опасность изготовления поддельных денежных знаков определяется как количеством изготовленных фальшивых денег, так и их качеством. Изучение уголовных дел и материалов, полученных в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности по выявлению и раскрытию фактов фальшивомонетничества показывает, что картина этого вида преступления совершенствуется вместе с научно-техническим прогрессом [3]. Для квалификации действий по ст. 186 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) необходимо, чтобы поддельные денежные купюры имели существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с подлинными денежными знаками [4; 5]. Фальшивомонетчики научились качественно имитировать не только визуальные защитные элементы денежных знаков, но и машиночитаемые. Изымаемые из обращения ПДЗ имеют высокую степень схожести с подлинными. В настоящее время ПДЗ в ИК-детекторах не отличаются от подлинных. Единственным отличительным признаком является выдавленная микроперфорация номинала купюры, которая на оборотной стороне подлинной банкноты на ощупь не имеет шероховатостей. Это, в первую очередь, связано с развитием современной копировальной и компьютерной техники, не требующей специальных знаний в области полиграфии, ее доступность и распространенность позволяют упростить процесс изготовления фальсификатов [6].

Несмотря на то что сотрудники Центробанка неоднократно в средствах массовой информации

заявляли о том, что пятитысячная купюра является одной из самых защищенных в мире и содержит множество *защитных* элементов, опыт свидетельствует о том, что наиболее сбываемыми являются поддельные купюры номиналом 5 000 руб. Также изымаются подделки номиналом 1 000 и 500 руб. [7].

Фальшивомонетки — особый вид преступников, высококвалифицированных, постоянно изучающих конъюнктуру рынка, психологию людей, разбирающихся в экономике и технике [8]. Изучение криминологической характеристики лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за изготовление и сбыт ПДЗ, свидетельствует об их предрасположенности к совершению преступлений общеуголовной направленности. Совершают преступления и лица из числа ранее судимых, наркозависимых [9]. В связи с этим в рамках межведомственного взаимодействия с ФСИН России на регулярной основе обновляются сведения об освободившихся из мест лишения свободы лицах, отбывавших наказания за совершение преступлений по ст. 186 УК РФ и проживающих на территории региона. В отношении данной категории лиц проводится комплекс оперативно-разыскных мероприятий на предмет причастности к совершению аналогичных преступлений [10].

Вместе с тем необходимо отметить, что значительной частью лиц, сбывавших ПДЗ на территории Российской Федерации, являются представители Северо-Кавказского региона, выходцы из южных республик СНГ (Азербайджан, Армения), постоянно или временно проживающие на территории Российской Федерации.

Для успешной профилактики фальшивомонетничества необходимы высокий профессионализм следователей и оперативных работников, активная, наступательная работа [11; 12; 13]. В связи с этим сотрудниками ЭБиПК в дежурные сутки при поступлении сообщения о сбыте ПДЗ конкретным лицом принимаются исчерпывающие меры по изъятию всех имеющихся поддельных денег: например, в случае сбыта ПДЗ «добросовестным сбытчиком», т. е. лицом, не знавшим, что используемая им для расчетов купюра является поддельной, с согласия такого лица проводится осмотр его жилища на предмет обнаружения оргтехники для производства ПДЗ, самих ПДЗ. Гражданину также предлагается предоставить имеющиеся у него наличные средства для определения подлинности купюр. Все сомнительные купюры изымаются и направляются на исследование в Экспертно-криминалистический центр, по результатам которого подлинные купюры возвращаются владельцу.

В немалой мере узкая грамотность населения в средствах и способах защиты денежных знаков и юридическая безответственность коммерческих структур, когда они не заявляют о выявленных подделках и стараются решить вопрос путем уничтожения поддельной купюры, повторного (преднамеренного) ее сбыта или вычета из зарплаты подчиненного лица, принявшего поддельную купюру в качестве подлинной [14].

В связи с этим в целях повышения эффективности противодействия фальшивомонетничеству сотрудниками подразделений ЭБиПК совместно с сотрудниками других подразделений территориальных органов МВД на районном уровне организуется и проводится комплексная профилактическая работа.

В некоторых областях в связи с дислокацией подразделений ЭБиПК межмуниципальных отделов МВД России на районном уровне области только в базовых органах для активизации работы по борьбе с фальшивомонетничеством обязанности по проведению профилактических мероприятий возложены на другие подразделения отделений и пунктов полиции по муниципальным районам (УР, УУП).

Одной из наиболее эффективных форм профилактики преступлений, связанных со сбытом ПДЗ, является информирование лиц, осуществляющих прием денежных средств от граждан. На таких инструктажах доводится информация об отличительных признаках денежных знаков, распространяются наглядные материалы, а также телефоны дежурных частей и подразделений ЭБиПК органов внутренних дел для оперативного информирования в случае обнаружения ПДЗ.

При проведении инструктажей работников крупных торговых сетей во многих регионах привлекают сотрудников региональных управлений Центрального банка России.

В местах большого скопления граждан (авто, ж/д вокзалы, торговые центры, рынки) практикуется размещение фотороботов предполагаемых сбытчиков.

Организация проведения инструктажей с работниками торговых предприятий (магазинов, аптек, АЗС и т. д.) является предметом обязательной проверки со стороны руководителей УЭБиПК в ходе выездов в территориальные органы МВД России на районном уровне в качестве ответственных.

Выборочное посещение торговых предприятий, общение с продавцами позволяют установить, когда и кем проводились последние инструктажи

по линии фальшивомонетничества, имеются ли в торговой точке наглядные материалы и телефоны дежурной части территориального ОВД или подразделений ЭБиПК и т. д. Выявленные недостатки указываются в рапортах ответственных при сдаче суточного дежурства.

Данная форма профилактической работы позволяет:

- выявлять имеющиеся проблемы системного характера в организации работы территориальных ОВД, в том числе в части агентурно-оперативной работы, работы в рамках доверительных отношений с гражданами;

- устанавливать недостатки по направлениям деятельности, характерным для конкретного района;

- выработать дополнительные меры по повышению эффективности контроля за оперативно-служебной деятельностью территориальных подразделений ЭБиПК, состоянием оперативной работы в сфере противодействия фальшивомонетничеству.

Другой немаловажной формой профилактики преступлений, связанных со сбытом ПДЗ, является организация регулярного информирования населения с использованием радиоточек на рынках, ярмарках, вокзалах (т. е. в местах большого скопления граждан), размещение в печатных изданиях памяток с указанием признаков поддельных денежных знаков и способов их определения с обязательным указанием телефонов дежурных частей, а также организация регулярного информирования населения в средствах массовой информации (радио, телевидение) и размещение в таких местах информационных плакатов о способах определения ПДЗ и мерах реагирования при их обнаружении.

Повышение уровня осведомленности населения о признаках подлинных и поддельных денежных знаков — это тот вид общего предупреждения фальшивомонетничества, который сотрудники органов внутренних дел должны проводить на регулярной основе.

Для повышения эффективности взаимодействия дежурных частей территориальных ОВД с дежурными следственно-оперативными группами и наружными нарядами полиции при поступлении сообщения о сбыте лицом поддельной денежной купюры сотрудниками УЭБиПК с привлечением работников торговых организаций проводятся внезапные учения.

Немаловажным аспектом является организация оперативного взаимодействия между подразделениями ЭБиПК соседних органов МВД России на

уровне субъектов РФ по обмену информацией, проведению совместных оперативно-разыскных мероприятий по выявлению фальшивомонетчиков и документированию их преступной деятельности. Для документирования преступной деятельности указанных лиц в рамках дела оперативного учета составляется план совместных оперативно-разыскных мероприятий.

В таких выступлениях должна отражаться степень общественной опасности фальшивомонетничества, мера уголовной ответственности за изготовление ПДЗ, в том числе в отношении лиц, пострадавших от фальшивомонетчиков и пытавшихся при выявлении ПДЗ их сбыть.

Эффективная профилактическая деятельность в области фальшивомонетничества должна основываться на принципе научной обоснованности, финансовой поддержке государства; отражать современные тенденции и учитывать региональный компонент; проводиться системно и комплексно, включать как социальное, так и криминалистическое и психологическое направления деятельности [15]. Основным условием, на наш взгляд, является рассмотрение данного вопроса как составной части государственной политики в сфере борьбы с преступностью.

Таким образом, можно выделить следующие способы профилактики фальшивомонетничества:

1. Информирование населения, которое включает в себя, прежде всего, работу со средствами массовой информации, имеющими богатый арсенал эмоционального и интеллектуального воздействия на граждан [16]. Информирование по следующим направлениям:

- о введении в оборот нового образца денежных знаков с демонстрацией его дизайна и средств защиты;

- о степени защиты денежных знаков, расположения, характеристик и способов контроля их подлинности;

- о появлении в обороте поддельных денег и способах выявления их отличительных признаков;

- о необходимых действиях граждан в случаях выявления ПДЗ;

- о проводимой органами внутренних дел работе по пресечению фактов фальшивомонетничества, фактах изъятия поддельных денежных знаков и задержания фальшивомонетчиков.

В рамках информирования населения также было бы целесообразным ранее изучение необходимых действий в случае обнаружения ПДЗ, общественной опасности и уголовной ответственности за осуществление данного рода преступной

деятельности посредством введения в учебную программу общеобразовательных учебных заведений соответствующего спецкурса.

2. Информирование лиц, осуществляющих прием денежных средств от граждан.

3. Организация оперативного взаимодействия между подразделениями органов внутренних дел региона и соседних органов МВД России на уровне субъектов РФ по обмену информацией.

4. Организация межведомственного взаимодействия по профилактике фальшивомонетничества посредством целевых проверок. В ходе осуществления совместных выездов в территориальные органы внутренних дел и горрайпрокуратуры по вопросам организации и проведения целевых мероприятий необходимо изучать все находящиеся в производстве территориальных сотрудников ЭБиПК дела оперативного учета и материалы доследственной проверки.

На последующих совместных совещаниях с участием зональных кураторов и руководства УЭБиПК следует заслушивать руководителей (старших групп) территориальных подразделений ЭБиПК, а также надзирающих прокуроров с предоставлением конкретных рекомендаций по профилактике

фальшивомонетничества, устанавливать сроки их исполнения.

В ходе данной работы анализу подлежат:

— результаты работы подразделений ЭБиПК и прокуроров;

— выявленные недостатки при организации межведомственного взаимодействия и рекомендации по их устранению;

— приоритетные направления по выявлению и документированию преступлений.

Выявление и пресечение действий фальшивомонетчиков — сложный и динамичный процесс, который требует не только использования всех оперативно-разыскных мер, сил и средств, но и инициативы и творческого подхода к делу со стороны оперативного работника, ведущего борьбу с данным видом преступности.

Эффективность работы в деле по искоренению фальшивомонетничества, на наш взгляд, обеспечивается комплексным подходом к решению данной проблемы. Очевидной является необходимость использования современных форм и методов профилактики, активного обсуждения и внедрения передового опыта работы в этой сфере при расширении взаимодействия с заинтересованными структурами и общественностью.

1. Статистика ГИАЦ МВД. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 15.10.2019).

2. Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел. URL: <http://yandex.ru> (дата обращения: 15.10.2019).

3. Ашнин О. К. О борьбе со сбытом фальшивых денег // Экономический вестник МВД России. 2012. № 7. С. 36—37.

4. Звягин С. И. Критерии разграничения фальшивомонетничества и мошенничества при криминальном обороте денежных билетов // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 4. С. 104—109.

5. Пономарева Н. С. Проблемные вопросы уголовно-правовой квалификации фальшивомонетничества // Российский следователь. 2007. № 2. С. 21—24.

6. Першин А. Н. Совершенствование способов защиты денежных билетов от подделки как залог предупреждения фальшивомонетничества // Эксперт-криминалист. 2010. № 3. С. 27—30.

7. Борьба с экономическими преступлениями // Экономический вестник правоохранительных органов. 2015. № 12. С. 45—54.

1. Statistics of the GIATS MVD. URL: <http://www.mvd.r> (accessed: October 15, 2019).

2. An Expanded Meeting of the Interior Ministry Board. URL: <http://yandex.ru> (accessed: October 15, 2019).

3. Ashnin O. K. Fighting the Sale of Counterfeit Money. The Economic Bulletin of the Ministry of Interior of the Russian Federation. 2012; 7: 36—37.

4. Zvyagin S. I. The Criteria for Distinguishing Between Counterfeiting and Fraud in the Criminal Circulation of Banknotes. Bulletin of the Voronezh Institute of the Interior Ministry of Russia. 2015; 4: 104—109.

5. Ponomareva N. S. The Issues of the Criminal-Legal Qualification of Counterfeiting. The Russian Investigator. 2007; 2: 21—24.

6. Pershin A. N. Improvement of Methods to Protect Counterfeiting of Banknotes as a Guarantee to Prevent Counterfeiting. The Forensic Scientist. 2010; 3: 27—30.

7. The Fight against Economic Crime. The Economic Bulletin of Law Enforcement Agencies. 2015; 12: 45—54.

8. Загайнов В. В. Криминологический анализ современных тенденций регионального и общероссийского состояния фальшивомонетничества // Криминологический журнал. 2008. № 2. С. 48—53.

9. Гаджиева А. А. Криминологическая характеристика личности преступника-фальшивомонетчика // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2013. № 4. С. 56—59.

10. Мероприятия по борьбе с хищениями в сфере ЖКХ и фальшивомонетчиками // Экономический вестник МВД России. 2014. № 5. С. 49—51.

11. Иванов П. И. Борьба с фальшивомонетничеством — приоритетное направление деятельности полиции // Оперативник (Сыщик). 2018. № 3 (56). С. 10—13.

12. Старостин А. А. Деятельность Европола в сфере борьбы с фальшивомонетничеством // Информационный бюллетень НЦБ Интерпола МВД России. 2009. Вып. 1 (6). С. 48—51.

13. Черкашин Е. Ф. Борьба с подделкой денежных знаков // Российский юридический журнал. 2007. № 2. С. 131—136.

14. Зайганов В. В. Факторы, способствующие совершению фальшивомонетничества в России // Актуальные проблемы борьбы с экономической преступностью: сб. науч. ст. Вып. 3. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 80—83.

15. Усманов Р. Р. Отдельные аспекты предупреждения фальшивомонетничества // Современность в творчестве начинающего исследователя: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, 30—31 марта 2017 г. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2017. Вып. 18. С. 44—46.

16. Тюменцев А. Н. Организационно-правовые и тактические вопросы использования СМИ при расследовании и профилактики преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 14—15.

© Резван А. П., Батурина Н. И.,
Базулина А. А., 2019

Резван Александр Павлович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

8. Zagainov V. V. Criminological Analysis of Current Trends in Regional and All-Russian Counterfeiting. Criminological Journal. 2008; 2: 48—53.

9. Gadzhieva A. A. Criminological Characteristics of the Criminal-Counterfeiter's Personality. "Black Holes" in the Russian Legislation. 2013; 4: 56—59.

10. The Activities to Combat Embezzlement in the Sphere of Housing and Public Utilities and Counterfeiters. The Economic Bulletin of the Ministry of Interior of the Russian Federation. 2014; 5: 49—51.

11. Ivanov P. I. The Fight against Counterfeiting as a Priority for Police Activity. Operative Officer (Detective). 2018; 3 (56): 10—13.

12. Starostin A. A. Europol Activities in the Fight against Counterfeiting. The Newsletter of the National Central Bureau of Interpol at the Interior Ministry of Russia. 2009; Issue 1 (6): 48—51.

13. Cherkashin E. F. The Fight against Counterfeiting of Banknotes. Russian Law Journal. 2007; 2: 131—136.

14. Zaiganov V. V. Factors Contributing to the Commission of Counterfeiting in Russia. Topical Problems of Fighting Economic Crime. Collection of Scientific Articles. Issue 3. Saratov: SLI of the Interior Ministry of Russia; 2007: 80—83.

15. Usmanov R. R. Selected Aspects of Preventing Counterfeiting. The Present Period in the Work of a Novice Researcher: Collected Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference of Young Scientists, March, 30—31, 2017 Irkutsk: FGKOU VPO VSI MVD of Russia; 2017; Issue 18: 44—46.

16. Tyumentsev A. N. Organizational, Legal and Tactical Issues of Using Mass Media in Investigating and Preventing Crimes. Diss. Candidate of Juridical Sciences, Volgograd; 2000: 14—15.

© Rezvan A. P., Baturina N. I.,
Bazulina A. A., 2019

Rezvan Alexander Pavlovich,

professor at the department of criminalistics
of the educational-scientific complex
on preliminary investigation
in internal affairs bodies
of Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Батурина Наталья Игоревна,
заместитель начальника кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: nataliya_baturina@mail.ru

Базулина Анна Анатольевна,
старший преподаватель
кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук;
e-mail: anna.bazulina@mail.ru

Baturina Nataliya Igorevna,
deputy head of the department
of civil law disciplines
of Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: nataliya_baturina@mail.ru

Bazulina Anna Anatolievna,
senior lecturer at the department
of criminalistics
of the educational-scientific complex
on preliminary investigation
in internal affairs bodies
of Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia,
candidate of pedagogical sciences;
e-mail: anna.bazulina@mail.ru

* * *

Б. П. Смагоринский, Е. В. Деревягин

**ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
И ЭКСПЛУАТАЦИИ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА**

В статье авторами рассматриваются теоретические и организационные вопросы, направленные на повышение качества работы следователей при производстве осмотра места дорожно-транспортного происшествия. Раскрываются особенности действий следователя на подготовительном, рабочем и заключительном этапах следственного действия, применения фото-, видеосъемки для фиксации следов и обстановки места происшествия.

Как показывает следственно-судебная практика, следователи не всегда обладают соответствующими знаниями и навыками, несмотря на существование значительного количества теоретических разработок, практических рекомендаций, в связи с чем возникают затруднения с применением в ходе осмотра места происшествия новейших технико-криминалистических средств и современных методов выявления, фиксации и изъятия следов на месте их обнаружения.

Каждое следственное действие призвано решать свои специфические задачи. Однако именно с осмотра места происшествия, как правило, начинается расследование преступлений, в том числе связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации автомобильного транспорта. Объективность и полнота, значимость полученной информации оказывают непосредственное влияние на ход дальнейшего расследования и принятие решения по уголовному делу. Эффективность производства осмотра места происшествия находится в прямой зависимости от профессионализма лица, его осуществляющего.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, осмотр места происшествия, специализированный бланк протокола осмотра места дорожно-транспортного происшествия, следователь, расследование дорожно-транспортных преступлений.

B. P. Smagorinsky, E. V. Derevyagin

**ASPECTS OF ROAD TRAFFIC ACCIDENTS SITE EXAMINATION
DURING CRIMINAL INVESTIGATION
OF TRAFFIC OFFENCE AND VEHICLE ABUSE**

In this article, the authors consider theoretical and organizational issues aimed at improving the performance quality of investigators' work during the examination of the road traffic accident site. The aspects of the investigator's actions during the preparatory, operational, and final stages of the investigative activity, the use of photo and video shooting to record the traces and the scene of the accident are revealed.

Investigative and judicial practice shows that investigators do not always have the appropriate knowledge and skills, despite the existence of a significant number of theoretical developments, practical recommendations, which makes it difficult to use the latest forensic equipment and modern methods of detection, fixation and collection of traces at the place of their detection during the scene examination.

Each investigative action is aimed at solving its specific tasks. However, the investigation of crimes, including those related to the traffic offence and vehicle abuse, as a rule, begins with accident scene examination. The objectivity, completeness and significance of the received information have a direct impact on the course of further investigation and decision-making in a criminal case. The effectiveness of the scene examination directly depends on the professionalism of the person who carries it out.

Key words: road traffic accident, accident site examination, specialized record form of road traffic accident site examination, investigator, investigation of road traffic crimes.

В Российской Федерации зарегистрировано более 51,8 млн единиц автомобильной техники [1]. При этом за последние 10 лет число автотранспортных средств, состоящих на учете, выросло почти два раза. Увеличение парка автомобилей оказывает существенное влияние в целом на безопас-

ность дорожного движения. Согласно официальной статистике Госавтоинспекции [2], несмотря на наметившуюся тенденцию снижения общего количества дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), число погибших в них граждан остается значительным (рис. 1).

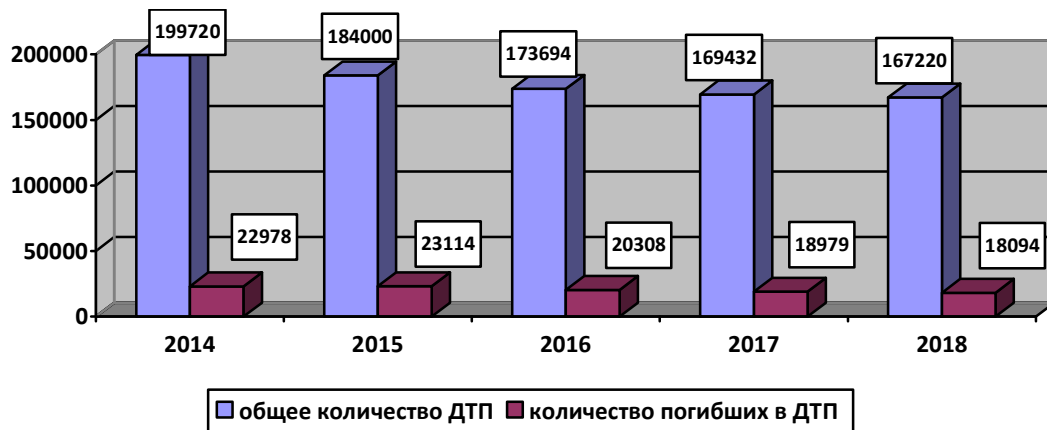

Рис. 1. Динамика количества совершенных ДТП и погибших в них граждан в России в 2014—2018 гг.

Высокий уровень дорожно-транспортного травматизма отрицательно сказывается на социально-экономической жизни нашей страны. Государство тратит внушительные средства на выплату пособий, оказание медицинской помощи, лечение пострадавших и т. д. Так, согласно статистике Российского союза автостраховщиков в 2018 г. совокупные расходы компаний на выплаты пострадавшим по полисам ОСАГО составили более 142,2 млрд руб. [3].

Расследование дорожно-транспортных преступлений имеет свою специфику, что обусловлено несколькими причинами:

- возросшими основными техническими характеристиками транспортных средств;
- увеличением средней скорости движения на автодорогах общего пользования и автомагистралях, движение по которым осуществляется, в том числе, на платной основе;
- изменяющимися требованиями Правил безопасности дорожного движения, введением новых дорожных знаков и другими факторами.

Таким образом, очевидна актуальность дальнейших теоретических исследований, анализа практики расследования ДТП, производства отдельных следственных действий, в частности осмотра места происшествия, значение которого как

источника доказательственной информации состоит в том, что он:

- включает в себя важные этапы исследования обстоятельств ДТП и дает наиболее достоверные и объективные сведения;
- позволяет на месте в конкретной ситуации исследовать элементы системы «водитель — автомобиль — дорога — среда»;
- дает возможность сформировать четкое представление о механизме происшествия, выдвинуть наиболее обоснованные версии и правильно определить ход расследования;
- в совокупности с другими материалами дела обеспечивает возможность осуществления уголовного преследования лица, причастного к преступлению, защиту прав потерпевших, законных интересов организаций.

С осмотра места происшествия начинается расследование подавляющего большинства преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации автомобильного транспорта (ст. 264, 266, 268 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)). По мнению В. И. Жулева и А. С. Степанищева, «по делам о ДТП осмотр места происшествия является узловым процессуальным действием, от качества проведения которого зависит ход всего расследова-

ния и правильность принимаемых решений, поскольку позволяет получить широкий круг доказательственной информации, определить путь поиска сведений из других источников, а также обеспечить проверку их объективности» [4, с. 13].

Осмотру места ДТП присущи особенности, обусловленные сложностью познания механизма происшествия, его скоротечностью. Кроме того, «обстановка на месте события не может сохраняться длительное время, в связи с тем что проезжая часть должна быть в кратчайшие сроки освобождена для движения <...> и следы на месте происшествия достаточно быстро уничтожаются проходящим транспортом и в результате воздействия окружающей среды» [5, с. 45].

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) осмотр места происшествия относится к числу следственных действий, осуществление которых возможно в ходе проверки сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176 УПК РФ). Порядок осуществления этого следственного действия регламентируется ст. 180 УПК РФ, содержащей общие требования к протоколу следственного действия без учета специфики расследования отдельных видов преступлений. Согласно ст. 151 УПК РФ по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264, чч. 2, 3 ст. 266, чч. 2, 3 ст. 268 УК РФ, предварительное следствие производится следователями органов внутренних дел [6]. Верно утверждение о том, что «лицо, производящее расследование данной категории преступлений, обязано: разбираться в типах и марках транспортных средств; знать правила дорожного движения; иметь представление об устройстве различных типов транспортных средств и управлении ими; о возможных действиях водителя в различных ситуациях; о динамике различных видов ДТП; об их причинах и т. п.» [7, с. 366].

В ходе изучения 54 уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступлений, предусмотренных ст. 264, чч. 2, 3 ст. 266, чч. 2, 3 ст. 268 УК РФ, на территории Волгоградской области, некачественный осмотр места ДТП обычно связан с недостаточными знаниями процессуальных положений, теоретических, практических, методических рекомендаций производства этого следственного действия. Отсюда необходимо более подробно рассмотреть особенности осмотра места ДТП на каждом из его этапов: *подготовительном, рабочем и заключительном*.

Подготовительный этап включает в себя решение важных организационных вопросов с момента получения следователем сообщения о ДТП и некоторые действия по прибытии на место про-

исшествия. Имеющуюся информацию о происшествии следователю, как правило, предоставляет оперативный дежурный органа внутренних дел, следователь же должен перечислить лиц для вызова и привлечения к участию в осмотре места происшествия в конкретной ситуации. Например, при необходимости принятия мер по установлению местонахождения скрывшегося с места происшествия водителя в состав следственно-оперативной группы (далее — СОГ) включаются сотрудники, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, кинолог со служебно-разыскной собакой. Обычно нужно обеспечить выезд на место происшествия в качестве специалистов криминалиста, врача (специалиста в области судебной медицины), автотехника. При осмотре сложных участков возможно участие специалиста в области строительства и эксплуатации дорог.

Особое внимание стоит обратить на необходимость принятия мер по обеспечению безопасности привлекаемых в качестве специалистов лиц и иных участников осмотра. Скажем, обеспечить или проконтролировать наличие верхней одежды: жилетов, жилетов-накидок, оборудованных полосами из световозвращающего материала. Это позволит в дальнейшем при нахождении на месте осмотра соблюсти выполнение требований п. 2.3.4 Правил дорожного движения Российской Федерации [8]. В темное время суток и при неблагоприятных погодных условиях нужно подобрать и проверить на работоспособность осветительные приборы. С учетом того что с места происшествия могут быть изъяты следы и предметы, подготавливается различный по свойствам и вместительности упаковочный материал. Кроме того, необходимо проверить укомплектованность криминалистического чемодана и при отсутствии специалистов (криминалиста, автотехника) быть готовым использовать приборы и средства измерения: электронноцифровой измеритель пути (ЭЦИП), имеющий сертификат соответствия; мерное колесо (курвиметр) для измерения расстояний от ближайших стационарных объектов до места ДТП по карте; рулетку не менее 10 м; планшет для ведения записей; письменные и чертежные принадлежности для составления схемы места происшествия; мелок для нанесения отметок на дорожном покрытии; технические средства фотографирования и видеозаписи (фотоаппарат, видеокамера); специализированный бланк протокола осмотра места ДТП [9] (далее — протокол); миллиметровую бумагу (листы), а при ее отсутствии бумагу в клеточку для составления масштабных планов (схем) места происшествия.

По прибытии на место происшествия следователю нужно установить у сотрудников дорожно-патрульной службы, патрульно-постовой службы полиции и т. д. известные им обстоятельства происшествия. При этом обязательно выяснить, кто из них оказался на месте первым, и выслушать его доклад. Необходимо получить сведения о действиях, предпринятых водителями, пассажирами, очевидцами после ДТП, мерах по оказанию помощи пострадавшим, охране места ДТП, сохранению следов и расположения предметов, автотранспортных средств, обстановки на месте и попытках ее изменения, установлению очевидцев и лиц, причастных к происшествию.

Непосредственно перед началом следственного действия после распределения обязанностей между участниками СОГ следователь объясняет цель и задачи осмотра, разъясняет всем участникам их права, обязанности и ответственность, информирует об использовании технических средств, предупреждает о необходимости соблюдении мер безопасности при перемещениях по проезжей части автодороги, заполняет вводную часть протокола, после чего предлагает им поставить в нем подписи. Стоит отметить, что пригласить для участия в осмотре места происшествия понятых или использовать технические средства фиксации — исключительная прерогатива следователя [10, с. 93]. В отличие от иных видов осмотров в качестве понятых желательно привлекать лиц, обладающих навыками управления автотранспортными средствами, знанием особенностей дорожного движения. Нужно учитывать, что понятые в дальнейшем могут быть допрошены по делу в качестве свидетелей.

По окончании указанных подготовительных действий следователь приступает непосредственно к осмотру места ДТП.

Рабочий этап осмотра объединяет обзорную, общую и детальную стадии.

Обзорная стадия включает: а) ориентирование на месте происшествия; б) определение границы подлежащей осмотру территории; в) определение направления движения участников осмотра; г) выбор исходной точки и направления движения участников осмотра; д) выбор опорных точек для производства ориентирующей и обзорной фотосъемки и их осуществление.

Ориентирование в населенном пункте, помимо его наименования, включает название улицы (или их пересечения), вида объекта улично-дорожной сети (путепровод, тоннель, регулируемый пешеходный переход и т. п.), расположенных рядом объектов капитального строительства. Вне населенных пунктов указывается название автомо-

бильной автодороги и расстояние до ближайшего километрового столба. Для более точного ориентирования приводятся географические координаты места происшествия (посредством системы навигации ГЛОНАСС/GPS). На проселочных дорогах в качестве ориентиров могут быть выбраны легко различаемые объекты. Расстояние до ориентиров может определяться от ближайшего населенного пункта по карте с использованием курвиметра либо по одометру автомобиля.

Границы исследуемой территории включают в себя участок дороги, где конкретно произошло ДТП, а также прилегающую территорию, которая устанавливается в зависимости от элементов дороги и наличия следов происшествия. Границы осмотра определяются из содержания исходной информации о событии, конкретной обстановки происшедшего, решаемых задач в ходе ее исследования. Учитываются вид ДТП, рельеф местности, выдвигаемые версии, действия лиц, причастных к происшествию. Выявляются главные объекты осмотра и прилегающие к ним участки. Все имеющие значение для дела объекты должны быть внесены в границы осмотра.

Выбор направления движения участников осмотра от исходных точек также обуславливается особенностями дорожной обстановки, рельефа местности, механизма ДТП, наступивших последствий. Для прямых и ровных участков наиболее подходит линейно-фронтальная форма направления движения. При осмотре ограниченных по площади участков могут применяться концентрический или эксцентрический способы осмотра. Перемещение участников осуществляется по часовой или против часовой стрелки, что способствует наиболее тщательному исследованию территории вокруг главных объектов.

Выбор опорных точек для производства ориентирующей и обзорной фотосъемки предполагает возможность фиксации окружающей обстановки с тем условием, чтобы в дальнейшем по фотоснимкам установить место совершения ДТП среди иных объектов. При выполнении съемки можно использовать метод получения фотоснимков с изменением соотношения между сторонами фотокадра путем увеличения его длины, т. е. панорамной съемки (возможны как линейная, так и круговая панорамы). Фотосъемка должна быть произведена с возвышенного места, например с крыши грузового автомобиля, здания или сооружения, и раньше, чем с проезжей части будут удалены транспортные средства и другие объекты. Это в полной мере относится и к применению видеозаписи, позволяющей запечатлеть ход, содержание и результаты следственного действия (например,

факт изъятия каких-либо предметов материального мира [11, с. 153]). В некоторых случаях целесообразно делать на проезжей части меловые пометки мест расположения перемещаемых значимых объектов, границ слабовидимых следов юза, волочения. Проведение в дальнейшем необходимых измерений позволит объективно отразить обстановку события.

Общая стадия осмотра места ДТП состоит в проведении необходимых поисковых мероприятий, сопровождаемых узловой и детальной фотосъемкой. Фотосъемка обычно производится специалистом-криминалистом, а в его отсутствие — следователем. По правилам узловой фотосъемки фиксируются находящиеся на месте происшествия транспортные средства и дефекты дорожного покрытия на пути их движения, дорожные знаки, включая временные, камеры видеонаблюдения и секторы их обзора, трупы, отдельные элементы обстановки, предметы и их фрагменты, следы. В качестве особенности такой фотосъемки отметим, что она фиксирует не только объекты, но и точное расстояние между ними. Сведения вносятся в протокол. Составляется схема места происшествия.

После того как характер и расположение объектов на месте происшествия будут зафиксированы в статическом состоянии, начинается динамическая стадия (третья стадия рабочего этапа) — детальный осмотр. Ему подвергаются все ранее зафиксированные объекты. Производится детальная фотосъемка. Отражаются и тщательно изучаются, фиксируются все выявленные негативные обстоятельства.

Особенность осмотра места ДТП — наличие большого количества различных динамических следов: протектора шин автомобилей; перемещения (скольжения) тела пешехода, отброшенного ударом; отделившихся частей автомобиля; повреждения объектов дорожной инфраструктуры, прилегающих зданий и сооружений.

Как правило, основное усилие направлено на обнаружение следов, указывающих на местонахождение центра контактирования автомобиля с препятствием или другим транспортным средством, и его координат. Место контактирования транспортного средства можно определить по следам колес, осыпи грязи с частей транспорта и месту нахождения осколков разрушенных стекол. Например, при наезде в первую очередь уделяют внимание поиску осыпей грязи с брызговиков, крыльев, бамперов, почвенных наслоений, осколков стекла, частиц лакокрасочного покрытия автомобиля и фиксации их положения на дороге. Место наезда располагается в непосредственной

близости от начала осыпи мелких частиц, поскольку крупные обладают большей инерцией и перемещаются на значительные расстояния. Гораздо реже обнаруживаются и фиксируются следы сдвига обуви пешехода в момент наезда, хотя именно они указывают на точное место контакта с автомобилем.

При столкновениях транспортных средств место контакта, как правило, устанавливается по следам бокового сдвига следов протекторов шин заблокированных колес, пересечения их траекторий, прерывания следа при подбрасывании колеса в момент удара. При деформации кузова автомобиля отделившиеся мелкие детали и осколки образуют осыпи, крупные оставляют следы падения — выбоины — и последующего трения о поверхность дорожного покрытия при волочении — царапины, борозды, содержащие частицы металла и лакокрасочного покрытия. При этом мельчайшие частицы остаются непосредственно на месте удара. Чем большее количество следов удастся обнаружить, тем точнее можно определить место контактирования.

Особенностью фиксации следов, их описания в протоколе является указание длины, ширины, разновидности следа (качения, торможения), его принадлежности конкретному транспортному средству, конфигурации, расположения начала и окончания следа относительно края дороги, линии дорожной разметки. Нужно описать и отразить на схеме место смены разновидности следов, например, перехода следов торможения в боковое скольжение.

Осмотр находящихся на месте происшествия транспортных средств производится после необходимых измерений и указания их расположения. Необходимо уделить внимание описанию места соприкосновения частей и деталей автомобиля с иным транспортным средством, пешеходом, различными препятствиями. Отдельные поврежденные части и навесное оборудование фотографируются по правилам детальной фотосъемки. Чаще всего фиксируются внешние повреждения в виде различных деформаций, отслоения краски, отсутствие деталей. При осмотре нижней части кузова нужно сделать акцент на состоянии протектора колес, деталей подвески и их крепления.

При осмотре салона отражаются показания одометра, положение стрелок спидометра, тахометра, рычагов коробки передач и иных органов управления, изымаются обнаруженные следы, в том числе биологического происхождения, на рулевом колесе, приборной панели, подушке безопасности. При осмотре повреждений руля, панели, обшивки панелей дверей автомобиля создается мысленное

представление о том, как из поврежденной машины выбрался водитель, за какие детали он мог зацепиться своей одеждой, оставить ее фрагменты. Именно эти следы могут быть доказательствами, указывающими на нахождение того или иного человека в транспортном средстве на месте водителя во время происшествия. Фрагменты одежды, которые были обнаружены в салоне, в дальнейшем могут быть сравнены с одеждой скрывшегося с места происшествия водителя.

Специфика поиска и фиксации следов протектора шин скрывшегося транспортного средства заключается в необходимости определения направления его движения, мест разворота и остановки. При этом нужно помнить, что при прямолинейном движении следы протекторов шин задних колес стирают следы передних полностью или частично особенно на влажном и рыхлом грунтовом покрытии. Для фиксации следов протектора шин всех колес стоит отыскать место разворота или смены направления движения, например заезда на обочину. На дорогах с твердым покрытием при торможении остаются лишь поверхностные следы в виде лентообразных полос. На сухом асфальте пригодные для идентификации следы можно обнаружить лишь после проезда колеса автомобиля через грязь, технические жидкости, мел, краску, гудрон. В этом случае, а также при установлении ширины колеи и базы можно получить информацию о типе и предполагаемой модели транспортного средства.

Заключительный этап осмотра места ДТП связан с процессуальным оформлением, изъятием следов, принятием мер по сохранности имущества и качественной упаковке предметов, необходимых для назначения судебных экспертиз, особенно если водитель скрылся на автомобиле. В протоколе обязательно должна быть зафиксирована последовательность действий СОГ и участников осмотра места ДТП. К протоколу прилагаются фототаблица, содержащая фотоснимки, выполненные по правилам ориентирующий, обзорной, узловой и детальной фотосъемки; видеозапись осмотра (если применялась) на соответствующем носителе; схема места ДТП (одна или несколько). Обнаруженные в ходе осмотра и изъятые объекты должны быть тщательно упакованы и опечатаны. Труп направляется в судебно-экспертное учреждение. При необходимости изъятия транспортного средства его двери до направления к месту хранения опечатываются.

В завершение отметим, что в данной статье мы коснулись лишь некоторых особенностей осмотра места ДТП на каждом из его этапов. Надеемся, что использование рассмотренных теоретических аспектов позволит повысить эффективность производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере нарушения правил дорожного движения и эксплуатации автомобильного транспорта.

1. Отчет о состоянии парка легковых автомобилей в России, представленный аналитическим агентством «Автостат». URL: <https://www.autostat.ru> (дата обращения 01.10.2019).

2. Сведения о количестве дорожно-транспортных происшествий в России за период с 2014 по 2019 г. URL: <https://гибдд.рф> (дата обращения 01.10.2019).

3. Отчет Российского союза автостраховщиков за 2018 г. URL: <https://autoins.ru> (дата обращения 01.10.2019).

4. Жулев В. И., Степанисhev А. В. Расследование дорожно-транспортных преступлений: метод. рекомендации. М., 2004.

5. Демидова Т. В. Качественный осмотр места происшествия по делам о ДТП как одно из условий предупреждения экспертных ошибок // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 45—47.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.10.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Report on the state of the car fleet in Russia, submitted by the analytical agency Avtostat. Available from: <https://www.autostat.ru>. Accessed: 1 October 2019.

2. Information on the number of traffic accidents in Russia for the period from 2014 to 2019. Available from: <https://hydd.rf>. Accessed: 1 October 2019.

3. Report of the Russian Union of Auto Insurers for 2018. Available from: <https://autoins.ru>. Accessed: 1 October 2019.

4. Zhulev V. I., Stepanishchev A. V. Investigation of traffic crimes. Guidelines. Moscow; 2004.

5. Demidova T. V. Qualitative inspection of the scene of an accident in accidents as one of the conditions for preventing expert errors. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015; 3: 45—47.

6. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of 18 December 2001 (as amended on 01/10/2019). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

7. Криминалистика: учебник / под ред. А. А. Закатова, Б. П. Смагоринского. Волгоград, 2000.

8. О Правилах дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения): постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 08.01.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Попов И. А., Мусеибов А. Г., Муженская Н. Е. Тактика и методика осмотра места происшествия с использованием специализированного бланка протокола осмотра места ДТП с приложением памятки следователю: метод рекомендации. М., 2018.

10. Бирюков С. Ю. Деятельность следователя на месте происшествия: процессуальный и организационный аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1 (48). С. 92—97.

11. Стешенко Ю. С. О некоторых правилах применения видеосъемки в ходе осмотра места происшествия // Научный фундамент практической деятельности по расследованию преступлений: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 6 апреля 2017 г.). Самара, 2017. С. 153—155.

© Смагоринский Б. П., Деревягин Е. В., 2019

Смагоринский Борис Павлович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: Smagvolg@rambler.ru

Деревягин Евгений Викторович,

старший преподаватель кафедры
криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: dereviagin2011@yandex.ru

7. Forensics. Textbook. Ed. by A. A. Zakatov, B. P. Smagorinsky. Volgograd; 2000.

8. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1090 of 23 October 1993 (as amended on 08/01/2019). "On the Rules of the Road (together with the Basic Provisions for the Admission of Vehicles to Operation and the Obligations of Officials to Ensure Road Safety)". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. Popov I. A., Museibov A. G., Muzhenskaya N. E. Tactics and methods of inspecting the scene using a specialized form of the protocol for inspection of the scene of an accident with a memo to the investigator. Guidelines. Moscow; 2018.

10. Biryukov S. Yu. Activities of the investigator at the scene: procedural and organizational aspects. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2019; 48 (1): 92—97.

11. Steshenko Yu. S. On some rules for the use of video during the inspection of the scene. In: Scientific basis of practical activities for the investigation of crimes: collection of articles of international scientific practical conference, 6 April 2017, Samara, Russia. Samara; 2017: 153—155.

© Smagorinsky B. P., Derevyagin E. V., 2019

Smagorinsky Boris Pavlovich,

professor at criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: Smagvolg@rambler.ru

Derevyagin Eugeny Victorovich,

senior lecturer at criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: dereviagin2011@yandex.ru

* * *

Е. Е. Шавкарова

**СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ СВИДЕТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ПОБУЖДЕНИЯ
К УЧАСТИЮ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

В статье проводится всесторонний анализ прав свидетеля, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, которые могут и должны способствовать побуждению свидетеля к участию в расследовании преступлений. Особое внимание автор уделяет психологическим аспектам разъяснения лицом, производящим расследование, права свидетеля на отказ от дачи показаний и возможным негативным последствиям для хода расследования, которые может повлечь такой отказ. В контексте соблюдения прав участников уголовного судопроизводства при их побуждении к участию в расследовании рассматривается проблема возможности использования положений ст. 51 Конституции Российской Федерации лицами, фактически находящимися в брачных отношениях, но официально их не зарегистрировавших. Проанализированы некоторые меры, направленные на обеспечение безопасности свидетеля от противоправных посягательств со стороны обвиняемых именно в контексте работы следователя (дознавателя) к побуждению данного участника уголовного процесса к участию в расследовании преступления. В частности, рассмотрена одна из наиболее распространенных в деятельности органов предварительного расследования мер безопасности — получение показаний под псевдонимом. На основе анализа судебной и следственной практики автор предлагает способы хранения постановления о сохранении в тайне данных о личности, а также протоколов следственных действий, проведенных с участием свидетеля до присвоения ему псевдонима.

Ключевые слова: свидетель, права свидетеля, безопасность свидетеля, следственные действия, предварительное расследование.

Е. Е. Shavkarova

**OBSERVING WITNESS' RIGHTS IN THE PROCESS
OF INDUCING PARTICIPATION IN THE INVESTIGATION OF A CRIME**

The author of the article gives a comprehensive analysis of witness' rights fixed in the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation which can and should help induce a witness to participate in crime investigation. The author also pays a special attention to psychological aspects of explanation of the witness' right to refuse to testify made by the investigating officer as well as the possible negative consequences of such refusal while investigating. In the context of observing the rights of the participants in the criminal proceedings when they are induced to participate in the investigation, the author of the article deals with the problem of possibility to use provisions of Article 51 of the Constitution of the Russian Federation by the persons who are married in fact, but have not officially registered it. The author also analyzes some measures to ensure safety of the witness against unlawful encroachment by the accused in the context of the investigator's (interrogator's) activity to induce the mentioned participant of the criminal proceedings to participate in crime investigation. In particular the author of the article examines one of the most common security measures in the preliminary investigation bodies' activity, that is obtaining testimony, while using a pseudonym. Based on the analysis of the judicial and investigative practice the author offers ways to store a decision on keeping secret the information related to the person as well as the reports of the investigative actions carried out with the participation of the witness before assigning a pseudonym to him.

Key words: witness, witness' rights, witness' safety, investigative actions, preliminary investigation.

Россия как демократическое государство признала человеческую личность, ее права и свободы высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека как высшей ценности

являются конституционной обязанностью государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ)).

В тексте Конституции РФ употребляются понятия человека и гражданина и разделяются права на «права человека» и «права гражданина». Понятие «человек» — более широкое, чем понятие «гражданин» и имеет несколько значений: живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда [1], а также личность как обладатель лучших интеллектуальных или моральных качеств. Гражданином же является лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей [1]. Иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (ч. 3 ст. 62 Конституции РФ).

Принцип законности и соблюдения прав человека и гражданина имеет важное значение при побуждении лица к участию в расследовании преступлений в качестве свидетеля. Понятие побуждения заключается в склонении к какому-либо действию [1]. Фигура свидетеля несет в себе огромный информационный потенциал о лицах, совершивших преступление, либо о невиновности лица и других обстоятельствах преступления, необходимых для его раскрытия и расследования. Значение показаний свидетеля очень трудно переоценить. Недостаточно знать то, что конкретное лицо обладает интересующими следствие сведениями, необходимо чтобы у лица возникло желание передать данную информацию тем, кто ведет расследование. Гражданин будет проявлять свое самосознание только в случае уверенности, что его права на предварительном следствии будут неукоснительно соблюдены.

Права свидетеля направлены на эффективное решение задач уголовного судопроизводства при обязательном соблюдении других его прав как личности и гражданина. В связи с этим нужно проанализировать некоторые права, предусмотренные ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), которые должны обеспечиваться при вовлечении лица в расследование преступления в качестве свидетеля.

Право на отказ от дачи показаний (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Уголовно-процессуальное законодательство воспроизводит положение ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, в котором закреплено право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. В круг близких родственников входят родители,

дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки (п. 4 ст. 5 УПК РФ).

Данное право предоставляет свидетелю возможность отказаться от дачи показаний, если они содержат сведения о совершенном им или близким родственником какого-либо преступления. Некоторые авторы считают, что это право распространяется и на другие факты, которые «могут прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно быть использованы против интересов указанных лиц» [2]. На наш взгляд, такое расширенное толкование права на отказ от дачи показаний не совсем верно. Свидетель, субъективно оценивая имеющуюся у него информацию, может сделать вывод, что данные им показания нарушают его интересы, так как его допрашивают в связи с произошедшим преступлением. В связи с чем он может необоснованно отказываться от дачи показаний или давать их избирательно, что негативно скажется на ходе расследования в целом и участии данного свидетеля в других следственных действиях в частности. Свидетель имеет полное право не давать показания о совершенном его близким родственником преступлении, однако от дачи показаний, не относящихся к событию преступления, отказаться не может, так как предупреждается об уголовной ответственности по ст. 308 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Право, предусмотренное ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, должно разъясняться свидетелю перед каждым его допросом, а также перед другими следственными действиями, проводимыми с его участием, в ходе которых свидетель дает показания. При этом свидетелю необходимо объяснять, что в случае его добровольного согласия давать показания против самого себя или своих близких родственников, эти показания могут быть использованы в качестве доказательства по уголовному делу, даже если в дальнейшем он от них откажется. Отсутствие отметки в протоколе допроса о разъяснении таких последствий может повлечь за собой признание показаний свидетеля недопустимым доказательством (ст. 75 УПК РФ).

В современном обществе нередко происходят случаи, когда люди длительное время проживают совместно, имеют общих детей, т. е. фактически находятся в брачных отношениях, создали семью, которая, однако, официально не зарегистрирована. В этой ситуации лица, находящиеся в таких отношениях, не считаются супругами, так как их брак не заключен в органах записи актов гражданского состояния в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации. Возникает вопрос: могут ли они в случае допроса их в качестве свидетелей воспользоваться правом не свидетельствовать против своего супруга? 92 % опрошенных

следователей высказались против расширения круга лиц, пользующихся правом отказаться от дачи показаний*. На наш взгляд, если следователем и судом будет установлен факт совместного проживания и ведения хозяйства, наличия совместных детей, т. е. налицо будут все признаки семейных отношений, то с нравственной точки зрения их можно приравнять к супружеским. Следовательно, таким лицам необходимо разъяснить положение ст. 51 Конституции РФ, и они могут воспользоваться предоставленным им правом не свидетельствовать против друг друга.

Право ходатайствовать о применении мер безопасности (п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Свидетель является незаменимым участником уголовного судопроизводства, его показания часто являются единственными доказательствами вины лица, совершившего преступление. В связи с этим нередко подозреваемые, обвиняемые, их родственники или знакомые, иные лица, заинтересованные в том, чтобы виновные избежали ответственности, оказывают давление на свидетелей в целях изменения последними своих показаний. Поэтому на законодательном уровне были закреплены меры, направленные на обеспечение безопасности свидетеля от противоправных посягательств со стороны обвиняемых.

Некоторые авторы выделяют следующие способы воздействия на свидетелей: угрозу убийством, применением физического насилия; уничтожение или повреждение имущества; похищение детей и близких; распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство свидетеля [3]. Однако стоит согласиться с мнением Е. И. Замылина и С. А. Янина, что формы воздействия на свидетелей различаются и не всегда связаны с деяниями, подпадающими под действие уголовного закона. Встречаются и другие способы воздействия на свидетелей для их запугивания и подавления воли и желания участвовать в качестве свидетеля в уголовном судопроизводстве. Это могут быть как угрозы, так и просьбы, а также продолжительные анонимные звонки по месту жительства или на мобильные средства связи со скрытых номеров и т. д. [4, с. 24].

Анализируя положение ч. 3 ст. 11 УПК РФ, приходим к выводу, что законодатель предусмотрел принятие мер безопасности только при наличии угроз в адрес свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц. То есть угрозы уже высказаны и свидетель опасается их исполнения. Но в таком случае лицам, оказывающим воздействие на свидетеля, как минимум, известна его личность и домашний адрес, в том числе и близких свидетелю лиц. Следовательно, применять

меры безопасности, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, будет уже бессмысленно. Для чего исключать из протокола следственного действия данные о личности свидетеля и присваивать ему псевдоним, если эти данные уже известны обвиняемому или лицам, заинтересованным в том, чтобы последний избежал ответственности? Часто следователю труднее убедить лицо, обладающее информацией, имеющей значение для дела, именно выступить в качестве свидетеля. При этом на данное лицо еще не оказывается никакого противоправного воздействия, оно может всего лишь опосредованно знать о таком воздействии.

Например, А. совместно с шестью лицами был задержан сотрудниками уголовного розыска на территории завода за попытку хищения траков. В ходе расследования установлено, что с территории завода неоднократно совершались хищения в дневное время, в тот момент, когда работники завода находились на рабочих местах и наблюдали за противоправными действиями. Тех рабочих, которые делали замечания или другим способом пытались пресечь противоправные действия, впоследствии избивали по дороге домой, указывая, что именно их вмешательство и послужило причиной случившегося. В дальнейшем рабочие завода не вмешивались, опасаясь за свою жизнь и здоровье. В сложившейся ситуации работники завода предпочитали не давать показания в качестве свидетелей против А. и его преступной группы. И только после того как следователь принял решение о проведении допроса свидетелей под псевдонимами, последние дали показания, изобличающие А. и членов преступной группы, а также опознали А. в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. Их показания были положены в основу обвинительного приговора.

Анализ изученных уголовных дел, возбужденных по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, показал, что в 76 % из них следователи с согласия руководителя следственного органа выносили постановления о сохранении в тайне данных о личности покупателя, приобретающего наркотические средства под контролем сотрудников полиции. При этом угроз в адрес покупателя на момент присвоения ему псевдонима еще не поступало, однако последний опасался, что в дальнейшем такие угрозы могут быть, так как его данные будут фигурировать в материалах уголовного дела.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что меры безопасности необходимо применять не только тогда, когда угроза жизни и здоро-

вью свидетеля уже высказана, но и тогда, когда существует реальная возможность такой угрозы. В связи с этим предлагаем изложить ч. 3 ст. 11 УПК РФ в следующей редакции: «При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают или могут угрожать убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными противоправными деяниями, хотя и не подпадающими под признаки уголовно наказуемых деяний, однако направленными на противодействие раскрытию и расследованию преступления, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166 частью девятой, 186 частью второй, 193 частью восьмой, 241 пунктом 4 части второй и 278 частью пятой настоящего Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации».

По результатам опроса 57 % следователей в процессе расследований преступлений не применяли меры безопасности, предусмотренные УПК РФ, 33 % — проводили допрос свидетеля под псевдонимом, 16 % — опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, и всего 2 % — осуществляли контроль и запись телефонных переговоров. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть одну из наиболее популярных и часто используемых органами уголовного преследования мер безопасности — получение показаний под псевдонимом, так как при применении данной меры безопасности возникают определенные сложности.

При поступлении угроз в адрес свидетеля следователь вправе не приводить данные о личности свидетеля в протоколе следственного действия, обеспечивая его безопасность. С этой целью он выносит постановление о сохранении в тайне данных о личности, которое согласовывает с руководителем следственного органа. Дознаватель согласовывает аналогичное постановление с прокурором. В постановлении излагаются причины, по которым надлежит сохранить в тайне данные свидетеля, а также отражается псевдоним, который присваивается свидетелю и образец его подписи, который в дальнейшем будет использоваться в протоколах следственных действий. Однако уголовно-процессуальный закон не регламентирует юридическое основание применения данной меры безопасности, а лишь указывает на наличие угроз

жизни или здоровью, а также имуществу свидетеля. В подобной ситуации считаем, что следователь по аналогии с ч. 2 ст. 16 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» должен получить от свидетеля письменное заявление или его согласие, выраженное в письменной форме, а в случае, если свидетель является несовершеннолетним, то заявление должны написать его законные представители. В дальнейшем заявление совместно с постановлением о сохранении в тайне данных о личности свидетеля необходимо поместить в конверт, который опечатывается, приобщается к уголовному делу и хранится при нем в условиях, исключающих возможность ознакомления с ним иных участников уголовного судопроизводства. Как правило, при направлении уголовного дела в суд конверт подшивается следователем после обвинительного заключения.

В юридической литературе существует мнение, что конверт с постановлением о сохранении в тайне данных о личности необходимо хранить по правилам секретного делопроизводства [5] либо в оперативном подразделении внутренних дел [6]. Такое решение мотивируется тем, что любые участники процесса, в том числе и со стороны защиты, могут практически беспрепятственно вскрыть конверт и ознакомиться с его содержанием [7]. Однако с данным мнением невозможно согласиться. Уголовно-процессуальный закон четко регламентирует перечень документов, с которыми имеют право знакомиться участники уголовного судопроизводства в процессе расследования преступления, и если касаться стороны защиты, то защитник имеет право знакомиться только с теми протоколами следственных действий, которые были произведены с участием подозреваемого или обвиняемого, интересы которого он представляет (п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Кроме того, в ч. 1 ст. 217 УПК РФ говорится о том, что при ознакомлении с материалами уголовного дела следователь не предъявляет для ознакомления постановление о сохранении в тайне данных о личности. То есть ни на одном из этапов расследования сторона защиты не имеет доступа к конверту, в котором хранится указанное постановление. Если рассматривать вопрос о порядке хранения уголовных дел, находящихся в производстве следователя, то в МВД России не существует нормативного акта, регламентирующего данный вопрос. Однако, например, на территории Волгоградской области действует приказ № 1275 от 31 декабря 2015 г. «Об утверждении Инструкции по организации учета, хранения, передачи, выдачи и инвентаризации уголовных дел в органах предварительного следствия». Согласно п. 12 Инструкции следователь обязан хранить уголовные

дела, находящиеся у него в производстве, в сейфе или металлическом ящике, которые должны иметь исправные запорные устройства и опечатываться печатью следователя. Ключи от сейфа должны храниться непосредственно у следователя, их дубликаты — у руководителя органа предварительного следствия. Кроме того, следователь, покидая свое рабочее место, независимо от времени отсутствия, обязан все уголовные дела поместить в сейф.

Вывод о том, что стороны защиты и другие участники процесса не имеют доступа к конверту, в котором хранились данные о личности лица, участвующего под псевдонимом, подтверждает опрос следователей, 100 % которых сообщили, что в их практике не было случаев, когда в процессе расследования участники уголовного судопроизводства получили доступ к конверту.

До сих пор не урегулирован вопрос о том, что же делать с протоколом допроса свидетеля, который заявил ходатайство о применении в отношении него мер безопасности уже после его первоначального допроса с указанием его настоящих данных. Е. И. Замылин предлагает принимать меры к предотвращению визуального восприятия заинтересованной стороной текста с анкетными данными свидетеля, зафиксированными в процессуальных документах. Это может быть дубликат протокола допроса, выполненный посредством ксерокса, но без титульного листа, с соответствующими разъяснениями следователя, например, «имеются (находятся) в деле» [8]. А. А. Степанов и О. В. Корнелюк предлагают предоставлять следователю возможность в случае необходимости изымать из дела протоколы допросов свидетелей и проводить повторные следствия с их участием без указания анкетных данных [9]. Данная позиция представляется наиболее целесообразной. При производстве допроса свидетеля в его показаниях, помимо об-

стоятельств, известных им и имеющим значение для уголовного дела, отражаются сведения общего характера: с кем проживает свидетель, состоит ли он на учетах и др.; в случае если преступление каким-то образом связано с его работой, то и сведения выясняются следователем. Кроме того, в протоколе допроса могут иметься сведения, по которым можно установить место жительства свидетеля. Например, следователь обязательно отразит, где находился свидетель в момент наблюдения лица, совершившего преступление, и если это балкон дома, то впоследствии обвиняемому не составит труда установить личность свидетеля. Не говоря уже о том, что свидетель может знать лицо, совершившее преступление, и следователь отразит их взаимоотношения. Все это подтверждает, что не достаточно просто заменить страницу в протоколе, где находятся анкетные данные. Следователю необходимо провести повторный допрос свидетеля под псевдонимом, исключая из показаний сведения, по которым обвиняемый мог бы установить личность свидетеля. Однако при этом его показания не должны существенно отличаться от показаний, данных им под своим настоящим именем. Результаты первоначального допроса свидетеля нужно поместить в конверт вместе с заявлением и постановлением о сохранении в тайне данных о личности.

Полагаем, что перечень документов, находящихся в конверте, с указанием количества листов, необходимо отражать в описи уголовного дела при направлении его к прокурору для утверждения обвинительного заключения без указания сведений об анкетных данных засекреченного лица (заявление свидетеля о применении к нему мер безопасности, постановление о сохранении в тайне данных о личности, протокол допроса свидетеля и т. д.).

Примечание

* Согласно данным анкетирования, проведенного среди следователей следственных подразделений У МВД России по г. Волгограду в июне 2019 г.

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2013.

2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 2003.

3. Литвинцева Н. Ю. Процессуальный статус свидетеля в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005.

4. Замылин Е. И. Основы теории и практика обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений:

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80 000 Words and Phraseological Expressions / Russian Academy of Sciences. The Russian Language Institute named after V. V. Vinogradov. The 4th Ed., Added. Moscow: A TEMP Limited Liability Company, 2013.

2. Commentary on the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation. Ed. by A. V. Smirnov. Saint Petersburg, 2003.

3. Litvintseva N. Yu. Procedural Status of a Witness in the Russian Criminal Proceedings. Dissertation of Candidate of Juridical Sciences. Irkutsk, 2005.

моногр. / под ред. Б. П. Смагоринского. Волгоград: ВА МВД России, 2009; Янин С. А. Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

5. Брусницын Л. В. Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы УПК // Российская юстиция. 2003. № 5. С. 50; Тимошенко Л. А. Сохранение в тайне данных о личности потерпевшего и свидетеля как уголовно-процессуальная мера безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

6. Шевченко К. Д. Процессуальные аспекты государственной защиты потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству. М., 2004.

7. Козырева И. Е. Процессуальные, психологические и криминалистические проблемы участия свидетеля на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009.

8. Замылин Е. И. Основы теории и практика обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений: моногр. / под ред. Б. П. Смагоринского. Волгоград: ВА МВД России, 2009.

9. Степанов А. А. Проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершенных организованными преступными группами // Вестник криминалистики. 2004. № 3 (11). С. 61; Корнелюк О. В. Уголовно-процессуальные способы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 1. С. 244—247.

© Шавкарова Е. Е., 2019

Шавкарова Елена Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры
предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: alena300876@rambler.ru

4. Zamylin Ye. I. Fundamentals of Theory and Practice to Ensure Safety of Persons Contributing to Solve and Investigate Crimes. Monograph. Ed. by B. P. Smagorinskiy. Volgograd: Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia, 2009; Yanin S. A. Legal and Organizational-Tactical Problems of State Protection of Persons Contributing to Criminal Proceedings at the Stage of Preliminary Investigation. Dissertation of Candidate of Juridical Sciences. Volgograd, 2005.

5. Brusnitsyn L. V. Ensuring Safety of Participants of Criminal Proceedings: Possibilities and Prospects of the Code of the Criminal Procedure. Russian Justice. 2003; 5: 50; Timoshenko L. A. Keeping a Secret the Data of the Victim and Witness as a Criminal Procedural Measure of Security. Abstract of Dissertation of Candidate of Juridical Sciences. Saint Petersburg, 2006.

6. Shevchenko K. D. Procedural Aspects of State Protection of Victims, Witnesses and Other Persons Contributing to Criminal Proceedings. Moscow, 2004.

7. Kozyreva I. Ye. Procedural, Psychological and Criminalistic Problems of Witness Participation in the Preliminary Investigation. Dissertation of Candidate of Juridical Sciences. Ufa, 2009.

8. Zamylin Ye. I. Fundamentals of Theory and Practice to Ensure Safety of Persons Contributing to Solve and Investigate Crimes. Monograph. Ed. by B. P. Smagorinskiy. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2009.

9. Stepanov A. A. Problems to Ensure Safety of Participants in Criminal Proceedings in Cases Related to Crimes Committed by Organized Criminal Groups. Vestnik of Criminalistics. 2004; (11): 61; Kornelyuk O. V. Criminal and Procedural Methods to Ensure Safety of Participants in Criminal Proceedings. "Black Holes" in the Russian Legislation. 2007; 1: 244—247.

© Shavkarova E. E., 2019

Shavkarova Elena Evgeniyevna,
senior lecturer at the department
of preliminary investigation
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia;
e-mail: alena300876@rambler.ru

* * *

УДК 343.9.02
ББК 67.518.4

DOI 10.25724/VAMVD.LJKL

В. В. Зубенко, Н. Ф. Солдатов, Н. А. Выборнов

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются генезис организованной преступности с советского периода до настоящего времени, деятельность государства и его правоохранительных структур по противодействию этому негативному явлению. По мнению авторов, основной опасностью организованной преступности в едином механизме «гибридных технологий» является возможность оказания влияния на государственную политику через коррупционные связи и сращивание криминалитета с властью, а также взаимодействие организованных преступных сообществ с террористическими и экстремистскими организациями, что, соответственно, создает дополнительную угрозу международной безопасности. В работе рассматривается разрушительный потенциал преступных сообществ как элемент гибридной войны, используемой для дестабилизации обстановки внутри государства. Авторы предлагают определенные мероприятия по оптимизации государственной политики, нацеленной на обеспечение национальной безопасности России, которые способствуют эффективному противодействию угрозам, продуцируемым организованной преступностью и гибридными технологиями, в частности возобновление деятельности оперативных подразделений полиции по борьбе с организованной преступностью.

Ключевые слова: преступность, организованная преступность, национальная безопасность, угроза национальной безопасности, коррупция, терроризм, борьба с организованной преступностью, «гибридная война», «гибридные технологии».

V. V. Zubenko, N. F. Soldatov, N. A. Vybornov

REVIVAL OF UNITS TO COMBAT ORGANIZED CRIME AS AN OBJECTIVE NEED TO ENSURE THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the genesis of organized crime from the Soviet period to the present time, the activities of the state and law enforcement agencies to counter this negative phenomenon. According to the authors, the main risk of organized crime in the common mechanism of "hybrid technology" is the ability to influence government policy through corrupt connections and the fusion of criminality with the power, and the interaction of organized crime with terrorist and extremist organizations, which, consequently, creates a threat to international security, the Authors consider the destructive potential of organized crime as an element of a hybrid war, used to destabilize the situation inside the state. The authors propose certain measures to optimize the state policy aimed at ensuring the national security of Russia and ensuring the organization of effective counteraction to threats produced by organized crime and hybrid technologies, in particular the resumption of the activities of operational police units to combat organized crime.

Key words: crime, organized crime, national security, threat to national security, corruption, terrorism, fight against organized crime, «hybrid war», «hybrid technologies».

Организованная преступность, являясь негативной стороной социальной жизни, остается одной из основных проблем экономической и политической безопасности нашей страны. Чтобы сформировать целостное представление о ней, необхо-

димо проследить ее путь на примере советской и российской истории.

Наиболее известным преступным сообществом, зародившимся в местах лишения свободы в начале 1930-х гг., можно считать институт воров в законе.

Оно включало в себя уважаемых в криминальном мире людей, имеющих судимость и придерживающихся специфических морально-нравственных понятий (кодекса воровской чести). Воры в законе по сей день оказывают значительное влияние на осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, и криминальные структуры за их пределами. Л. Л. Климаков отмечает: «Организатор преступного сообщества — это, прежде всего, сильная личность. В связи с тем, что лидерам преступного мира зачастую право на власть приходится отстаивать в борьбе с другими криминальными структурами, данные субъекты проявляют жесткие, а иногда и жестокие черты характера, в ряде случаев они становятся безжалостными, беспощадными и часто способными на убийство» [1, с. 414].

Но неписаному кодексу воровской этики ворам в законе категорически запрещено сотрудничать с представителями власти. Этот принцип активно поддерживал В. П. Бабушкин, известный в преступном мире как Вася Бриллиант, который 35 лет провел в местах заключения. Однако многие воры в законе, трансформируясь под действующую экономическую и политическую обстановку, пренебрегают указанным постулатом и имеют обширные и прочные связи в органах государственной власти, в том числе в правоохранительных, что существенно затрудняет ликвидацию возглавляемых ими сообществ. Массовое нарушение приведенного запрета впервые произошло во время Великой Отечественной войны. До 1943 г. ранее судимые лица не призывались на военную службу, но после победы в Сталинградской и Курской битвах и начала наступления советскому командованию потребовалось увеличить численность действующих боевых частей Красной Армии, поэтому было решено мобилизовать бывших заключенных. Как следствие, многие воры в законе вопреки воровскому кодексу ушли на фронт из патриотических соображений. По окончании Великой Отечественной войны некоторые из них вернулись к преступной деятельности и вновь были отправлены в места лишения свободы. Те же, кто остались верными воровским принципам и не были на фронте, считали первых предателями «блатных идей». Этот конфликт сотрудники оперативных подразделений различных правоохранительных ведомств (НКВД, а позже МВД, МГБ и КГБ) использовали для ликвидации воров в законе как преступного класса. Некоторые руководители заявляли об их полном уничтожении, что не соответствовало

действительности. Д. Н. Тишин писал: «Властные структуры, тем не менее, так уверовали в то, что преступные лидеры исчезли навсегда, что в 1960-е годы работа в этой области была фактически прекращена, но при этом не существовало никаких существенных доказательств успешности проведенных мер» [2, с. 133—137].

В 1960-х гг. стали очевидными недостатки в плановой системе хозяйствования и начался новый этап формирования организованной преступности: появились незаконные предприниматели («цеховики»), которые инвестировали денежные средства от своей нелегальной коммерческой деятельности в производство дефицитных товаров. Тогда же воры в законе сменили вектор своей преступной деятельности на вымогательство с «цеховиков». Жертвы же, как правило, даже не собирались обращаться в милицию, опасаясь вопросов о происхождении похищенных ценностей [2, с. 133—137].

В период декларированной М. С. Горбачевым «перестройки» Верховным Советом СССР были приняты законы «Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР» от 19 ноября 1986 г. № 6050-XI и «О кооперации в СССР» от 26 мая 1988 г. № 8998-XI. Это позволило «цеховикам» легализовать свою деятельность в виде кооперативов, тем самым защитить накопленные капиталы, а также в условиях острого дефицита товаров широкого потребления создало им благоприятные условия для развития бизнеса в современном понимании данного слова. Но преступность проникала и сюда: кооператоры, которые не шли на контакт с представителями криминалитета, подвергались рэкету и угрозам. Кроме того, преступники начали организовывать «особые» кооперативы (25 мая 1989 г. в Ленинграде был создан первый в СССР частный охранный кооператив «Алекс», чьим руководителем стал ранее дважды судимый гражданин А. Елесин) и маскировать нелегальную деятельность под вполне законные предприятия. В условиях реализации политики «гласности» сотрудникам милиции запрещалось «даже заглядывать в нарождающиеся кооперативы. И никто не заглядывал почти год. Тогда и произошел фантастический по объему отмыв „грязных“ денег и сращивание теневых дельцов и бандитов. Именно 1987—1988 гг. стали точкой отсчета в формировании современной российской организованной преступности» [3].

К концу 1980-х гг. в СССР криминогенная обстановка стала критической. Пришло понимание, что преступность носит организованный характер, но, исходя из идеологических соображений, открыто

об этом не говорилось. В 1986 г. в Украинской ССР был создан первый в стране отдел по борьбе с организованной преступностью в составе Управления уголовного розыска УВД Днепропетровского облисполкома, а через два года — 6-е управление в составе ГУУР МВД СССР (по борьбе с организованной преступностью), которое возглавил полковник милиции А. И. Гуров.

Несколько позже, 29 августа 1990 г., в Ленинграде состоялось расширенное заседание Всесоюзного координационного бюро по криминологии, где было принято решение ходатайствовать перед первыми лицами государства о создании единого Федерального государственного комитета по борьбе с организованной преступностью и коррупцией при Верховном Совете СССР. Предполагалось, что этот комитет с сетью структурных подразделений на территории всей страны должен быть наделен в полном объеме оперативно-розыскными и следственными полномочиями [4, с. 192—206]. В целях реализации указанного решения в 1991 г. 6-е управление было преобразовано в Главное управление МВД СССР по борьбе с организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом. Этому среди прочего способствовал и выход летом 1988 г. «Литературной газеты», где была опубликована статья А. И. Гурова и журналиста Ю. П. Щекочиных «Лев готовится к прыжку», а позже ее продолжение — «Лев прыгнул». Данные публикации опровергали факт отсутствия организованной преступности в стране и активно тиражировались другими изданиями, в результате чего получили широкую огласку.

Трудности, возникшие при создании специальной службы по борьбе с организованной преступностью, были обусловлены отсутствием опыта противодействия преступлениям подобного рода. Новое подразделение должно было аккумулировать потоки различной оперативной информации и накопленный потенциал по линии уголовного розыска и борьбы с экономическими преступлениями, поэтому в него набирали оперативных сотрудников из соответствующих структур. Такое слияние позволило им создавать иные подходы к решению поставленных задач: работа здесь строилась не так, как в уголовном розыске, где при раскрытии преступления оперативники идут от преступления к личности. Основными направлениями деятельности новой службы стали ликвидация экономической базы организованной преступности, контроль за ее лидерами, что способствовало разобщению преступных групп.

После распада СССР Главное управление МВД СССР по борьбе с организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом было преобразовано в Главное управление по борьбе с организованной преступностью МВД России (далее — ГУБОП). В 1993 г. этот процесс завершился созданием на территории России 15 региональных подразделений (далее — РУБОП) по экономическим районам страны и управлений по борьбе с организованной преступностью (далее — УБОП) в каждом субъекте России. Особенность данных подразделений заключалась в том, что они подчинялись непосредственно ГУБОП, минуя территориальные органы МВД России. Кроме того, в их составе были созданы специальные подразделения силовой поддержки — отделы тактических операций, позже получившие название СОБР — специальный отряд быстрого реагирования. В результате принятых мер были ликвидированы тысячи бандитских формирований и преступных сообществ, выявлены и пресечены сотни тяжких и особо тяжких преступлений, реализованы задачи по недопущению проникновения криминала во власть, очищены от организованной преступности территориальные образования и субъекты Российской Федерации. Сотрудники подразделений по борьбе с организованной преступностью принимали активное участие в контртеррористической операции на территории Северного Кавказа. За мужество и героизм при выполнении служебного долга звания Героя Российской Федерации были удостоены 35 сотрудников, 27 из них — посмертно.

С 1991 по 2000 г. криминогенная обстановка в стране оставалась сложной. В постановлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О преодолении кризиса в экономике Российской Федерации и о Стратегии экономической безопасности государства» от 20 марта 1998 г № 2318-II ГД отмечалось, что на долю теневой экономики того периода приходилось практически 40 % валового внутреннего продукта, в ней работали более 9 млн граждан. Преступными группами контролировалось 40 % предприятий, основанных на частной форме собственности, 60 % государственных предприятий и до 85 % банков [5].

В 2000-х гг. происходит реформирование ГУБОП, которое было сначала включено в состав Службы криминальной милиции МВД России и тем самым лишено самостоятельности, а затем преобразовано в Департамент по борьбе с организованной преступностью и терроризмом. На базе РУБОП воз-

никли оперативно-разыскные бюро (ОРБ) в составе главных управлений МВД России по федеральным округам. Непосредственно в субъектах Российской Федерации УБОП были переподчинены территориальным органам внутренних дел. Однако в 2008 г. и эта система подразделений по борьбе с организованной преступностью в структуре МВД России была упразднена. На их основе в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 были созданы подразделения по противодействию экстремизму и обеспечению безопасности лиц, подлежащих защите.

В настоящий момент в России борьба с организованными видами преступности в той или иной мере является обязанностью всех оперативных подразделений, наделенных правом осуществления оперативно-разыскной деятельности в полном объеме и входящих в структуру МВД России: уголовного розыска, подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции и т. д. В связи с этим считаем необходимым обратить внимание на мнение президента Института верховенства права С. Ю. Маркелова: «К УБОП было много претензий... но эти проблемы можно было решить, поставив УБОП под жесткий контроль прокуратуры. Это нормально, что у УБОП были особые полномочия. Но на особые полномочия нужен и особый контроль... А теперь много опытных сотрудников уйдет, снизится профессионализм, потеряются наработки» [6].

Сегодня очевиден тот факт, что связь преступных сообществ с террористическими и экстремистскими организациями в условиях недостаточно эффективного международного антитеррористического сотрудничества и расширения масштабов транснациональной организованной преступности угрожает национальной безопасности России и других стран. Данный тезис находит подтверждение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 [7], и иных документах стратегического планирования. По мнению экспертного сообщества, в подобной ситуации ликвидация ГУБОП выглядит по меньшей мере нерациональной.

Наряду с терроризмом организованная преступность входит в число самых опасных явлений XXI в. «Преступным сообществам присущи также ориентация на противоположные обществу и господствующей культуре ценности и образцы поведения; наличие аморальной по своей сути системы поощрений и наказаний за деятельность крими-

нального характера; бездуховная, агрессивная и при этом паразитическая природа как организованной преступности, так и преступности вообще; стремление к созданию собственной криминальной бюрократии, а также своей политической и экономической элиты и даже средств массовой информации, т. е. фактически собственного преступного государства со всеми присущими ему атрибутами» [8, с. 115]. Данные характеристики точно описывают сходство между преступным сообществом и террористической организацией. Авторы солидарны с позицией доктора юридических наук С. В. Иванцова: «Следует прогнозировать развитие следующих опасных тенденций: организованная террористическая деятельность будет характеризоваться дальнейшим резким изменением количественных и качественных сторон, при этом наиболее распространенными формами и методами действий террористических организаций будут экологический, ядерный терроризм, терроризм в сфере высоких технологий» [9]. Именно по данной причине некоторые ученые называют симбиоз преступных сообществ с террористическими организациями «инструментарием геополитического противостояния» [10, с. 68]. Отсюда можно заключить, что борьба с организованной преступностью должна осуществляться в тесной связке с антитеррористической деятельностью, так как это звено одной цепи.

Нужно также отметить, что преступные сообщества могут использоваться спецслужбами потенциальных противников для дестабилизации российского общества, подрыва обороноспособности и национальной безопасности нашего государства. Здесь речь идет о так называемых «гибридных войнах», которые отдельные страны ведут с Россией после распада СССР, пытаясь сделать ее сателлитом глобального Запада [11, с. 100]. В самом общем виде «гибридные войны» можно охарактеризовать как принципиально новый тип организованного насилия, сочетающий в себе смесь «боевых действий, организованной преступности и массовых нарушений прав человека» [12]. Особый размах они приобрели после воссоединения России с Крымом. Процесс «демонизации» нашей страны западным сообществом («вероятная» причастность России к гибели малазийского Боинга под Донецком, химическим атакам в Сирии, отравлению семьи Скрипалей и т. п.) лишь подтверждает тот факт, что, несмотря на поражение в холодной войне, Российская Федерация вновь имеет влияние на геополитической арене [10, с. 70].

В русле исследования представляется позитивным то обстоятельство, что 1 апреля 2019 г. по инициативе Президента России В. В. Путина в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены изменения: введена ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии», предусматривающая наказание от 8 до 15 лет лишения свободы со штрафом до 5 млн руб. Однако на практике ее применение сталкивается с серьезными трудностями: часто структура преступных сообществ настолько сложна, что определить и привлечь к ответственности их лидеров проблематично. Похожую организацию имеет итальянская мафия, где помимо непосредственно главы («дона») есть его ближайший советник («консильери»), который, как правило, занимается легальной деятельностью (скажем, адвокатской) и не имеет криминального прошлого. Путем консультаций и убеждений главы он может управлять всей структурой, при этом не являясь ее лидером. Привлечь его к ответственности за оказание консультативной помощи доверителю невозможно, а содержание консультаций охраняется адвокатской тайной.

Показательной в контексте исследуемой проблемы выглядит позиция отдельных депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации о необходимости воссоздания службы по борьбе с организованной преступностью. Так, по мнению Н. В. Поклонской, в настоящее время возросла потребность в возрождении данного подразделения, обоснованная тем, что «90-е не исчезли, они переросли, они приобрели новую форму — форму власти, они обросли, они легализуются» [13]. По этому же поводу С. В. Катков и О. И. Белокобыльская пишут, что Приказ тайных дел, Тайная экспедиция, Особый комитет при сенате, сыскная полиция и т. д., существовавшие в Российской империи, вели деятельность, направленную на профилактику, пресечение наиболее тяжких преступлений против государства. Аналогичные задачи решали в советский период специализированные оперативные подразделения в составе ВЧК, ГПУ, РКМ, НКВД и т. д. «Именно концентрация усилий в одном специализированном органе исполнительной власти, наделенном правом осуществления ОРД, результаты которой в настоящее время могут быть интегрированы в уголовно-процессуальное производство, позволяло поднять на качественно новый уровень борьбу с наиболее опасными видами преступности» [14, с. 18]. Однако возрождение единой структуры оперативных подразделе-

ний по борьбе с организованной преступностью не искоренит проблему преступности в целом. Для этого нужно устранить ее детерминанты: правовой нигилизм большей части российского общества, обусловленный недостаточным уровнем образования; отсутствие рабочих мест; медленный рост экономики; низкий авторитет государства и правоохранительных органов; социальное неравенство и т. д. Кроме того, необходимо «повысить уровень доходов госслужащих; ...ввести презумпцию виновности служащих (обвинение в коррупции наступает в случае превышения расходов над доходами или необходимо доказывать обратное); использовать институт расширенной конфискации, при котором на обвиняемого возложить обязательство по доказыванию законности приобретенных им активов; обеспечить неотвратимость наказания и мощнейшее информационное сопровождение» [15, с. 13].

Организованная преступность, как и преступность в целом, будет существовать всегда, поскольку не зависит от политического режима и формы правления в государстве. Ликвидация организованной преступности в полной мере невозможна, в связи с тем что она постоянно трансформируется в новые формы, меняет состав и руководство, сращивается с чиновниками разного уровня и сотрудниками правоохранительных органов. Все это еще раз подчеркивает необходимость постоянной оптимизации усилий государства, направленных на борьбу с ней. Решение данной проблемы некоторые эксперты видят в «создании приемлемых условий для развития бизнеса и других форм реализации творческого потенциала личности», что сделает «менее рентабельным обращение к криминальной деятельности» [16].

По мнению авторов статьи, для частичной нейтрализации таких негативных явлений, как организованная преступность и гибридные технологии, и минимизации их последствий необходимо: в совокупности с оптимизацией социально-экономической политики возобновить в системе МВД России деятельность «самостоятельной (центрального подчинения) структуры по борьбе с организованной преступностью» [17, с. 131]; «создание госструктур, объединяющих усилия всех органов государственной власти, задействованных в противодействии угрозам, продуцируемым гибридными технологиями с целью их эффективного функционирования, обмена и аккумулирования всех информационных потоков, а также оперативного принятия решений» [11, с. 101].

1. Климаков Л. Л. Криминогенная детерминация индивидуальных форм участия в организованной преступной деятельности // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки Российской Федерации Л. Л. Кругликова / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань, 2015. С. 411—417.

2. Тишкин Д. Н. Исторические аспекты российской организованной преступности как фактор повышения эффективности государственной политики по борьбе с ней и обеспечению национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 2 (105). С. 133—137.

3. Овчинский В. С. «Теневая роскошь» // Экономические стратегии. 2008. Т. 10. № 5—6 (63—64). С. 80—83.

4. Скобликов П. А. Самостоятельная Федеральная служба по борьбе с организованной преступностью: доводы «за» и «против» // Криминальная ситуация на рубеже веков в России: сб. материалов науч.-практ. конф., посвященной 15-летию создания Службы по борьбе с организованной преступностью и НИЛ-3 ВНИИ МВД России / под ред. А. И. Долговой. М., 1999. С. 192—206.

5. О преодолении кризиса в экономике Российской Федерации и о стратегии экономической безопасности государства: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 20 марта 1998 г. № 2318-II ГД. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. УБОП, до свидания! Что последует за расформированием отдела по борьбе с организованной преступностью? URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=1664> (дата обращения: 13.09.2019)

7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Тишкин Д. Н. Методологические проблемы исследования организованной преступности как угрозы национальной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. Вып. 2. С. 114—121.

1. Klimakov L. L. Criminogenic determination of individual forms of participation in organized criminal activity. In: Differentiation and individualization of responsibility in criminal and penal law: proceedings of the international. Scientific practical conference dedicated to the 75th anniversary of doctor of juridical sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation L. L. Kruglikov. Ed. by V. F. Lapshin. Ryazan; 2015; 411—417.

2. Tishkin D. N. Historical aspects of Russian organized crime as a factor in increasing the effectiveness of state policy to combat it and ensure national security. Science and education: economics and economics; entrepreneurship; law and management. 2019; 105 (2): 133—137.

3. Ovchinsky V. S. "Shadow luxury". Economic strategies. 2008; 10; 5—6 (63—64): 80—83.

4. Skoblikov P. A. Independent Federal Service for Combating Organized Crime: Pros and Cons. In: Criminal Situation at the Turn of the Century in Russia: collection of materials of scientific and practical conference dedicated to the 15th anniversary of the creation of the Service to Combat Organized Crime and NIL-3 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Ed. by A. I. Dolgova. Moscow; 1999: 192—206.

5. Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 2318-II GD of 20 March 20 1998. "On overcoming the crisis in the economy of the Russian Federation and on the strategy of economic security of the state". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. UBOP, bye! What will follow the breakdown of the organized crime unit? Available from: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=1664>. Accessed: 13 September 2019.

7. Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of 31 December 2015. "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

8. Tishkin D. N. Methodological problems of the study of organized crime as a threat to national security. Economic and humanitarian studies of the regions. 2016; 2: 114—121.

9. Иванцов С. В. Организованная преступность: системные свойства и связи (криминологическая оценка): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

10. Зубенко В. В., Тишкин Д. Н., Шувалов А. П. Транснациональная организованная преступность как инструментарий геополитического противостояния // *Философия права*. 2018. № 2 (85). С. 66—73.

11. Тишкин Д. Н., Митин А. И., Солдатов Н. Ф. Историко-институциональный подход к принятию Российской Федерацией ответных политических мер для противодействия угрозам, продуцируемым «гибридными технологиями», в системе международных отношений // *Философия права*. 2019. № 3 (90). С. 95—103.

12. Бартош А. А. Гибридная война — угроза третьей ступени. Россия и Запад остановились на поворотном пункте // *Военно-промышленный курьер*. 2019. Вып. 27 (790). URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/51453> (дата обращения 17.09.2019).

13. Поклонская призвала возродить УБОП в России URL: <https://ria.ru/20190205/1550426457.html> (дата обращения: 13.09.2019).

14. Катков С. В., Белокобыльская О. И. Закономерности оперативно-разыскной политики: отдельные вопросы теории и практики // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2019. № 1 (48). С. 115—121.

15. Плясов К. А., Тишкин Д. Н. Политико-правовые аспекты борьбы с организованной преступностью и ее коррупционной составляющей как элемент укрепления национальной безопасности современной России // *Философия права*. 2019. № 1 (88). С. 7—15.

16. Бараева Н. Б. Организованная преступность как социальный институт: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2002.

17. Тишкин Д. Н. Политические аспекты борьбы с российской организованной преступностью в контексте обеспечения национальной безопасности // *Власть*. 2019. Т. 27. № 1 (2019). С. 127—132.

9. Ivantsov S. V. Organized crime: systemic properties and relationships (criminological assessment). Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2009.

10. Zubenko V. V., Tishkin D. N., Shuvalov A. P. Transnational organized crime as a tool for geopolitical confrontation. *Philosophy of Law*. 2018; 85 (2): 66—73.

11. Tishkin D. N., Mitin A. I., Soldatov N. F. Historical and institutional approach to the adoption by the Russian Federation of reciprocal political measures to counter the threats posed by "hybrid technologies" in the system of international relations. *Philosophy of Law*. 2019; 90 (3): 95—103.

12. Bartosh A. A. Hybrid war — a threat of the third stage. Russia and the West stopped at a turning point. *Military-industrial courier*. 2019; 790 (27). Available from: <https://www.vpk-news.ru/articles/51453>. Accessed: 17 September 2019.

13. Poklonskaya called for the revival of the Organized Crime Control Department in Russia Available from: <https://ria.ru/20190205/1550426457.html>. Accessed: 13 September 2019.

14. Katkov S. V., Belokobylskaya O. I. Patterns of operational investigative policy: separate issues of theory and practice. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2019; 48 (1): 115—121.

15. Plyasov K. A., Tishkin D. N. Political and legal aspects of the fight against organized crime and its corruption component as an element of strengthening the national security of modern Russia. *Philosophy of law*. 2019. 88 (1): 7—15.

16. Baraeva N. B. Organized crime as a social institution. Abstract of dissertation of the candidate of sociological sciences. Saint Petersburg; 2002.

17. Tishkin D. N. Political aspects of the fight against Russian organized crime in the context of ensuring national security. *Power*. 2019; 27; 2019 (1): 127—132.

© Zubenko V. V., Soldatov N. F., Vybornov N. A., 2019

© Зубенко В. В., Солдатов Н. Ф.,
Выборнов Н. А., 2019

Зубенко Виктор Викторович,
начальник Волгодонского филиала
Ростовского юридического института
МВД России,
кандидат социологических наук;
e-mail: viktor.zubenko.82@mail.ru

Солдатов Николай Федорович,
начальник кафедры
тактико-специальной подготовки
Волгодонского филиала
Ростовского юридического института
МВД России;
e-mail: sldatvn3@mail.ru

Выборнов Никита Александрович,
полицейский комендантского отделения
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: nikitafregat@yandex.ru

Zubenko Viktor Viktorovich,
head of the Volgodonsk branch
of Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of sociological sciences;
e-mail: viktor.zubenko.82@mail.ru

Soldatov Nilolay Fedorovich,
head of the department
of tactical and special training
of the Volgodonsk branch
of Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
e-mail: sldatvn3@mail.ru

Vybornov Nikita Alexandrovich,
police officer of the commandant's office
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: nikitafregat@yandex.ru

* * *

Т. Н. Шишкарёва**ВОЛОСТНОЙ СУД В СИСТЕМЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВОСУДИЯ В 1889—1912 гг.**

В статье рассматривается историко-правовой аспект институализации волостного суда как института крестьянского правосудия в Российской империи в 1889—1912 гг. Автор анализирует условия формирования института волостного суда в ходе реформы волостного суда 1889 г.; раскрывает проблемы нормативно-правового регулирования деятельности волостных судов и соотношения закона и обычая в их правоприменительной практике; определяет роль волостного суда в крестьянском правосудии; устанавливает соотношение компетенции волостного суда и земского начальника в осуществлении крестьянского правосудия в исследуемый период.

Установленный крестьянской реформой 1861 г. правовой режим функционирования волостных судов требовал преобразований. Правоприменительная практика волостных судов в области гражданского права осложнялась отсутствием понимания волостными судьями понятия правового обычая как такового. Кроме того, она, в силу отличия обычаев в крестьянских обществах, существенно различалась не только в различных регионах империи, но даже в одной губернии или уезде. Эти особенности деятельности пореформенного волостного суда требовали усовершенствования нормативно-правовой базы данного института крестьянского правосудия. Процесс институализации волостного суда затруднялся существованием пробелов в нормативно-правовом регулировании их компетенции. Это особенно проявлялось при разрешении судами дел уголовно-правового характера.

В 1889 г. законодатель существенно расширил компетенцию волостного суда в области гражданского и уголовного права. Эти меры привели к усилению сословной обособленности крестьян, практически выведя это сословие из юрисдикции общего права. Одновременно с этим независимость крестьянского суда значительно снизилась в связи с введением должности земского начальника, который осуществлял административный контроль над волостным судом. Создание апелляционной инстанции затрудняло осуществление крестьянского правосудия, поскольку уездные съезды на практике при пересмотре решений крестьянского суда руководствовались не правовыми обычаями крестьян, а общим правом.

Ключевые слова: волостной суд, земский начальник, правосудие, обычай, крестьянское общественное управление.

T. N. Shishkareva**VOLOST COURT IN THE SYSTEM OF PEASANT JUSTICE IN 1889—1912**

The article considers the historical and legal aspect of the institutionalization of the volost court in 1889—1912. The author analyzes the conditions for the formation of the institute of the volost court during the reform of the volost court in 1889; The problems of normative legal regulation of the activity of volost courts and the correlation of law and custom in their law enforcement practice are revealed; the role of the volost court in peasant justice is defined; the correlation of competence between the volost court and the zemstvo chief in the implementation of peasant justice in the study period is established.

The legal regime for the functioning of volost courts, established by the peasant reform of 1861, required transformations. The law enforcement practice of volost courts in the field of civil law was complicated by the lack of understanding by volost judges of the concept of legal custom as such. In addition, due to the difference in customs in peasant societies, it significantly varied not only in different regions of the empire, but even within the framework of one province or county. These features of the activity of the post-reform volost court required the reform of the regulatory framework of this institution of peasant justice. The process of institutionalization

of the volost court was hampered by the existence of gaps in the legal regulation of their competence. This was especially evident when courts resolved cases of a criminal law nature.

In 1889, the legislator significantly expanded the competence of the volost court in both civil and criminal law. These measures only led to the strengthening of the class isolation of the peasants, practically removing this class from the common law system. At the same time, the independence of the court significantly decreased due to the introduction of the post of zemstvo chief, who exercised administrative control over the volost court. The creation of an appellate court significantly impeded the implementation of peasant justice, since district congresses in practice when reviewing the decisions of the peasant court were guided not by the legal customs of the peasants, but by common law.

Key words: volost court, zemsky chief, justice, custom, peasant public administration.

Исследование института крестьянского правосудия, изменения его основ, факторов влияния и развития дает возможность использовать исторический опыт функционирования и развития этого института при осуществлении современных преобразований в области права. Обращение к историческому опыту взаимодействия крестьянского правосудия и самоуправления с административной властью актуально при реформировании системы местного самоуправления в России.

Учреждение волостного крестьянского суда положениями реформы 1861 г., как и введение крестьянского общественного управления, задумывалось реформаторами как временная мера по сохранению правовой обособленности крестьянского сословия после отмены крепостного права. С другой стороны, учреждение волостного суда позволяло обеспечить судебную автономию крестьян на время переходного периода.

Правовой статус волостного суда с момента его создания в 1861 г. и до 1889 г. определялся Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (далее — Общее положение) [1, с. 37—77].

В правоприменительной практике определение подсудности и назначение меры наказаний в отношении крестьян вызывали затруднение не только у волостного суда, но и у мировых судей и их съездов. Вызвано это было несколькими причинами. Во-первых, отсутствием унифицированного нормативного правового акта, четко определяющего проступки, относящиеся к ведению волостного суда. Во-вторых, отсутствием единообразия в разрешении дел волостными судьями. Это было связано и с неграмотностью судей, и с тем, что судья прежде всего руководствовался своей совестью и выносил приговор «смотря по человеку» [2, с. 104].

Сложности в деятельности волостных суд, связанные с разрешением дел гражданско-правового

характера, были вызваны отсутствием понимания волостными судьями правового обычая, что затрудняло толкование и применение данного понятия. Разнообразие обычаев в крестьянской среде даже в пределах одного уезда существенно усложняло представление об этом явлении даже опытных юристов.

Указанные обстоятельства требовали от законодателя устранения пробелов нормативного регулирования деятельности волостных судов, что позволило бы не только устранить проблемы при определении их компетенции, но и сформировать единообразную правоприменительную практику.

Однако, проводя реформирование волостного суда, законодатель решил эту коллизию совершенно противоположным способом. Вместо устранения противоречий между существующим обычным правом крестьян и общим правом, а также разрешения, наконец, вопроса о крестьянской сословной обособленности законодатель пошел на существенное расширение компетенции волостного суда, сохранив изолированность крестьянского правосудия.

Независимость суда согласно Временным правилам о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках (далее — Временные правила), была существенно ограничена [3]. Если до введения Временных правил в действие волостные судьи избирались крестьянским сходом, то в соответствии с изменениями правового регулирования волостного правосудия крестьянские общества избирали кандидатов, из числа которых земский уездный начальник утверждал волостных судей. Это нововведение нарушало принцип независимости волостного суда и отделения судебной власти от администрации, который был зафиксирован крестьянской реформой 1861 г. Земский начальник осуществлял функции контроля и надзора

за деятельностью волостного суда, присутствуя на судебных заседаниях, проводя не менее двух раз в год ревизию судов. Волостной также судья имел право передавать на рассмотрение уездного съезда дела, которые он признает неправосудными. Судьи волостного суда, являясь крестьянами, подлежали административной власти земского начальника. Уездный съезд являлся апелляционной инстанцией для обжалования решений волостного суда. На практике же уездный суд руководствовался в своей деятельности общегражданскими законами, а не крестьянскими обычаями [4, с. 72]. В результате введения в действие Временных правил 1889 г. были изменены такие важнейшие основы осуществления крестьянского правосудия, заложенные реформой 1861 г., как независимость крестьянского правосудия и его опора на обычное право.

Компетенция волостного суда в соответствии с Временными правилами распространялась не только на крестьян, но и на мещан, посадских, ремесленников и цеховых, если они постоянно проживали не в городе. При этом они освобождались от телесных наказаний.

Расширилась и система наказаний, применяемых волостным судом. Так, если до введения в действие Временных правил 1889 г. волостной суд мог приговаривать к штрафу до трех рублей и аресту не свыше семи дней, то в соответствии с нововведениями волостной суд получил возможность приговаривать к штрафу до тридцати рублей и аресту до тридцати дней. Расширилась и сфера применения наказания розгами. Таким образом, только в отношении крестьянского сословия сохранялся данный вид наказаний.

Согласно ст. 1 Временных правил волостной суд состоял из четырех судей, причем один из них назначался уездным съездом председателем. Обязанности председателя волостного суда могли быть возложены и на волостного старшину. Каждое сельское общество избирало одного кандидата в волостные судьи, общее число избранных не должно было быть менее восьми. Недостаток кандидатов при отсутствии достаточного количества обществ восполняло то общество, которое определял уездный съезд. Из состава избранных лиц земский участковый начальник утверждал четырех судей на три года, а остальных назначал кандидатами на эти должности на тот же срок.

Временными правилами были установлены формальные требования к кандидатурам судей. На должность волостного судьи мог избираться:

- только домохозяин;
- только крестьянин, достигший тридцати пяти лет;
- только крестьянин, пользующийся уважением своих односельчан и, по возможности, владеющий грамотой.

В Общем положении не был указан образовательный ценз в качестве желательного условия для занятия должности волостного судьи.

Кроме того, в соответствии с Временными правилами не могли избираться на должность судьи:

- а) лица, осужденные за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужого имущества, а также подвергшиеся телесному наказанию, тюремному заключению или иному более строгому наказанию по решению суда;
- б) владельцы трактиров и питейных заведений;
- в) лица, замещающие иные должности крестьянского общественного управления.

Общим положением были предусмотрены случаи, когда избранный кандидат имел право отказаться от должности: достижение им шестидесяти лет, болезнь, а также пребывание в выборной должности в течение полного срока. В соответствии со ст. 1438 Уложения о наказаниях за отказ от принятия должности без установленных законом оснований лицо подлежало денежному взысканию. Волостные судьи и кандидаты приводились к присяге земским начальником, они получали денежное содержание, определяемое уездным съездом, из волостных сумм. Временные правила устанавливали лишь максимальный размер вознаграждения для судей и кандидатов (ст. 7).

Порядок судебных заседаний определялся ст. 8—13 Временных правил. Волостной суд собирался не менее двух раз в месяц, в рассмотрении каждого дела должно было участвовать не менее трех судей, в том числе и председатель, который осуществлял открытие и закрытие заседания, руководство судебным разбирательством, наблюдение за порядком. Решение принималось либо единогласно, либо большинством голосом, либо на основании мнения председателя (при разделении голосов поровну). В случае необходимости суд мог осуществляться не только на месте своего пребывания, но и выезжать туда, где возникало дело. Делопроизводство волостного суда, хранение

дел возлагалось земским начальником на одного из судей под наблюдением председателя суда.

В статье 25 Временных правил говорится, что «волостной суд решает дела по совести на основании имеющихся доказательств. При разрешении тяжб и споров между крестьянами, в особенности же дел о разделе крестьянского наследства, суд руководствуется местными обычаями...» [5, с. 14].

В соответствии с Временными правилами к ведению волостных судов в области гражданско-правовых отношений причислялись споры и тяжбы между крестьянами о движимом имуществе, входящем в состав крестьянского надела; иные споры ценой до трехсот рублей, за исключением исков о праве собственности или о праве на владение недвижимостью, основанном на крепостных или явочных актах; дела по наследованию и разделам между наследниками крестьянского имущества без ограничения суммы, когда наследственное и движимое имущество входило в состав крестьянского надела, а также когда наследственное имущество, находящееся в пределах волости, хотя и не входило в состав крестьянского надела, но ценность его не превышала пятьсот рублей. При этом иски, касающиеся недвижимого имущества, подлежали суду той волости, в пределах которой оно располагалось, а иски в отношении движимого имущества, по сделкам и обязательствам разбирались в суде той волости, к которой приписан ответчик.

Таким образом, практически все гражданские споры, возникающие в крестьянской среде, стали относиться к компетенции крестьянского суда [6, с. 67]. Аналогично развивалась ситуация и в уголовном праве. Волостному суду в соответствии с Положением 1889 г. стала подсудна большая часть проступков, предусмотренных Уставом о наказаниях.

Согласно ст. 17 Временных правил по уголовным делам разбирательству волостного суда подлежали следующие проступки, предусмотренные Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [7]:

— проступки против порядка управления: ослушание полицейских или других должностных лиц, в том числе должностных лиц крестьянского общественного управления, при осуществлении ими должностных полномочий (ст. 30), оскорбление полицейских или других стражей, служителей судебных и правительственных мест, а также полевых и лесных сторожей во время осуществле-

ния должностных полномочий (ст. 31), порча или истребление выставленных по распоряжению законных властей гербов, надписей или объявлений, а также искажение публичных памятников (ст. 33), обнародование информации без разрешения, если такое требовалось законом (ст. 34);

— проступки против благочиния, порядка и спокойствия: нарушение благочиния в церкви (ст. 35, 36), распространение ложных слухов, возбуждающих беспокойство в умах, а также напрасное причинение общей тревоги ударом в набат или иным образом (ст. 37), ссоры, драки, кулачный бой или иного рода буйство в публичных местах и нарушение общественной тишины (ст. 38), нарушение порядка на публичных собраниях или во время общенародных увеселений, театральных представлений (ст. 39), открытие в недозволенное время трактиров, харчевен и других такого рода заведений, в которых не производится торговля крепкими напитками, а также допущение в них недозволенных увеселений, игр или же бесчинств и беспорядков и продажа крепких напитков в таких заведениях нижним чинам (ст. 41), появление в публичном месте пьяным до беспамятства или в безобразном от опьянения виде (ст. 42), бесстыдные действия в публичном месте (ст. 43), причинение домашним животным напрасных мучений (ст. 43'), публичное выставление или распространение «явно соблазнительных изделий» (ст. 45), устройство запрещенных игр в карты, кости и т. п., но не в виде игорного дома (ст. 46), устройство без надлежащего разрешения публичной лотереи, незаконная раздача иностранной лотереи или промессов, запрещенная законом продажа всякого рода промессов на какие-либо лотереи, а также промессов на билеты займа с выигрышами (ст. 47), прошение милости из-за лени и привычки к праздности, прошение милости с дерзостью и грубостью, допущение к прошению милости детей (ст. 49—50);

— проступки против общественного благоустройства: загрязнение рек, каналов, источников и колодцев; несоблюдение правил о чистоте и опрятности на улицах (ст. 55), своз мусора, нечистот или «палого скота» не в назначенное место (ст. 56), охота и рыбная ловля в запрещенное время, в запрещенных местах, запрещенными способами и без соблюдения предписанных правил (ст. 57);

— нарушение устава о паспортах: отлучка или проживание без установленных документов либо с просроченными или ненадлежащими документами (ст. 65);

— нарушение уставов строительных и путей сообщения: постройка или перестройка здания без соответствующего разрешения, нарушение технических и иных правил постройки зданий (ст. 66), неисправное содержание и порча и повреждение тротуаров, мостков, мостовых и дорог (ст. 69, 70, 72), препятствование проходу по мосткам и тротуарам или проезду по дорогам и улицам (ст. 73);

— нарушение правил осторожности для предотвращения пожаров: устройство печниками или распоряжающимися работами печей, каминов, дымовых труб и т. п. без соблюдения правил, установленных для предотвращения от пожаров (ст. 88), несоблюдение предписанных правил о чистке дымовых труб (ст. 89), несоблюдение установленных правил осторожности при обращении с огнем в жилых местах, неимение сосудов с водой или огнегасительных снарядов (ст. 91), курение табака на улицах и площадях там, где это запрещено (ст. 92), несоблюдение правил, установленных для осторожности от огня на судах и плотках (ст. 94), нарушение правил предосторожности от огня в жилых помещениях (ст. 95), неявка на пожар с надлежащими огнегасительными снарядами (ст. 96), совершение проступков, обозначенных в ст. 88—92, 94, 95, в том случае если из-за несоблюдения этих правил произошел пожар (ст. 98);

— проступки «против народного здоровья»: порча воды без умысла мочением льна или конопли, сваливанием или выливанием нечистот, бросанием вредных веществ в местах, предназначенных для отбора воды для внутреннего употребления (ст. 111), приготовление для продажи съестных припасов или напитков, вредных для здоровья или испортившихся, а также изготовление посуды из вредных для здоровья материалов (ст. 115), несоблюдение установленных правил о производстве и продаже маргарина, искусственного масла, смешение маргарина и искусственного масла с коровьим маслом с целью торговли (ст. 115'), несоблюдение надлежащей опрятности и чистоты при продаже съестных припасов (ст. 116);

— проступки против личной безопасности: хранение или ношение запрещенного оружия, стрельба из огнестрельного или другого опасного оружия там, где это запрещено (ст. 117), хранение заряженного или другого опасного оружия без надлежащей осторожности, несоблюдение правил хранения и перевозки пороха, обустройства и содержания складов взрывчатых веществ, приобретение, дос-

тавка, хранение, продажа таких веществ (ст. 118), несоблюдение надлежащей осторожности при бросании камней или иных твердых предметов, при выкидывании или вылипании чего-либо, а также при складировании или перевозке тяжестей (ст. 119), несоблюдение мер обеспечения общественной безопасности при содержании диких зверей и домашних животных, травля человека без умысла (ст. 120—122), несоблюдение правил управления лошадьми в городах и селениях, быстрая езда (ст. 123), несоблюдение мер безопасности при проведении построек и других работ, при выставлении вещей на окна, прикреплении вывесок и ставней (ст. 124, 125), перевозка людей в неисправных лодках и нарушение правил безопасности при осуществлении речных перевозок (ст. 126), оставление без присмотра пьяных продавцами питейных заведений (ст. 127);

— оскорбление чести, угрозы и насилие: нанесение обиды словом или на письме (ст. 130, 131, 132), нанесение обиды действием (ст. 133—135), клевета (ст. 136), разглашение тайны с намерением нанесения оскорбления (ст. 137);

— угрозы и насилие: угроза насильственных действий, жизни (ст. 139—141), самоуправство или применение насилия, но без нанесения тяжелых побоев, ран или увечья (ст. 142);

— проступки против семьи: отказ в помощи родителям (ст. 143);

— проступки против чужой собственности: самовольное пользование чужим имуществом и его повреждение (ст. 145—153), кража предмета ценной не более пятидесяти рублей, если совершена в первый и второй раз (ст. 169—172), мошенничество, совершенное в первый или второй раз (ст. 173—174), присвоение чужого имущества (178—180') [2].

К компетенции волостного суда также относилось нарушение рабочим договора найма, заключенного «без договорного листа», а также мотовство и пьянство, если они приводили к разорению хозяйства.

Из компетенции волостного суда в соответствии со ст. 19 Временных правил исключалась кража лошади и домашнего крупного рогатого скота, утайка найденного ценностью свыше ста рублей, необъявление о находке ценностью свыше трехсот рублей, нарушение условий найма на работу по договорному листу [5, с. 9—10].

Как мы видим, значительная часть проступков, которые ранее относились к компетенции мировых

судей, передавалась в ведение волостного суда. Мировой суд в тех местностях, в которых был введен институт земского начальника, упразднился. Таким образом, крестьянское правосудие осуществляли земские участковые начальники, волостные и уездные съезды в качестве апелляционной инстанции.

К компетенции земского начальника относились дела по спорам и искам на сумму не более пяти сот рублей, возникающим из аренды земли, а также «оброчных и доходных статей», связанных с этой землей; из договоров личного найма на сельскохозяйственные работы; дела о восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения права прошло не более шести месяцев; дела о потравах и других повреждениях полей, лугов, иных угодий, если сумма ущерба не превышает пятисот рублей; а также иные иски на сумму не свыше трехсот рублей, обозначенные в ст. 29 Устава гражданского судопроизводства, в том числе иски о «праве участия частного» (ст. 442, 445, 446—451 Св. Зак. Гражд.), если со времени его нарушения прошло не более года, иски о личных обидах и оскорблениях.

К ведению земского начальника также относился ряд маловажных проступков, которые не относились к ведению волостного суда и иных судов (ст. 48, 49, 50 Положения о земских участковых начальниках) [8, с. 1377].

Наряду с судебными функциями земский начальник осуществлял административные функции контроля в отношении волостного суда. Влияние земского начальника на волостной суд заключалось в утверждении на должность судей и канди-

датов на должность судей, а также в возможности наложения административных взысканий на волостных судей как на должностных лиц крестьянского общественного управления. Также земские начальники получили право просматривать все решения волостных судов и представлять к отмене те из них, которые были, по их мнению, неправо судны. Данные новеллы законодателя существенно уменьшали независимость крестьянского суда, ставя его под контроль административной власти.

В целом законодатель сохранил и даже усилил обособленность крестьянского правосудия и крестьянства как сословия. Расширение компетенции крестьянского суда привело к тому, что большая часть правовых отношений в крестьянской среде изымалась из общего права. Создание апелляционной инстанции не снимало эту проблему и не создавало единообразия в правоприменительной практике. Решения волостных судов, принимаемые на основе обычного права, апелляционной инстанцией пересматривались зачастую на основе общего права. Таким образом, реформа 1889 г. не устранила противоречий в осуществлении крестьянского правосудия. Законодатель не изменил основы крестьянского суда, сохранив непрофессиональных судей и оставив обычай в качестве основного источника крестьянского правосудия. Наиболее важной для государства задачей оставалось сохранение крестьянской общины и главной трудовой единицы общины — крестьянской семьи. Этому должно было послужить сохранение приоритета обычного права в регулировании правовых отношений в крестьянской общине.

1. Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 7: Документы крестьянской реформы / отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юрид. лит., 1989.

2. Чихачев К. Я. Споры о надельной земле и дела по наследованию в волостных судах // Журнал Министерства Юстиции. 1904. № 4 (Апр.). С. 104.

3. Высочайше утвержденные: I. Положение о земских участковых начальниках. II. Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение. III. Временные правила о волостном суде в тех же местностях. IV. Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках: № 6196 от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). В 48 т. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Императорского Величества Канцелярии.

1. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vol. Vol. 7: Documents of peasant reform. Repl. ed. O. I. Chistyakov. Moscow: Legal literature; 1989.

2. Chikhachev K. Ya. Disputes on allotment land and inheritance cases in volost courts. Journal of the Ministry of Justice. 1904; 4 (April): 104—110.

3. The highest approved: I. Regulation on the district police officers. II. Rules on the arrangement of the judicial part in the areas in which the aforementioned Regulation is introduced. III. Temporary rules on the volost court in the same areas. IV. Rules on the procedure for enacting the Provisions on Zemstvo district commanders. No. 6196 of July 12, 1889.

4. Леонтьев А. А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1895.

5. Логинович С. Ф. Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями / сост. С. Ф. Логинович. Изд. неофиц. Тамбов: Тип. Губ. правл., 1894.

6. Леонтьев А. А. Волостной суд (По поводу проекта его преобразования) // Журнал Министерства Юстиции. 1905. 1 (Янв.). С. 67—110.

7. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 г.: с дополнениями по продолжению 1895 г., с приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената / изд. Н. С. Таганцевым; Упр. М.-В. ж.д. 13-е изд., доп. СПб.: [б. и.], 1900. Т. VIII.

8. Положение о земских участковых начальниках // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1889. № 81. С. 1373—1418.

© Шишкарёва Т. Н., 2019

Татьяна Николаевна Шишкарёва,
доцент кафедры теории и истории
государства и права
Юго-Западного государственного университета,
кандидат исторических наук;
e-mail: grohotova@inbox.ru

4. Leontyev A. A. Volost court and legal customs of peasants. Saint Petersburg: Printing house of M. Merkushev; 1895.

5. Loginovich S. F. Temporary rules on the volost court in localities where the Regulation on Zemstvo district commanders and the Charter on punishments imposed by justices of the peace are introduced. Compiler S. F. Loginovich. Tambov: Type. Lip. corrected.; 1894.

6. Leontiev A. A. Volost court (Concerning the project of its transformation). Journal of the Ministry of Justice. 1905; 1 (January): 67—110.

7. Charter of punishments imposed by justices of the peace. 1885 edition: with additions on the continuation of 1895, with the application of motives and extracts from decisions of the cassation departments of the Senate. Ed. N. S. Tagantsev; Control M.-V. railroad. 13th ed., add. Saint Petersburg: [s. n.]; 1900: Vol. VIII.

8. The provision of the district police chiefs. A collection of legalizations and government orders issued by the Governing Senate. Saint Petersburg. 1889; 81: 1373—1418.

© Shishkareva T. N., 2019

Tatyana Nikolaevna Shishkareva,
associate professor at the department
of theory and history of state
and law of Southwestern State University,
candidate of historical sciences;
e-mail: grohotova@inbox.ru

Н. И. Костюченко

ОТСУТСТВИЕ КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ И ИХ ПОДСИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В научной статье автор анализирует проблемы теории и практики управления и обосновывает, что возникновение большинства этих проблем связано с отсутствием классификаций социальных систем и их подсистем управления. Без опоры на эти классификации исследование таких системных образований, как государство, министерство, ведомство, организация, управление, менеджмент и т. д., практически невозможно. Классификация как абстрактная система является той основой, на базе которой можно в полной мере реализовать системный, диалектический и функциональный подходы, а в практике управления создавать и оптимизировать любой вид социальной системы в процессе ее функционирования и эволюции.

Ключевые слова: система, социальная система, управление, подсистема управления, виды социальных систем, содержательная классификация социальных систем.

N. I. Kostyuchenko

LACK OF CLASSIFICATION OF SOCIAL SYSTEMS AND THEIR ADMINISTRATION SUBSYSTEMS AS A PROBLEM OF THE THEORY AND PRACTICE OF PUBLIC ADMINISTRATION

In this scientific article, the author analyzes theory and practice problems of administration and substantiates that the occurrence of most of these problems is due to the lack of classifications of social systems and their administration subsystems. Unsupported by these classifications, the study of such system entities as the state, ministry, department, organization, administration, management, etc. is almost impossible. Classification as an abstract system is the basis for full implementation of the system, dialectic and functional approaches, and for creation and optimization of any kind of social system during the process of its functioning and evolution in administration practice.

Key words: system, social system, administration, administration subsystem, types of social systems, comprehensive classification of social systems.

Мнения большинства ученых, работающих в сфере теории управления, менеджмента и теории организации, свидетельствуют о наличии проблем в этих областях научной деятельности. Сложившаяся ситуация рассматривалась в ряде наших работ [1—7]. Было обосновано, что главной причиной возникновения всех существующих в настоящее время проблем является *отсутствие в процессах исследования диалектического, системного, конкретно-исторического, функционального и структурного подходов*. В числе наиболее серьезных проблем можно назвать:

- полифонию научных мнений относительно понятийного аппарата теории управления;
- ограничение состава функций социальных систем и подсистем управления;
- исключение понятия феномена «функция» из теории и практики управления;

— подмена понятия феномена «управление» понятиями «менеджмент», «организация» и отказ от исследования их как системных социальных явлений;

— отсутствие классификации социальных систем и систем управления как инструмента управленческой деятельности;

— возникновение на этой основе научных противоречий;

— «разрыв» теории и практики управления.

Как следствие, субъекты управления были вынуждены отказаться от опоры на «научные достижения» и осуществлять управленческую деятельность на эмпирической основе — методом проб и ошибок.

Анализ многочисленных работ показал, что ученые в большинстве случаев говорят о необходимости реализации системного подхода при исследовании феномена «социальное управление».

Однако его применение сводится только к рассмотрению общенаучного мнения о понятиях «система», «система управления» и истории их возникновения. При этом феномен «система управления» как системное социальное явление не изучается. Для подтверждения этого тезиса приведем несколько примеров исследования разных видов управления.

Например, О. М. Рой в учебном пособии «Теория управления» упоминает понятия «системный подход» и «система»: «значение лежащего в основе теории управления системного подхода заключается в том, что он позволяет рассматривать исполнительно-распорядительную деятельность в единстве поставленных задач и условий, сопутствующих из реализации». Однако определение системного подхода, предлагаемое О. М. Роем, не совсем верно отражает сущность этого явления. По этой причине понятия феноменов «социальная система» и «система управления» остались нераскрытыми [8, с. 94—95].

В научных работах по теории организации феномен «организация» как системное социальное явление, как правило, не рассматривается. Например, исследуя феномен «организация», Б. З. Мильнер обращается только к общему понятию системы и определениям открытых и закрытых систем [9, с. 99—101]. В некоторых работах по теории организации определение последней как системы присутствует, однако как вид социальной системы она не исследуется. Так, А. Н. Устинов и В. А. Селезнев, обращаясь к понятию систем применительно к понятийному аппарату теории организации, ведут речь даже об их классификации: «Классификация систем может быть проведена по различным признакам, однако основной является группировка их в трех подсистемах: технической (станки, оборудование, компьютеры), биологической (флора, фауна планеты, замкнутые биологические подсистемы), социальной (характеризуется наличием человека в совокупности взаимосвязанных элементов)». При этом авторы упоминают и другие виды систем: «искусственные (создаются человеком для реализации заданных программ или целей) и естественные (создаются природой, человеком для целей мирового существования), открытые и закрытые, детерминированные и стохастические, мягкие и жесткие. К социальным системам относятся: образовательные, политические, экономические, медицинские, правовые» [10, с. 23—24]. Однако упоминание классификации систем не привело к исследованию организации как системы, определению ее места в классификации и раскрытию взаимосвязей

и взаимозависимостей систем организации и управления.

Аналогичная ситуация имеет место и в науке «Социология управления». Так, О. В. Васильченко, М. А. Васьков, А. В. Верещагина, К. С. Епифанцева, А. М. Кумыков и С. И. Самыгин рассматривают управление с позиций многочисленных научных работ по социологии. Однако они не раскрывают взаимосвязи и взаимозависимости социальной системы и системы социального управления, элементов этих систем, роль и место феномена «управление» в социальных системах как системного явления, а понятие «классификация систем» даже не упоминают [11, с. 40—50, 151—155]. Такой подход к рассмотрению интересующих нас феноменов противоречит методологии применения системного и диалектического подходов при исследовании этих систем.

Приведенные примеры не единичны, что подтверждено проведенной нами работой, результаты которой опубликованы в 2015—2019 гг. Это позволило определить основные причины нарушения методологии исследований в научных сферах. В их числе:

- исключение наук социального и государственного управления из перечня научных специальностей ВАКа (подробно рассмотрено в статье «Проблемы государственного управления, связанные с отсутствием в Российской Федерации специальности „Наука управления“» [12]);

- отсутствие диалектического, системного, конкретно-исторического, функционального и структурного подходов при исследовании этих явлений как системных [1—3];

- исключение из процессов исследования положений теории систем как необходимой, основополагающей составляющей теории управления;

- отсутствие системы классификации социальных систем и их подсистем управления.

С учетом сказанного становится очевидным, что для полноценного и всестороннего исследования феноменов социального и государственного управления и существующих проблем теории и практики управления необходимо решить целый комплекс задач. В числе первоочередных можно назвать стратегические — восстановление самостоятельного статуса науки управления и оптимизации методологии исследований в этой сфере научной деятельности, а также тактические — формирование классификации социальных систем и систем социального управления, необходимости создания которых посвящена настоящая статья.

Как известно, в природе и обществе существует множество систем, объективных по своей природе. При этом их существование может быть осознано или не осознано нами. В процессе познания тех или иных систем человек сталкивается с проблемой их классификации, поскольку классификация любых явлений, в том числе социальных систем и систем социального управления, является «инструментом» познания того или иного системного социального явления.

К сожалению, *полной классификации систем в настоящее время нет*, более того, не выработаны окончательно ее принципы (принципы создания. — Н. К.) [13].

С учетом всего сказанного, можно утверждать, что проблема создания классификации социальных систем является актуальной. Для ее решения прежде всего обратимся к энциклопедическим источникам.

В Большой советской энциклопедии это понятие определяется следующим образом: «Классификация (от лат. *classis* — разряд, класс и *facio* — делаю, раскладываю) — система соподчиненных понятий (классов объектов) какой-либо области знания или деятельности человека, часто представляемая в виде различных по форме схем (таблиц) и используемая как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов, а также для точной ориентировки в многообразии понятий или соответствующих объектов» (курсив наш. — Н. К.). Классификация должна фиксировать закономерные связи между классами объектов с целью определения их места в системе, которое указывает на его свойства [14].

В Философской энциклопедии это понятие определяется более детально: «Классификация в диалектике — раскрытие внутренней, необходимой связи между группами (классами, родами и т. д.), по которым распределены классифицируемые предметы. Существуют два вида классификаций — формальные и содержательные. Содержательная классификация учитывает не только сходство между предметами, составляющими каждую отдельную группу, но любые отношения между всеми предметами, подвергаемыми данной классификации и входящими в разные группы, — следовательно, и теми, которые несходны между собой и даже обладают взаимоисключающими признаками. В силу того, что содержательные классификации являются логическим выражением объективных связей и отношений между классифицируемыми предметами, они обладают

максимальной объективной гибкостью и исключают искусственность, произвольность, субъективизм. Основная задача классификации — систематизировать данную область знания или деятельности для облегчения ориентировки в ней» (курсив наш. — Н. К.). Классификация непосредственно связана с двумя логическими операциями: делением объема понятия и классифицированием. В случае если классификационная схема является сложным комплексом соподчиненных понятий, образованным, например, последовательным делением, ее можно представить в виде иерархического дерева, корнем которого является самое общее понятие, вершиной — самые частные, а в узлах размещаются остальные имена классов [15].

Приведенные определения имеют существенное значение для полного и всестороннего исследования феномена «социальная система», элементов, ее образующих, их взаимосвязей и взаимозависимостей. Это предполагает необходимость создания содержательной классификации социальных систем. При ее создании воспользуемся отдельными элементами классификаций, которые уже упоминались в энциклопедических изданиях и научных исследованиях, а также отдельными элементами классификации систем, приведенными нами в монографиях [2, 3]. В силу свойства иерархичности социальных систем графическое изображение «дерева классификации» будем представлять в «перевернутом виде», располагая корневое понятие в вершине схемы, и следовать от наиболее общих понятий к производным и частным.

В Советском энциклопедическом словаре понятие «система» представлено двумя видами систем — материальной и абстрактной. К материальным системам ученые относят: системы неорганической природы (физические, геологические, химические и т. д.); живые системы (простейшие биологические системы, организмы, популяции, виды, экосистемы); социальные системы (от простейших социальных объединений до социально-экономической структуры общества). К абстрактным — понятия, гипотезы, теории, научные знания о системах, лингвистические (языковые), формализованные, логические системы и т. д. [16, с. 1226]. Нами была предложена графическая интерпретация этой классификации (рис. 1 [2, с. 341; 3, с. 259]).

В первом случае мы будем иметь дело с материальными системными объектами — государствами, министерствами, ведомствами и т. д. Во втором — с теоретическими, научными представлениями о видах

социальных систем, в том числе и классификациями, в рамках которых обосновываются теоретические положения относительно конкретных видов социальных систем. При этом необходимо учитывать

взаимосвязи и взаимозависимости (внутрисистемные и межсистемные) между материальными социальными и абстрактными социальными системами одного вида.

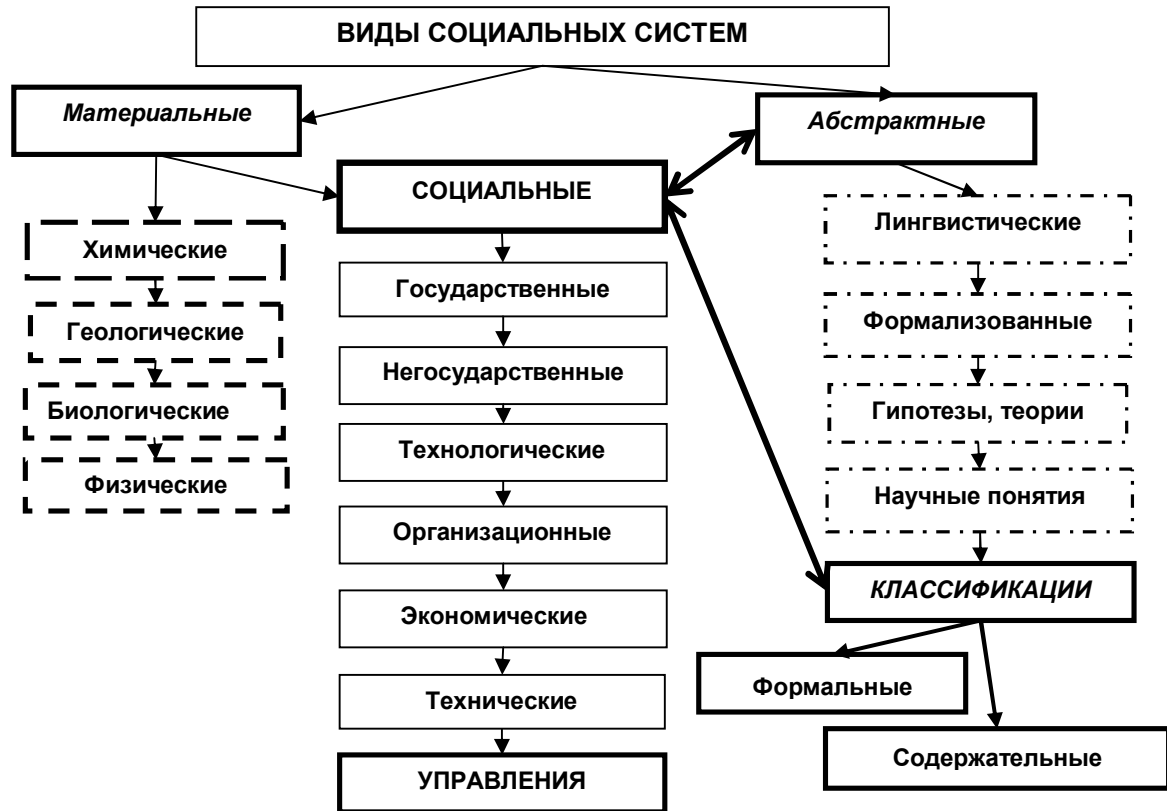

Рис. 1. Виды социальных систем

Например, абстрактные системы (в том числе теории и классификации) являются продуктом человеческой деятельности в сфере материальных систем. Другими словами, они производны от социальных материальных систем, поскольку создаются людьми, членами социальных систем, и по этой причине непосредственно связаны с материальными системами. В то же время при создании абстрактных систем мы должны учитывать необходимость наличия «обратной связи» — внедрение (материализацию) теоретических положений в процессы функционирования материальных систем. Эти связи отражены на рис. 1 «двусторонними стрелками» [3, с. 259].

Рассматривая взаимосвязи и взаимозависимости этих систем, мы должны учитывать, что материальные социальные системы объективны по своей природе, т. е. существуют независимо от осознания их существования человеком. По мере такого осознания они научно обосновываются, но уже в виде абстрактных социальных систем, которые

дают возможность социуму оптимизировать материальные системы на научной основе применительно к процессам функционирования материальных систем.

Сказанное о взаимосвязях и взаимозависимостях материальных и абстрактных систем можно подтвердить конкретным примером. Так, появление и становление государственных систем происходило на эмпирической основе. При этом его теоретическое обоснование — создание абстрактной системы государства и нормативно-правовое закрепление ее государственного статуса — произошло гораздо позже, причем внедрение в материальные системы и практику государственного управления результатов научных исследований было и остается недостаточно эффективным. Основная причина этого — отсутствие системного подхода и исследования объективно существующих связей материальных и абстрактных систем.

Таким образом, на основании сказанного и с учетом исторических аспектов эволюции мирового сообщества при классификации материальных социальных систем можно выделить три вида подсистем: государственные, негосударственные и межгосударственные. На первом этапе появления и формирования системы государства возникли два вида социальных подсистем, которые отличались особенностями их функционирования и управления. Первые, государственные, являлись элементами государственной системы, поскольку управлялись субъектами государственного управления. Вторые, негосударственные, хотя и функционировали в системе государства, ограниченного его территорией, как подсистемные образования не входили в систему государственного управления. Их управление осуществлялось собственными субъектами управления в соответствии с государственным законодательством. При этом деятельность негосударственных систем могла только регулироваться отдельными нормативными актами государства. Третьи, межгосударственные, появились в процессе эволюции мирового сообщества, когда возникла потребность в создании межгосударственных социальных систем (ООН,

Юнеско, ВОЗ и т. д.). Это предопределило необходимость введения в классификацию социальных систем еще одного вида — «межгосударственные системы».

По мере формирования межгосударственных подсистемных образований социальных систем начали возникать социальные образования, которые не относились к системе межгосударственных, а объединяли некую совокупность негосударственных органов, функционирующих на межгосударственной основе. В связи с этим целесообразно негосударственные организации рассматривать не только с позиций государственных систем, но и с позиций межгосударственных систем.

Негосударственные системы следует рассматривать как подсистему «одного видового уровня» с государственными и межгосударственными социальными системами, имеющую соответствующие межсистемные взаимосвязи (рис. 2). Говоря о классификации социальных систем, мы должны учитывать, что место, которое отводится негосударственным системам в классификации, обусловлено взаимосвязями с государственными и межгосударственными системами.

Рис. 2. Виды социальных систем, их взаимосвязи и взаимозависимости

Как видно, основой этой классификации социальных систем (этого уровня) является объект системы. В системе государства объект — государство, одним из основополагающих признаков которого являются обособленность территории и суверенитет. В негосударственной системе объект — социальная организация, которая непосредственно не является элементом государственной или межгосударственной системы, но функционирует в рамках обеих систем. В межгосударственной системе объект — совокупность межгосударственных образований (институт, организация, комитет и т. д.), членами которой являются государственные системы.

Более низкие уровни классификации этих основополагающих социальных систем имеют множественный характер, поэтому в графической интерпретации видов подсистем приведены только отдельные виды, наиболее характерные для функционирования социальных систем, однако набор этих видов не может быть ограничен.

Вместе с тем следует отметить, что содержательная классификация этих подсистем не может создаваться только на основе одного основополагающего признака — объекта системы.

Обращаясь к эмпирически выделенным в процессе эволюции видам подсистемных образований системы государства (министерств, комитетов, институтов, организаций и т. д.), можно видеть, что некоторые материальные образования, выделяемые как виды социальных систем, должны классифицироваться и по функциональному или территориальному признакам предназначения систем. В этих случаях на первом этапе их формирования мы должны иметь дело с абстрактными системами, которые будут образованы на совокупности однофункциональных структурных элементов, находящихся в разных подсистемах государства, или на совокупности территориальных образований — региональных, районных, муниципальных. Например, такие функциональные виды государственных систем, как системы экономики, управления, финансовая и т. д.

В этом случае подразумевается, что «система экономики» будет создана как абстрактная госу-

дарственная подсистема по функциональному признаку. Ее элементами будут разные структурные подразделения (департаменты, управления, отделы) разных уровней системы и разных структурных образований, которые в процессе функционирования должны реализовывать экономическую функцию системы государства.

Другой пример связан с образованием видов государственных систем по территориальному признаку. Эти виды подсистем системы государства создавались на эмпирической основе как абстрактные системы. Их основополагающим классификационным признаком являлась территория, «занимаемая» данным образованием (регион, город, район). Как системное образование, такие подсистемы должны реализовывать весь комплекс функций государства в объеме, необходимом для функционирования конкретной подсистемы.

Третий пример связан с образованием в государстве системы управления. Как известно, управление, с точки зрения диалектики, — это элемент, функция любой организованной и социальной системы.

Согласно общепринятой детерминации элементов социальных систем любая функция в социальной системе должна реализовываться структурным элементом. В нашем случае функция управления должна реализовываться структурным элементом «управления» (департаментом, отделом, должностью), который по законам теории управления должен обеспечить реализацию этой функции. Это предполагает, что функция управления и орган управления должны быть в каждом подсистемном образовании государства (рис. 3 [2, с. 342]).

В итоге можно утверждать, что система управления государством — это совокупность всех структурных элементов (органов) системы государства, которые призваны реализовывать функцию управления. Как видим, система управления также образуется как абстрактная система, а ее материализация представляет собой упомянутую совокупность структурных элементов и не может быть представлена как материальное целое.

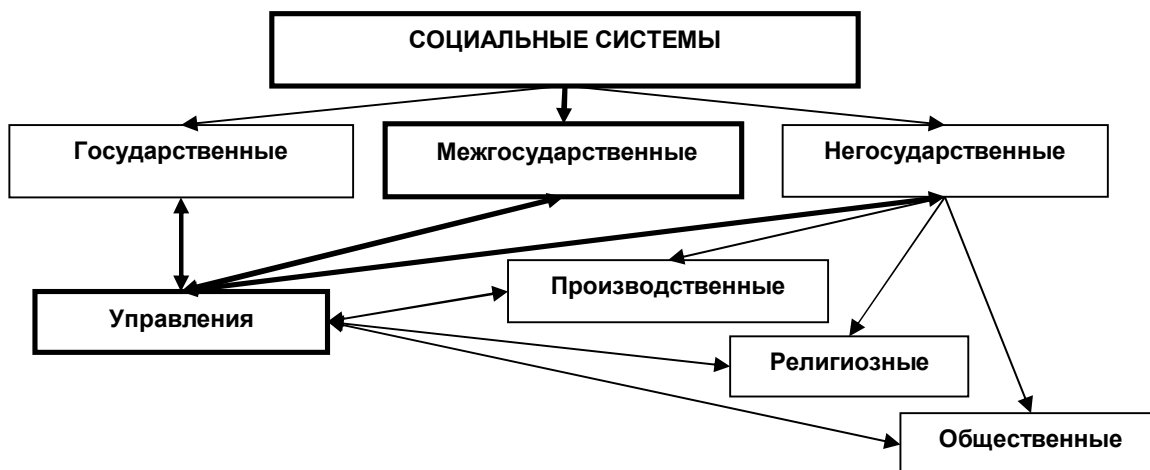

Рис. 3. Управление как неотъемлемый элемент социальных систем

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время в теории и практике управления социальными системами существуют серьезные проблемы, во многом связанные с отсутствием классификации социальных систем и их подсистем управления, которые должны служить основой для исследования социальных систем.

Безусловно, исследовать проблемы формирования содержательной классификации социаль-

ных систем и их подсистем управления, а также создать такую классификацию в законченном виде в рамках одной статьи не представляется возможным. Поэтому проведенный экскурс в методологию исследования этих феноменов подтвердил необходимость исследования обозначенных проблем в рамках монографии «Классификация социальных систем и их подсистем управления», работа над которой нами уже ведется.

1. Костюченко Н. И. Проблемы теории и практики управления социальными системами. Краснодар: КрУ МВД России, 2018. 158 с.

2. Костюченко Н. И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы: моногр. Краснодар: КрУ МВД России, 2016. 352 с.

3. Костюченко Н. И. Система функций социальных систем (на примере ОВД): моногр. Симферополь: Крымский филиал КрУ МВД России, 2018. 284 с.

4. Костюченко Н. И. Неопределенность соотношения понятий «организация» и «управление» как причина проблем теории и практики управления // Общество и право. 2017. № 2 (60). С. 260—264.

5. Костюченко Н. И. Многозначность определения понятия «управление» в теории управления и административного права и проблемы управления социальными системами (на примере ОВД) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33). С. 214—218.

6. Костюченко Н. И. Свойство латентности функций как причина возникновения полифонии научных мнений относительно понятия «функций» социальных систем // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4 (43). С. 170—174.

1. Kostyuchenko N. I. Problems of theory and practice of social systems management. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russian Federation; 2018: 158.

2. Kostyuchenko N. I. Classification of the functions of social systems: theoretical and legal foundations. Monograph. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russian Federation; 2016: 352.

3. Kostyuchenko N. I. The system of functions of social systems (for example the law-enforcement bodies). Monograph. Simferopol: Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russian Federation; 2018: 284.

4. Kostyuchenko N. I. Uncertainty of the relationship between the concepts of "organization" and "management" as the cause of problems in the theory and practice of management. Society and Law. 2017; 60 (2): 260—264.

6. Kostyuchenko N. I. The property of the latency of functions as the cause of the emergence of polyphony of scientific opinions on the concept of "functions" of social systems. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2017; 43 (4): 170—174.

7. Костюченко Н. И. Проблемы теории и практики управления социальными системами (исторический аспект формирования науки управления и научно-практическое наследие А. Файоля) (к столетию выхода в свет работы А. Файоля «Общее и промышленное управление» посвящается) // Философия права. 2017. № 3 (82). С. 144—149.

8. Рой О. М. Теория управления: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2008. 256 с.

9. Мильнер Б. З. Теория организации: учебник. М.: ИНФРА-М, 2008. 864 с.

10. Устинов А. Н., Селезнев В. А. Теория организации: учеб. пособие. М., 2004. 125 с.

11. Социология управления: учеб. пособие / отв. ред. С. И. Самыгин. Ростов н/Д: Феникс, 2014. 318 с.

12. Костюченко Н. И. Проблемы государственного управления, связанные с отсутствием в Российской Федерации специальности «наука управления» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1 (48). С. 182—187.

13. URL: <https://e-educ.ru/tsisa15.html> (дата обращения: 17.10.2019).

14. Большая советская энциклопедия. 1969—1978. М., 2008. 672 с.

15. Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. М.: Сов. энцикл., 1962. Т. 2. С. 523—524.

16. Советский энциклопедический словарь / глав. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энцикл., 1989. С. 1226.

© Костюченко Н. И., 2019

Костюченко Николай Иванович,

профессор кафедры
административного права
и административной деятельности
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: nikiv1948@gmail.com

7. Kostyuchenko N. I. Problems of the theory and practice of social systems management (the historical aspect of the formation of management science and the scientific and practical heritage of A. Fayol) (dedicated to the centenary of A. Fayol's work "General and Industrial Management"). Philosophy of Law. 2017; 82 (3): 144—149.

8. Roy O. M. Management theory. Tutorial. Saint Petersburg: Peter; 2008: 256.

9. Milner B. Z. Organization theory. Textbook. Moscow: INFRA-M; 2008: 864.

10. Ustinov A. N., Seleznev V. A. Organization theory. Tutorial. Moscow; 2004: 125.

11. Sociology of management. Tutorial. Ed. by S. I. Samygin. Rostov on Don: Fenix; 2014: 318.

12. Kostyuchenko N. I. Problems of public administration related to the absence in the Russian Federation of the specialty "management science". Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2019; 48 (1): 182—187.

13. Available from: <https://e-educ.ru/tsisa15.html>. Accessed: 17 October 2019.

14. Great Soviet Encyclopedia. 1969—1978. Moscow; 2008: 672.

15. Philosophical Encyclopedia in 5 volumes. Ed. by F. V. Konstantinov. Moscow: Sovetskaya encyclopedia; 1962; 2: 523—524.

16. Soviet encyclopedic dictionary. Ed. by A. M. Prokhorov. Moscow: Sovetskaya encyclopedia; 1989: 1226.

© Kostyuchenko N. I., 2019

Kostyuchenko Nikolay Ivanovich,

professor at the department of administrative law and administrative activity
of the Crimean branch of the Krasnodar university
of the of the Ministry of the Interior
of Russian Federation,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: nikiv1948@gmail.com

* * *

*Н. В. Шувалов, М. Г. Горелов***БОРЬБА С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ, ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье рассматривается современное состояние борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также причины и условия, которые способствуют совершению таких преступлений. Приведены статистические данные и другие показатели, характеризующие результаты работы следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел в данном направлении деятельности; алгоритмы необходимых организационных, тактических и стратегических мероприятий, направленных на эффективную работу органов внутренних дел в названной сфере, а также отмечено взаимодействие подразделений МВД России с другими правоохранительными органами. Проанализированы и определены проблемы, которые мешают в борьбе с деяниями указанного вида. Предложены конкретные меры по внесению изменений и дополнений в нормы Уголовно-процессуального, Уголовного кодекса и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также дополнения в отдельные нормы ряда федеральных законов, направленные на совершенствование борьбы с преступностью в рассматриваемой области. Кроме того, обоснована необходимость ужесточения наказания за преступления в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Ключевые слова: оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, ужесточение наказания, проблемы, причины и условия.

*N. V. Shuvalov, M. G. Gorelov***COMBATING ILLEGAL TRAFFICKING OF WEAPONS, AMMUNITION, EXPLOSIVES AND EXPLOSIVE DEVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION: STATE AND PROSPECTS**

The article discusses the current state of the fight against crimes in the field of illicit trafficking in weapons, ammunition, explosives and explosive devices, as well as the causes and conditions that contribute to their commission. Statistical data and other indicators characterizing the results of the investigative and operational units of the internal affairs bodies in this area of activity are provided. Algorithms of the necessary organizational, tactical and strategic measures aimed at the effective work of the internal affairs bodies in this area are presented, and the interaction of the Russian Ministry of Internal Affairs units with other law enforcement agencies is noted. The problems that interfere in the fight against acts of this kind are analyzed and identified. Concrete measures are proposed for introducing amendments and addenda to the norms of the Criminal Procedure Code, the Criminal Code and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, as well as additions to certain norms of a number of Federal Laws aimed at improving the fight against crimes in this area. In addition, it substantiates the need to toughen the punishment for crimes in the field of illicit trafficking in weapons, ammunition, explosives and explosive devices.

Key words: weapons, ammunition, explosives, explosive devices, penalties, problems, causes and conditions.

Деятельность органов внутренних дел (далее — ОВД) по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (далее — ВВ и ВУ) на протяжении последних лет остается одной из приоритетных задач ввиду большой распространенности этих преступлений, опасности их последствий для обще-

ственной и личной безопасности граждан, национальной безопасности государства. Это подтверждают статистические показатели. В I полугодии 2019 г. в Российской Федерации зарегистрировано 16 479 преступлений в сфере незаконного оборота оружия, ВВ и ВУ и 2 966 преступлений, совершенных с применением оружия; также возросло количество преступлений, предусмотренных ст. 223 Уголовного

кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) (+5,6 %), ст. 222 УК РФ (+2,6 %).

Наблюдается прирост приостановленных производством на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 223, 226 и 226.1 УК РФ (+3,3; 12,7 и 1,6 % соответственно) [1].

Негативные тенденции отмечаются в динамике раскрытия наиболее распространенных видов преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, ВВ и ВУ.

Проведенный анализ деятельности органов следствия в системе МВД России по рассматриваемому направлению деятельности показал, что в ходе расследования уголовных дел данной категории с целью установления каналов поступления огнестрельного (газового) оружия, боеприпасов, ВВ и ВУ в незаконный оборот по номерам и маркировке изъятого вооружения во всех случаях следователи направляют запросы на заводы-изготовители оружия, в воинские части и отделения лицензионно-разрешительной работы. Изъятые оружие при наличии номеров и маркировки проверяется по учетам региональных ИЦ и ГИАЦ МВД России (АИПС «Оружие»). С целью установления лиц, совершивших преступления, следователи территориальных органов направляют поручения в органы дознания, в которых указываются мероприятия, подлежащие выполнению. Ответы на поручения поступают в следственные подразделения в установленный законом срок.

Проблем с назначением и проведением судебных криминалистических экспертиз, определением экспертного учреждения, в том числе не входящего в структуру МВД России, в ходе мониторинга не выявлено.

Вместе с тем в работе территориальных органов по расследованию преступлений данной категории имеются определенные недостатки, связанные прежде всего с непринятием мер по установлению источников поступления в незаконный оборот оружия, боеприпасов, ВВ и ВУ промышленного производства (предприятия оборонного комплекса, воинские части, контрабанда и т. д.). Как правило, следователи и оперативные сотрудники, сопровождающие уголовное дело, фокусируют свое внимание непосредственно на конечном потребителе, у которого изъят запрещенный к обороту предмет, не проводя мероприятий по установлению всей криминальной цепочки. Таким образом, канал поступления оружия фактически не пресекается.

Факторами, способствующими незаконному обороту оружия, ВВ и ВУ, помимо социально-экономических причин и условий, прежде всего

являются ведомственная разобщенность правоохранительных и контролирующих органов, неэффективная государственная система учета и контроля за оборотом оружия в стране.

В условиях постоянно развивающегося рынка компьютерной продукции и совершенствования сети Интернет значительно облегчается получение информации, связанной с технологией самостоятельного изготовления оружия, боеприпасов, ВУ, ВВ. В настоящее время практически для любого пользователя доступны поисковые системы Yandex, Rambler, Google и т. д., на которых свободно размещаются сведения подобного рода, где подробно описываются технологии изготовления устройств, используя которые, по нашему мнению, можно изготовить ВВ. Однако уголовная ответственность за распространение в сети Интернет подобной информации в настоящее время законодательством Российской Федерации не предусмотрена.

Кроме того, недостатки законодательного плана, организации и учета легального оборота оружия, лицензионно-разрешительной системы по-прежнему позволяют лицам, имеющим специальные познания в области изготовления, переделки и ремонта огнестрельного оружия и боеприпасов и необходимые для этого инструменты, восстанавливать боевые свойства деактивированного, т. е. находящегося в легальном обороте, оружия; или же за счет внесения незначительных изменений в конструкцию переделывать газовое, пневматическое, сигнальное и другое оружие и боеприпасы к нему в боевое. Недостающие запасные части к боевому стрелковому оружию также легально приобретаются через сеть Интернет.

Несмотря на сформировавшуюся в ОВД практику расследования уголовных дел по фактам незаконного оборота оружия, с учетом разъяснений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [2], сохраняется неоднозначный подход к квалификации и оценке общественной опасности деяний, связанных с незаконным оборотом боеприпасов к огнестрельному оружию и взрывчатых ВВ, содержащих очевидные признаки преступления. В частности, законодательно не определены конкретные количественные и весовые критерии, определяющие малозначительность противоправного деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Так, дознанием одного из ОВД возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ в отношении гр. С.,

который в течение полугода до момента изъятия в ходе обыска по месту его жительства хранил один патрон, являющийся боеприпасом для охотничьего нарезного огнестрельного оружия. В ходе предварительного расследования установлено, что в его действиях отсутствуют признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, так как в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, так как данное деяние с учетом его объективной стороны, мотивов и цели не только не причинило, но в силу своего содержания и направленности не могло причинить вреда охраняемым уголовным законом интересам. Уголовное дело прекращено по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Данное решение проверено надзирающим прокурором и признано законным.

В другом регионе прокурором в связи с малозначительностью деяния отменено постановление дознавателя о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 222 УК РФ в отношении лица, у которого изъято 14 патронов. По данному факту, после отмены, дознавателем принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с малозначительностью деяния.

В то же время уголовные дела, возбужденные подразделениями дознания в ряде других регионов по фактам приобретения и хранения боевых патронов, в связи с малозначительностью деяния прекращаются судами [3].

Таким образом, складывающаяся правоприменительная практика свидетельствует об отсутствии единого подхода к применению положений ч. 2 ст. 14 УК РФ к преступлениям данной категории.

В целях предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота оружия проводится мониторинг сети Интернет для выявления сайтов и лиц, размещающих информацию о технологии изготовления самодельных ВУ из доступных компонентов, а также о способах переделки газового, травматического, спортивно-охотничьего оружия для стрельбы боевыми патронами и занимающихся незаконным сбытом огнестрельного оружия, боеприпасов, ВВ и ВУ.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что коммерческими организациями, в том числе с формой государственного контроля, на фоне возрастающего спроса увеличивается производство списанного оружия, которое впоследствии приобретает криминальный характер путем его модернизации в боевые аналоги.

Такая востребованность списанного оружия в криминальной среде обусловлена облегченной методикой восстановления боевых свойств оружия, при этом цена его на 50 % ниже стоимости аналогичного штатного образца.

Проведенными правоохранительными органами в период 2013—2018 гг. профилактическими мероприятиями из незаконного оборота изъято свыше 11 тыс. единиц огнестрельного оружия, из них порядка 80 % относится к категории списанного оружия, переоборудованного в боевые аналоги. Ликвидировано более 440 подпольных мастерских по восстановлению боевых свойств списанного оружия.

Наглядная демонстрация негативной динамики увеличения модернизированного оружия связана с экономической привлекательностью нелегального рынка в рассматриваемой сфере и преследует основную цель извлечения максимальной прибыли от реализации указанной продукции.

В связи с этим предлагалось и предлагается внести в Федеральный закон «Об оружии» изменения, в соответствии с которыми будет запрещено:

1. Изменение в нарушение законодательства Российской Федерации тактико-технических характеристик и свойств оружия и патронов к нему, в результате которых оно становится запрещенным к обороту на территории Российской Федерации. Указанный запрет не будет распространяться на случаи совершения с оружием разрешенных действий, например, по самостоятельному снаряжению патронов, ремонту и замене комплектующих деталей огнестрельного оружия, за исключением его основных частей, производимых владельцами этого оружия самостоятельно в соответствии с ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оружии».

2. Хранение принадлежащего юридическим лицам (за исключением государственных военизированных организаций) оружия в помещениях, не оборудованных охранной сигнализацией с выводом на пульт охраны организаций, занимающихся на законных основаниях охранной деятельностью; принадлежащего гражданам огнестрельного оружия в количестве более пяти единиц. Указанный запрет на практике реализуется в соответствии с обязательными требованиями, установленными подзаконным нормативным правовым актом.

И наоборот, юридическим лицам с особыми задачами предоставляется право использовать боевое ручное стрелковое оружие при выполнении возложенных на них федеральным законом обязанностей по охране наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Имеется необходимость законодательно закрепить право приобретения оружия в безлицензион-

ном порядке организациями, подведомственными федеральному органу исполнительной власти, уполномоченному в сфере оборота оружия, но при этом не имеющими статуса государственной воензированной организации.

Сведения об оружии и патронах, контроль за оборотом которых осуществляется органами Росгвардии, будут учитываться в государственной информационной системе, оператором которой будет названная федеральная служба.

В целях противодействия незаконному обороту огнестрельного оружия предполагается установить обязанность граждан и организаций уведомлять Росгвардию о приобретении и наличии у них на праве собственности списанного оружия для его регистрации.

Кроме того, в федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» включено мероприятие, предусматривающее создание в 2019—2021 гг. системы контроля оборота огнестрельного оружия и управления охранными услугами на базе отечественных технологий для обработки больших массивов данных.

Реализация мероприятия направлена на создание единого информационного пространства всех участников сферы оборота оружия и обеспечит возможность единого электронного документооборота по учету оборота оружия и электронного взаимодействия граждан, организаций и органов государственной власти при осуществлении контроля производства, хранения, перемещения, купли-продажи и утилизации оружия.

В целях формирования механизма информирования должностных лиц Росгвардии о наличии у конкретного гражданина медицинских противопоказаний к владению оружием устанавливаются правовые основания для предоставления организациями здравоохранения Росгвардии и ее территориальным органам сведений о наличии у владельца оружия заболевания, при котором противопоказано владение оружием, в случае, когда такие данные влияют на принятие юридически значимых решений в рамках федерального государственного контроля за оборотом оружия.

Предлагаемое изменение обусловлено тем, что наличие у гражданина медицинских противопоказаний к владению оружием представляет собой юридический факт, свидетельствующий о нарушении законодательства Российской Федерации, влекущий угрозу общественной безопасности.

В настоящее время прорабатываются дополнительные основания для отказа в выдаче лицензий на приобретение оружия гражданам Российской Федерации.

О высокой степени общественной опасности противоправных деяний, совершенных в состоянии опьянения с применением оружия, свидетельствуют статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о количестве лиц, совершивших в 2016 г. с применением оружия одно из наиболее распространенных преступлений — хулиганство (ст. 213 УК РФ).

Так, в 2016 г. хулиганство с применением оружия всего совершило 694 лица, из которых 458 — в состоянии опьянения (66 % преступлений).

Учитывая, что всего в 2016 г. за хулиганство было осуждено 984 лица, можно сделать вывод о том, что практически половина названных преступлений была совершена лицами, находящимися в состоянии опьянения, с применением оружия.

Данная тенденция сохранилась и в последующие годы.

В связи с изложенным лицензию на приобретение оружия предлагается не выдавать гражданам Российской Федерации:

— два или более раза осужденным за совершение преступления; в отношении которых осуществляется уголовное преследование; не давшим своего письменного согласия на предоставление в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в сфере оборота оружия, или его территориальный орган сведений о наличии у него заболевания, при котором противопоказано владение оружием, в период действия выданных ему в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» лицензий и разрешений;

— подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения либо передачу управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, а также за невыполнение гражданами Российской Федерации, являющимися водителями транспортных средств, законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения — до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Вводимые ограничения направлены в том числе на предупреждение и предотвращение случаев совершения лицами, находящимися в состоянии опьянения, преступлений с применением оружия, являющегося источником повышенной опасности, которые могут повлечь причинение значительного вреда жизни и здоровью граждан.

Кроме того, нововведения позволят повысить профилактическую составляющую мер административной ответственности.

Устанавливается однозначный запрет на хранение, ношение и использование гражданами оружия, срок действия разрешения на хранение, или хранение и использование, или хранение и ношение которого истек, а также не зарегистрированного в федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном в сфере оборота оружия, или его территориальном органе оружия, если такая регистрация предусмотрена законодательством Российской Федерации.

Основания для аннулирования лицензий и разрешений в целях приведения их наименований в соответствие с видами выдаваемых Росгвардией разрешительных документов, введения дополнительного основания для их аннулирования в связи с отказом предоставления доступа должностным лицам органов, уполномоченных осуществлять контроль за оборотом гражданского и служебного оружия, к местам хранения оружия для проверки условий его хранения, а также отказа представления оружия для осмотра требуют своего уточнения.

Предполагается установить дополнительные основания для изъятия оружия и патронов, корреспондирующие основаниям для отказа и аннулирования разрешительных документов.

В целях реализации вышеуказанных норм в настоящее время потребуется внесение изменений в следующие законодательные акты Российской Федерации:

— в Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»;

— Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» в части исключения из сферы его действия, наряду с федеральным государственным контролем (надзором) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса и федеральным государственным контролем (надзором) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области частной охранной деятельности, других видов федерального государственного контроля, в связи с повышенной общественной опасностью объектов государственного контроля, принципиальным условием осуществления которого является внезапность и оперативность проведения проверочных мероприятий;

— в Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» в связи с необходимостью проведения непосредственно сотрудником Росгвардии или его территориального органа собеседования с соискателем лицензии

либо разрешения в целях установления достоверности сведений, содержащихся в документах, представленных для принятия решения о выдаче лицензий либо разрешений.

Принятие вышеуказанных мер будет способствовать снижению количества преступлений и правонарушений в сфере оборота оружия, преступлений и правонарушений, совершаемых с использованием оружия, в том числе влекущих за собой причинение смерти или тяжкого вреда здоровью потерпевших лиц, а также предупреждению поступления оружия в незаконный оборот.

В целом реализация предусмотренных законодательных мер позволит:

— снизить количество случаев утраты оружия;

— повысить законопослушность владельцев оружия;

— повысить уровень общественной безопасности и эффективность принимаемых к правонарушителям мер;

— обеспечить своевременное изъятие оружия у граждан, допускающих грубые нарушения порядка его оборота;

— устранить неопределенность правоприменения при выявлении фактов нарушения установленных законодательством Российской Федерации запретов в сфере оборота оружия.

Вместе с тем в настоящее время предполагается внесение изменений в УК РФ и ст. 150 и 151 УПК РФ, направленных на повышение уровня защиты охраняемых уголовным законом прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности, предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, его основных частей, боеприпасов, ВВ и ВУ.

Согласно статистическим данным МВД России и ФСБ России в 2015—2018 гг. правоохранительными органами и органами безопасности из незаконного оборота изъято свыше 500 тыс. единиц огнестрельного оружия, 2,5 млн боеприпасов, 25 тыс. ВУ, около 6,5 тонн ВВ, выявлено и ликвидировано более 500 подпольных мастерских по изготовлению, переделке оружия, изготовлению ВВ и ВУ, а также боеприпасов. Зарегистрировано свыше 100 тыс. преступлений, квалифицированных по ст. 222, 222.1, 223, 223.1 УК РФ.

Фиксируется рост нелегального распространения огнестрельного оружия, изготовленного путем переделки из гражданского оружия: сигнального, газового, ограниченного поражения, списанного (охлажденного или учебного). Более 60 % изъятого в результате проведенных оперативно-разыскных мероприятий оружия является гражданским, переоборудованным в боевые аналоги. За совершение таких деяний законопроектом предлагается установить уголовную ответственность.

Анализ поступающей информации свидетельствует об образовании новой устойчивой методики обезличенного, массового и неконтролируемого распространения предметов вооружения по всей территории Российской Федерации с использованием сети Интернет, что представляет потенциальную угрозу национальной безопасности. Практически 70 % зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, совершено с использованием интернет-ресурсов, что обусловлено возможностью дистанционно и анонимно координировать незаконные операции, в том числе из-за рубежа.

В связи с этим предлагается рассматривать использование сети Интернет при совершении указанных преступлений как квалифицирующий признак.

В условиях неснижающегося спроса на оружие и боеприпасы преступники зачастую готовы пренебречь наказанием в виде незначительного лишения свободы, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, за сбыт огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов. При этом сбыт огнестрельного оружия, в отличие от приобретения, передачи, хранения, перевозки и ношения, характеризуется повышенной степенью общественной опасности и способствует нелегальному распространению оружия.

Вследствие этого состав преступления в форме сбыта огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему предлагается квалифицировать как тяжкое преступление, выделив его в отдельную ч. 2 ст. 222 УК РФ.

МВД России в последние годы фиксирует значительный спрос на пневматическое оружие с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж (более 50 тыс. единиц в месяц). Для приобретения данного вида оружия не требуется получения соответствующей лицензии. Вместе с тем интерес отдельных граждан к нему в большей степени обусловлен возможностью внесения относительно несложных механических изменений, позволяющих в десятки раз повысить его поражающие свойства до значений, сравнимых с характеристиками огнестрельного

оружия. Только в 2018 г. зафиксировано более 350 случаев противоправного применения пневматического оружия в отношении граждан, их имущества, а также животных. Примерно в половине случаев фиксировалось применение пневматического оружия с дульной энергией свыше 25 Дж. Однако лишь в 42 случаях виновные лица были привлечены к уголовной ответственности по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ [4].

В настоящее время за незаконные изготовление и продажу пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж предусмотрена лишь административная ответственность в виде незначительного штрафа, не оказывающая должного воздействия на правонарушителей.

Необходимо ввести уголовную ответственность за незаконное изготовление или сбыт такого оружия, при этом одновременно внести изменения и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере оборота оружия, предусматривающие соответствующие корреспондирующие изменения.

Предлагаем также усилить меры наказания, предусмотренные ст. 222.1 и 223.1 УК РФ, переводя их в категорию особо тяжких. Ужесточение уголовной ответственности окажет существенное превентивное воздействие на потенциальных преступников, позволит сократить число подпольных мастерских по изготовлению ВВ и ВУ и, как следствие, минимизировать их поступление в незаконный оборот в интересах террористических, экстремистских и националистических организаций, а также преступных сообществ.

Принятие указанных мер законодательного характера предоставит правоохранительным органам дополнительные возможности для противодействия терроризму, экстремизму, а также организованной преступности, существенно сократит количество оружия, боеприпасов, ВВ и ВУ, находящихся в незаконном обороте, значительно повысит эффективность превентивной функции УК РФ и укрепит общественный порядок.

1. Официальный сайт МВД РФ. URL: www.mvd.ru (дата обращения: 15.10.2019).

2. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. The official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: www.mvd.ru. Accessed: 15 October 2019.

2. Judicial practice in cases of theft, extortion and illicit trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 12, 2002 No. 5. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 09.09.2019).

4. URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 19.09.2019).

© Шувалов Н. В., Горелов М. Г., 2019

Шувалов Николай Васильевич,

профессор кафедры
предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
8-919-549-13-50

Горелов Максим Григорьевич,

старший следователь
по особо важным делам 2 отдела КМУ
Следственного департамента МВД России;
8-916-004-46-24

3. URL: <http://genproc.gov.ru>. Accessed: 9 September 2019.

4. URL: <http://mvd.ru>. Accessed: 19 September 2019.

© Shuvalov N. V., Gorelov M. G., 2019

Shuvalov Nikolay Vasilievich,

professor at the department
of preliminary investigation
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
8-919-549-13-50

Gorelov Maxim Grigorievich,

senior investigator
for particularly important cases
of the II division of the control
and methodological directorate
of the Investigative department
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation;
8-916-004-46-24

* * *

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ»

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 22761

ISSN 2074-8183

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Роспечать».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

— представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;

— представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;

— информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

— обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;

— аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.

2. Уголовное право и криминология.

3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.

4. Страницы истории.

5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

— по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте sgoliatina@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: sgoliatina@mvd.ru

Тел. (8442) 24-83-50, 24-83-55.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА³
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения, размещение в сети «Интернет», включение в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)) аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения⁴:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы⁵*

³ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

⁴ Таблица заполняется на каждого автора.

⁵ Заявка подписывается каждым автором.